

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

М О В А

**НАУКОВО-ТЕОРЕТИЧНИЙ ЧАСОПИС
З МОВОЗНАВСТВА**

Часопис засновано в 1993 році

№ 27

2017

Одеса
«АСТРОПРИНТ»
2017

У часописі представлено дослідження актуальних теоретичних і прикладних проблем лінгвістики на матеріалі різних мов: української, російської, болгарської, чеської, словацької, польської, англійської, німецької, кримськотатарської, турецької, давньотюркської та ін. Адресовано широкому колу філологів: науковцям, методистам, викладачам, студентам.

В журнале представлены исследования актуальных теоретических и прикладных проблем лингвистики на материале разных языков: украинского, русского, болгарского, чешского, словацкого, польского, английского, немецкого, крымскотатарского, турецкого, древнетюркского и др. Адресовано широкому кругу филологов: учёным, методистам, учителям, студентам.

The journal presents the researches of actual problems of theoretical and applied linguistics at the material of different languages: Ukrainian, Russian, Bulgarian, Czech, Slovak, Polish, English, German, Crimean Tatar, Turkish, Old Turkic and others. It addressed to a wide circle of scholars, teachers, trainers and students.

Головний редактор
Главный редактор
Editor-in-chief

Євгеній Миколайович СТЕПАНОВ
Евгений Николаевич Степанов
Ievgenii N. Stepanov

Заступники головного редактора
Заместители главного редактора
Vice-editors

Тетяна Юрїївна КОВАЛЕВСЬКА
Татьяна Юрьевна Ковалевская
Tetiana Yu. Kovalevska

Ірина Михайлівна КОЛЕГАЄВА
Ирина Михайловна Колегаева
Iryna M. Kolehajeva

Відповідальний секретар
Ответственный секретарь
Secretary

Ольга Вадимівна МАЛЬЦЕВА
Ольга Вадимовна Мальцева
Olga V. Maltseva

Редакційна колегія:

д-р філол. наук В. І. Аннушкін (Росія), д-р філол. наук А. Валипур (Іран), д-р філол. наук М. Георгієва (Болгарія), д-р філол. наук М. Д. Голєв (Росія), канд. філол. наук Л. М. Голубенко (Україна), д-р філол. наук Г. Н. Гочєв (Болгарія), д-р філол. наук Д. Дзєвановська (Польща), д-р філол. наук А. К. Каїржанов (Казахстан), д-р філол. наук В. О. Колєсник (Україна), д-р філол. наук Н. В. Кондратенко (Україна), д-р філол. наук І. П. Лисакова (Росія), канд. філол. наук Мен Ся (Китай), д-р філол. наук Н. Б. Мєчковська (Білорусь), д-р філол. наук І. Б. Морозова (Україна), канд. філол. наук І. В. Мурадян (Україна), канд. філол. наук О. О. Пожарицька (Україна), д-р філол. наук С. О. Севіль (Франція), д-р філол. наук Г. Хєнчєль (Німєччина), канд. філол. наук Т. Ф. Шумаріна (Україна), д-р філол. наук О. В. Яковлєва (Україна), д-р філол. наук Г. С. Яроцька (Україна)

Редакционная коллегия:

В. И. Аннушкин (Россия), А. Валипур (Иран), М. Георгиева (Болгария), Н. Д. Голєв (Россия), Л. Н. Голубенко (Украина), Г. Н. Гочєв (Болгария), Д. Дзєвановская (Польша), А. К. Каиржанов (Казахстан), В. А. Колєсник (Украина), Н. В. Кондратенко (Украина), И. П. Лысакова (Россия), Мєн Ся (Китай), Н. Б. Мєчковская (Беларусь), И. Б. Морозова (Украина), И. В. Мурадян (Украина), Е. А. Пожарицкая (Украина), С. О. Севиль (Франция), Г. Хєнчєль (Германия), Т. Ф. Шумарина (Украина), О. В. Яковлєва (Украина), Г. С. Яроцкая (Украина)

The editorial board:

Vladimir Annushkin (Russia), Alireza Valipour (Iran), Margarita Georgieva (Bulgaria), Nikolai Golev (Russia), Lidiya Golubenko (Ukraine), Gocho Gochev (Bulgaria), Dorota Dziewanowska (Poland), Abai Kairzhanov (Kazakhstan), Valentyna Kolesnyk (Ukraine), Natalya Kondratenko (Ukraine), Irina Lysakova (Russia), Meng Xia (China), Nina Mechkovskaya (Belorussia), Iryna Morozova (Ukraine), Iryna Muradian (Ukraine), Olena Pozharytska (Ukraine), Svetlana Seville (France), Gerd Hentschel (Germany), Tetiana Shumarina (Ukraine), Olga Yakovleva (Ukraine), Halina Yarotskaya (Ukraine)

Рецензенти:

Н. І. Андрейчук, д-р філол. наук, проф. Львівського національного ун-ту ім. І. Франка; **Бей Венлі**, д-р філології, проф. Східнокитайського педагог. ун-ту (КНР); **М. Врачу**, доц. Ясського ун-ту «А. І. Куза» (Румунія); **Є. П. Голобородько**, д-р пед. н., проф. Херсонської академії неперервної освіти, чл.-кор. НАПН України; **В. Г. Долгов**, д-р філології, конференцар Бєльцького держ. ун-ту ім. А. Руссо (Молдова); **Л. П. Іванова**, д-р філол. н., проф. Національного педагог. ун-ту ім. М. П. Драгоманова; **Джеваль Кайя**, д-р філології, проф. Ардаганського ун-ту (Туреччина); **О. В. Нарушевич-Васильєва**, канд. філол. н., доц. Одеської національної академії харчових технологій; **А. М. Поповський**, д-р філол. н., проф. Дніпропетровського держ. ун-ту внутрішніх справ; **І. В. Ступак**, д-р філол. н., проф. Одеського міжнародного гуманітарного ун-ту (Україна)

З М І С Т**ПИТАННЯ ЗАГАЛЬНОЇ ТА КОМУНІКАТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ**

<i>Стойкова Г. Г.</i> Мова як засіб духовної зумовленості та окремішності нації	5
<i>Бигунова Н. А.</i> Паравербальные средства выражения положительной оценки в англоязычном кинодискурсе	9
<i>Желязкова В. В.</i> Лингвосемиотические маркеры диалогов кинофильма Оксаны Байрак «Аврора»	14
<i>Каленюк С. О.</i> Семантична гетерогенність тексту та її кодові актуалізатори (на матеріалі повісті Т. Прохаська «Довкола озера»)	19
<i>Кивенко И. А.</i> Перформативная парадигма высказываний благодарности (на материале англоязычного литературного дискурса)	24
<i>Кужовська В. І.</i> Судова промова: експлікаційний наратив чи прихований діалог?	30
<i>Морозова И. Б.</i> «Вы меня неправильно поняли»: импликация и интерференция как смыслообразующие операции в процессе общения	35
<i>Пожарицкая Е. А.</i> Канон и фанфикшн сквозь призму когнитивно-синтаксического подхода	39
<i>Степаненко О. О.</i> Мовленнєві та композиційні особливості віртуального спілкування в сучасному англомовному детективному романі	45

ПИТАННЯ ЛІНГВОКОНЦЕПТОЛОГІЇ ТА МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

<i>Красницкая Е. В.</i> Особенности отображение концептов <i>NORTH, SOUTH, EAST, WEST</i> в произведениях Джона Чивера	51
<i>Лубутова S. A.</i> American stereotypes of women from perspective of Lotman's semiotics of culture	56
<i>Томчаковская Ю. О.</i> Концепт <i>CHARM</i> в англоязычном интернет-дискурсе	60
<i>Труба Г. М.</i> Дискурс вивчення категорії становості: інтегративний підхід. Віхи розвитку питання	65
<i>Ярмолович Г. Ю.</i> Бинарное восприятие мира и зарождение первых единиц счёта в германских языках	70

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ ТА ГРАМАТИКИ

<i>Гочев Г. Н.</i> Межъязыковые и переводческие лексико-семантические соответствия (на материале русского и болгарского языков)	75
<i>Невойт В. И.</i> Пути заимствования зоонимов-экзотизмов в русский язык	84
<i>Немировська О. Ф.</i> Власне ім'я заголовного персонажа як засіб створення художнього хронотопу	87
<i>Полянчи́ко О. Д.</i> Особливості функціонування космопоетонімів у художньому мовленні	92
<i>Степанов Е. Н., Лю Цзин.</i> Социально-культурные факторы лексических заимствований из английского языка в русский в период до XX века	96
<i>Шумарина Т. Ф., Мурадян И. В.</i> Орфографические варианты вернакулярных биноменов их-тиологической терминосистемы	105
<i>Скоплев А. А.</i> Ещё раз о продуктивности чешских глагольных существительных на <i>-Nĭ / -Tĭ</i>	109
<i>Сирота Е. В.</i> Субъективно-оценочные обращения в современном русском языке	116

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ, ДІАЛЕКТОЛОГІЇ ТА МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ

<i>Губич В. В.</i> Номінація граматичної категорії роду в грамати́ках і словниках польської мови XVI–I пол. XX ст.	124
<i>Рустемов О. Д.</i> Типы и функции изафетов в текстах кадиаскерских дефтеров Крымского ханства XVII–XVIII вв.	129
<i>Арефьева Н. Г.</i> Фразеологическая картина мира сквозь призму лингвокультурных кодов (на материале русских говоров Одесщины)	135
<i>Гончар Н. М.</i> Ботанічна лексика в болгарських говірках українського Подунав'я	140
<i>Инь Юань.</i> Возможности песенного текста в процессе изучения русского языка в Китае	145
<i>Кныш Е. В.</i> Коммуникативный подход и систематизация языковых знаний инофонов на занятиях по русскому языку как иностранному	151
<i>Никитин С. А., Авдонина М. Ю., Жабо Н. И., Никитина М. А.</i> «Конармия» Исаака Бабеля в рамках формата «Велночь»	156

CONTENTS

ISSUES OF GENERAL AND COMMUNICATIVE LINGUISTICS

<i>Stoikova G. G.</i> Language about as spiritual arrangement and distinctiveness of the nation	5
<i>Bigunova N. A.</i> Paraverbal means expressing positive evaluation in English film discourse	9
<i>Zhelyazkova V. V.</i> Linguistic semiotic markers of movie «Aurora» dialogues by Oksana Bayrak . . .	14
<i>Kalenuk S. O.</i> Heterogeneity semantic text and actualizers code (on the material of the novel «Around the lake» by T. Prokhasko)	19
<i>Kivenko I. A.</i> Performative paradigm of gratitude utterances (on the samples of English literary discourse)	24
<i>Kukovska V. I.</i> Judicial speech: an explicative narrative or a hidden dialogue?	30
<i>Morozova I. B.</i> «You misunderstand me»: implication and interference as sense forming operations in the process of communication	35
<i>Pozharytska O. O.</i> Canon and fanfiction through the prism of cognitive-and-syntactic approach . . .	39
<i>Stepanenko O. A.</i> Speech and compositional peculiarities of virtual communication in modern English detective novel	45

ISSUES OF LINGUISTIC CONCEPTOLOGY AND LINGUAL WORLDVIEW

<i>Krasnytska K. V.</i> Functioning peculiarities of the concepts of <i>NORTH, SOUTH, EAST, WEST</i> in John Cheever's works	51
<i>Lyubymova S. A.</i> American stereotypes of women from perspective of Lotman's semiotics of culture	56
<i>Tomchakovskaya Yu. O.</i> Concept <i>CHARM</i> in the English Internet-discourse	60
<i>Truba H. M.</i> A discourse study of the state category: integrated approach. Milestones in the development of the issue	65
<i>Iarmolovych G. Iu.</i> The binary world perception and development of the first numerals in Germanic languages	70

ISSUES OF LEXICOLOGY AND GRAMMATICS

<i>Gochev G. N.</i> Translation and interlingual lexico-semantic correspondences (based on Russian and Bulgarian corpora)	75
<i>Nevoit V. I.</i> Ways of borrowing of zoonyms-exotisms into the Russian language	84
<i>Niemirovskaja A. F.</i> The proper names of the title personage as means of create of the belle-letter chronotop	87
<i>Polyanychko O. D.</i> Peculiarities of functioning of cosmopoetonyms in artistic speech	92
<i>Stepanov Ie. N., Liu Jing.</i> Social and cultural factors of lexical borrowing from English into Russian in the period before the 20 th century	96
<i>Shumarina T. F., Muradian I. V.</i> Orthographic variants of the vernacular binomens of ichthyological terminology	105
<i>Skoplev A. O.</i> Once again on the productivity of verbal nouns ending in <i>-NÍ / -TÍ</i>	109
<i>Sirota E. V.</i> Subjective-evaluative forms of address in the modern Russian language	116

ISSUES OF HISTORY OF LANGUAGE AND DIALECTOLOGY

<i>Gubych V. V.</i> Nominations of grammatical category of gender in Polish grammar books and dictionaries in 16 th — 1 st half of 20 th c.	124
<i>Rustemov O. D.</i> Types and functions of ezafe constructions in the texts of the Crimean Khanate kadiasker's books of the 17th-18th centuries	129
<i>Arefieva N. G.</i> Phraseological picture of the world in the light of linguocultural codes (based on the Russian dialects of Odessa region)	135
<i>Gonchar N. N.</i> Botanical vocabulary in the Bulgarian dialects of the Ukrainian Danube region . .	140
<i>Yin Yuan.</i> The opportunities of the song text in the process of studying Russian in China	145
<i>Knysh E. V.</i> Communicative approach and systematization of linguistic knowledge of foreigners on employments of Russian as foreign language	151
<i>Nikitin S. A., Avdonina M. Yu., Zhabo N. I., Nikitina M. A.</i> «Red Cavalry» by Isaak Babel in the framework of the format «Velonotte»	156

ПИТАННЯ ЗАГАЛЬНОЇ ТА КОМУНІКАТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107892>

УДК 81'272:130.123.4:17.023.32

СТОЙКОВА Галина Георгіївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри української та іноземних мов Одеського регіонального інституту державного управління Національної академії державного управління при Президентові України; вул. Генуезька, 22, м. Одеса, 65009, Україна; тел.: + 38 066 9217943; e-mail: radnik@oridu.odessa.ua; ORCID ID: 0000-0003-0747-3831

МОВА ЯК ЗАСІБ ДУХОВНОЇ ЗУМОВЛЕНОСТІ ТА ОКРЕМІШНОСТІ НАЦІЇ

Анотація. Мета статті — розкрити феномен мови як духовної зумовленості та окремішності нації, як найважливішу народну окремішність. Предметом розгляду є мова як матеріально-ідеальне явище. Результатом вивчення проблеми є доведення, що мова є найважливішим національним ідентифікатором і тому без національного ідеалу, сконцентрованим виявом якого є мова, неможливе усвідомлення своєї відмінності-самобутності у світі. Нація, яка втрачає свою рідну мову і приймає чужу, не має духовної самостійності. Така нація не має душевної бадьорості і проявляє апатію та млявість. Проте, сильна національна воля є критерієм життєздатності нації. **Висновки:** індивідуальність духу народу яскраво виражена в національній мові. Спільні дії індивідуума і його народу базовані на мові, якою і за допомогою якої народ думає. Необхідно демонструвати дух як найважливішу народну окремішність. У цьому аспекті убачаємо подальші пошуки розмаїтості мов і народів, зумовлених різним проявом духовної сили.

Ключові слова: національна мова, національний ідеал, духовна самостійність, слово, національна окремішність.

Мова — одна з найбільших таємниць у світі. Із самого дитинства і до глибокої старості людина постійно пов'язана з мовою. Це єдине знаряддя, що вивисує людину над світом. Кожен день дає нам урок пізнання і завжди нашим учителем стає слово. За його допомоги ми проникаємо в думи й почуття, що хвилювали людей минулих тисячоліть. Можемо звернутися до далеких нащадків і передати їм найсокровенніше у слові. Слово — найвірніший посланець з минулого в сьогодення і сьогодення в прийдешнє. У слові схованка мудрості й невмирущості народу.

В історії вітчизняної та зарубіжної лінгвістики існують різні погляди щодо мови як високої духовної зумовленості та окремішності нації. Цю проблему різнобічно досліджували у своїх працях відомі науковці-мовознавці: В. фон Гумбольдт, М. Мюллер, А. Шлейхер, Е. Бенвеніст, Ф. де Соссюр, Л. Щерба, О. Томсон, М. Жинкіна, А. Соколова, Д. Монбоддо, Г. Гердер, Е. Сепір, Б. Уорф, Л. Вайсгербер, О. Потєбня, О. Ткаченко та інші.

Мета статті — розкрити феномен мови як духовної зумовленості та окремішності нації, як найважливішу народну окремішність у мовній екзистенції. Предметом розгляду є мова як матеріально-ідеальне явище. Результатом вивчення цієї проблеми є доведення, що мова є найважливішим національним ідентифікатором і тому без національного ідеалу, сконцентрованим виявом якого є мова, неможливе усвідомлення своєї відмінності-самобутності у світі.

У Євангелії від Іоанна зазначено: «1. Споконвіку було Слово, і з Богом було слово, і Слово було — Бог. 2. З Богом було воно споконвіку. 3. Ним постало все, і ніщо, що постало, не постало без нього», а також: «1. Слово було тілом, і оселилося між нами...» Ці слова рівнозначні акту світобудови. Дана теза містить полярний синтез слово-знака: дух і матерія як вічне змагання в первинності-вторинності, у змісті-формі. Вона розкриває духовну природу слова і мови, надаючи їм потойбічно-божественного змісту. Із Біблійної тези очевидно, що слово, а отже й мова — категорія духовна, або інакше, мова — це логіка духу народу. А дух, образно кажучи, це все те, що становить силу і гідність народу і переходить у спадок з покоління в покоління. Розмаїтість мов і народів зумовлена різним проявом духовної сили. Водночас мова є тією субстанцією, що стимулює загальнолюдську духовну силу до постійної діяльності. У цьому контексті є висновок В. фон Гумбольдта про те, що важко собі уявити щось більш тотожне як мова народу та його дух, і народи мають через те різні мови і їм властиві засадничі духовні відмінності [3, с. 71–72]. Слово позначає не самі предмети, а поняття, які дух, незалежно від них, утворює в процесі мовотворчості. І саме в цьому утворенні понять, яке слід розглядати як глибоко внутрішній процес, що випереджує артикуляцію, і полягає духовна зумовленість і окремішність нації. Слово стало і найнебезпечнішим із благ, бо воно посвідчує хто ми є насправді. Воно є нашим домом, в якому ми живемо. Воно є і нашим творцем, бо ж «ним постало все». І це все, попри свою універсальність, найцінніше своєю окремішністю, як найціннішою є людська ін-

дивідуальність, виявлена на тлі загалу. Так і мова не могла бути збережена єдиною для всіх, як і рід людський не міг лишитися одним табуном [4, с. 37]. Різні мови, як різні люди, заперука існування яких — відмінні і подібні до себе; отже, кожна нація — це свого роду індивідуальність, головними ознаками якої є особливості психічного складу й типів мислення. Різні мови справді представляють далеко не однакові картини світу, але цю обставину правильніше формулювати в іншому порядку: дійсна й об'єктивна картина світу відображена в мовах неоднаково [6, с. 37].

Мова складається зі слів — матеріалізованих понять. Якщо поняття за своєю природою універсальні, то саме слова роблять їх національними. А словами є звуки нашого мовлення як неповторні знаки для мислення і для вираження наших думок і відчуттів. Всяке відчуття передбачає фізичні зміни у нервовій системі. Тому слово є матеріально-ідеальним явищем, в якому мислення ідеальне й універсальне, а мова — його національне впровадження; образно кажучи, вона той ключ, яким можна розкрити національний характер. Єдність ідеального й матеріального в мові визначене словами П. Мовчана: «Мова не матеріальна, але постійно матеріалізована. Мова — це живе функціонування народного духу, а не одних мертвих знаків» [7, с. 116], мова — це спосіб урівноваження реального і трансцендентального світів — вона їхній сполучник [10, с. 227].

Оформити думку словами непросто. Деякі люди роблять це з труднощами. Оратори, письменники і поети досягнули це мистецтво. І все ж удосконалена форма мови багатьом недоступна. Таємниця міститься в повній гармонії форми та змісту. Слово, у своєму звуковому вираженні, має глибоке значення за своїм вібраційним ключем. І ключ, і тональність думки, її забарвлення повинні бути в повній гармонії. Деякі вирази особливо сильні саме цією відповідністю. Кожна мова має свій ритм. Людина, вимовляючи її, повинна дотримуватися цього ритму, але багаті володіти цим ритмом. У творах великих письменників інколи можна піймати цей ритм, але багато людей пишуть книги, ніколи не дотримуючись ритму і навіть не підозрюючи про його існування. Такі книги в роздрібному та безладному ритмі або зовсім без нього не читаються, скоро забувають про них. Але ті, нехай це буде маленьке оповідання, де ритм дотримано і досягнута музика мови, ті читаються часто, і люди їх люблять [1, с. 11].

Сказане і написано може бути даним у будь-якому ритмі та в будь-якій тональності, але за умови відповідності змісту і форми. Необхідно пам'ятати, що кожне слово має свій звуковий ключ і сполучається в реченні з іншими словами за допомогою свого внутрішнього складу, за допомогою звукового ключа та зв'язком із думками, які передають ці слова, так само, як музична ідея наділяється звуками. Гарну мову, хороше оповідання або твір можна уподібнити музичній симфонії. У великих поетів і письменників гармонія думок і слів виражається особливо яскраво. Називають таких людей майстрами слова. Невидимий вплив правильно й гармонійно побудованої мови особливо величній. Слова можуть бути і короткими, і протяжними, і відривистими, якщо цього потребує ритм, але сила впливу полягає не в зовнішній формі, а у співзвучності слова зі змістом, що в ньому міститься. Таїна впливу слова на людину дуже складна і доступна небагатьом. Висока духовна субстанція — слово — набуває матеріалізованого буття, тобто, позбувшись ідеального, слово перестає бути творцем матеріального. Найбільшою та найціннішою матерією слова є звук, а найпотаємнішою щільною духу — думка як головний концепт мислення. Мислительська діяльність цілком духовна, глибоко внутрішня і тільки через посередництво звука вона матеріалізується і стає доступною для чуттєвого сприйняття. Через цю діяльність мислення і слово становлять нероздільну єдність: як думка охоплює всю душу, так і звук здатен усією силою збурити людину, як мислення прагне вирватися зі схованок внутрішнього світу назовні, так і звук вкрай необхідний розумові для сприйняття предметів. За звуком криється множина змістів, відомих тільки конкретній мові. Отже, звукова генеза слова вкрай національна, власне така, що сягає мовних схованок, проблеми, які Ф. де Соссюр вирішує через концепцію довільності знака як найкращої основи для дослідження. Учений вважає, що ця система мови ґрунтується на ірраціональному принципі довільності знака, який у разі необмеженого використання міг би призвести до непередбачених ускладнень. Однак розуму вдається запровадити принципи впорядкованості й регулярності до деякої частини всієї маси знаків, і саме в цьому виявляється важливість відносно вмотивованого й поясненого в мові [11, с. 168]. Суть мови як знакової системи полягає в тому, що знаки ці є національними кодами, а не просто співвідношенням означуваного й значення, а складність цього виявляється в мовній похідності від духу.

За В. фон Гумбольдтом, рушієм національного є дух, а існуванням духу є мова.

Згадаємо вислів Ю. Дзеровича: «Мова — це кров, що оббігає тіло нації. Виточи кров — умре нація». Мова — найважливіший національний ідентифікатор, завдяки якому кожна нація вирізняється з-поміж інших, усвідомлюючи себе самодостатнім і самочинним суб'єктом історії.

На думку О. Потебні, «мова — містичне ядро нації, тобто об'єктивне дане, що живе у підсвідомих глибинах етнографічної маси та що може видобути на поверхню свідомості і стати керманічем усіх національних змагань у всіх ділянках життя» [13, с. 3]. Змагання, що минатимуть мову, приречені, бо здобуті на піску. І саме тоді без усвідомлення національного ідеалу, сконцентрованим виявом якого є мова, «розвій матеріальних відносин перший потопче і роздавить вас, як сліпа машина» [12, с. 171]. Тому так безглуздо зараз абсолютизувати економічно-соціальний чинник коштом мовно-

духовного. Згадаймо блискучу публіцистику О. Забужко про те, що нашим державцям не вадило б «спочатку опанувати синтаксис, цю елементарну «гігієну» думання, перш, ніж братися реформувати економіку» [5, с. 78]. За очевидної сукупності разючих проблем безперечним є те, що без збереження своєї самобутньої культури нація втрачає своє обличчя (свою ідентичність) і приречена зникнути. Мова ж для цієї культури, за метафоричним висловом С. Лема, це те саме, що центральна нервова система для людини, а тому саме за станом мови можна встановити стан культури. Щодо націоналізму — це передусім усвідомлення своєї відмінності-самобутності у світі, що ґрунтується на мові як вістрі культури, і водночас «послідовний націоналізм є інтернаціоналізмом» [13, с. 5]. Якщо способом дедукції розгортати цей блискучий вислів О. Потебні до цеглин нашого буття — світолюдини, — то ближнього можна й слід полюбити тільки так, як самого себе. І саме ця любов до свого роду, коли вона спрямована в себе зміцнює єдність нації, а коли спрямована назовні, проти іншої нації, то посилює чвари і ненависть [4, с. 39]. Отже, дайте достатньо любові собі, своїй країні, своїй нації, дайте так і стільки, щоб вам не стало сили на ненависть до інших. Нація, яка втрачає свою рідну мову і приймає чужу, не має духовної самостійності, а завжди «йде на помочах», через що не проявляє ініціативи — цієї необхідної умови духовного і матеріального поступу взагалі. Така нація не має душевної бадьорості і проявляє апатію і млявість. Вона не спроможна утвердити свого права на життя поміж інших націй і через саме життя засуджена на смерть. Отже, лише сильна національна воля, що за І. Франком, є синтезом бажань, потреб і змагань, які сягають меж можливого [12, с. 171], є критерієм життєздатності нації. Завдяки, власне, цій волі наша мова, що лише у XVIII–XIX ст. пережила 173 укази заборон, винесла на своїх плечах націю. Ю. Шевельов називає це лінгвістичним дивом. Мабуть, не таке вже й диво, а просто ще один приклад креативної функції мови, чи інакше, націєтворчої функції, що є перманентним імпульсивним спалахом на щоразу по-новому загрозливій межі національної смерті українців. І от після лінгвоцидних XVIII–XIX ст. на початку XX ст. у Києві лише десятки інтелігентних родин говорили українською мовою. Ми, задекларувавши довгоочікувану державність української мови 1989 року, де факто маємо лише 13 % інформаційного простору її життя... і на додаток «просунутий» суржик, інакше креольський, тобто розвинений і збагачений в одному-двох поколіннях [5, с. 78]. З огляду на це, тільки на ґрунті національної мови, яка духовно обрмлює націю і оберігає її від асиміляції та розсіяння в інших духовних середовищах, можливий розвиток національної свідомості, пам'яті і національного пізнання.

За М. Міхновським, головна причина нещастя нашої нації — брак націоналізму, тобто любові, серед її широкого загалу. Відомо що відбувається з родиною коли зникає любов. Та ж сама причина безладу у державі. Найглибшим містичним проявом цієї любові є мова. На жаль, кількість носіїв цієї мови-любові, «цього рушія і регулятора національної психології» меншає. До прикладу соціологи спостерегли, що найвищий відсоток злочинів саме в містах зденационалізованих, де фактично українська мова відсутня, а інша помітно спотворена. Мова реагує на всі соціальні, національні деформації. Мова мстива: будь-яка наруга над нею призводить до душевної ущербності [7, с. 157].

Отже, на думку О. Потебні, індивідуальність духу народу ніде не виражена так яскраво, як у національній мові. Власне мова є істинним ядром духу народу. Спільні дії індивідуума і його народу головню базовані на мові, якою і з допомогою якої народ думає. Історія мови й історичний розвиток духу народу навзаєм проникні категорії буття, що стисло виражено в тезі: «Доля мови формує долю народу» [2, с. 349]. Повертаючи цю тезу у річище теперішніх суспільних обставин, позначених втратою національно-мовних пріоритетів, ватро пригадати класиків: перемогу здобуває не сила рук і не досконалість зброї, а сила духу. Оскільки природа обрала боротьбу як шлях удосконалення мови, то або боротися, або пропасти, або демонструвати дух як найважливішу народну окремішність у мовній екзистенції, або асимілюватися з кимось, або розуміти закладену Богом гармонію внутрішнього і зовнішнього (змісту-духу та форми-матерії), або гіпертрофувати (надмірно розвинути, збільшити) матеріальні потреби коштом єдиного універсального прояву духу — мови. Розмаїтість мов і народів зумовлена різним проявом духовної сили, що убачаємо в подальших пошуках.

Література

1. Абрамов Б. Н. Путь к истине / Борис Абрамов. — М. : Эксмо, 2012. — 656 с.
2. Возняк Т. Відродження іврити та української мови // Тексти та переклади. — Харків : Фоліо, 1998. — 345 с.
3. Гумбольдт В. фон. О развитии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода / Вильгельм фон Гумбольдт // Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX веков. — М. : Прогресс, 1956. — 172 с.
4. Гердер Й. Г. Мова й національна індивідуальність / Йоган Г. Гердер // Націоналізм : Антологія. — К. : Смолокип, 2000. — 220 с.
5. Забужко О. Репортаж із 2000-го року. — К. : Факт, 2001. — 95 с.
6. Кесседи Ф. Народ і нація / Ф. Кесседи // Философская и социологическая мысль. — Москва : Прогресс, 1992. — № 6. — С. 71–94.
7. Мовчан П. Мова — явище космічне / П. Мовчан. — К. : Просвіта, 1994. — 168 с.
8. Погрібний А. Якби ми вчилися так, як треба... Розмови про наболіле / А. Погрібний. — К. : Просвіта, 1999. — 336 с.
9. Тимошевський О. Мова і національність / О. Тимошевський. — Чернівці, 1912. — 123 с.

10. Федик О. Мова як духовний адекват світу (дійсності) / О. Федик. — Львів : Місіонер, 2000. — 298 с.
11. Сосюр Ф. де. Курс загальної лінгвістики / Фердинанд де Сосюр. — К., 1993. — 383 с.
12. Франко І. Поза межами можливого / Іван Франко // Націоналізм : Антологія. — К. : Смолоскип, 2000. — 872 с.
13. Чехович К. Думки О. Потєбні про національність / К. Чехович. — Львів, 1931. — 187 с.

References

1. Abramov, B. M. (2012), *A Way to a Truth [Put'k istine]*, Eksmo, Moscow, 656 p.
2. Vozniak, T. (1998), «Revival of Hebrew and Ukrainian», *Texts and translations* [«Vidrodzhennia ivrytu ta ukrainskoi movy», *Teksty ta pereklady*], Folio, Kharkiv, 345 p.
3. Gumboldt, V. fon. (1956), «About Development of a Structure of Human Languages and its Influence on Spiritual Development of the Human Race», *Anthology of linguistics history — XIX–XX centuries* [«O razvitii chelovecheskikh jazykov i ego vlijanii na dukhovnoe razvitie chelovecheskogo roda», *Khrestomatija po istorii jazykoznanija XIX–XX ve-kov*], Progress, Moscow, 172 p.
4. Herder, Jogan G. (2000), «Language and National Identity», *Nationalism. Anthology* [Mova i natsionalna indyvid-ualnist, *Nacionalizm, Antologija*], Smoloskyp, Kyiv, 220 p.
5. Zabuzhko, O. (2001), *The Reporting from the 2000th year* [Reportazh iz 2000-go roku], Fakt, Kyiv, 95 p.
6. Kessedi, F. (1992), «People and Nation», *Philosophical and sociological thought* [«Narod i natsija», *Filosofskaja i sotsiologicheskaja mysl'*], Progress, Moscow, No. 6, pp. 71–94.
7. Movchan, P. (1994), *Language is the Space Phenomenon* [Mova — javyshche kosmichne], Prosvita, Kyiv, 168 p.
8. Pogribnyj, A. (1999), *If We Studied as it is Necessary. Talk on Sore* [Yakby my vchylis jak treba... *Rozmovy pro nabolile*], Prosvita, Kyiv, 336 p.
9. Tymoshevs'kyj, O. (1912), *Language and Nationality* [Mova i nacional'nist'], Chernivci, 123 p.
10. Fedyk, O. (2000), *Language as Spiritual Adequate of the World (Reality)* [Mova yak dukhovnyi adekvat svitu (dijsnosti)], Misioner, Lviv, 298 p.
11. Saussure, F. de (1993), *Course of the General Linguistics* [Kurs zagalnoi lingvistyky], Kyiv, 383 p.
12. Franko, I. (2000), «Outside of Possible», *Nationalism. Anthology* [«Pozha mezhamy mozhyvogo», *Nacionalizm, Antologija*] Smoloskyp, Kyiv, 872 p.
13. Chekhovych, K. (1931), *Thoughts About. Chat on a Nationality* [Dumky O. Potebeni pro nacionalnist], Lviv, 187 p.

СТОЙКОВА Галина Георгиевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского и иностранных языков
Одесского регионального института государственного управления Национальной академии государственного
управления при Президенте Украины; ул. Генуэзская, 22, г. Одесса, 65009, Украина;
тел.: + 38 066 9217943; e-mail: radnik@oridu.odessa.ua; ORCID ID: 0000–0003–0747–3831

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ДУХОВНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ И ОБОСОБЛЕННОСТИ НАЦИИ

Аннотация. Цель статьи — раскрыть феномен языка как духовную обусловленность и обособленность нации. **Предметом** рассмотрения является язык как материально-идеализированное явление. **Результатом** изучения проблемы является доказательство о том, что язык — это важнейший национальный идентификатор, следовательно, без национального идеала, концентрированным выражением которого является язык, невозможно осознание своего отличия и самобытности в мире. Нация, которая утратила родную речь и приняла чужую, не может иметь духовной самостоятельности. Такая нация не имеет душевной бодрости и проявляет апатию и вялость. В то же время, сильная национальная воля является критерием жизнеспособности нации. **Выводы:** индивидуальность духа народа ярко выражена в национальном языке. Общие действия индивидуума и его народа базируются на языке, которым и с помощью которого народ думает. Необходимо продемонстрировать дух как важнейшую народную обособленность. В этом аспекте видим дальнейшие поиски разнообразия языков и народов, различия между которыми обусловлены разным проявлением духовной силы.

Ключевые слова: национальный язык, национальный идеал, духовная самостоятельность, слово, национальная обособленность.

Galyna G. STOIKOVA,

PhD in Philological Science, Associate Professor, Ukrainian and Foreign Languages Chair of Odessa Regional Institute of Public Administration of the National Academy of Public Administration under the President of Ukraine (ORIPA), address: 22, Genuevska st., Odessa, 65009, Ukraine, tel. + 38 066 9217943; e-mail: radnik@oridu.odessa.ua; ORCID ID: 0000–0003–0747–3831

LANGUAGE ABOUT AS SPIRITUAL ARRANGEMENT AND DISTINCTIVENESS OF THE NATION

Summary. The purpose of the article is to reveal the phenomenon of language as the spiritual arrangement and distinctiveness of the nation, and, as the most important part of national distinctiveness, too. The **subject** of the article is to consider language both as material and ideal phenomenon. Based on the **findings** of our investigation we can prove that language can be considered as the most important national identifier, thus it is impossible to aware self-identity in the world without national ideal and language as its concentrated essence. Any nation, which loses its own language and adopts another one, could not have its spiritual independence. This nation has no spiritual vitality and performs apathy and lethargy. Only strong national will is the criterion of the viability of the nation. **The results:** individual spirit of the people is clearly expressed in the

national language Joint action undertaken by every individual and whole nation are based on the language people speak and think. It is necessary to demonstrate the spirit as the most important national distinctiveness. In this case we perceive further research of languages and nations diversity which arranged by different expressions of spiritual power.

Key words: national language, national ideal, spiritual independence, word, national distinctiveness.

Статтю отримано 15.04.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107897>

УДК 811.111'221.22:808.5:159.925:7.038.53:791.43

БИГУНОВА Наталья Александровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной фонетики английского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Украина, 65058, г. Одесса, Французский бульвар, 24/26; тел.: +38 (0482) 630703; e-mail: natalbig@ukr.net; ORCID ID: 0000-0002-9460-9700

ПАРАВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КИНОДИСКУРСЕ

Аннотация. *Цель* статьи — анализ невербальных средств интенсификации положительной оценки в речевом акте одобрения. *Объект* анализа — англоязычный кинодискурс. *Предмет* исследования — невербальные средства выражения положительной оценки. *Результат* исследования — выявление закономерности: кинетические средства, используемые актёрами при выражении одобрения, зависят от степени его искренности и экспрессивности, предопределённой сюжетом, образом персонажа и требованиями режиссёра. *Выводы.* Паравербальные средства позволяют дифференцировать искренние высказывания одобрения, характеризующиеся высокой степенью эмоциональности, но разной степенью экспрессивности; неискренние высказывания одобрения, посредством которых говорящий пытается скрыть испуг, подбодрить или успокоить собеседника; иронические высказывания одобрения; формальные, ритуальные высказывания одобрения. Исследование также показало, что одобрение может коммуникативно проявляться исключительно посредством невербалики, вне вербального компонента. *Практическое применение* результатов исследования определяется возможностью использования теоретических положений проведённого исследования в курсах лекций и на семинарах, посвящённых проблемам невербальной семиотики.

Ключевые слова: оценка, речевой акт, одобрение, кинема, жест, мимика.

Постановка проблемы. До сих пор отсутствуют интегрированные исследования иллюкутивных целей, перлокутивного эффекта, вербального и паравербального маркирования речевых актов положительной оценки. Одобрение как оценочный речевой акт (далее РА) ещё не получил комплексного прагмалингвистического описания. Исследователи, занимающиеся данным актом, — Е. В. Ярошевич, Т. В. Кабанкова — не отграничивают его от смежных положительно-оценочных актов. Необходимость комплексного решения этих проблем и, в частности, исследования паравербальной экспликации положительной оценки в дискурсе определяет актуальность данного исследования.

Обзор предыдущих исследований проблемы. Функциональная семантика оценки всесторонне исследуется в комплексных трудах Н. Д. Арутюновой, А. А. Ивина, Е. М. Вольф, Ю. Д. Апресяна, И. В. Арнольд, А. И. Приходько, А. Дж. Айера, Т. Гивона, Дж. Мартина, П. Р. Вайта и др. Реализация категории оценки в речи и её прагматическая релевантность отражены в исследованиях М. С. Ретунской, А. В. Гилевой, А. В. Зубова, М. В. Степановой, Т. В. Земсковой, С. Ханстона и Дж. Томпсона, В. Лабова и Дж. Валетски.

Кинодискурс как объект современной культуры привлекает внимание исследователей различных научных направлений. Прежде всего, феномен кино находится в фокусе внимания искусствоведения и эстетики, где фильм в частности анализируется с позиций семиотики (Мартен 1959; Барт 2004; Лотман 1994). В последние десятилетия кино всё больше входит в сферу научных интересов ученых-лингвистов (Горшкова 2006; Ефремова 2004; Зарецкая 2010, 2012; Игнатов 2007; Мартынова 1990; Матасов 2009; Муха 2011; Рыжков 2000; Kozloff 2000; Колодина 2013). В качестве объекта изучения выступают «кинодиалог» (Горшкова 2006, Kozloff 2000), «кинодискурс» (Зарецкая 2010; Назмутдинова 2008; Сургай 2008).

Постановка задач и характеристика материала исследования. Предлагаемая статья представляет собой попытку описания невербальных средств интенсификации положительной оценки в речевом акте одобрения в англоязычном кинодискурсе. Материалом исследования послужили фрагменты кинодискурса, в которых персонажи выражают одобрение по отношению к различным объектам. Выборка эпизодов кинодискурса базируется на 22 англоязычных художественных фильмах и 3 телевизионных художественных сериалах и включает 98 сцен одобрения.

Изложение основного материала. В разрабатываемой нами таксономии речевых актов положительной оценки одобрение трактуется как положительно-оценочный экспрессивный синкретический РА, отличающийся прямой формой реализации, формулируемый в рамках реагирующего либо (реже) иницирующего и послесловного коммуникативного хода, адресат которого никогда не выступает объектом оценки. Объектами одобрения являются неодушевлённые предметы, идеи и явления, которые НЕ ВХОДЯТ в сферу личных интересов собеседника. Непричастность к личным интересам собеседника кардинально отличает одобрение от смежных РА положительной оценки: похвалы, комплимента и лести. Предметом оценки РА одобрения являются признаки объектов, на которых он направлен. Эти признаки соответствуют оценочным стереотипам и пресуппозициям адресанта одобрения.

В лингвистической литературе паравербальные средства иногда называют невербальными. По мнению Е. А. Селивановой, все паравербальные средства являются невербальными, однако, в отличие от невербального массива знаний коммуникантов, не имеющего знаковой природы, паравербальные знаки представляют соответствующие форму и содержание [3, с. 130].

В. Г. Колшанский в книге «Паралингвистика» убедительно доказал, что невербальные компоненты коммуникации (мимика, жесты, фонация междометий) играют огромную роль в процессе общения. Они помогают установить место своё и собеседника на шкале «свой — чужой» [1, с. 215]. По мнению Г. В. Колшанского, «паралингвистика не есть привесок или остаток, вычитаемый из языковой системы, а особый функциональный компонент параязыковой системы, т. е. коммуникативная подсистема, которая дополняет функцию вербальной коммуникативной системы» [там же].

Обобщив различные классификации, Е. А. Селиванова к паравербальным средствам относит:

1. Фонационные (тембр, темп, мелодика, тон, громкость, дефекты, индивидуальные особенности речи, паузы, хезитации и т. д.).
2. Мануальные (жесты).
3. Мимические (движение лицевых мышц).
4. Пантомимические (движения тела, головы, ног, походка, поза).
5. Ситуативно-конфигурационные: цвет кожи, характер дыхания, взгляд (окулистика), расстояние между коммуникантами (проксемика), время общения (хронемика), прикосновения (гаптика).
6. Одежда, общая манера поведения говорящего [3, с. 131].

В художественных текстах паравербальные средства эксплицированы в авторских квалификациях речи персонажей, которые называют *вербализованными кинемами* (в терминологии И. П. Попик). Они имеют отдельный статус как знаки паравербальных спутников речи персонажей художественных произведений, смоделированных автором с целью смыслового дополнения и большей выразительности текстов.

Семиотически использованный жест И. П. Попик называет *кинемой*, а языковую единицу, обозначающую знаковый жест, — *вербализованной кинемой*. Вербализованная кинема представляет собой слово, словосочетание или фразу, используемые для словесного обозначения кинетического поведения человека [2].

По мнению И. П. Попик, кинематическое движение совершается адресантом:

- 1) как сигнал о его эмоциональном, психологическом, физическом состоянии;
- 2) как проявление его отношения к адресату;
- 3) как коммуникативное действие, «реплика» в общении с адресатом;
- 4) как ритуал светского, религиозного, суеверного характера [там же, с. 107].

Если в литературном диалогическом дискурсе автор описывает невербальные проявления эмоциональной оценки, то в художественном кинодискурсе актёры, опираясь на свой личный коммуникативный опыт и профессиональные навыки, изображают паравербальные сигналы, сопровождающие высказывания положительной оценки. Наблюдения над жёстами, мимикой, позами, телодвижениями актёров, выражающих положительную оценку в художественных фильмах, позволили нам прийти к ряду заключений.

Адресанты РА одобрения, как правило, поддерживают визуальный контакт с собеседником. Исключение составляют те контексты, в которых одобрение является ритуальным, этикетным, функционирующим как простая формальность. Например, когда Вергилий Олдман (Джеффри Раш) заходит в ресторан, в котором он ест каждый день; метрдотель, приветствуя его, спрашивает «Как дела?» и, поскольку вопрос формален, не дожидаясь ответа, указывает путь к столику. Вергилий, также глядя в сторону, с отстранённым видом, «бросаёт»: «Хорошо», явно думая о чём-то своём. В данном случае обмен репликами, одна из которых является одобрением, является ритуалом, соблюдаемым в повседневном общении знакомых, но не близких людей, что хорошо известно актёрам. Поэтому Джеффри Раш совершенно оправданно не сопровождает высказывание одобрения ни мимикой, ни взглядом, ни какими-то другими паравербальными знаками:

— *Good, evening, Mr. Oldman. How are you?*
— *Very well* [10].

В целом, лаконичность фраз одобрения, а также их свойство входить в состав комплексных коммуникативных шагов обуславливают сложность наблюдений за изменениями в лице, жестах или по-

зах актёров, выражающих одобрение. В качестве примера приведем эпизод из фильма *What's your number?*, в котором одобрение выступает частью репликового шага, комбинируясь с отказом. Элли (актриса Анна Фэрис) решила выйти замуж за кого-то из девятнадцати своих «бывших». Найти их ей помогает сосед Дональд (Крис Эванс). Обсуждая детали поиска, Элли выражает одобрение идее Дональда насчёт Фейсбука, но она против регистрации в Твиттере:

Donald: I set up a Facebook account for you.

Ally: (SIGHS) I don't want to be on Facebook. What picture did you use?

Donald: The one I just took of you sleeping. I think this is gonna be better. While you're looking for them, they can be looking for you.

Ally: Fine, but I refuse to tweet [11].

В ходе беседы Дональд сидит на диване, а Элли ходит по комнате. В момент произнесения одобрения она не только не использует какие-либо особенные паравербальные средства, а напротив, даже отворачивается от Дональда, поднимая одежду со стула. Таким образом, не наблюдается кинетических проявлений в поведении актрисы в то мгновение, когда она произносит одобрительную фразу *Fine*.

Интерес в плане паравербального выражения оценки представляют наиболее искренние высказывания одобрения, которые отличаются высокой степенью экспрессивности и комбинируются с восхищением, и, наоборот, неискренние РА одобрения, посредством которых говорящий пытается скрыть испуг или успокоить собеседника.

При выражении искреннего, экспрессивного одобрения актёры используют улыбку, похлопывание по плечу и другие жесты. Например, в фильме *No Strings Attached* помощница директора фирмы (актриса Лэйк Белл) подходит к Адаму (актёр Эштон Катчер), которому до сих пор поручали только отдельные задания, и сообщает две новости: хорошую и плохую. Когда она переходит к новости, которой даёт положительную оценку — Адама включили в штат, — лицо её преобразуется: глаза сияют, на лице появляется широкая улыбка, она размахивает руками, делая неловкие попытки обнять его, смеётся. Адам, в свою очередь, также положительно оценивая новость (*That's amazing*), расширяет глаза, смеётся и хлопает девушку по плечу:

— *Hey. Sorry, OK, so there's good news, bad news. The bad news is, Megan is remarkably drunk. Seriously, she was, like, trying to take her shirt off. But the good news is, she wants to put you on staff.*

— *Really?*

— *So... Yeah.*

— *That's amazing. Thank you.*

— *So, you're a paid writer [9].*

В фильме *Dirty Rotten Scoundrels* есть сцена, в которой мошенник Фредди Бенсон (актёр Стив Мартин), специализирующийся в оболванивании богатых дам, обращается с просьбой к жиголо высшего уровня Лоуренсу Джемсону (Майкл Кейн) давать ему уроки, чтобы повысить свой класс. После некоторых раздумий и вопросов к Фредди Лоуренс объявляет, что согласен учить его, но на определённых условиях. Фредди несколько раз перебивает речь Лоуренса радостными криками, восклицаниями *Great!* и такими жестами, как подтёмы рук, хлопанье в ладоши, разведения рук в сторону. На лице его широкая улыбка, переходящая в смех, брови ползут вверх, глаза расширены. Одобрение приобретает черты восторженности:

— *All right. I'll do it. I'll teach you.*

— *Ha-ha!!!*

— *I'll set you up and I'll pay you a percentage.*

— *Great!*

— *But with this one understanding: I run this operation and you do as I say.*

— *Great! [6].*

В отношении неискреннего одобрения, наша выборка кинодискурса полностью подтверждает тезис Дж. Остина о том, что именно невербальными средствами (мимикой, жестами и т. п.) выражается такое явление, как притворство (*pretending*) [4]. Поэтому неслучайно «фальшивое» одобрение актёры сопровождают утрированными паравербальными средствами, цель которых — дать сигнал зрителю о том, что в действительности персонаж думает по-другому.

Например, в фильме *In her shoes* есть такой эпизод: Роуз (Тони Коллетт) пытается скрыть от отца (Кен Ховард) пропажу своей «непутёвой» сестры Мегги, и, когда отец, почуяв неладное, тревожно спрашивает «Как дела у Мегги?», Роуз отвечает, что с ней всё хорошо. При этом она натянута улыбается, расширяет глаза, поднимает брови и слишком усердно мотает головой. Такое обилие паравербальных средств усиливает впечатление неправдивости высказывания одобрения:

How's Maggie?

You haven't seen her? She's fine! [8].

Когда Бриджет Джонс (Рене Зеллвегер) задают традиционный вопрос, который ненавидят все девушки определённого возраста (о её интимной жизни), Бриджет отвечает «Прекрасно», хотя выражение её лица, фальшиво радостное, преувеличенно любезное, благодаря расширенным глазам, киванию головы и улыбке, подсказывает зрителю её негативное отношение и к самому вопросу, и к

своей интимной жизни. Впрочем, судя по реакции дяди (Джеймс Фолкнер) (*Still no fellow then, eh?*), его самого ей обмануть не удаётся:

- *So, how's your love life?*
- *Super. Thanks, uncle G.*
- *Still no fellow then, eh?* [5].

Примером иронического одобрения может служить сцена из фильма *Heartbreakers*. Мать (Сигурни Уивер) с дочерью (Дженнифер Лав Хьюит) зарабатывают на жизнь мошенничеством. Отвечая на вопрос дочери «Как свадьба?» мать отвечает «Прекрасно, как всегда». Слово *beautiful* актриса произносит в замедленном темпе, мечтательно глядя вдаль, и только на словах *Like all my weddings* иронический подтекст высказывания эксплицируется взглядом прямо в глаза дочери и улыбкой:

How was the wedding?

Beautiful. Like all my weddings [7].

Одобрение может коммуникативно проявляться исключительно посредством невербалики, вне вербального компонента. В таком случае используется жест *thumb up* (большой палец вверх) или аплодисменты. Примером жестового выражения одобрения может служить такая типичная сцена, как, например, из фильма *No strings attached*, где аплодисменты в конце демонстрации постановочного номера на репетиции служат знаком одобрения зрителями выступления [9].

Выводы. Таким образом, кинетические средства, используемые актёрами при выражении одобрения, зависят от степени искренности и экспрессивности, предопределённой сюжетом, образом персонажа и требованиями режиссёра. При выборе кинетических средств, сопровождающих выражение одобрения, актёр принимает во внимание мотивацию своего героя: стремится ли он к эмоциональному «высвобождению» или хочет защитить «лицо» персонажа-собеседника / другого персонажа; комбинирует ли он высказывание одобрения с упрёком, критикой, отказом.

Паравербальные средства позволяют различать: 1) искренние высказывания одобрения, характеризующиеся высокой степенью эмоциональности, но разной степенью экспрессивности, 2) неискренние высказывания одобрения, посредством которых говорящий пытается скрыть испуг, подбодрить или успокоить собеседника, 3) иронические высказывания одобрения, 4) формальные, ритуальные высказывания одобрения.

В целом, в плане паравербального выражения одобрения наблюдается определённая закономерность: чем искреннее говорящий (согласно замыслу сценариста и режиссёра), тем более тихим, проникновенным голосом произносится одобрение.

Перспективой данного исследования считаем проведение сопоставительного анализа паравербальной экспликации оценки в смежных РА положительной оценки: в РА одобрения, похвалы, комплимента и лестии.

Литература

1. Колшанский Г. В. Паралингвистика / Г. В. Колшанский. — М.: Наука, 1974. — 80 с.
2. Попик И. П. Лексико-семантическое поле «жестикуляция» в языке и речи (на материале англоязычных словарей и текстов) : дис. ... канд. филол. наук :10.02.04 / И. П. Попик. — Одесса, 2004. — 203 с.
3. Селіванова О. О. Основи теорії мовної комунікації / О. О. Селіванова. — Черкаси : Вид-во Чабаненко Ю. А., 2011. — 350 с.
4. Austin J. L. *How to Do Things with Words* / J. L. Austin. — Oxford : Oxford University Press, 1962. — 329 p.

Художественные фильмы

5. *Bridget Jones's Diary*. — Miramax Films: directed by Sharon Maguire, 2001.
6. *Dirty Rotten Scoundrels*. — Orion Pictures Corporation : directed by Frank Oz, 1988.
7. *Heartbreakers*. — Davis Entertainment: directed by David Mirkin, 2001.
8. *In her Shoes*. — 20th Century Fox : directed by Curtis Hanson, 2005.
9. *No Strings Attached*. — Paramount Pictures : directed by Ivan Reitman, 2011.
10. *The Best Offer*. — Warner Bros. Pictures : directed by Giuseppe Tornatore, 2013.
11. *What's Your Number ?* — Regency Enterprises : Directed by Mark Mylod, 2011.

References

1. Kolshanskij, G. V. (1974), *Paralinguistics [Paralingvistika]*, Nauka, Moscow, 80 p.
2. Popik, I. P. (2004), *Lexical-semantic field «gesticulation» in language and speech (on the samples from English dictionaries and texts) : Thesis [Leksiko-semanticheskoe pole «zhestikuljacija» v jazyke i rechi (na materiale anglojazychnykh slovarnej i tekstov) : Dis. ... kand. filol. nauk :10.02.04]*, Odessa I. I. Mechnikov National University, Odessa, 203 p.
3. Selivanova, O. O. (2011), *The basis for the language communication theory [Osnovy teoriji movnoji komunikaciji]*, Ju. A. Chabanenko Publishing, Cherkassy, 350 p.
4. Austin, J. L. (1962), *How to Do Things with Words*, Oxford University Press, Oxford, 329 p.

Feature films

5. *Bridget Jones's Diary* (2001), Miramax Films, directed by Sharon Maguire.
6. *Dirty Rotten Scoundrels* (1988), Orion Pictures Corporation, directed by Frank Oz.
7. *Heartbreakers* (2001), Davis Entertainment, directed by David Mirkin.
8. *In her Shoes* (2005), 20th Century Fox, directed by Curtis Hanson.
9. *No Strings Attached* (2011), Paramount Pictures, directed by Ivan Reitman.
10. *The Best Offer* (2013), Warner Bros. Pictures, directed by Giuseppe Tornatore.
11. *What's Your Number?* (2011), Regency Enterprises, directed by Mark Mylod.

БИГУНОВА Наталя Олександрівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри теоретичної та прикладної фонетики англійської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 (0482) 630703; e-mail: natalbig@ukr.net; ORCID ID: 0000-0002-9460-9700

ПАРАВЕРБАЛЬНІ ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ ПОЗИТИВНОЇ ОЦІНКИ В АНГЛОМОВНОМУ КІНОДИСКУРСІ

Анотація. *Meta* статті — аналіз невербальних засобів інтенсифікації позитивної оцінки в мовленнєвому акті схвалення. *Об'єкт* аналізу — англomовний кінодискурс. *Предмет* дослідження — невербальні засоби вираження позитивної оцінки. *Результат* дослідження — виявлення закономірності: кінетичні засоби, використовувані акторами при вираженні схвалення, залежать від ступеня щирості й експресивності, зумовлених сюжетом, образом персонажа та вимогами режисера.

Висновки. Паравербальні засоби дозволяють диференціювати щирі висловлювання схвалення, які характеризуються високим ступенем емоційності, але різним ступенем експресивності; нещирі висловлювання схвалення, за допомогою яких мовець намагається приховати переляк, підбадьорити або заспокоїти співрозмовника; іронічні висловлювання схвалення; формальні, ритуальні висловлювання схвалення. Дослідження також показало, що схвалення може комунікативно проявлятися виключно за допомогою невербаліки, без залучення вербального компоненту. **Практична цінність** результатів дослідження визначається можливістю використання теоретичних положень проведеного дослідження в курсах лекцій і на семінарах, присвячених проблемам невербальної семіотики.

Ключові слова: оцінка, мовленнєвий акт, схвалення, кінема, жест, міміка.

Natalia A. BIGUNOVA

Candidate of Sciences in Philology, associate professor of The Theoretical and Applied English Phonetics Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26, Francuzskij boulevard, 65058, Tel: (0482) 63-07-03; e-mail: natalbig@ukr.net ; ORCID ID: 0000-0002-9460-9700

PARAVERBAL MEANS EXPRESSING POSITIVE EVALUATION IN ENGLISH FILM DISCOURSE

Summary. The *purpose* of the article is to analyse non-verbal means of emphasizing positive evaluation in approval speech act in English film discourse. The *object* of this study is English film discourse. The *subjects* of this study are non-verbal means of emphasizing positive evaluation. *Methods* of linguistic description, contextual-interpretational and functional-semantic methods are used in this linguistic research. Identifying the tendency that the kinetic means, used by the actors expressing approval, depend on its degree of sincerity and expressiveness, presupposed by the plot, a character's image and the film maker's demands is the *finding* of research.

The results of the research show that paraverbal means serve to differentiate sincere approving utterances that are characterized by high degree of emotiveness, but a different degree of expressiveness; insincere approving utterances serving to hide the speaker's fear, to encourage or soothe the interlocutor; ironical approving utterances; formal or ritual approving utterances. The research has also shown that approval can be communicatively realized by means of paraverbal devices only, without any verbal components. The *practical value* of the research is a possibility to use the theoretical points of the carried out research during the lectures and seminars devoted to the problems of non-verbal semiotics.

Key words: evaluation, speech act, approval, kineme, gesture, mimicry.

Статтю отримано 30.04.2017 р.

ЖЕЛЯЗКОВА Виктория Валерьевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры общей и прикладной лингвистики Николаевского национального университета имени В. А. Сухомлинского; ул. Никольская, 24, г. Николаев, 54030, Украина; тел.: +38(066)9217141; e-mail: olya.zhelyazkova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-2465-7675

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ДИАЛОГОВ КИНОФИЛЬМА ОКСАНЫ БАЙРАК «АВРОРА»

Аннотация. Цель статьи заключается в освещении проблемы лингвосемиотического анализа кинодиалогов фильма Оксаны Байрак «Аврора». В связи с тем, что в современной лингвистике интерес учёных к кинодискурсу только начинает зарождаться, автор делает попытку решить некоторые практические задачи в этой области. В частности, осуществлён краткий обзор научной литературы, освещающей феномен понятия «кинодиалог», дана авторская дефиниция этого понятия. **Объектом** исследования является текст кинофильма «Аврора» украинского режиссёра Оксаны Байрак. Фильмы украинского производства до этого не подвергались подобным научным интерпретациям. **Предмет** изучения — лингвосемиотическая специфика кинодиалогов указанной киноленты. Для достижения поставленной цели и с учётом особенностей предмета исследования привлечены следующие научные **методы**: описание, анализ, наблюдение, обобщение, количественный, контекстуально-интерпретационный и др. В **результате** анализа более 280 реплик, прозвучавших в кинофильме, автор определяет лингвистические и семиотические маркеры устно-вербальных и письменно-вербальных диалогов, выделяя в них диегетические и недиегетические элементы. **Выводы**: в данной киноленте основную семиотическую нагрузку выполняют устно-вербальные диалоги, которые характеризуются разнообразной знаковой структурой и функциями.

Ключевые слова: кинодиалог, кинодискурс, вербалика, невербалика, диегетический элемент, недиегетический элемент, кинофильм «Аврора», Оксана Байрак.

Постановка проблемы. Лингвистика XXI века постепенно отказывается от традиционных подходов к исследованию языковых феноменов, пытается создать инновационный инструментарий для комплексного изучения различных сфер реализации коммуникативных способностей личности.

Анализ последних исследований и публикаций. Одной из таких сфер является киноиндустрия, дискурс которой в конгломерате лингвистических наук по-прежнему остаётся малоизученным, несмотря на то, что в этом русле активно работают Т. Духовная, М. Ефремова, А. Зарецкая, С. Назмутдинова, Г. Слышкин, Ю. Сургай и др. Учитывая, что кинодискурс — это «сложное, ёмкое, многоаспектное, гетерогенное образование, имеющее расширенную структуру» [1, с. 67], большинство научных исследований осуществляется в рамках лингвосемиотического направления, основы которого были заложены ещё в трудах Ю. Лотмана («Семиотика кино и проблемы киноэстетики»), а также Р. Барта («Проблема значения в кино»), Ж. Делёза («Кино»), Ж. Митри («Визуальные структуры и семиология фильма») и Ю. Цивьяна («К метасемиотическому описанию повествования в кинематографе: труды по знаковым системам»). Продолжателями данной научной традиции сегодня являются В. Горшкова, Е. Иванова, Е. Колодина, И. Муха и др.

Следует отметить, что в работах вышеупомянутых учёных, как правило, проводится лингвосемиотический анализ кинофильмов англо-американского, французского и российского производства. Ленты современных украинских режиссёров пока остаются без внимания научного сообщества, что объясняет наше обращение к данному кинематографическому материалу и указывает на актуальность выполненного исследования. К тому же, фильмы, снятые Оксаной Байрак, ещё не становились объектом самостоятельных научных разработок в области лингвистических знаний.

Актуальность предлагаемой статьи определяется также рядом других, не менее важных факторов. В частности, она усиливается благодаря возрастанию интереса со стороны зарубежных и отечественных лингвосемиотиков к исследованию кинодиалогов, что предусматривает детальное изучение как устно-вербальных, так и письменно-вербальных компонентов кинопродукта. Нам представляется необходимым описание лингвосемиотической природы кинофильма О. Байрак «Аврора», диалоги которого в определённой степени репрезентируют украинскую кинодискурсивную практику.

Постановка задач. Цель работы заключается в выявлении и научной трактовке лингвосемиотических параметров диалогов, представленных в кинофильме украинского режиссёра Оксаны Байрак «Аврора». В соответствии с поставленной целью считаем необходимым решить следующее практические задачи:

- уточнить дефинитивное поле понятия «кинодиалог» в рамках лингвосемиотической парадигмы;
- описать механизм репрезентации диалогов в указанном кинофильме;
- определить лингвистические и семиотические средства построения устно-вербальных и письменно-вербальных составляющих в кинодиалогах фильма О. Байрак «Аврора».

В качестве объекта данного исследования выбраны диалоги из кинофильма украинского режиссера О. Байрак «Аврора». Предмет исследования — лингвосемиотические параметры диалогов, представленных в данной киноленте.

Фильм-драма О. Байрак «Аврора» (полное название — «Аврора, или что снится Спящей Кра-савице») снят в 2006 году и номинирован на премию «Оскар» как «Лучший фильм на иностранном языке». В фильме повествуется о судьбе маленькой девочки, пережившей трагедию на Чернобыль-ской АЭС. Фактический материал работы насчитывает более 280 кинореplik, общий объём звуча-ния которых составляет около 85 мин.

Для успешной реализации цели и решения поставленных задач, а также учитывая сложность объекта исследования, нами были использованы следующие методы. Общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения задействованы нами с целью системного структурирования теоретической базы данного исследования. Метод сплошной выборки способствовал отбору материала исследования. Метод наблюдения позволил определить в структуре кинодиалогов как собственно лингвистические, так и семиотические элементы. В работе применяются и специальные методы. В частности, метод компонентного анализа, интерпретационный метод и элементы контекстуального анализа дали воз-можность произвести релевантную квалификацию фактажа работы и детально описать механизм репрезентации диалогов в исследуемом фильме. Используется метод количественного анализа для установления общей динамики диалогической природы фильма.

Изложение основного материала. В научной литературе существует несколько разноплановых подходов к толкованию понятия «кинодиалог», в связи с чем его дефинитивное поле на сегодняшний день имеет достаточно размытые границы. Так, в работах В. Горшковой кинодиалог интерпрети-руется как «вербальный компонент художественного фильма, смысловая завершенность которого обеспечивается аудиовизуальным (звукорительным) рядом в общем дискурсе фильма» [3, с. 46]. Отчасти аналогичную позицию занимает Т. Духовная, в научном исследовании которой объяснение феномена кинодиалога сводится к его дефинированию как вербальной составляющей дискурса кино-фильма, не обладающей абсолютной самостоятельностью, поскольку, как доказывает исследовате-льница, он тесно связан с видеорядом, который значительно дополняет и поясняет словесный материал [1, с. 65]. В понимании С. Козлоффа, он представляет собой «совокупность всех разговорных линий фильма» [1, с. 65]. С. Козлофф выдвигает также точку зрения, согласно которой диалог в кино (ки-нодиалог) используется в более сжатой форме, нежели в других сферах искусства, а потому являет-ся дополнением к действию, показанном в кинокадре. С этим мнением в корне не согласен киновед В. Ждан, который полагает, что «диалог в фильме отнюдь не является неким добавочным средством к пластическому действию: он сам является органической частью природы этого действия. Слово и действие взаимно дополняют друг друга, но дополняют на равных творческих правах как взаимопр-никающие части единого композиционного целого. Мысль движется в одном случае от слова через действие и снова к слову, в другом — от действия через слово и снова к действию» [2, с. 222].

Приведённые выше дефиниции выдаются абсолютно релевантными для нашего исследования, но всё же требуют небольшого уточнения. В нашем видении кинодиалог, прежде всего, является ком-плексом вербальных и невербальных форм реализации смысла киноленты, а также прагматических установок и идей режиссёра.

Кинодиалог, рассматриваемый большинством учёных как лингвосемиотическое явление, имеет неоднородную структуру. По словам И. Мухи, он состоит из двух гетерогенных компонентов — ус-тно-вербального и письменно-вербального [7, с. 13]. Каждый из названных структурных элементов характеризуется разнородным набором диегетических и недиегетических составляющих. Заметим, что диегетическими маркерами устного кинодиалога выступают речь героев фильма и песни в кадре [7, с. 13]. Такие элементы присутствуют и в анализируемом нами фильме «Аврора».

С лингвосемиотической точки зрения, речь героев фильма имеет различную смысловую нагрузку и неоднородную формальную конституцию. Докажем это на конкретных примерах.

Диалог № 1.

Аврора: *Наташа, я вернусь ровно в девять. А если меня будет кто-то искать, скажи, что я ушла.*

Наташа: *Да кому ты нужна!*

В данном примере смысл и форма диалога можно считать идентичными, если рассматривать их неотделимо от видеоряда. Реплика, произнесённая персонажем Наташей, отражает безразличие к главной героине фильма не только на словесном уровне, но и усиливается на уровне невербалики (презрительная интонация, отсутствие заинтересованности в выполнении просьбы: на это указы-вают её действия — она рисует мелом на асфальте, не поднимая головы к девочке, которая к ней обратилась).

Подобных диалогов при просмотре кинофильма зафиксировано 22 %.

Диалог № 2.

Соседка Савченко: *А що це було?*

Анастасия Савченко: *Да так. Девчонка детдомовская. С Припяти.*

Соседка Савченко: *Детдомовская?*

Анастасия Савченко: *Прицепилась к моему Тарасу, будто он — это отец родной.*

В кадре, где звучит этот диалог, наблюдается полное несоответствие между смыслом реплик актёров и выполняемыми ими действиями. В частности, персонаж Анастасия Савченко во время разговора со своей соседкой сначала вскапывала огород, а после стала развешивать бельё. Это означает, что невербальная составляющая данного диалога является фоном, из-за чего вербальная сторона приобретает максимальную смысловую нагрузку. Поскольку действие происходит в начале фильма, то произнесённые повествовательные реплики из уст Анастасии Савченко выполняют сугубо информативную функцию, т. е. героиня рассказывает о социальном статусе девочки Авроры.

Таких диалогов в киноленте насчитывается около 15 %.

Диалог № 3.

Марго: *Birthday!*

Ник Астахов: *Thanks, baby! Сегодня приснился сам себе в белом гриме с чёрными глазницами. Так страшно...*

Марго: *Nik, what happens?*

Этот диалог репрезентирует особенности коммуникативного барьера, возникающего между общающимися на фоне незнания одного из языков, в частности, русского. Но этот пробел восполняется режиссёром за счёт правильной актёрской пластики, т. е. Марго поняла тревожное душевное состояние Ника Астахова по выражению его лица, выбранной им интонации, а не смыслу произнесённой им фразы. В лингвистике это явление называется комплементарной информативностью. При этом смещается «фокус в репрезентации информации с вербального компонента на видеоряд фильма», а потому «речь в такой трактовке приравнивается к звуковым явлениям, воздействующим на адресата своими физическими свойствами» [7, с. 15].

Диалогов с аналогичной лингвосомиотической системой зафиксировано 33 %. Такое число обусловлено тем, что действия в фильме разворачиваются не только на территории Украинской ССР (современная Украина), но и в США. Кроме того, в картине принимают участие не только русскоговорящие актёры, но и представители американского кинематографа. Потому значительная часть диалогов англоязычная.

Диалог № 4.

Аврора: *Здравствуйте! Меня зовут Аврора. Я приехала из Чернобыля.*

Ник Астахов: *I don't understand.*

Аврора: *Не бойтесь. Я — Аврора, а это Вы. Распшиитесь, пожалуйста, вот здесь!* (девочка протягивает фотографию Нику с его изображением).

Ник: *It's not me.*

Аврора: *Вы Николай Астахов. Звезда мирового балета. Только здесь Вы без бороды.*

Ник: *This is a mistake.*

Аврора: *Распшиитесь!*

Ник: *I don't understand you. My name is James Brown.*

Аврора: *Нет, Вы Николай Астахов, звезда мирового балета.*

Ник: *I'm James Brown.*

Аврора: *You Николай Астахов.*

Ник: *Crazy...*

Рассматриваемая сцена между главными героями фильма, с точки зрения лингвистики, насыщена этикетными формулами (например, *Здравствуйте!*), повествовательными и повелительными предложениями, а также метафорическими оборотами (например, *звезда мирового балета*) и игрой слов, когда в одном предложении используются знаки как русского, так и английского языков (см. реплику *You Николай Астахов*). Комплекс названных лингвистических приёмов использован, на наш взгляд, с целью актуализации передаваемой героями информации и с целью усиления драматизма описываемой ситуации. Не менее важный акцент в данном диалоге сделан на фотографии, которая стала причиной возникновения такого диалога. Поэтому в данном случае фотография играет роль второстепенного знака. Он (знак) смещает фокус внимания зрителя с видеоряда на звукооряд киноленты, поскольку «наличие визуального восприятия объекта обуславливает отсутствие в кинодиалоге прямой номинации данного объекта и наличие лингвистических средств, заменяющих прямое указание» [7, с. 15].

Аналогичную семиотическую функцию в фильме выполняют такие предметы, как расчёска, видеокамера, инвалидное кресло и др. Сцен с такой лингвосомиотической системой построения нами выявлено около 11 %.

Их количественный показатель англоязычных диалогов в фильме равен 9 %. По нашему мнению, такие диалоги используются с целью конструирования в кинодискурсе социально-культурного хронотопа.

Особое место в лингвосомиотическом дискурсе фильма «Аврора» занимают диалоги с так называемым эффектом двойного сказывания, когда «реплика обладает различным смыслом для зрителя и для героев фильма, поскольку объём информации, полученный зрителем на момент произнесения реплики через диегетические и недиегетические элементы фильма, превышает объём информации,

доступный персонажам» [7, с. 16]. Таким образом, каждый зритель смысловую глубину диалога воспримет по-своему, в зависимости возраста, уровня образования, лингвокультурологических познаний и других факторов. Обратимся к примеру.

Диалог № 6.

Ник Астахов: *У меня для тебя есть подарок. Хочешь узнать, какой?*

Аврора: *Хочу.*

Ник Астахов (протягивая Авроре белые пуанты в коробке): *Это тебе!*

Аврора: *Как Вы узнали? Я так и знала. Что? Ты мой папа?*

Ник Астахов: *Возвращайся!*

Аврора: *Я постараюсь.*

Эмоциональность и коммуникативная мощность данного диалога объясняется несколькими моментами. Во-первых, на вопросы Ника Аврора отвечает, в то время как Ник уклоняется от ответов на поставленные девочкой вопросы. Следовательно, режиссёр создаёт ситуацию так называемого коммуникативного многоточия, когда зрителю приходится самому ответить на риторические вопросы. Примечательно, что одни зрители дадут положительный ответ, а другие — отрицательный. Во-вторых, не менее важную смысловую нагрузку в данном контексте играет сделанный Ником подарок в виде белых пуантов. С одной стороны, это можно расценивать как воплощение детской мечты, а с другой — как знак инициации в христианской культуре. В данном случае — знак, предвещающий её смерть.

Среди диегетических единиц устно-вербальных диалогов выделяются и песни, исполняемые героями в кадре. Правда, такие сцены имеют невысокую репрезентативность в данном фильме. Их зафиксировано всего лишь 2 %.

Диалог № 7.

Клава (поёт песню): *Я уеду в Комарово, где качается...*

Работница столовой: *Тётя Катя, а она у нас певица!*

Тётя Катя: *Хм!*

В данном случае лингвосемиотический потенциал диалога определяется не произнесёнными репликами, хотя они отражают эмоциональный фон сцены, чему способствует использование разговорного слова (*тётя*) и междометия (*хм*). Стержнем их лингвосемиотической системы является именно песня, напеваемая героиней. Она несёт в себе несколько смыслов: во-первых, сообщает о душевном состоянии персонажа (Клава влюблена), а во-вторых, указывает на особенности эпохи, во времена которой происходит действие (песня написана композитором И. Николаевым в 1980-е годы).

Отметим, что устно-вербальные диалоги героев фильма Оксана Байрак конструирует с помощью и недиегетических элементов, среди которых особая роль отведена закадровым монологам, а также песням вертикального монтажа [7, с. 13]. Рассмотрим их лингвосемиотические особенности. Техника закадрового монолога в фильме реализуется в форме писем, которые пишет Аврора своей подруге из детского дома и проговаривает вслух. Примечательно, что «сцена выстраивается так, что всё зрительское внимание переносится с произносящего монолог на безмолвное окружение» [6, с. 24], т. е. все мысли Авроры, которые она фиксирует на листке бумаги, визуализированы. Более того, отношение к написанному передают употребляемые ею знаки просторечия (например, *вообщем, Наташа, задружимся, болючие*), которые свидетельствуют не столько об уровне образования героини, сколько о простоте и искренности её чувств. В этом смысле не менее важную роль играют и вопросительные предложения, которые Аврора адресует своей подруге и ожидает реакции на них в ответном письме. Поэтому данные лингвистические маркеры в совокупности с соответствующим видеорядом приобретают семиотический потенциал, наделяя монолог в этой сцене функциями контрапункта. Таким образом, мы с полной уверенностью можем констатировать, что в этом случае монологи Авроры «используются для усиления значения видеоряда, создания контекста и / или для придания особой значимости одному элементу кинодиалога за счёт фоновой репрезентации другого» [7, с. 19].

В качестве недиегетических элементов режиссёр умело использует музыку вертикального монтажа, которая в большей степени передаёт душевные переживания героев. Такие семиотические знаки присутствуют в сценах, когда плачущей Авроре стригут волосы или когда Ник приходит на премьеру собственной балетной постановки, посвящённой памяти умершей девочки. Музыкальный ряд и невербальное поведение персонажей полностью совпадают.

Менее активно в диалогах этого фильма используются письменно-вербальные компоненты. Их насчитывается около 5 %. К ним мы отнесли диегетические маркеры, представленные различными надписями в кадре (например, названия населённых пунктов на дорожных указателях: *Чернобыль, Припять*; названия учреждений — *Чернобыльская АЭС*; названия журналов — *Советский экран* и др.), а также недиегетические маркеры, которыми являются инициальные и финальные титры фильма.

Выводы. Проведённое нами исследование показывает, что в лингвосемиотическом континууме кинопроизведения Оксаны Байрак преобладают устно-вербальные диалоги (около 90 %), что связано с жанровой спецификой анализируемого нами продукта искусства. Их функция, по нашим наблюдениям, сводится к информированию зрителя о различных микро- и макросюжетных линиях,

а також о режисёрських інтенціях. В цьому особу роль зіграли використані лінгвістичні прийоми, а також невербальні інструменти комунікації. Письменно-вербальні діалоги (10 %) також представлені в фільмі «Аврора», однак їх функціональні потенції направлені на привертання зрительського уваги і його фокусування на важливі деталі кіносюжету.

Литература

1. Духовная Т. В. Структурные составляющие кинодискурса / Т. В. Духовная // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2015. — № 1 (43). Ч. I. — С. 64–69.
2. Ждан В. Н. Эстетика экрана и взаимодействие искусств / В. Н. Ждан. — М. : Искусство, 1982. — 496 с.
3. Колодина Е. А. Роль смысловой доминанты в процессе перевода кинодиалога / Е. А. Колодина // Эволюция имиджа переводчика : от невидимого передатчика к модератору диалога культур : материалы международной научно-практической конференции (Иркутск, 29–30 сентября 2011 г.). — Иркутск : ИГЛУ, 2011. — С. 46–52.
4. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. — Таллинн : Александра, 1973. — 140 с.
5. Митри Ж. Визуальные структуры и семиология фильма / Ж. Митри // Стрoение фильма : [сборник статей]. — М. : Радуга, 1985. — С. 33–44.
6. Мочалов Ю. Мизансцены монолога // Ю. Мочалов. Мизансцена. Язык режиссёра : сб. статей. — М. : Советская Россия, 1987. — С. 17–25.
7. Муха И. П. Категория информативности кинодиалога : автореф. дисс. ... канд. филол. н. : 10.02.19 / И. П. Муха. — Иркутск, 2011. — 20 с.

References

1. Duhovnaia, T. V. (2015), «Structural components of movie discourse», *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice* [«Strukturyne sostavliajuschie kinodiskursa», *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*], Gramota, Tambov, vol. 1 (43), part 1, pp. 64–69.
2. Zhdan, V. N. (1982), *Screen aesthetics and interaction of arts* [*Estetika ekrana i vzaimodejstvie iskusstv*], Iskusstvo, Moscow, 496 p.
3. Kolodina, E. A. (2011), «Semantic dominant' role in the translation process of movie dialogues», *Translator's image evolution : from invisible transmitter to the moderator of the dialogue of cultures : materials of the International scientific-practical conference* [«Rol smyslovoj dominanty v processe perevoda kinodialoga», *Evolucija imidzha perevodchika : ot nevidimogo peredatchika k moderatoru dialoga kultur : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii (Irkutsk, 29–30 of september 2011)*], Irkutsk State Linguistic University, Irkutsk, pp. 46–52.
4. Lotman, Yu. M. (1973), *Semiotics of Film and problems of aesthetics cinema* [*Semiotika kino i problemy kinoestetiki*], Aleksandra, Tallinn, 140 p.
5. Mitri, Zh. (1985), «Visual structure and symptomatology of film», *The structure of the film : collection of articles* [«Vizualnye struktury i semiologija filma», *Stroenie filma : sbornik statej*], Raduga, Moscow, pp. 33–44.
6. Mochalov, Yu. (1987), «Mise en scene of the monologue», *Mise en scene. The director's language : collection of articles* [«Mizanscena monologa», *Mizanscena. Jazyk rezhissera : sbornik statej*], Sovetskaja Rossija, Moscow, p. 17–25.
7. Mukha, I. P. (2011), *Category of informativeness in movie dialogue : synopsis* [*Kategoriya informativnosti kinodialoga : avtoref. diss. ... kand. filol. n.*], Irkutsk, 20 p.

ЖЕЛЯЗКОВА Вікторія Валеріївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри загальної та прикладної лінгвістики Миколаївського національного університету імені В. О. Сухомлинського; вул. Нікольська, 24, м. Миколаїв, 54030, Україна; тел.: +38 066 9217141; e-mail: olya.zhelyazkova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-2465-7675

ЛІНГВОСЕМІОТИЧНІ МАРКЕРИ ДІАЛОГІВ КІНОФІЛЬМУ ОКСАНИ БАЙРАК «АВРОРА»

Анотація. *Мета* статті полягає у висвітленні проблеми лінгвосеміотичного аналізу кінодіалогів фільму Оксани Байрак «Аврора». У сучасній лінгвістиці інтерес учених до кінодискурсу лише починає зароджуватися, отже, автор робить спробу вирішити певні практичні завдання окресленої проблеми. Зокрема, здійснено короткий огляд наукової літератури, в якій висвітлюється феномен поняття «кінодіалог», запропоновано власну авторську дефініцію цього поняття. *Об'єктом* дослідження обрано фільм українського режисера Оксани Байрак «Аврора». До цього фільму українського виробництва ще не були об'єктом наукових студій. *Предмет* вивчення — лінгвосеміотична специфіка кінодіалогів зазначеної кінострічки. Для досягнення поставленої мети та з урахуванням особливостей предмета дослідження застосовано такі *методи*: опис, аналіз, спостереження, узагальнення, кількісний підрахунок, контекстуальна інтерпретація та ін. *Результатом* аналізу понад 280 реплік із кінофільму виокремлено лінгвістичні та семіотичні маркери усно-вербальних і письмово-вербальних діалогів, указано на їхні дієгетичні та недієгетичні елементи. *Висновки*: в цій кінострічці основне семіотичне навантаження мають усно-вербальні діалоги, що характеризуються різномірною знаковою структурою та функціями.

Ключові слова: кінодіалог, кінодискурс, вербаліка, невербаліка, дієгетичний елемент, недієгетичний елемент, кінофільм «Аврора», Оксана Байрак.

Viktoriya V. ZHELYAZKOVA,

candidate of Philology (PhD), Associate Professor, Department of General and Applied Linguistics of Mykolaiv Sukhomlinsky National University; 24 Nikolskaya str., Mykolaiv, 54030, Ukraine; tel.: +38 066 9217141; e-mail: olya.zhelyazkova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-2465-7675

LINGUISTIC SEMIOTIC MARKERS OF MOVIE «AURORA» DIALOGUES BY OKSANA BAYRAK

Summary. This article is devoted to the linguistic semiotic analysis of movie dialogues. Due to the fact that interest of scientists in modern linguistics to movie discourse is beginning to emerge, the author makes an attempt to solve some practical problems in this area. In particular, the author carries out a brief review of the scientific literature, which highlights the phenomenon of the concept of «movie dialogue» and leads its own definition, which has a general character. The article focuses on the linguistic semiotic analysis of the film «Aurora» by Oksana Bayrak, because the films of Ukrainian origin have not been subjected to such scientific interpretations.

The author makes conclusions based on analysis of more than 280 replicas voiced in the film, determines the linguistic and semiotic markers of oral verbal and written verbal dialogues, highlighting the diegetic and nondiegetic elements in them.

Key words: movie dialogue, movie discourse, verbal, nonverbal, diegetic element, nondiegetic element, the movie «Aurora», Oksana Bayrak.

Статтю отримано 12.01.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107886>

УДК 811.161.2'22'372'42

КАЛЕНЮК Світлана Олександрівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри загальної та прикладної лінгвістики Миколаївського національного університету імені В. О. Сухомлинського; вул. Нікольська, 24, м. Миколаїв, 54030, Україна; e-mail: kalenukso@gmail.com; тел.: +38 093 2978591; ORCID ID: 0000-0002-6055-8351

СЕМАНТИЧНА ГЕТЕРОГЕННІСТЬ ТЕКСТУ ТА ЇЇ КОДОВІ АКТУАЛІЗАТОРИ (НА МАТЕРІАЛІ ПОВІСТІ Т. ПРОХАСЬКА «ДОВКОЛА ОЗЕРА»)

Анотація. *Мета* пропонованої наукової розвідки — з'ясувати сутність семантичної гетерогенності тексту, а також установити характер залежності між семантичною неоднорідністю тексту й кодами, що в ньому функціонують. Відповідно до цього *об'єктом* дослідження обрано семіотичні коди як маркери семантичної гетерогенності тексту повісті Т. Прохаська «Довкола озера», а *предметом* — засоби їхньої номінації. Окреслена мета та складність предмета наукової уваги зумовили необхідність у застосуванні як загальнонаукових (описового, аналітичного, узагальнення, кількісного), так і спеціальних (контекстуально-інтерпретаційного) *методів*. *Результати* роботи отримано на основі змістових експлікацій і кількісних показників. Установлено актуальні коди, що забезпечують семантичну неоднорідність тексту повісті Т. Прохаська «Довкола озера», визначено особливості номінації герменевтичних і символічних кодів із урахуванням усталених і специфічних смислів, виражених ними, здійснено лексико-семантичну характеристику узуальних та оказіональних номінацій цих кодів.

Ключові слова: семантична гетерогенність, текст, семіотичний код, узуальна номінація, оказіональна номінація.

Постановка проблеми. Утвердження лінгвoseміотичного вектора в дослідженні тексту значно розширює дефінітивне поле останнього й визначає його не лише як знакову структуру (Л. Бабенко, Я. Галло, О. Дорофєєва, І. Кочан, В. Кухаренко, Ю. Лотман, В. Лукін, В. Садченко, Б. Успенський та ін.), а і як систему кодів (Н. Андрейчук, Т. Єрохіна, Є. Івченкова, М. Лановик, В. Степанов, О. Хлебникова, Л. Чертов та ін.). Такий ракурс з'явився в сучасній науці під впливом ідей Р. Барта, а згодом і Д. Фоккеми та У. Еко, які вперше відзначили вагому роль кодів і кодових сполук у семіотичній інтерпретації текстів чи їхніх фрагментів.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. У цьому аспекті на сьогодні висвітлено й обґрунтовано значну кількість загальнотеоретичних положень, що стосуються насамперед з'ясування мовленнєвого потенціалу кодів як текстових складників (О. Бразговська, Дж. Ділі, Г. Почепцов, А. Соломоник, Н. Степанова та ін.), визначення типологічних різновидів цих семіотичних утворень (Р. Барт, О. Бразговська, А. Диденко, У. Еко, Х. Кафтанджієв, В. Степанов, Д. Фоккема та ін.), установлення зв'язків із культурним універсумом (Д. Гудков, С. Денисенко, В. Красних, М. Ковшова, О. Селіванова, О. Снитко, І. Тараба, З. Чанишева та ін.). Також останнім часом усе більшої уваги наукова спільнота приділяє питанню семантичної експлікації кодів, однак наявні розробки, попри їхню беззаперечну наукову цінність для лінгвістики, присвячені переважно визначенню номінативного складу кодових одиниць лише як репрезентантів текстів певної культури, через що цілісного уявлення про

лексико-семантичне навантаження всього існуючого розмаїття кодів поки немає (див. праці Н. Венжинович, О. Галинської, О. Дідули, Т. Леонтєвої, Н. Шарманової, С. Шестакової, Л. Щербачук та ін.). Отже, з огляду на те, що будь-який текст «принципово гетерогенний та гетероструктурний» [8, с. 54], тобто має здатність до генерування різних за складністю та семіотичним обсягом смислів і значень, а також уважаючи, вслід за О. Хлебниковою [9], класифікацію Р. Барта [2] найбільш доцільною для аналізу механізмів кодування текстів, виокремлюємо новий напрям дослідницьких пошуків — визначення продукуюваної різними кодами семантики та встановлення їхньої ролі в актуалізації семантичної гетерогенності тексту, в якому вони функціонують.

Не меншою мірою зумовлює наш інтерес до окресленої проблеми й те, що доволі високий рівень неоднорідності, в т. ч. і семантичної, мають тексти феноменологічної прози, бо ж «події в них не є самодостатнім рушієм сюжету, вираженого слабо, а швидше приводами для розгортання певних мисленнєвих (або навіть перцептивно-мисленнєвих) конструктивів» [5, с. 223]. Такою ознакою характеризуються твори представника феноменологічної течії постмодернізму Т. Прохаська, практично не дослідженого сучасними лінгвістами. Це увиразнює актуальність і перспективність досліджень семіотичних кодів, що впливають на семантичну гетерогенність т. зв. безподієвих текстів.

Постановка завдання. Метою пропонованої розвідки є виявлення кодових одиниць у тексті повісті Т. Прохаська «Довкола озера» й аналіз особливостей номінації найпотужніших актуалізаторів семантичної гетерогенності. Досягнення поставленої мети потребує вирішення таких завдань: 1) з'ясувати сутність семантичної гетерогенності тексту; 2) встановити залежність між семантичною неоднорідністю та кодовим наповненням тексту; 3) виявити на основі змістової експлікації кодів актуалізатори семантичної гетерогенності тексту; 4) визначити продуктивні типи номінації кодів та їхні лексико-семантичні характеристики. Об'єктом дослідження є семіотичні коди як маркери семантичної гетерогенності тексту повісті Т. Прохаська «Довкола озера», а предметом — засоби їхньої номінації.

Фактичним матеріалом став текст повісті Т. Прохаська «Довкола озера» з огляду на те, що в ній автор «пропонує певну модель творення картини світу — деталізованої, максимально суб'єктивної, з одного боку, індивідуальної, а з іншого, — універсальної, асоціативно спорідненої зі світовідчуттям кожного вдумливого реципієнта» [5, с. 227], для змалювання якої вдається до використання різних типів кодів, яких у загальній сукупності ми зафіксували понад 280 одиниць.

Виклад основного матеріалу. У науковій літературі під семантичною гетерогенністю прийнято розуміти одну з основних властивостей тексту, що «зумовлюється поєднанням у ньому системних значень і мовленнєвих смислів» [4, с. 3]. Проте їхнє виникнення та функціонування в текстовій матерії визначається, як правило, двома факторами: з одного боку, використанням різних типів знаків, а з іншого, — закодованістю тексту [8, с. 54]. Це означає, що семантична гетерогенність тексту фіксує факт взаємодії в ньому спочатку мовних знаків, а потім кодів, причому різнорідна мовна генеза обох і мовленнєва потужність останніх робить цей текст неоднорідним, тобто полікодовим.

Код, як свідчить огляд низки наукових праць, є багатовимірним і міждисциплінарним поняттям. Його сучасне тлумачення в галузі лінгвосеміотики сформувалося на основі узагальнення дефініцій інших наукових парадигм. Завдяки цьому в лінгвосеміотичній практиці код тлумачиться як механізм породження смислу й повідомлення, а також як знакова структура (Ю. Лотман, В. Лукін, А. Усманова); правила сполучуваності та впорядкованості знаків (Л. Чертов); okazіонально взаємодозначна відповідність кожного знака до певного означуваного (У. Еко); метайнформація, без якої неможлива семіотична інтерпретація (Ю. Шрейдер). Веручи до уваги наведені дефініції та констатуючи неоднотайність поглядів учених на сутність цього поняття, під кодом розуміємо, як пропонує Л. Чертов, сукупність знаків, поєднаних та впорядкованих між собою, бо ж саме це визначення певною мірою засвідчує, що семантика коду може детермінуватися як одним, так і кількома знаками залежно від того, як ними генеруються текстові смисли — прямо чи опосередковано.

У тексті повісті Т. Прохаська «Довкола озера» наявні перелічені вище коди, виокремлення яких ми здійснювали методом суцільної вибірки й з урахуванням таких критеріальних ознак: 1) здатність коду до трансляції прямого чи прихованого смислів; 2) наявність у структурі коду одного чи кількох знаків, що уможливають вираження одного зі смислів або значень. У ході аналізу ми з'ясували, що семічні (Маркус; Северин) та проайретичні (наближувати; притиснутися) коди експлікують у текстах переважно системні значення, тобто ті, що закріплені в словниках мови. Це пояснюємо здатністю цих кодів вербалізуватися переважно за допомогою одиничних мовних знаків із фіксованим (прямим і переносним) значенням. Такої властивості позбавлені герменевтичні (пам'ятаючи каміння, можна вигадувати береги; усі ці варіативні ряди не впливають на впізнавання, як порізи не переінакшують ліній долонь) та символічні (територія його мозку; найдальші закапельки тіла) коди, бо поставити проблемне питання чи утворити асоціативний ряд й інтерпретувати їхні знакові складники поза контекстом практично неможливо, через що ці коди, представлені не одним мовним знаком, експлікують здебільшого мовленнєві смисли. Особливістю гномічних кодів є їхня здатність в одних випадках передавати значення, регламентовані мовною системою, чи відбивати реалії етнокультури (*небо і земля, пов'ялі квіти*), а в інших — імплікувати індивідуально-авторське, суголосне із загальнокультурним, світосприйняття та світорозуміння (*ліс вічної осені, загляєність нічний*

метеликів). Відтак, наведене дозволяє говорити про структурну різноманітність, а отже, й семантичну оригінальність кодів. Зважаючи на це та враховуючи той факт, що «полікодовий текст служить засобом репрезентації тексту як когерентного цілого, сформованого з кількох семіотичних кодів» [4, с. 4], між кодами та семантичною гетерогенністю тексту встановлюється пряма залежність: що численнішими та різноманітнішими будуть коди, то вищим буде рівень неоднорідності тексту.

Як показав аналіз, у кодовій матерії тексту повісті Т. Прохаська «Довкола озера» функціонують понад 2/3 герменевтичних і символічних кодів, що й окреслили межі семантичної неоднорідності обраної джерельної бази дослідження. Проілюструємо це з урахуванням такого параметра, як тип номінації кодів. Вибір саме цього аспекту вивчення пояснюємо тим, що кожний автор, у т. ч. і Т. Прохасько, по-своєму осмислює, описує й інтерпретує явища навколишньої дійсності, у зв'язку з чим лінгвістична характеристика кодів, що функціонують уже у створеній автором реальності, стає невіддільною від поняттєвої. Тому передача однакових смислів, що виражаються кодами, може відбуватися за допомогою різних типів номінацій. Зважаючи на те, що в лінгвістиці й досі спостерігається різноманітність критеріїв поділу номінативних одиниць (місце творення, структура, джерело появи, призначення, характер позначуваного, загальноприйнятність чи специфічність, мотивованість тощо) [1], а також враховуючи різноманітність семіотичної генези кодів та їхні широкі дистрибутивні можливості, за основу семантичного опису беремо критерій загальноприйнятності чи специфічності номенів, що, на наше переконання, дасть змогу визначити, які семантичні смисли ці коди виражають — фіксовані мовою чи запропоновані самим автором. За цим критерієм, як доводять у своїх роботах Л. Азарова, Г. Лепко, М. Мігіріна, І. Нестеренко, номінація буває узуальна та оказіональна [1, с. 88]. Перший різновид детермінований словником мови, а другий — особливостями авторського світогляду, його компетенціями, мотивами та намірами, а також контекстом тексту [1, с. 88].

Зібраний і опрацьований нами фактичний матеріал показав, що найбільш потужними, семантично розгалуженими й активно вживаними є символічні коди (74 %). Вони здатні виражати як узуальні, так і оказіональні значення. Логіка розподілу їх за цими групами базувалася насамперед на наявності дефініцій у Великому тлумачному словнику української мови [3], відсутність, а також і невідповідність літературній нормі яких вказувала на оказіональність досліджуваних одиниць. Крім того, не меншої уваги приділено й такому аспекту, як нашаровування на словникове значення нових елементів смислу.

Виявлено, що узуальний смисл передають символічні коди, у складі яких функціонують такі лексичні одиниці:

– терміни (43 %): *зі складною лінією берегів (затоки, урвища, мілини, фйорди, вигини, півострови)* (географічний термін); *вивереною назовні частиною генома* (біологічний термін); *ураженого антибіотиками моху* (біологічний термін);

– застарілі слова (57 %): *бастіони і форти цитаделі; у цитаделі ботанічного саду; бернардини, юри і редемптористи* (серед виділених слів є архаїзми й історизми: першу групу репрезентують слова «цитадель», що означає фортечну споруду, використовувану як в'язницю [3, с. 1188], та «юра», що вживається для вираження несподівано втраченої надії, припинення свободи дій тощо; другу — слова «бернардин» (член католицького чернечого ордену) та «редемпторист» (католицька чоловіча монахська конгрегація 1732 р.)).

Наведені приклади показують, що письменник удається до використання термінологічної (а саме де термінологізованої) та застарілої лексики для репрезентації власних асоціацій і константів культурної пам'яті народів без бодай часткового спотворення його узуальності. Це означає, що узуальні значення символічних кодів мають загальноприйнятий характер і відтворюють систему символічних асоціацій, зрозумілих для представників різних етнічних спільнот.

Символічні коди вербалізуються й оказіональними номінаціями, що є, як показав аналіз, найчисельнішою групою цих кодів, у складі яких містяться лексеми, що виражають «нові емоційно-оцінні значення, що з'являються в слові в певному контексті на основі індивідуальних асоціацій» [7, с. 31], а також лексеми, що ілюструють умисне відхилення від літературної норми. Відповідно до цього окремих у тексті аналізованої повісті такі типи оказіональних символічних кодів:

– діалектизми (21 %): *чайлися на дахах і піддашнях; на пуделочках маку; кульчик студив сужожилля на ший*. Виділені слова витлумачуються у словниках так: «піддашня» означає горище [3, с. 1150]; «пуделочко» походить від слова «пудло» та означає коробку чи футляр [3, с. 1188]; «кульчик» — це серезка [3, с. 596];

– рідко вживані лексеми (10 %): *керунок течії; пустиння та смітники* (слово «керунок» означає напрям [3, с. 561], «пустиння» — занедбане обійстя [3, с. 1190]);

– розмовні слова (3 %): *між вікнами мусили лежати коци; безконечними переходами у гори* (слово «коц» означає ворсовий пристиджений однобічний килим [3, с. 572], слово «безконечний» утворено від загальноживаного літературного «безкінечний», що позначає того, який не має ні початку, ні кінця, не має видимих меж; безмежний [3, с. 68]);

– оказіоналізми, що «зумовлені зміною в структурі значення слова під впливом контексту або системи образів і сприяє адекватному розумінню слова лише за умов виходу за межі його словникових значень» [3, с. 31], через це й вербалізуються, здебільшого, за допомогою кількох мовних знаків,

що утворюють словосполучення (66 %): *рослина від нерослини; нелатина; будинки нори; будинки гнізда; втеча від дискурсу; русла рельєфу губ; лабіринти дактилоскопії; рами свідомості; середині квітучої сфери; паном флористичних реєстрів; неживі грані стебла; галюцинаційний багатокутник; всі війни уяви; у біографіях болю, холоду і хвороби; уламки досвіду, пам'ять шкільні і постулати слизових; флористична логіка ареалу; вічнозелена конструкція пухлин; реванші флори.*

Зауважимо, що перевага власне okazіоналізмів над іншими типами нелітературних лексем у блоці символічних кодів зумовлена, на нашу думку, більш потужною асоціативністю та стилістичними потенціями перших і авторськими інтенціями до вербального представлення власних асоціативних зв'язків, що виникають поза фіксованими лексикографічними значеннями слів, а також намірами активізувати увагу й уяву читачької аудиторії. Не менш важливо сказати також і про те, що okazіональні символи забезпечують семантичну неоднорідність тексту більшою мірою, ніж узуальні.

Другу позицію в ієрархії маркерів семантичної гетерогенності аналізованого тексту займають герменевтичні коди (19 %). Вони представлені також доволі розгалуженою системою назв, а тому в основі їхньої вербальної репрезентації лежать як узуальні, так і okazіональні значення.

Узуальні номінації герменевтичних кодів найяскравіше виражаються за допомогою загальнозживаних слів, що репрезентують різні тематичні групи слів, а також стилістичні засоби, серед яких головними визначено такі:

– номінативно-ланцюжкові повтори (44 %), за яких «послідовний розвиток думки відбувається так, що в першому реченні повідомляється про певну подію, явище, а кожне наступне щось додає нове. Граматично ланцюговий зв'язок виявляється в застосуванні лексичного повтору, синонімічних замінів і вказівних займенникових слів, співвідносних з іменами предметно-понятійного змісту» [цит. за 10]: *притлумлюючи пам'ять, щоб не пам'ятати ультроструктур; можна думати про те, як ні про що не думається; те, що минає, не є минулим;*

– антоніми (56 %): *багатоколірна суміш галузень стягувалася і розтягалася; при сприятливому сході чи заході сонця і мудрому розміщенні дзеркал крізь нього можна проглядати; не переставало вібрувати через прояснення чи затемнення тепер вже невиразного жовтого освітлення з глибини кімнат; спочатку ніч заходна, а при кінці буде загарячою для дотику; життя ніколи не буває замале, в будь-якій тривалості воно є повністю.*

Okazіонально маркованими є герменевтичні коди, утворені за допомогою таких засобів:

– тотожні лексичні повтори (50 %): *звички стають сенсом і підставою у житті, позбавленому сенсу і підстав; до жінки, якою є всі інші жінки по-різному; внутрішній світ людини — те, що тепер на внутрішньому боці повіки;*

– антоніми (50 %): *приходити вночі за картою денних відкриттів; уможливаючи неможливе; гіркість уможлиблює відчуженість усіх шарів власного тіла — стислого і розпертого одночасно.*

Висновки. Кількісний розподіл узуальних і okazіональних герменевтичних кодів дає підстави говорити про те, що перша група є найбільш актуальною в семіотичній площині тексту. У зв'язку з цим констатуємо, що складність герменевтичних кодів виявляється не в утрудненій інтерпретації його окремих складників, а в процесі декодування загальної інформації, що ними передається, бо вона, як правило, має філософський підтекст. Тому ці коди характеризуються здатністю урізноманітнювати семантику текстових смислів.

Низьку частотність уживання фіксуємо серед проайретичних (4 %), гномічних (2 %) і семічних (1 %) кодів. Зважаючи на поодинокі випадки вживання цих типів кодових сполук, відзначаємо їхню нерелевантність у забезпеченні семантичної гетерогенності тексту досліджуваної повісті.

Отже, в тексті повісті Т. Прохаська «Довкола озера» функціонують різні типи кодових одиниць мови, проте найбільш потужними актуалізаторами його семантичної гетерогенності визначено символічні та герменевтичні коди. Це може бути пов'язано з наявністю в них такого квантора спільності, як здатність до репрезентації прихованого смислу слова чи фрази або натяк на нього. Саме ця властивість, за нашими спостереженнями, виступає інтегральною ознакою під час номінації кодів. У цьому аспекті вони можуть бути представлені узуальними й okazіональними номінаціями. Серед символічних кодів узуальні номінації представлено термінами та застарілими словами; okazіональні — діалектизмами, рідко вживаними, розмовними й okazіональними словами. З числа герменевтичних кодів узуальними виявилися номінативно-ланцюжкові повтори й антоніми, а okazіональними — тотожні лексичні повтори й антоніми також.

Перспективу подальших досліджень убачаємо в здійсненні комплексного семантичного аналізу кодів та поділі їх на тематичні групи.

Л і т е р а т у р а

1. Азарова Л. Визначення типів номінації в сучасному мовознавстві / Л. Азарова, Г. Лепко // Рідний край : альманах Полтавського національного педагогічного університету ім. В. Г. Короленка. — 2010. — № 22 (1). — Полтава, 2010. — С. 86–90.
2. *Bart P. S / Z /* Пер. с фр. Г. К. Косикова и В. П. Мурат ; под ред. Г. К. Косикова. — 3-е изд. / Р. Барт. — М. : Академ. Проект, 2009. — 373 с.
3. Великий тлумачний словник сучасної української мови : 170 000 слів / уклад., гол. ред. В. Т. Бусел. — К. ; Ірпінь : Перун, 2003. — 1427 с.
4. Галло Я. К проблематике семантической гетерогенности текста / Я. Галло // *Opera Slavica. Slavisticke Rozhledy*. — Brno, 2013. — Fasc. XXIII (2). — С. 1–6.
5. Гребенюк Т. В. Характерні риси подієвості феноменологічної прози (на матеріалі творів Т. Прохаська) / Т. В. Гребенюк // *Наук. записки Бердянського держ. пед. університету*. — 2015. — Вип. 5. — С. 221–228.
6. Прохасько Т. Довкола озера / Прохасько Т. // *Лексикон таємних знань*. — Львів : Кальварія, 2003. — С. 29–40.
7. Стадний А. С. Оказіональні й узуальні конотативні значення дієслів у мові сучасних ЗМІ / А. С. Стадний // *Мовознавчий вісник : зб. наук. пр. / МОН України ; Черкаський нац. ун-т ім. Б. Хмельницького; відп. ред. Г. І. Мартинюка*. — Черкаси, 2014. — Вип. 18. — С. 30–34.
8. *Теорія тексту* : учеб. пособие / Ю. Н. Земская, И. Ю. Качесова, Л. М. Комиссарова, А. А. Чувакин и др. — М. : Флинта, Наука, 2010. — 132 с.
9. Хлебникова О. В. Семиотические коды в философском тексте [Электронный ресурс] / О. В. Хлебникова // *Вестник Омского государственного педагогического университета*. — 2006. — Режим доступа : <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgru-11.pdf> ; Название с экрана.
10. Чередніченко А. Повтори як засіб когезії тексту [Електронний ресурс] / А. Чередніченко // Режим доступу : <http://synopsis.kubg.edu.ua/index.php/synopsis/article/view/91> ; Назва з екрану.

References

1. Azarova, L., Lepko, G. (2010), «Determining the type of a nomination in modern linguistics», *Native Land : Almanac of Poltava V. G. Korolenko National Pedagogical University* [«Vyznachennia typiv nominacij v suchasnomu movoznavstvi», *Ridnyj kraj : Al'manakh Poltav's'kogo nacional'nogo pedagogichnogo universytetu im. V. G. Korolenka*], Poltava, vol. 22, part 1, pp. 86–90.
2. Bart, R. (2009), *S / Z*, Academic Project, Moscow, 373 p.
3. *Great Dictionary of the Modern Ukrainian Language* (2003) [*Velykij tлумачnyj slovnyk suchasnoji ukrajins'koji movy*], Perun, Irpen—Kyiv, 1427 p.
4. Gallo, Ya. (2013), «To the problems of semantic text heterogeneity», *Opera Slavica. Slavisticke Rozhledy* [«K problematike semanticheskoi geterogennosti teksta», *Opera Slavica. Slavisticke Rozhledy*], Brno, vol. XXIII (2), pp. 1–6.
5. Grebeniuk, T. (2015), «Characteristics eventfulness of phenomenological prose (based on the works by T. Prokhasko)», *Scientific Notes of Berdyansk State Pedagogical University* [«Harakterni rysy podievosti fenomenologichnoji prozy (na materialii tvoriv T. Prokhaska)», *Naukovi zapysky Berdyans'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu*], Berdyans'k, vol. 5, pp. 221–228.
6. Prokhasko, T. (2003), «Around the Lake», *The Lexicon of secret knowledge* [«Dovkola ozera», *Лексикон таємних знань*], Calvariya, Lviv, pp. 29–40.
7. Stadnij, A. «Usual and occasional connotative meaning of verbs in the language of contemporary media», *Linguistic Bulletin : Collected Works* [«Okazionalni j uzualni konotativni znachennia diesliv u movi suchasnykh ZMI», *Movoznavchyy visnyk : zbirnyk naukovykh prac*], Cherkassy B. Khmel'nitsky National University, Cherkassy, vol. 18, pp. 30–34.
8. *Theory of Text : Textbook*, (2010) [*Teorija teksta : ucheb. posobie*], Flinta, Nauka, Moscow, 132 p.
9. Khlebnikova, O. «Semiotic codes in a philosophical text» [«Semioticheskie kody v filosofskom tekste»], available at : <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgru-11.pdf> [Accessed 13 Jan. 2017].
10. Cherednichenko, A. «Repeat as means of text cohesive» [«Povtory yak zasib koheziyi tekstu»], available at : <http://synopsis.kubg.edu.ua/index.php/synopsis/article/view/91> [Accessed 14 Jan. 2017].

КАЛЕНЮК Светлана Александровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры общей и прикладной лингвистики Николаевского национального университета имени В. А. Сухомлинского; ул. Никольская, 24, г. Николаев, 54030, Украина; тел.: +38 093 2978591; e-mail: kalenukso@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6055-8351

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ ТЕКСТА И ЕЁ КОДОВЫЕ АКТУАЛИЗАТОРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Т. ПРОХАСЬКО «ВОКРУГ ОЗЕРА»)

Аннотация. Целью статьи является определение сущности семантической гетерогенности текста, а также установление характера зависимости между семантической неоднородностью текста и кодами. В соответствии с этим *объектом* исследования стали семиотические коды как маркеры семантической гетерогенности текста повести Т. Прохасько «Вокруг озера», а *предметом* — средства их номинации. Указанная цель и сложность предмета научного внимания стали причиной обращения к *методам* общенаучным (анализ, синтез, описание, количественный) и специальным (контекстуально-интерпретационный). *Результаты* работы получены на основе содержательных экспликаций и количественных показателей. Установлены актуальные коды, обеспечивающие семантическую неоднородность текста повести Т. Прохасько «Вокруг озера», определены особенности номинации герменевтических и символических

кодов с учётом сложившихся и специфических смыслов, выраженных ими, а также осуществлена лексико-семантическая характеристика узуальных и окказиональных номинаций этих кодов.

Ключевые слова: семантическая гетерогенность, текст, семиотический код, узуальная номинация, окказиональная номинация.

Svitlana O. KALENUK,

candidate of Philology (PhD), Associate Professor, Department of General and Applied Linguistics, Mykolaiv Sukhomlinskiy National University; 24, Nikolska str., Mykolaiv, 54030, Ukraine; tel.: +38 093 2978591; e-mail: kalenukso@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6055-8351

HETEROGENEITY SEMANTIC TEXT AND ACTUALIZERS CODE (ON THE MATERIAL OF THE NOVEL «AROUND THE LAKE» BY T. PROKHASKO)

Summary. The semantic heterogeneity of the text has always been the object of linguistic researches. Many scientists have claimed that the words and phrases are stimulants of semantic heterogeneity. But with the advent of lingvosemiotic and popularity of semiotic analysis of linguistic units, we attempted to analyze the impact of semiotic codes on the semantic heterogeneity of the text (on the material of the novel by T. Prokhasko «Around the Lake»), which until then had not been undertaken in science. In this regard, we have decided the following tasks: identified the essence of the concept of the semantic heterogeneity of the text, established a direct relationship between the semantic heterogeneity of text and codes that it operate, on the basis of semantic explications and quantitative indicators analyzed the relevant codes that enable and affect the degree of semantic heterogeneity of text of novel by T. Prokhasko «Around the Lake». As a result we found that the most powerful actualizers of the semantic heterogeneity of the text were symbolic and hermeneutic codes. We noticed that the hermeneutic and symbolic codes are presented in the text with the help of usual and occasional nominations. Moreover, the lexical-semantic analysis of these nominations showed that in the system of symbolic codes dominated the occasionalisms, in block of hermeneutic codes — usual type of naming. This we explain the individual intentions of the author.

Key words: semantic heterogeneity, text, semiotic code, usual nomination, occasional nomination.

Статтю отримано 30.01.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107902>

УДК 811.111'367.32'271.12:177.7

КИВЕНКО Инна Александровна,

старший преподаватель кафедры профессионального английского языка Одесского национального морского университета; ул. Мечникова, 34, г. Одесса, 65029, Украина; тел. : +38 093 7937627; e-mail: innakivenko@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-2044-5456

ПЕРФОРМАТИВНАЯ ПАРАДИГМА ВЫСКАЗЫВАНИЙ БЛАГОДАРНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ДИСКУРСА)

Аннотация. *Цель* настоящей статьи — описать перформативную парадигму высказываний благодарности в англоязычном литературном дискурсе. *Объект* исследования — англоязычный литературный изображённый дискурс. *Предмет* изучения — речевой акт благодарности. *Результатом* работы стал анализ понятия «перформатив» и выявление свойств перформативных высказываний. Кроме того, описаны понятия «семантический перформатив» и «коммуникативно-семантическая группа». Составлена коммуникативно-семантическая группа англоязычных высказываний, объединённых интенциональным значением и иллокутивной функцией благодарности, описаны модели их реализации в речи. Дифференцированы понятия эксплицитного и имплицитного перформативов. Все перечисленные термины рассмотрены применительно к речевому акту благодарности.

Выводы. Речевой акт благодарности следует считать перформативным речевым актом. Формулы его выражения: *I thank you, Thank you, Thanks. Thank you* и *Thanks* являются неполными эллиптическими предложениями с закономерным отсутствием дейктических актантаов, что является характерным для устной разговорной речи. Другие способы выражения благодарности образуют коммуникативно-семантическую группу, включающую как прямые, так и косвенные конвенциональные семантические перформативы благодарности, интенция которых легко прочитывается адресатом в определённых экстралингвальных обстоятельствах.

Практическое применение результатов исследования определяется возможностью использования теоретических положений проведённого исследования в курсах лекций и на семинарах, посвящённых проблемам теории речевых актов.

Ключевые слова: перформатив, семантический перформатив, речевой акт, благодарность, коммуникативно-семантическая группа.

Постановка проблемы. Несмотря на то, что речевой акт благодарности не раз оказывался в фокусе внимания лингвистов (К. Аймер 1996; Э. Б. Адамакова 2005; Т. В. Ларина 2009; С. В. Сквородина 2004; Ж. А. Тягунова 2002; Л. В. Цурикова 2008, 2009), до сих пор отсутствует описание перформативного характера речевых формул, объединённых интенциональным значением и иллокутивной функцией благодарности, что обуславливает актуальность данного исследования, посвящённого перформативному аспекту речевого акта благодарности.

Рассмотрение проблемы в прошлом. С момента возникновения теории речевых актов (далее ТРА) объектом исследований стали свойства глаголов, обозначающих то или иное речевое действие. Такие глаголы получили название *перформативных* (Ю. Д. Апресян 1986; В. В. Богданов 1985; Дж. Остин 1986; А. А. Романов 1984; И. П. Сусов 1980; Е. В. Падучева 1985; П. Коул 1982; Дж. Сёрль 1989 и др.), а *перформативами* были названы высказывания, содержащие эти глаголы.

Постановка задач и выбор материала исследования. Объектом нашего исследования служит англоязычный литературный изображённый дискурс, предметом — речевой акт (далее РА) благодарности. Перформативный характер исследуемого РА определяется его преимущественным формулированием с помощью эксплицитного перформативного глагола *to thank*.

Цель данной статьи — описать перформативную парадигму английских высказываний благодарности. В статье решались такие задачи:

- проанализировано понятие «перформатив» и описаны его свойства;
- описаны понятия «семантический перформатив» и «коммуникативно-семантическая группа»;
- рассмотрены указанные выше понятия применительно к РА благодарности;
- описаны английские модели выражения семантических перформативов благодарности;
- выявлены различия между понятиями эксплицитный / имплицитный перформатив;
- исследована количественная представленность перформативных формул РА благодарности в англоязычном художественном дискурсе.

Материалом исследования послужили 1200 высказываний благодарности, отобранных из 30 современных художественных англоязычных произведений.

Понятие *перформатив* (от англ. *to perform* — выполнять, исполнять) введено Дж. Остином, основателем ТРА. Под перформативом лингвист подразумевает высказывание, которое в определённом смысле «осуществляет действие» [4, с. 37]. Н. Д. Арутюнова даёт следующее определение данному понятию: «Перформатив — это высказывание, эквивалентное действию, поступку» [2, с. 372]. Е. А. Селиванова считает, что «перформативное предложение — это высказывание в процессе осуществления действия, вводящее истинную пропозицию, которая соответствует действиям и намерениям говорящего» [6, с. 460]. Мы присоединяемся к дефиниции Е. А. Селивановой, т. к. она является наиболее полной.

Следовательно, перформатив — это высказывание, произнесение которого означает одновременное совершение действия, им называемого. Высказывания-действия воплощают РА в прагматических координатах непосредственного общения «я — ты — здесь — сейчас», например: *Приветствую вас, Прошу прощения, Благодарю вас* и пр. [5, с. 124]. Они имеют ряд определённых свойств:

- эквивалентность, т. е. равнозначность действию;
- неverifiedируемость, т. е. неприложимость к перформативам критерия истинности / ложности, т. к. перформативное высказывание истинно в силу самого его произнесения;
- автореферентность, т. е. одновременность факта языка / речи и факта действительности — реального действия, изменяющего отношения в мире;
- автономинативность, т. е. название самого себя — особенно в прямых РА;
- эквитемпоральность, т. е. совпадение времени перформативного глагола с моментом речи;
- компетентность, т. е. наличие полномочий у говорящего;
- определённая лексическая и грамматическая выраженность, т. е. перформативный глагол должен быть в первом лице единственного числа настоящего времени, первый актанта — выражаться действительным элементом первого лица единственного числа;
- перформативное высказывание не может быть отрицательным, а также не допускает использования модальных глаголов или слов, снимающих «совершаемость» действия [3, с. 19].

Перформатив, обладающий всеми перечисленными выше признаками, можно считать идеальной формой эксплицитного перформативного высказывания. Но такая форма довольно редко встречается в реальной практике языкового общения. Существуют так называемые *грамматические эквиваленты* перформативов, например: *Пассажиры приглашаются на посадку* (3 лицо настоящего времени страдательного залога) или *Вас прощают* (3 лицо настоящего времени действительного залога) [1].

По нашему мнению, выражение благодарности, как правило, имеет перформативный характер, т. к. РА благодарности формулируется преимущественно с помощью глагола *to thank*, который относится к группе эксплицитных перформативных глаголов (Дж. Остин, Дж. Сёрль, Н. И. Формановская, Ю. Д. Апресян, М. Я. Гловинская, А. Вежицкая и др.).

Перформативная парадигма высказываний благодарности образована собственно перформативным выражением *I thank you*, которое имеет место всего лишь в 1 % фактического материала. Приведём пример употребления полной перформативной формы выражения благодарности: Джек делает

предложение замужней Аннет, но она вынуждена отказать ему; Аннет очень тронута поступком Джека и искренне благодарна ему:

He put his hand into his pocket, and brought out a small, rather worn red leather box, handed it to her. «This is for you.»

She opened it and gasped when she saw the diamond ring nestled on the black velvet. «Jack, I can't take this! I can't get engaged to you, and you know that. But I'm very moved, and I thank you for offering this to me...» [9, с. 376].

Значительно чаще употребляются формы *Thank you* и *Thanks*, которые составляют 36.5 % и 49.2 % всей выборки соответственно. Данные речевые формулы выражения благодарности являются эллиптированными, что следует из их этимологии. Согласно *Online Etymology Dictionary*, высказывание *Thank you* происходит от *I thank you*, которое с 1400 гг. употребляется как сокращённая вежливая форма, потеряв дейктический актанта *I* [8].

Выражение *Thanks* происходит от фразы *I give you thanks*. С 1580-х гг. *I give you thanks* употребляется в сокращённой форме — *Thanks*, т. е. данное высказывание теряет два дейктических актанта (*I, you*) и предикат (*give*), но сохраняет пропозицию именной части предиката (*thanks*) [8].

Следовательно, использование формул *Thank you* и *Thanks* оправдывает отнесение РА благодарности к перформативам. Данные формулы являются неполными эллиптическими предложениями с закономерным отсутствием дейктических актантов (*I* — в обоих моделях, *you* — в модели *Thanks*) и предиката (*give* — в модели *Thanks*), что характерно для устной разговорной речи. Выражения *Thank you* и *Thanks* закреплены в общественном сознании и используются как штампы вежливой коммуникации:

- *Dad clears his throat. «I'm happy to announce that Loretta has agreed to be my wife!» <...> «Well, er, congratulations,» says Tom, shaking Dad's hand. «Fantastic.»*
- Dad slaps Tom on the back. «Thank you, my son» [16, с. 120] (благодарность за поздравление).*
- *«I'm so proud of you.»*
- *«Thanks, Mom» [15, с. 31] (благодарность за поддержку).*

Однако, наряду с истинно перформативными высказываниями типа (*I*) *Thank you* и *Thanks* существуют и другие способы реализации благодарности. По утверждению Н. И. Формановской, перформативный глагол-предикат, покинув глагольную парадигму (*я благодарю, ты благодаршь, он благодарит, благодарил, благодарил и т. д.*), вступает в новые парадигматические системные отношения с группой синонимичных, эквивалентных высказываний: *Благодарю, Спасибо, Хочу поблагодарить вас* и т. д. В функциональных эквивалентах типа *Спасибо* нет грамматического 1 лица настоящего времени, но присутствует семантический говорящий, семантический момент речи как проекция прагматических координат речевого акта «я — ты — здесь — сейчас», поэтому их можно назвать **семантическими перформативами** [5, с. 132].

Семантические перформативные высказывания, объединённые одним интенциональным значением и иллокутивной функцией, Н. И. Формановская объединяет в *коммуникативно-семантические группы* и включает в них прямые и косвенные конвенциональные РА, которые, в силу частотности их употребления в типичных ситуациях, закрепились в языковом сознании говорящих и в их коммуникативной и прагматической компетенции [5, с. 133].

В русском языке коммуникативно-семантические группы с интенциональным значением и иллокутивной функцией благодарности включают следующие выражения: *Благодарю вас / тебя* (с интенсификаторами *от всей души, сердечно, горячо, покорно (-нейше)* (устар.); *Спасибо* (с интенсификаторами *большое, сердечно*); *Я вам (так) благодарен, Я вам (очень, так) признателен; Я хочу вас поблагодарить* (с интенсификаторами *от всей души / всего сердца, сердечно*); *Я хотел(а) бы вас поблагодарить* (с теми же интенсификаторами); *Разрешите / Позвольте поблагодарить вас* (с теми же интенсификаторами перед глаголом благодарить); *Примите мою (искреннюю, сердечную) благодарность / признательность*; *Приношу свою (искреннюю, сердечную) благодарность; Нет слов выразить мою благодарность; Моя благодарность не знает границ* — и т. д.

Аналогичные англоязычные высказывания *I want / wish / would like to thank you, I owe a thank-you, I don't know how to thank you, I cannot find the words to thank you, I can't thank you enough, Many thanks / My thanks, I appreciate, I am grateful / thankful / appreciative* и т. д., по-видимому, можно считать функциональными эквивалентами перформативных высказываний (*I*) *Thank you / Thanks*, которые входят в коммуникативно-семантическую группу благодарности и имеют перформативный характер. Данные семантические перформативные высказывания составляют 13.3 % отобранного фактического материала.

Наиболее типизированным семантическим перформативным эквивалентом благодарности является конструкция *modal component + to-infinitive*. В качестве модального компонента выступают глаголы *to want / to wish*, а также *would*, после которых следует перформативный глагол *to thank*:

- *«I want to thank Cliff for coming in tonight,» Marty said [13, с. 36].*
- *«I wished also, Mr. Smithson, to thank you ... for your offer of assistance» [10, с. 137].*
- *«And I would like to thank Becky Bloomwood, whose brainchild this collaboration was» [12, с. 294].*

Девербативный способ, который связан с упреждением и названием РА и дальнейшим распространением интенциональной и событийно-пропозициональной части высказывания, может выражать ретроспективный РА благодарности [5, с. 135]. Приведём пример: Аннет благодарит свою знакомую после того, как та оказала ей любезность рассказать много положительного о ней журналисту; Аннет не просила свою знакомую об этом, женщина узнаёт об этом жесте спустя некоторое время, но всё равно благодарна:

«*He did an interview with me this morning,*» *Annette went on in her fast, businesslike way. «He's doing a piece, a profile of me actually, for the London Sunday Times, and he mentioned he'd chatted to you. So again, my thanks for being kind»* [9, с. 193].

Дж. Остин выделяет ещё два способа выражения семантических перформативов: смешанный и дескриптивный [7, с. 76].

Смешанные высказывания — это те, которые наполовину являются перформативными, наполовину — описательными. Их формулу можно представить следующим образом: *Prn + to be + adj.* Они содержат дейктический актанта 1 лица единственного числа (*I*), глагол-связку *to be* в настоящем времени и именную часть — прилагательные с семантикой благодарности: *grateful, thankful, appreciative*. Такие высказывания служат эквивалентами речевых формул *Thank you / Thanks* и реализуют пропозицию РА благодарности путём описания внутреннего состояния говорящего на момент речи. Проиллюстрируем это положение следующим речевым эпизодом: главная героиня благодарна своему другу за то, что в любой ситуации она может положиться на него:

«*I know you've got my back, Malcolm, and for that I'm grateful»* [9, с. 368].

Дескриптивные высказывания — это описательные выражения, посредством которых осуществляется выражение благодарности. Их формула представлена следующим образом: *to feel + N*. Обратимся к примеру: гувернантка испытывает благодарность к своей бывшей хозяйке за тёплое отношение к себе:

«*I feel for Mrs. Talbot nothing but gratitude and affection»* [10, с. 166].

В приведённом речевом эпизоде сохраняется дейктический актанта 1 лица единственного числа (*I*). Предикат использован в настоящем времени изъявительного наклонения (*feel*), после которого следует именная часть — существительное с семантикой благодарности (*gratitude*).

Дескриптивный может стать и смешанным высказыванием, если глагол-связка *to be* используется в прошедшем времени, что позволяет коммуниканту описать состояние благодарности, которое он испытал в прошлом. В представленном речевом эпизоде искусствовед благодарит своего знакомого за содействие в создании каталога коллекции антикварных вещей. Перформативная форма благодарности *Thanks for* сопровождается дескриптивным речевым актом, который выражает чувство благодарности самого говорящего и его коллеги на момент оказания содействия:

«*And by the way, thanks so much for letting us come up to the studio yesterday, and allowing The Times photographer to do the shoot there, Jack was very grateful, as was I.»*

«*I was happy to oblige»* [9, с. 359].

Будущая временная форма глагола-связки *to be* и благодарность третьему лицу также являются характерными для дескриптивной формы. Более того, они могут изменить иллокутивную силу речевого акта. Приведём пример: молодой человек выражает благодарность другу, который случайно обнаружил несколько дорогостоящих картин, за счёт продажи которых он сможет поправить своё материальное положение. Несмотря на то, что его реплика содержит прилагательное с семантикой благодарности *grateful*, данный РА не является благодарностью, а преобразован в РА обещания быть вечно признательным:

«*And certainly I shall be eternally grateful to that chap yesterday who leaned on a particular wall in the den, and made the find of the century.»* [9, с. 167].

Речевые формулы (*I*) *Thank you / Thanks* и их функциональные эквиваленты являются эксплицитными перформативными высказываниями, т.е. они являются эксплицитным осуществлением действия или его части [7, с. 26].

Наряду с эксплицитными перформативами лингвисты (Дж. Остин, Дж. Сёрль, Н. И. Формановская, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова и др.) выделяют имплицитные перформативы. Под имплицитными перформативами понимаются высказывания со скрытой интенцией, которая легко прочитывается адресатом. Например, в высказывании *Ишь чего захотел!* заложена имплицитная интенция отказа удовлетворить притязания говорящего [5, с. 128]. Для высказываний такого типа актуальна перформативная рамка (*я тебе отказываю*).

Имплицитные перформативные высказывания благодарности также формируют коммуникативно-семантическую группу благодарности. Как правило, имплицитная благодарность может быть выражена в речи положительно-оценочными речевыми актами или посредством условного наклонения (мягкий упрёк). Интенция благодарности легко прочитывается адресатом в определённых экстралингвистических обстоятельствах. В качестве примера приведём речевой эпизод, в котором пьяный парень заваливается к своей бывшей подружке, девушка не прогоняет его, а оставляет на ночь у себя, за что на утро он её благодарит. Благодарность молодого человека выражена косвенно, но легко угадывается в его словах:

«*I don't know what I would have done without you. I was in pretty dire straits that night*» [14, с. 219].

Другой речевой эпизод представляет следующую ситуацию: Анна интересуется самочувствием своей подруги и спрашивает, ела ли она приготовленный для неё суп. Девушке приятна забота Анны, она отвечает на её вопросы с благодарностью, на что указывают ответы, выраженные *экспрессивом* (похвала кулинарным способностям Анны) и *репрезентативом* (сообщение об улучшении самочувствия), а также авторские квалификаторы речи:

«*You look better. Did you eat your soup?*» *I ask, keen to change the subject.*

«*Yes, and it was delicious as usual. I'm feeling much better.*» *She smiles at me in gratitude* [11, с. 19].

Таким образом, по нашему убеждению, выражение благодарности всегда имеет перформативный характер. Перформативная парадигма высказываний благодарности образована преимущественно эллиптическими перфоративными фразами *Thank you* (36.5 %) и *Thanks* (49.2 %) и крайне редко полной перформативной формулой *I thank you* (1 %). Однако перформативная парадигма благодарности включает и иные способы реализации благодарности в речи, так называемые семантические перформативы — синонимические эквиваленты, объединённые одним интенциональным значением и иллокутивной функцией, закреплённые в языке как этикетные формулы.

Коммуникативно-семантическая группа благодарности включает как собственно перформативные высказывания, так и их семантические эквиваленты: *I want / wish / would like to thank you, I owe a thank-you, I don't know how to thank you, I cannot find the words to thank you, I can't thank you enough, Many thanks / My thanks, I appreciate, I am grateful / thankful / appreciative* и т. д. Они составляют 13.3 % фактического материала.

Семантические перформативы реализуются в речи посредством такой конструкции как *modal component + to-infinitive*. В качестве модального компонента выступают глаголы *to want / to wish*, а также *would*, после которых следует перформативный глагол *to thank*.

Девербативный способ, который связан с упреждением и названием РА и дальнейшим распространением интенциональной и событийно-пропозициональной части высказывания, выражает ретроспективный РА благодарности.

Смешанный способ выражения благодарности реализуется по формуле *Prn + to be + adj.*, в которой содержится дейктический актанта 1 лица единственного числа (*I*), глагол-связка *to be* в настоящем времени и именная часть — прилагательные с семантикой благодарности: *grateful, thankful, appreciative*.

Дескриптивный способ представлен формулой *to feel + N*, в которой сохраняется дейктический актанта 1 лица единственного числа (*I*), предикат использован в настоящем времени изъявительного наклонения (*feel*), после него следует именная часть — существительное с семой благодарности (*gratitude*). Смешанный и дескриптивный способы выражения перформативности позволяют описать состояние человека и испытываемое им чувство признательности.

Выводы. Таким образом, по нашему мнению, РА благодарности функционирует как эксплицитный перформатив, т. е. с явной интенцией адресанта, и как имплицитный перформатив, т. е. со скрытой интенцией, которая легко прочитывается адресатом, а, следовательно, имеет перформативную рамку. Таким образом, коммуникативно-семантическую группу благодарности формируют не только эксплицитные, но и имплицитные перформативные высказывания благодарности. Как правило, имплицитная благодарность выражена в речи положительно-оценочными речевыми актами или посредством условного наклонения, а также авторскими квалификаторами речи.

Перспективой нашего исследования является изучение иллокутивных целей и перлокутивного эффекта перформативного РА благодарности.

Л и т е р а т у р а

1. Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре / Ю. Д. Апресян // Известия АН СССР. — М., 1986. — Т. 45. № 3. — С. 208–223.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1976. — 384 с.
3. Богданов В. В. Перформативное предложение и его парадигмы / В. В. Богданов // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. — Калинин, 1985. — С. 18–28.
4. Остин Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. — Вып. 17: Теория речевых актов. — С. 22–129.
5. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. — М.: Русский язык. — 2002. — 216 с.
6. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика. Термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. — Полтава: Довкілля-К, 2006. — 716 с.
7. Austin J. L. How to do things with words / J. L. Austin. — Oxford: Oxford University Press, 1962. — 167 p.
8. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.etymonline.com/index.php>

Ілюстративні джерела

9. Bradford B. T. *Playing the Game* / B. T. Bradford. — GB : Harper, 2011. — 472 p.
10. Fowels J. *The French Lieutenant's Woman* / J. Fowels. — London : Vintage, 2005. — 445 p.
11. James E. L. *Fifty Shades of Grey* / E. L. James. — London : Arrow Books, 2012. — 514 p.
12. Kinsella S. *Shopaholic and Baby* / S. Kinsella. — London : Black Swan, 2008. — 447 p.
13. Parsons T. *Man and Boy* / T. Parsons. — London : Harper Collins Publishers, 1999. — 343 p.
14. Sparks N. *The Guardian* / N. Sparks. — NY, Boston : Grand Central Publishing, 2004. — 494 p.
15. Weisberger L. *The Devil Wears Prada* / L. Weisberger. — London : Harper, 2003. — 391 p.
16. Williams P. *How to be Married* / P. Williams. — London : Headline Publishing Group, 2010. — 376 p.

References

1. Apresjan, Ju. D. (1986), «Performatives in grammar and dictionary», *Issues of the Academy of Sciences of USSR* [«Performativny v grammatike i slovare», *Izvestija AN SSSR*], Moscow, vol. 45, Nr. 3, pp. 208–223.
2. Arutjunova, N. D. (1976), *Sentences and its meaning. Logic and semantic problems [Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problem]*, Nauka, Moscow, 384 p.
3. Bogdanov, V. V. (1985), «Performative sentence and its paradigms», *Pragmatic and semantic aspects of syntax* [«Performativnoe predlozhenie i ego paradigm», *Pragmaticheskie i semanticheskie aspekty sintaksisa*], Kalinin, pp. 18–28.
4. Ostin, Dzh. (1986), «How to do things with words?», *New issues in foreign linguistics, vol. 17, Speech act theory* [«Slovo kak dejstvie», *Novoe v zarubezhnoj lingvistike, Vyp. 17: Teorija rechevykh aktov*], Progress, Moscow, pp. 22–129.
5. Formanovskaja, N. I. (2002), *Speech communication: communicative and pragmatic approach [Rechevoe obshhenie: kommunikativno-pragmaticheskij podkhod]*, Russkij jazyk, Moscow, 216 p.
6. Selivanova, O. O. (2006), *Modern Linguistics. Terminological Encyclopedia [Suchasna lingvistika. Terminologichna enciklopedija]*, Dovkillja-K, Poltava, 716 p.
7. Austin, J. L. (1962), *How to do things with words*, Oxford, Oxford University Press, 167 p.
8. *Online Etymology Dictionary*, available at: <http://www.etymonline.com/index.php>

Data sources

9. Bradford, B. (2011), *Playing the Game*, Harper, 472 p.
10. Fowels, J. (2005), *The French Lieutenant's Woman*, Vintage, London, 445 p.
11. James, E. (2012), *Fifty Shades of Grey*, Arrow Books, London, 514 p.
12. Kinsella, S. (2008), *Shopaholic and Baby*, Black Swan, London, 447 p.
13. Parsons, T. (1999), *Man and Boy*, Harper Collins Publishers, London, 343 p.
14. Sparks, N. (2004), *The Guardian*, Grand Central Publishing, New York, Boston, 494 p.
15. Weisberger, L. (2013), *Revenge Wears Prada : The Devil Returns*, Harper, London, 417 p.
16. Williams, P. (2010), *How to be Married*, Headline Publishing Group, London, 376 p.

КІВЕНКО Інна Олександрівна,

старший викладач кафедри професійної англійської мови Одеського національного морського університету; вул. Мечникова, 34, м. Одеса, 65029, Україна; тел.: +38 093 7937627; e-mail: innakivenko@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-2044-5456

ПЕРФОРМАТИВНА ПАРАДИГМА ВИСЛОВЛЮВАНЬ ВДЯЧНОСТІ (НА МАТЕРІАЛІ АНГЛОМОВНОГО ЛІТЕРАТУРНОГО ДИСКУРСУ)

Анотація. *Мета* даної статті — описати перформативну парадигму висловлювань вдячності в англomовному літературному дискурсі. *Об'єкт* дослідження — англomовний літературний зображений дискурс. *Предмет* вивчення — мовленнєвий акт вдячності. У статті аналізується поняття «перформатив» і властивості перформативних висловлювань. Також описані поняття «семантичний перформатив» і «комунікативно-семантична група». Складено комунікативно-семантичну групу англomовних висловлювань, об'єднаних інтенціональним значенням та ілюкутивною функцією вдячності, описано моделі їхньої реалізації у мовленні. Диференційовано поняття експліцитного й імпліцитного перформативів. Усі перераховані терміни розглянуто стосовно до мовленнєвого акту вдячності.

Висновки. Мовленнєвий акт вдячності слід вважати перформативним мовленнєвим актом. Формули його вираження: *I thank you, Thank you, Thanks. Thank you* та *Thanks* є неповними еліптичними реченнями із закономірною відсутністю дійктичних актантів, що є характерним для усного мовлення. Інші засоби вираження вдячності утворюють комунікативно-семантичну групу, яка включає як прямі, так і непрямі конвенціональні семантичні перформативи вдячності. Іntenція останніх легко прочитується адресатом за певних екстралінгвальних обставин.

Практичне застосування результатів роботи визначається можливістю використання теоретичних положень проведеного дослідження в курсах лекцій і на семінарах, присвячених проблемам теорії мовленнєвих актів.

Ключові слова: перформатив, семантичний перформатив, мовленнєвий акт, вдячність, комунікативно-семантична група.

Inna A. KIVENKO,

Assistant Professor of the Professional English Language Department in Odessa National Maritime University; 34 Mechnikova St., Odessa, 65029, Ukraine; phone: +38 093 7937627; e-mail: innakivenko@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-2044-5456

PERFORMATIVE PARADIGM OF GRATITUDE UTTERANCES (ON THE SAMPLES OF ENGLISH LITERARY DISCOURSE)

Summary. The *main aim* of the present article is to describe the performative paradigm of gratitude utterances in English literary discourse. The *object* of the research is English literary role-played discourse. The *subject* of the study is gratitude speech act. The paper deals with the analysis of the notion «performative» and properties of performative expressions. Besides, it includes descriptions of such notions as «sematic performative» and «communicative-semantic group». Moreover, the communicative-semantic group of English expressions with the intentional meaning and illocutionary function of gratitude has been identified and the patterns realizing them have been singled out. The difference between explicit and implicit performatives has been established as well. All the above mentioned terms have been applied to gratitude speech act.

Conclusions. Gratitude speech act is to be regarded as a performative speech act. The formulae of its expression include *I thank you*, *Thank you* and *Thanks*. *Thank you* and *Thanks* are incomplete elliptical sentences that naturally lack deictic actants which characteristic of spoken language. Other means of expressing gratitude form a communicative-semantic group. It includes both direct and indirect conventional semantic performatives of gratitude. The intention of the latter is easily guessed by the addressee under certain extralinguistic circumstances.

Practical value of the research is a possibility to use the theoretical points of the carried out research during the lectures and seminars devoted to the problems of Speech act theory.

Key words: performative, semantic performative, speech act, gratitude, communicative-semantic group.

Статтю отримано 29.04.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107887>

УДК 811.111:808.53:347.97:343.115(73)

КУКОВСЬКА Вікторія Ігорівна,

кандидат філологічних наук, асистент кафедри англійської мови Чернівецького національного університету імені Юрія Федьковича; вул. Коцюбинського, 2, м. Чернівці, 58012, Україна; тел. +38 (0372) 584869; e-mail: vita354@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0003-1657-1134

СУДОВА ПРОМОВА: ЕКСПЛІКАЦІЙНИЙ НАРАТИВ ЧИ ПРИХОВАНИЙ ДІАЛОГ?

Анотація. Метою статті є опис результатів вивчення монологічних і діалогічних особливостей американських судових промов, що сприяють мовленнєвій взаємодії між учасниками судового засідання. **Об'єктом** дослідження є тексти англійських судових промов. **Предмет** дослідження — функціонально-сміслові особливості текстової організації сучасних американських судових промов. **У результаті** проведеної дослідницької роботи розглянуто стильову приналежність судової промови; було зроблено уточнення щодо поняття «судова промова» з огляду її функціонально-сміслових особливостей; з'ясовано напрямки дії мовленнєвого впливу між учасниками судового засідання; а також здійснено спробу визначити комунікативно-функціональну структуру судової промови. **У висновках** встановлено, що судова промова характеризується високим рівнем організованості та контрольованими мовленнєвими подіями, які регулюють соціальні відношення у межах судового засідання. Оскільки кількість ролей та функції учасників судової дискусії чітко визначені на законодавчому рівні, то між головними учасниками судового засідання, якими виступають як професіонали (суддя, прокурор і адвокат), так і прості громадяни (присяжні), відбувається комунікація компетитивного характеру, одним з проявів якої є ораторський виступ захисника.

Ключові слова: судова промова, суддя, прокурор, адвокат, присяжні, мовленнєвий вплив.

Постановка проблеми. Сучасна парадигма гуманітарних знань передбачає вивчення мови в комунікативному аспекті, під час якого здійснюється ментальний вплив на слухача. Будь-який судовий процес — це форма мовленнєвого спілкування, де мова виступає не тільки механізмом отримання та передачі інформації, але й засобом спілкування та словесного переконання учасників судового процесу у правильності та обґрунтованості тез судових сторін. Тому змістом та головною метою судової промови є успішний мовленнєвий вплив на судову аудиторію.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. У парадигмі сучасних юрислінгвістичних досліджень значна увага приділяється питанням ефективного застосування термінології у письмових юридичних текстах (Т. В. Новікова, І. Witzak-Plisiecka), судового нарративу (W. M. O'Barr, J. M. Conley, C. Heffer), аргументативної мовленнєвої діяльності учасників судового процесу (N. Nievelle, E. T. Feteris, E. Weigand), правової та мовленнєвої взаємодії (J. Gibbons, J. Atkinson, P. Drew),

комунікативних невдач (D. Eades), судового засідання за участю перекладача чи емігрантів (N. S. Nicolson, S. D'hondt, A. Wennerstorm), прагматичних категорій ввічливості і співпраці при судовій комунікації (G. M. Green), стратегій організації судового допиту (H. Woodbury) та ін. Проте, незважаючи на комплексні дослідження особливостей судової промови, напрямки дії мовленнєвого впливу між учасниками судового засідання в текстах американських судових промов вивчено недостатньо. Цей факт, а також лінгво-гносеологічна важливість проблеми мовленнєвої сугестії та шляхів її реалізації під час людської комунікації визначає актуальність і перспективність цієї роботи.

Постановка завдання. Мета роботи полягає у виявленні та репрезентації монологічних і діалогічних особливостей американських судових промов, що сприяють мовленнєвій взаємодії між учасниками судового засідання. Об'єктом дослідження є тексти англомовних судових промов. Предмет дослідження — функціонально-смиислової особливості текстової організації сучасних американських судових промов. Поставлена мета мотивує завдання дослідження: вивчення стильової приналежності судової промови; уточнення поняття «судова промова» з огляду її функціонально-смислових особливостей; з'ясування напрямків дії мовленнєвого впливу між учасниками судового засідання; визначення комунікативно-функціональної структури судової промови.

Виклад основного матеріалу. Судова промова як невід'ємна складова культури судового процесу зазвичай розглядається, з одного боку, як «окремий літературний жанр у рідчизні ораторської промови» [4, с. 22], а з іншого — як «кримінально-процесуальна дія» [6, с. 14], яка має на меті вплинути на суд шляхом звернення до свідомості, уяви та емоцій слухачів.

Зважаючи на те, що судова промова — це публічний виступ уповноваженого учасника процесу, що звертається до суду та присяжних при розгляді кримінальної справи, вона, як стверджують дослідники [1; 2; 10; 13], відрізняється офіційністю професійного мовлення.

Судову промову можливо розглядати як яскравий приклад експлікованої маніфестації монологічного повідомлення, яке, на думку І. Р. Гальперіна, можливе тільки при відсутності безпосереднього контакту із співрозмовником [3, с. 70]. При цьому, монологічне мовлення, на відміну від діалогічного, характеризується своєю розгорнутістю, наявністю поширених конструкцій, їхньою граматичною оформленістю [11, с. 132].

І. Б. Морозова вважає, що в монологічній речення горизонтально взаємно зумовлені як ланки одного ланцюга [9, с. 78] і наводить наступну схему монологічного повідомлення (див. рис. 1):

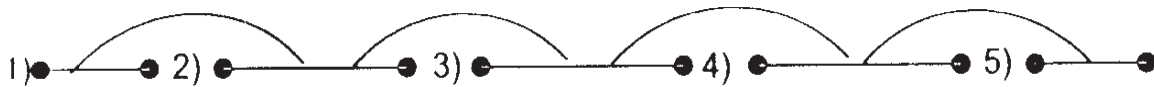

Рис. 1. Схематичне зображення монологічної послідовності

На цьому рисунку пронумеровані відрізки репрезентують речення, а дугами відображено зв'язок між горизонтально послідовними репліками.

Аналіз фактичного матеріалу дослідження показує, що будь-який судовий виступ (у даному прикладі це виступ адвоката) побудовано за аналітичним принципом. Наприклад: *Now, this is the man—who is an interesting man—who details cars. He's the man who is well-known to the Prosecution. He talked to Detective Payne, almost right away during the investigation to Payne and he told Payne the same thing he told you in the course of this trial. This is what he said. He says he lives nearby and he has these two elderly dogs, one of whom I recall was 14 years of age* [12].

Водночас, будь-який виступ у суді містить реальні факти та докази, які, як і у науковому або офіційному ораторському дискурсі, необхідні для винесення судового вироку. Проте судова промова передбачає певну міру свободи і творчості у способі подання доказів, де проявляються риси акторського мистецтва задля емоційно-особистісного впливу на аудиторію.

Звідси впливає ще одна особливість такого типу промов, а саме їхня персуазивність. Як важливий засіб правової пропаганди, судова промова здійснює значний психологічний вплив на слухачів та імплікаційно спонукає їх до прийняття певних рішень. Н. Г. Михайловська та В. В. Одінцов звертають увагу на поєднання в судовому виступі логічності розгортання думки з можливим емоційним впливом та зазначають, що «при аналізі непрямих доказів використовуються логічні способи впливу, а якщо фабула справи зрозуміла, тоді необхідні емоційно-експресивні засоби впливу» [8, с. 81].

Разом з тим, судова дія, яка розгортається на очах присяжних, розігрується її головними особами: суддею, державним обвинувачем і адвокатом / захисником. Вочевидь, у судовому процесі можна виокремити дві протилежно діючі сили. Це — прокурор, що звинувачує, і адвокат, що захищає. Якщо у промовах обвинувача виклад фактичних обставин та оцінка звинувачувальних доказів, як правило, має негативний характер і відрізняється відповідною спрямованістю на слухачів, то адвокатський виступ містить таку інтерпретацію фактичних обставин справи, що заперечує твердження прокурора й висвітлює підзахисного в очах аудиторії з протилежного боку. Інакше кажучи, у промові захисника спостерігається виклад протилежного погляду на вже встановлені факти, виклад додаткових обставин справи та їх аналіз, позитивна характеристика особистості підзахисного, аналіз

причин, що підштовхнули його до вчинення певних дій. Усі ці фактори спрямовані на здійснення певного ментального впливу на слухачів з метою виправдання підзахисного або пом'якшення йому міри покарання. Слід зазначити, що між усіма її учасниками тією чи іншою мірою відбувається взаємодія діалогічного характеру.

Таким чином, можна зробити висновок, що адвокатська промова у суді маніфестує певні риси, притаманні діалоговому спілкуванню, а саме безпосереднє звернення до аудиторії, постановку питань, налагодження контакту із співрозмовниками. Наприклад: *But when it came down to the end, he wasn't talking about motive, was he? He was trying to talk about our time line. Why would he do that? Let's talk about why he would. Because the Defense in this case called many witnesses who corroborated each other and who shattered the Prosecution's time line. Now, these are witnesses to a person who were known by the Prosecution, but discarded by the Prosecution. Why?* [12].

Узагальнено, що, як авторський монолог, будь-яка судова промова є компонентом діалогу, який має місце між сторонами звинувачення і захисту протягом всього судового процесу. Крім того, діалог ведеться також між захисником і присяжними, прокурором і присяжними. При мовчазному схваленні чи несхваленні присяжними сторони намагаються переконати аудиторію у правильності своєї думки (див. рис. 2).

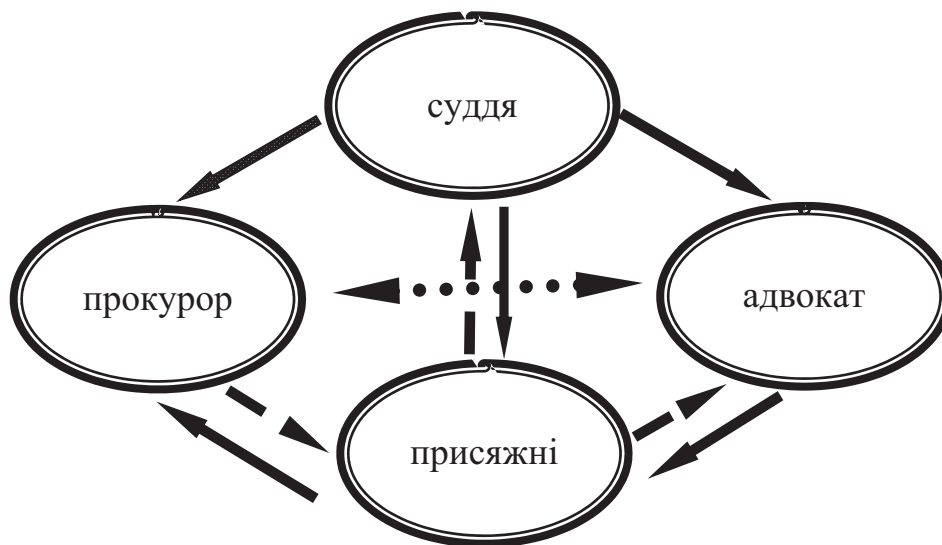

Рис. 2. Репрезентація напрямків дії мовленнєвого впливу між учасниками судового засідання, де: **—————** — прямий мовленнєвий вплив на учасників судового засідання; **-----** — непрямий вплив на учасників судового процесу; **.....** — мовленнєвий вплив судового змагання між адвокатом і прокурором на аудиторію

Як показано на рис. 2, суддя як голова засідання виконує роль наглядача за дотриманням норм і правил поведінки під час судового процесу, а коли порушення все ж таки відбувається, він мовленнєво впливає саме на порушника зауваженням, відновлюючи порядок у залі суду.

Водночас, судові промови прокурора та захисника за своїм змістом і побудовою спрямовані на здійснення прямого мовленнєвого впливу на свідомість присяжних за допомогою «різних засобів варіативної інтерпретації дійсності (таких як рефреймінг) та виразних засобів мови» [5, с. 199] для прийняття потрібного судовому оратору рішення. Між самим прокурором і адвокатом відбувається сугестивний вплив судового змагання, що визначає подальший вибір ними тих чи інших тактик досягнення своєї мети. Паралельно присяжні здійснюють непрямий вплив на суддю (наприклад, прохання про перерву), керуючи процесом судового засідання. Соціально-демографічні особливості присяжних, їх сприйняття чи несприйняття промов судових ораторів також непрямо впливають на подальшу побудову аргументативного звинувачення та захисту.

Важливу роль при цьому відіграє комунікативно-функціональна структура промови. Як зазначає Л. Г. Киркунова, судова промова розпадається на певні композиційні блоки: інформаційний (передача загальної інформації), комунікативний (встановлення і підтримка контакту з аудиторією), змішаного характеру (передача додаткової інформації) [7, с. 300–302]. У цілому, погоджуючись з підходом дослідниці, зауважимо, що вона оминає таку невід'ємну складову судової промови як емоційно-впливову чи сугестивну.

Зі свого боку, вважаємо, що судова промова складається з трьох частин: перша — пояснення реального статусу справи, друга — об'єктивна законна оцінка злочину і третя — суб'єктивне ставлення до винуватості чи невинуватості підзахисного. Отже, з погляду мовленнєвої організації, судову промову можна розглядати як сукупність певних мікротем або тематичних вузлів. «При цьому кожен

тематичний вузол має значеннєву завершеність і синтаксично виражається у вигляді певного набору діалогічних єдностей» [9, с. 125]. Тому наявні у промові тематичні вузли заздалегідь побудовані так, що можна сформувану у слухачів певне враження про судову справу взагалі і винуватість / невинуватість підзахисного. Композиція промови демонструє послідовність методу демонстрації думки згідно плану, що висвітлює послідовність процесуального доказу та віддзеркалює найбільш загальні принципи побудови персуазивного впливу. Звідси слідує, що якщо формально судова промова спрямована на виявлення фактичних обставин справи, то реально йдеться про налаштування суду присяжних на прийняття вигідного для мовця рішення.

Висновки. Отже, судова промова поєднує ознаки, з одного боку, інституційного дискурсу, з іншого — персонального. Незважаючи на поверхово монологічний вигляд, будь-яка судова промова є компонентом прихованого діалогу, що відіграє важливу роль в обвинуваченні та захисті протягом усього судового процесу. З іншого боку, діалог ведеться між прокурором і присяжними, адвокатом і присяжними. В умовах мовчазного схвалення / несхвалення дій підзахисного сторони намагаються переконати присяжних у своїй позиції. Основна частина судової промови на комунікативному рівні є сукупністю певних тематичних вузлів, тому наявні у промові тематичні вузли заздалегідь побудовані так, щоб сформувану у слухачів певне враження про винуватість / невинуватість підзахисного.

Перспективою подальших досліджень ми вважаємо компаративне вивчення різнорівневих мовних засобів у промовах державного обвинувача та захисника та їхньої ролі у забезпеченні мовленнєвого впливу на учасників судового процесу.

Література

1. Володина С. И. К вопросу о юридической риторике и стилях судебной адвоката / С. И. Володина // Российская юстиция. — М., 2006. — № 4. — С. 61–63.
2. Володина С. И. К вопросу об особенностях защитительной речи / С. И. Володина // Lex Russica. Научные труды МГЮА. — М., 2006. — № 3. — С. 584–600.
3. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. — М.: Русский язык, 1981. — 459 с.
4. Дубровская Т. В. К дискуссии о методике построения защитительной речи: коммуникативно-прагматические блоки и тактики (на материале английского языка) / Т. В. Дубровская // Юрислингвистика. — М., 2012. — № 1 (12). — С. 21–31.
5. Каракозов С. А. Психологические аспекты выступления адвоката в прениях сторон в суде присяжных / С. А. Каракозов // Бизнес в законе. — М.: Изд. Дом «Юр-ВАК», 2009. — № 4. — С. 194–199.
6. Кацавець Р. С. Судові промови державного обвинувача та адвоката-захисника у кримінальному судочинстві України: правові, етичні, логічні та мовні аспекти: [монографія] / Р. С. Кацавець. — К: ЦУЛ, 2014. — 150 с.
7. Кыркунова Л. Г. Судебная речь: методика работы над композицией / Л. Г. Кыркунова // Юрислингвистика. — М., 2010. — № 10: Лингвоконфликтология и юриспруденция. — С. 299–305.
8. Михайловская Н. Г. Искусство судебного оратора / Н. Г. Михайловская, В. В. Одинцов. — М.: Юрид. лит., 1981. — 176 с.
9. Морозова І. Б. Парадигматичний аналіз структури і семантики елементарних комунікативних одиниць у світли гештальт-теорії в сучасній англійській мові: [монографія] / Морозова І. Б. — Одеса: Друкарський дім, 2009. — 384 с.
10. Попова Т. Г. Об особенностях судебной речи / Т. Г. Попова, М. Н. Федулова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. — Челябинск, 2010. — № 1 (177). — С. 57–59.
11. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — М.: Астрель, АСТ, 2001. — 624 с.
12. Closing argument of Johnnie Cochran [Electronic resource]. — Mode of access: URL: <http://simpson.walraven.org/sep27.html>. — Title from the screen.
13. Model Rules of Professional Conduct / [published by American Bar Association]. — American Bar Association, 2012. — 294 p.

References

1. Volodina, S. I. (2006), «On the issue of legal rhetoric and styles of the court speech of a lawyer», *Russian justice* [«К вопросу о юридической риторике и стилях судебной речи адвоката», *Rossijskaja justicija*], Moscow, vol. 4, pp. 61–63.
2. Volodina, S. I. (2006), «On the issue of the features of protective speech», *Lex Russica* [«К вопросу об особенностях защитительной речи», *Lex Russica. Nauchnye trudy MGJuA*], Moscow O. Ie. Kutafin State Law University, vol. 3, pp. 584–600.
3. Gal'perin, I. R. (1981), *Essays on the style of English* [Oчерки по стилистике англиского языка], Russkij jazyk, Moscow, 459 p.
4. Dubrovskaja, T. V. (2012), «To a discussion on the method of constructing protective speech: communicative and pragmatic blocks and tactics (based on the English language material)», *Legal Linguistics* [«К дискуссии о методике построения защитительной речи: коммуникативно-прагматические блоки и тактики (на материале англиского языка)», *Jurilingvistika*], Moscow, vol. 1 (12), pp. 21–31.
5. Karakozov, S. A. (2009), «Psychological aspects of advocacy in a jury trial», *Business in law* [«Психологические аспекты выступления адвоката в прениях сторон в суде присяжных», *Biznes v zakone*], Publishing House «Jur-VAK», Moscow, 2009, vol. 4, pp. 194–199.

6. Kacavec', R. S. (2014), *Judicial speeches of the state prosecutor and the counsel for the defense in criminal justice in Ukraine : legal, ethical, logical and linguistic aspects : monograph* [Sudovi promovy derzhavnogo obvynuvacha ta advokata-zakhysnyka u kriminal'nomu sudochynstvi Ukraïny : pravovi, etychni, lohichni ta movni aspekty : monografija], CUL, Kyiv, 150 p.

7. Kyrkunova, L. G. (2010), «Judicial speech: the method of work on the composition», *Legal Linguistics* [«Sudebnaja rech' : metodika raboty nad kompoziciej», *Jurilingvistika : Lingvokonfliktologija i jurisprudencija*], Moscow, vol. 10, pp. 299–305.

8. Mikhajlovskaja, N. G., Odincov, V. V. (1981), *The skill of the judicial speaker* [Iskusstvo sudebnogo oratora], Juridicheskaja literature, Moscow, 176 s.

9. Morozova, I. B. (2009), *Paradigmatic analysis of the elementary communicative units structure and semantics: monography* [Paradygmaticznyj analiz struktury i semantyki elementarnykh komunikatyvnykh odynyc' u svitli geshtal't-teorii v suchasnij anglijs'kij movi : monografija], Drukars'kij dim, Odessa, 384 p.

10. Popova, T. G., Fedulova, M. N. (2010), «On the features of judicial speech», *Bulletin of South Ural State University. Series «Linguistics»* [«Ob osobennosti sudebnoj rechi», *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija : Lingvistika*], SUSU, Cheljabinsk, vol. 1 (177), pp. 57–59.

11. Rozenal', D. E., Telenkova, M. A. (2001), *Dictionary-reference of linguistic terms* [Slovar'-spravochnik lingvističeskikh terminov], Astrel', AST, Moscow, 624 p.

12. *Closing argument of Johnnie Cochran*, available at : <http://simpson.walraven.org/sep27.html>.

13. *Model Rules of Professional Conduct* (2012), American Bar Association, 294 p.

КУКОВСКАЯ Виктория Игоревна,

кандидат филологических наук, ассистент кафедры английского языка Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича; ул. Коцюбинского, 2, г. Черновцы, 58012, Украина; тел. +38 (372) 584869; e-mail: vita354@rambler.ru ; ORCID ID: 0000-0003-1657-1134

СУДЕБНАЯ РЕЧЬ: ЭКСПЛИКАЦИОННЫЙ НАРРАТИВ ИЛИ СКРЫТЫЙ ДИАЛОГ?

Аннотация. Целью статьи является изучение монологических и диалогических особенностей американских судебных выступлений, способствующих речевому взаимодействию между участниками судебного заседания. **Объектом** исследования являются тексты англоязычных судебных речей. **Предмет** исследования — функционально-смысловые особенности текстовой организации современной американской судебной речи. В результате проведённой исследовательской работы рассмотрена стилевая принадлежность судебной речи; было сделано уточнение понятия «судебная речь» с учётом её функционально-смысловых особенностей; сделаны попытки выяснить направления речевого воздействия между участниками судебного заседания и определить коммуникативно-функциональную структуру судебной речи. В **выводах** установлено, что судебная речь характеризуется высоким уровнем организованности и контролируемые речевыми событиями, которые регулируют социальные отношения в рамках судебного заседания. Поскольку количество ролей и функции участников судебной дискуссии строго определены на законодательном уровне, то между главными участниками судебного заседания, в роли которых выступают как профессионалы (судья, прокурор и адвокат), так и простые граждане (присяжные), происходит коммуникация компетитивного характера, одним из проявлений которой является ораторское выступление защитника.

Ключевые слова: судебная речь, судья, прокурор, адвокат, присяжные, речевое воздействие.

Viktoria I. KUKOVSKA,

Candidate of Philology (PhD), Assistant Professor of the Department of English of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University; 2, Kotsyubinsky Str., Chernivtsi, 58012, Ukraine; tel.: +38 (0372) 584869; e-mail: vita354@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0003-1657-1134

JUDICIAL SPEECH: AN EXPLICATIVE NARRATIVE OR A HIDDEN DIALOGUE?

Summary. The article is devoted to the study of monologic and dialogical features of American judicial speeches, which facilitate speech interaction between the participants of the court session. The subject of the study are the English texts of judicial speeches. The subject of the study are the functional and semantic features of the textual organization of modern American judicial speeches. In the given paper the style belonging of the judicial speech is considered; the concept of «judicial speech» is clarified, taking into account its functional and semantic features; the directions of the speech impact between the participants of the court session are clarified; and an attempt to determine the communicative and functional structure of judicial speech is made. As a result of the conducted research it has been established that the judicial speech is characterized by a high level of organization and controlled speech events that regulate social relations within the court session. Since the number of roles and functions of the participants in the judicial discussion is clearly defined at the legislative level, a communication of a competing nature is conducted between the main participants of the court session, which are both professionals (judge, prosecutor and defense attorney) and ordinary citizens (juries), one of the manifestations of which is an oratory by a defense counsel.

Key words: judicial speech, judge, prosecutor, defense counsel, jury, verbal influence.

Статтю отримано 5.05.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107906>

УДК 801.561.3:811.111'23'367

МОРОЗОВА Ирина Борисовна,

доктор филологических наук, профессор кафедры грамматики английского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, 65058, Украина; e-mail: morpo@ukr.net; тел. +38 050 6572043; ORCID ID 0000-0002-1905-7563

«ВЫ МЕНЯ НЕПРАВИЛЬНО ПОНЯЛИ»: ИМПЛИКАЦИЯ И ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЕ ОПЕРАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБЩЕНИЯ

Аннотация. Основой любой речевой интеракции является не только генерация высказываний, но и адекватное восприятие слушателем того, что сообщает говорящий. Степень эффективности речевой коммуникации в значительной степени определяется тем, насколько адекватно адресат интерпретирует сообщение адресанта в процессе диалогизирования. Настоящая работа сфокусирована на проблеме адекватного восприятия сообщения, которое передается собеседником. **Актуальность** проведённого исследования объясняется отсутствием единой теоретической концепции относительно способов декодирования смысла высказывания, а также практической необходимостью повысить эффективность речевого общения. **Объект** исследования — англоязычный художественный диалог, **предмет** — вербальные и невербальные средства, имеющие не прямое влияние на содержание сообщения. **Цель работы** — выяснение конкретных языковых и внеязыковых факторов, детерминирующих личностное восприятие сообщения. В ходе работы применялись такие **методы** как лингвистическое наблюдение и описание, контекстуальный и коммуникативный подходы, квантитативно-кавалитативный анализ. Поскольку во многих случаях значительная часть интендируемого сообщения остается не выраженной и нуждается в ментальном воспроизводстве слушателем, мы посчитали необходимым проанализировать в работе логическую операцию импликации. Сделан **вывод**, что фоновые знания как внеязыковая интерференция играют доминирующую роль в выведении импликатур и декодировании содержания высказывания на уровне личной интерпретации сообщения.

Ключевые слова: интерференция, импликация, речевая коммуникация, фоновые знания, импликатуры.

Понимание — начало согласия. (Бенедикт Спиноза)

Постановка проблемы. Основой любого речевого общения является не только речепорождение, но и адекватное восприятие собеседником сказанного говорящим. Степень эффективности коммуникации во многом определяется успешным пониманием адресатом переданного в процессе диалогизирования сообщения. При этом, собеседники сосредоточены не только на простом декодировании значений языковых символов, а на коммуникативной интенции говорящего, которую они сопоставляют со своим личностным когнитивным опытом. Как метко замечает Б. Гаспаров, «уникальность жизненно-языкового опыта каждого из нас всё время относит нас друг от друга» [1, с. 16]. В фокусе настоящей работы находятся проблемы адекватной интерпретации сообщения, исходящего от собеседника. Такое умение Б. Макфарлан сравнивает с умением водить автомобиль, не попадая в аварии [6, с. 49].

Анализ последних исследований поставленной проблемы. Проблема эквивалентного восприятия смысла высказывания собеседником и соответствующего реагирования на него неоднократно поднималась в работах таких лингвистов, как И. В. Арнольд, А. В. Бондарко, Н. И. Жинкин, О. Каменская, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, А. А. Масленникова, Р. И. Павиленис, Ю. М. Скрёбнев, Ю. С. Степанов, Е. Ф. Тарасов, Г. В. Чернов, А. Brandon, W. Chafe, van Dijk, B. McFarlan, A. Gardner, P. Grice, D. Haddington, G. Lakoff, D. Lewis, X. Pearce Allan & Barbara Pease, R. Wodak и др.

Постановка задач и выбор материала исследования. В известных нам исследованиях речь идёт о вербальных и невербальных факторах, способствующих или, наоборот, препятствующих правильному пониманию сообщения, однако не о роли когнитивного опыта говорящего и слушающего в генерировании личностного смысла высказывания. Несмотря на неослабевающий интерес исследователей к различным аспектам оптимизации процесса речевой коммуникации, этот вопрос остается одним из наиболее сложных и до сих пор неразрешённых в лингвистике.

Актуальность представленной работы вытекает из отсутствия единой теоретической концепции декодирования относительно способов декодирования смысла высказывания, а также из практических нужд повышения эффективности речевого общения. Объектом исследования является англоязычный художественный диалог, а предметом — вербальные и невербальные средства, косвенно влияющие на смысл и интерпретацию сказанного.

Цель работы — выявление конкретных интра- и экстралингвальных факторов, определяющих личностное восприятие сообщения. Поставленная цель мотивирует решение следующих задач исследования: конкретизировать понятие «личностный смысл высказывания», проанализировать понятия «интерференция» и «импликация», систематизировать типы контекстно независимых, конвенциональных смыслов, образующих коннотативный компонент любого высказывания.

Материалом исследования послужили 500 фрагментов персонажного диалога, отобранных методом сплошной выборки из современного англоязычного романа. Объем фрагмента определялся его структурной и смысловой завершенностью без учета количества речевых ходов и реплик партнеров по коммуникации.

Теоретической основой исследования послужила концепция Е. С. Кубряковой о том, что адекватная теория языка должна интегрировать теорию понимания, теорию порождения (предложения), теорию памяти, теорию мотивации и поведения и ещё многое другое [2].

Изложение основного материала. Очевидно, что в процессе реального и виртуального диалогизирования понимание сказанного существенно отличается от интендированного сообщения. При этом, в зависимости от индивидуальной концептуальной картины мира собеседников, эта передаваемая информация может восприниматься слушающими по-разному, как на рационально-логическом, так и на прагматическом уровнях. В ряде случаев значительная часть содержания высказывания остается невысказанной, уходит в импликацию и должна восстанавливаться слушающим на основе контекста и общего для говорящих понимания темы или с опорой на невербальные, сопутствующие факторы общения.

В современной науке о языке понятие импликации имеет два значения. Первое — как эллипсирование определённых элементов предложения, которые легко восстанавливаются из контекста или в соответствии с принятой в грамматике данного языка парадигмой. Указанную позицию разделяют у И. В. Арнольд (1983), Е. Н. Старикова (1974), Б. Н. Климзо (1982), Н. А. Панина (1979), М. Ю. Федосюк (1988) и др. Отсюда, **импликация** понимается как результат ментального восполнения речевых лакун, которые возникают вследствие экономии речевых усилий [9].

Например:

1. «*That's good.*» — «*Why?*» (M. Gatiss) → *Why is it good?*

2. «*So, who is the winner?*» — «*Young Turner.*» → *Young Turner is the winner* (V. Murray).

Очевидно, что в первом диалогическом единстве в ответной реплике опущены подлежащее *it* и часть сказуемого *is*. Во втором примере представлено подлежащее *Young Turner* и эллипсировано сказуемое *is the winner*. В составе диалога ответные реплики в обоих случаях однозначно восстанавливаются и не представляют трудностей в восприятии.

В соответствии с другим подходом, импликация можно понимать как результат умозаключения, которое представляет собой мыслительную операцию по соотношению пресуппозиций высказывания с условиями коммуникации и личностным опытом говорящих. Данный тип импликации допускает и даже предполагает вариативность в восполнении в беседе отсутствующих логических звеньев.

Рассматривая причины различного понимания одного и того же речевого сообщения, психолог А. А. Лурия указывает на эмоциональный фон беседы и опору индивида на определённую схему знаний. «Наиболее адекватно смысл интерпретируется тем индивидом, психологическая структура сознания которого максимально приближена к психологическим особенностям личности автора» [3, с. 35].

Результат такой мыслительной деятельности психолингвист Г. П. Грайс называет импликатурой [7]. Иными словами, импликация присутствует в реплике говорящего, а импликатура рождается в сознании слушающего. Импликатуры появляются как личностные аспекты восприятия и соотносятся с сообщением высказывания.

При этом необходимо учитывать, что импликация в речевом взаимодействии не эквивалентна логическому следствию. Основное отличие импликации от логического следствия современный логик А. Брэндон усматривает в теоретическом существовании множества возможных импликатур из данной посылки и только одного логического следствия [5, с. 71]. На различия между логическим следствием и импликацией в лингвистике указывает и британская исследовательница Д. Беннет [4]. «Логическое следствие всегда однозначно и служит основой для математического доказательства истины. Так, логическое следствие $A \Rightarrow B$ утверждает, что во всех случаях, когда формула A истинна, B также будет истинна» [4, с. 78]. Являясь продуктом субъективного восполнения отсутствующих логико-смысловых связей между двумя и более высказываниями, импликация может сама принимать значения истины или лжи. Ошибочные импликации — следствие наложения формальной и бытовой дедукции [10]. Немецкий исследователь импликативных построений М. Хенль и американский психолингвист Т. Харли замечают, что причиной ошибок в дедуктивных рассуждениях является не отсутствие у людей логических способностей, а влияние уже накопленного ими в процессе жизни когнитивного опыта [8]. Всё это накладывает определённый отпечаток на понимание сказанного, которое приобретает для слушающего дополнительный личностный смысл, т. е. происходит *неосознанная интерференция* в восприятии сообщения.

Интерференция (от лат. *inter* — между, взамен, и *ferens* — несущий) — нарушение нормального хода одного процесса вмешательством другого [11]. Термин «интерференция» первоначально употреблялся только в волновой физике, но с течением времени стал употребляться и в психологии, лингвистике, методике преподавания иностранного языка и др. для обозначения как положительного, так и отрицательного влияния посторонних факторов на течение основного процесса. Проблемой интерференции в лингвистике занимались такие исследователи, как У. Вайнрайх, В. Ю. Розенц-

вейг, В. В. Алимова, А. Е. Боковни, Л. И. Баранникова, Р. А. Вафеева, О. С. Ахманова, Е. Н. Старикова, К. Роул, С. Титц и др.

В своём исследовании в аспекте теории речевой коммуникации под *интерференцией* мы понимаем наложение слушающим на полученное сообщение контекстно независимых, конвенциональных смыслов. В данном случае речь идёт не о межъязыковой лексической интерференции, а об экстралингвистических факторах, влияющих на формирование импликатур в сознании слушающего. Например:

I looked at the newcomer and remembered that the woman had managed to fool my uncle (not a fool at all), cheat my best friend and drive my poor mother to tears.

'I have come to make you a nice business proposal,' she said with a smile. 'I mean your publishing house.'

'My publishing house,' I interpolated.

'Your publishing house,' she agreed and laid out not a bad plan for our possible future co-operation. Frankly speaking I couldn't smell a rat in her words. I could smell only her sweet perfume. If that plan had come from somebody else... And all that taken together made me hot with anger.

'As far as I deduce from your words, it's a plan how to grab my money,' I glared at her. She blushed purple and suddenly looked like a hurt child.

'Why? Why do you hate me so? You do not know me!' she whispered. (F. Kelly)

В приведённом фрагменте диалога новая сотрудница издательства пытается предложить своему боссу перспективный план по развитию бизнеса. И хотя он объективно не видит в её предложении ничего подозрительного (*I couldn't smell a rat in her words*. — В её словах я не почувствовал подвоха (тут и далее перевод мой — И. М.), фоновые знания о личности говорящей (*remembered that the woman had managed to fool my uncle (not a fool at all), cheat my best friend and drive my poor mother to tears* — я вспомнил, как она обдурила моего недурака-дядю, как обманула лучшего друга и довела бедную матушку до слёз) не дают ему даже вникнуть в её бизнес-план и служат причиной грубого отказа.

В настоящей работе при анализе коммуникативного взаимодействия собеседников в диалоге было обнаружено, что на их личностные импликатуры в условиях конкретной речевой ситуации налагаются следующие факторы. Так, среди засвидетельствованных основных видов интерференции мы выделяем:

- а) статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики;
- б) историко- и социокультурные факторы;
- в) фоновые знания собеседников друг о друге и предмете общения.

Результаты проведённого исследования убеждают, что более 45 % стимулирующих реплик в англоязычном диалоге, так или иначе, имплицативны. Говорящие не доносят до слушающих сообщение в полном объёме, а как показывает анализ фактического материала, оставляют примерно 25 % информации для самостоятельного «додумывания» ввиду различных причин — как следствия закона экономии речевых усилий, *a priori* понимания информации как не требующей пояснения или прямого упоминания, нежелания непосредственно упомянуть источник информации. Отсюда, *эффективность восприятия* можно определить как адекватность импликатуры слушающего коммуникативной интенции говорящего.

В изученных диалогах интендированных имплицативных реплик засвидетельствовано примерно в 1,5 раза больше, чем неинтендированных высказываний. Отметим, что в процессе декодирования имплицативных высказываний интерференция экстралингвальных факторов имеет значительно большее значение, чем ментальные операции по выведению формально логического умозаключения.

Выводы. Как установлено в процессе анализа, среди выделенных видов интерференции *фоновые знания собеседников играют главенствующую роль, и при прочих равных условиях общения, формируют личностный смысл принятого сообщения.* Таким образом, установление причинно-следственных связей в сознании слушающего и, соответственно, построение им смысловых импликатур во многом является не объективным результатом когнитивной деятельности человека, а прямо зависит от его фоновых знаний о личности собеседника и психологической близости партнёров по общению. Отсюда ясно, что эффективность речевой коммуникации и интерпретативное понимание сказанного является интрасубъективным процессом, в котором формирование значения — процесс не идиоматический, а социальный.

Л и т е р а т у р а

1. Гаспаров Б. М. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования* / Б. М. Гаспаров. — М. : Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с.
2. Кубрякова Е. С. *Номинативный аспект речевой деятельности* / Е. С. Кубрякова. — М. : УРСС, 2015. — 160 с.
3. Лурия А. А. *Речь и мышление* / А. А. Лурия. — М. : МГУ, 1975. — 120 с.
4. Bennett D. *Logic Made Easy* / D. Bennett. — London : Penguin Books Ltd., Ldn, 2004. — 256 p.
5. Brandon A. *Logic and Consciousness* / A. Brandon. — London : Ledger, 2012. — 239 p.

6. *McFarlan B. Drop the pink elephant : 15 Ways to Say What You Mean... and Mean What You Say* / B. McFarlan. — London : Capstone, 2004. — 198 p.
7. *Grice H. P. Logic and conversation* / H. P. Grice // *Syntax and semantics* / [ed. by P. Cole and J. L. Morgan]. — New York : Academic Press, 1975. — Vol. 3. — P. 41–58.
8. *Harley T. A. The psychology of language : From data to theory* / T. A. Harley. — Psychology Press, 1995. — 624 p.
9. *Havers W. Handbuch der erklärenden Syntax* / W. Havers. — Heidelberg : Winter, 1931. — 180 p.
10. *Peirce Charles S. Studies in Logic* / Charles S. Peirce. — Harvard : Harvard University Press, 1983. — 348 p.
11. *Большой психологический словарь* / [под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко]. — М. : АСТ Москва, 2009. — 816 с.

References

1. Gasparov, B. M. (1996), *Language, memory, image. Linguistics of language existence* [Jazyk, pamjat', obraz. Lingvistika jazykovogo sushhestvovaniya], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, 352 p.
2. Kubrjakova, E. S. (2015), *Nominative aspect of speech activity* [Nominativnyj aspekt rechevoj dejatel'nosti], URSS, Moscow, 160 p.
3. Lurija, A. A. (1975), *Speech and thought* [Rech' i myshlenie], Moscow State University, Moscow, 120 p.
4. Bennett, D. (2004), *Logic Made Easy*, Penguin Books Ltd., Ldn, 256 p.
5. Brandon, A. (2012), *Logic and Consciousness*, Ledger, Ldn, 239 p.
6. McFarlan, B. (2004), *Drop the pink elephant : 15 Ways to Say What You Mean... and Mean What You Say*, Capstone, Ldn, 198 p.
7. Grice, H. P. (1975), «Logic and conversation», *Syntax and semantics*, ed. by P. Cole and J. L. Morgan, Academic Press, NY, Vol. 3, pp. 41–58.
8. Harley, T. A. (1995), *The psychology of language : From data to theory*, Psychology Press, 624 p.
9. Havers, W. (1931), *Handbuch der erklärenden Syntax*, Winter, Heidelberg, 180 p.
10. Peirce, Charles S. (1983), *Studies in Logic*, Harvard University Press, Harvard, 348 p.
11. *Large Psychology Dictionary* (2009) [Bol'shoj psihologicheskij slovar'], ed. by B. G. Meshherjakova, V. P. Zinchenko, AST Moskva, Moscow, 816 p.

МОРОЗОВА Ірина Борисівна,

доктор філологічних наук, професор кафедри граматики англійської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, 65058, Україна; e-mail: morpo@ukr.net; тел.: +38 050 6572043; ORCID ID 0000-0002-1905-7563

«ВИ МЕНЕ НЕВІРНО ЗРОЗУМІЛИ»: ІМПЛІКАЦІЯ ТА ІНТЕРФЕРЕНЦІЯ ЯК ОПЕРАЦІЇ З ФОРМУВАННЯ ЗМІСТУ У ПРОЦЕСІ КОМУНІКАЦІЇ

Анотація. Основою будь-якої мовленнєвої інтеракції є не тільки генерація висловлювань, але й адекватне сприймання слухачем того, що каже мовець. Ступінь ефективності мовленнєвої комунікації у значному ступеню визначається тим, наскільки еквівалентно адресат інтерпретує повідомлення адресата у процесі діалогізування. Наступна робота сфокусована на **проблемі** адекватного сприймання повідомлення, що передається співрозмовцем. **Актуальність** проведеної розвідки випливає з відсутності єдиної теоретичної концепції щодо декодування змісту висловлювання, а також з практичної потреби підвищення ефективності мовленнєвого спілкування. **Об'єкт** дослідження – англійський художній діалог, а **предмет** – вербальні та невербальні засоби, що мають непрямий вплив на зміст повідомлення. **Мета** роботи – з'ясування конкретних мовних та позамовних чинників, що детермінують особистісне сприймання повідомлення. У ході роботи застосовано такі **методи** як лінгвістичне спостереження і опис, контекстуальний та комунікативний підходи, квантитативно-квалітативний аналіз. Оскільки в багатьох випадках значна частина інтендованого повідомлення залишається не вказаною і потребує від слухача ментального відновлення, ми вважали необхідним проаналізувати у роботі логічну операцію імплікації. Зроблено **висновок**, що фонові знання як позамова інтерференція грають домінуючу роль у виведенні імплікатур і декодуванні змісту висловлювання на рівні особистої інтерпретації повідомлення.

Ключові слова: інтерференція, імплікація, мовленнєва комунікація, фонові знання, імплікатури.

Iryna B. MOROZOVA,

Doctor of Phil. Sc. (Grand PhD), Full Professor; Chair of English Grammar, Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, 65058, Ukraine; tel. +38 050 6572043; e-mail: morpo@ukr.net; ORCID ID 0000-0002-1905-7563

«YOU MISUNDERSTAND ME»: IMPLICATION AND INTERFERENCE AS SENSE FORMING OPERATIONS IN THE PROCESS OF COMMUNICATION

Summary. Any type of speech interaction consists not only in generating utterances, but also in the listener's adequate understanding of what is being said. The degree of speech effectiveness is much determined by the addressee's equivalent interpretation of the message transmitted in the process of dialogue interplay. The given work is focused upon the **problem** of the listener's adequate perception of speech messages sent by the speaker. The **urgency** of the research undertaken follows from the absence of universal theoretical conceptions of decoding the sense of the utterance and is also motivated by the practical needs of optimising speech communication. Our **object** of study is the original English literary dialogue,

and the **subject** of investigation is verbal and non-verbal means indirectly influencing the sense of the message. The **objective** of this paper is uncovering intra- and extra-lingual factors determining the individual perception of the utterance. In the course of study, we have used such **methods** as linguistic observation and description, contextual and communicative approaches, quantitative and qualitative analysis. Since it is an often case that a greater part of the intended message remains unsaid and requires mental restoration from the listener, we found it necessary to study the logical operation of implication. It was **found out** that extra-lingual interference, such as background knowledge of the interlocutor's identity and the topic of conversation, plays a domineering role in deducing implicatures and decoding the sense of the utterance on the level of personal interpretation of the message.

Key words: interference, implication, speech communication, background knowledge, implicatures.

Статтю отримано 22.05.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107910>

УДК 811.111'367:17.022.1:821.111(73)

ПОЖАРИЦКАЯ Елена Александровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики английского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; morpo@ukr.net; тел.: +38 050 9632062; ORCID ID: 0000-0003-4820-8129

КАНОН И ФАНФИКШН СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОГНИТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Аннотация. Настоящее исследование посвящено проблеме фанфикшн как жанру дигитальной литературы и его основным характеристикам. **Цель** работы — выявление сходств и различий лингвальной репрезентации речевого портрета главных героев в фанфике и в тексте-каноне. Дополнительным заданием исследования является определение степени свободы викрайтера в описании таких персонажей. Привлекая современные **методы** когнитивной лингвистики, нарратологии и анализа текста и опираясь на традиционные синтаксические теории, исследователь делает **вывод** о том, что, кроме интерактивности, гипермедийности, мультимодальности, процессуальности и связанности с другими текстами того же типа, дигитальной литературе присущи такие характеристики как людичность и имитативность. **Результаты** работы показывают, что все эти характеристики свойственны фанфикшн, где они находят отражение на уровне интегрального сотрудничества авторского читателя, в сюжете и языке произведения. Самый демократический жанр литературы, фанфикшн ограничен текстом канона в терминах как художественных образов, так и речевых портретов персонажей, на самом глубоком уровне синтаксиса включительно.

Ключевые слова: дигитальная литература, фанфикшн, людичность, имитативность, речевой портрет, синтаксис.

Постановка проблемы. XXI век заслуженно считается веком информационных технологий и технического прогресса, что мотивирует поиск новых форм выражения идей в искусстве. Данное исследование посвящено изучению базовых характеристик относительно нового явления в искусстве — дигитальной или цифровой литературы. Актуальность работы мотивируется как необходимостью прояснить основные принципы и закономерности создания дигитальной литературы в качестве новой ступени развития литературы, так и тем фактом, что компьютерная литература приобретает всё большую популярность во всём мире.

Постановка задач и выбор материала исследования. Целью настоящего исследования является выявление сходств и различий лингвальной репрезентации речевого портрета главных героев в фанфике и в тексте-каноне и, следовательно, определить степень творческой свободы фикрайтера в изображении таких героев. Достижение поставленной цели исследования предполагало решение следующих задач: конкретизация понятия «дигитальная литература», её истоков и основных характеристик; анализ феномена фанфикшн как жанра дигитальной литературы; выделение базовых элементов внешнего и речевого портрета одной из главных героинь романа Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер» на материале канонического текста и фанфиков. Объектом исследования является речевой портрет Гермионы Грейнджер в романе-каноне и произведениях фикрайтеров. Предметом — наиболее частотные лексические единицы, используемые для создания внешнего портрета героини и структурно-коммуникативные особенности её речи.

Материалом исследования послужили речевые образцы персонажных партий Гермионы Грейнджер, отобранные методом сплошной выборки из второй книги саги Дж. К. Роулинг «*Harry Potter and the Chamber of Secrets*» (272 речевых образца), а также соответствующие речевые партии, отобранные из пяти фанфиков различных жанров общим количеством 500 образцов.

Изложение основного материала. По своему определению, дигитальная литература — это «особый жанр литературы созданный при помощи компьютерных технологий для чтения на ком-

пьютере» [9, с. 42]. «Цифровая литература использует технические возможности компьютера и цифровые / мультимедийные технологии как основу формирующего, эстетического начала. Адекватное воспроизведение такого текста на бумаге невозможно и изначально не предусмотрено» [7, с. 438].

Заметим, что, хотя сама литература, опирающаяся на компьютерные технологии, появилась в 50–60-х гг. XX века, особую популярность она приобрела с зарождением и популяризацией Интернета, который в наше время является едва ли не основной средой обитания всё большего и большего числа современников, а компьютер справедливо называют «интерфейсом современной культуры» [13]. Первыми авторами цифровых текстов были Тео Лутц и Эмметт Уильямс, и, если Тео Лутц создавал искусственные тексты с помощью ЭВМ в 1959 г., то Эмметт Уильямс использовал компьютер для преобразования написанного без помощи машины стихотворения в сгенерированный компьютером текст. Сейчас цифровая литература представлена целой системой различных жанров и обладает, с точки зрения её исследователей [4; 7; 14; 15], рядом характерных, базовых признаков, отличающих её от традиционной художественной литературы и других видов искусства. К таковым относятся:

а) **интерактивность**, т. е. привлечение читателя к процессу создания цифрового произведения. Заметим, что часто читатель сам управляет сюжетным развитием произведений цифровой литературы с помощью клика мышки (как в «10 : 01» Ланса Олсена (*Lance Olsen*), переведённом в цифровой режим Тимом Гутри (*Tim Guthrie*)), выбора наиболее приемлемой для него опции в плане дальнейших действий героя (все произведения в жанре *Choose Your Own Adventure*):

«After hiking over the Tremalli Hills, you arrive at the entrance to the Labyrinth of Monyx. When you look in you see that there is a junction. You may go west or east.

- West
- East»

(«*The Labyrinth of Monyx, a Fantasy Adventure*» автора *mrchak*)

или перехода по гиперссылке типа:

«I swam on the neighborhood swim team every day all summer long, and wound up with stars and stripes on my stomach and my butt, a faint duplicate of my swimsuit, with light and dark reversed like a photographic negative.

The women's swimsuits cut into their rounded backs like the strings around roasts.»

(«*My body — a Wunderkammer*» Ш. Джексон (*Sh. Jackson*));

б) **процессуальность**, вытекающая из «приспособления» подобных произведений под читателя, к примеру, благодаря анимации или просто постоянному изменению контента по воле читателя;

в) **гипермедийность** — использование различных видов медиа в пределах одного произведения, как-то: гиперссылок, аудиофайлов, клипов-вставок, анимации («*Accounts of the Glass Sky*» М. Д. Каверли (*M. D. Coverley*, 2002) и др., что, с одной стороны способствует многомерности таких произведений, а с другой, иногда разрушает традиционный хронологический сюжет (как в уже упомянутом «*My body — a Wunderkammer*» Ш. Джексон (*Sh. Jackson*), где каждая новая гиперссылка может отослать читателя в любой момент из прошлого или настоящего главной героини, описывая события, порой вовсе не связанные информативно с самой фразой-гиперссылкой:

«On my right arm, over my triceps, I have a black ampersand, about one and a half inches high.

There was one good thing about the uncomfortable plastic chairs I sat in all through grade school: if I rubbed my arm against the back of the chair on a dry day, I got a funny feeling as if there were a layer of warm felt between my skin and the plastic» («*My body — a Wunderkammer*» Ш. Джексон (*Sh. Jackson*));

г) **связанность** с другими произведениями подобного рода в сюжетном плане либо в аспекте художественных образов, традиционных символов и их общепринятой интерпретацией, интернет-отсылкам на отдельные сайты и др.

Со своей стороны, среди базовых признаков цифровой литературы выделяем также обязательную **людичность** (от греч. *ludo* — игра) — игровую направленность. Так, разворачивание сюжетного действия в цифровой литературе всегда предполагает предоставление читателю определенных возможностей управления этим процессом. Обращаясь к философии, читаем: «бытие в возможности — это область существования вещей, которые опосредованы мыслью, другими словами, это бытие мысли» [6, с. 26]. Такая точка зрения сближает цифровую литературу с компьютерной игрой, где геймеру также предоставлена возможность выбора и, отличное от его реального бытия, виртуальное существование. Автор будто заигрывает с читателем, предоставляя ему самому возможность принять решение относительно дальнейшего шага или действия. Заметим, что идейная направленность таких произведений может быть поливариантна, модулируемая для каждого конкретного сюжетного инварианта, выбираемого читателем. В этом плане наблюдается некоторая близость цифровой литературы со «смертью автора» [2], постулируемой постмодерном.

Раньше книги были сориентированы на читателей в целом, обращаясь ко всем из них одинаково, но интерпретируясь по-разному в зависимости от личности читателя-интерпретатора. В цифровой литературе наблюдаем кажущийся «личностный» индивидуальный подход — книга часто не только обращается лично к читателю, используя личное местоимение второго лица *you*, но и предла-

гает ему самому выбрать тот или иной путь развёртывания сюжета, конструируя каждый раз новое произведение. В то же время, подчеркнём, что, с нашей точки зрения, подобная «свобода» читателя-геймера является мнимой, поскольку сам набор опций изначально задаётся автором. Например:

«*So where do you want to get your coffee from?*

- *Break Room*
- *Starbucks*
- *Ahem, I have my own stash of emergency coffee.*
- *Actually, I want something else now....»*

(*Coffee Break a Modern Adventure авторма StillWatersRunDeep*)

То есть, даже если Вы, к примеру, с большим удовольствием выбрали бы вариант «Пойти и попить кофе у друзей в соседнем офисе», Вы не сможете этого сделать, т. к. он не запланирован автором.

В книгах-играх (как в электронных версиях, так и в бумажных изданиях как переходном этапе между обычной и цифровой литературой) читатель обычно борется за выживание в предложенной ему квази-реальности, что по сути представляет собой попытку выиграть, вопреки стараниям автора — мастера игры и её ведущего.

Такая людичность самой цифровой литературы обуславливает и появление нового типа читателя, и, если автор проявляет себя как *homo lingualis*, то читатель, тоже участвующий в процессе создания художественного произведения, управляя его сюжетным развитием, является *homo ludens* — человеком играющим и проецирующим свою собственную личность на поливариантное художественное произведение, а не просто соперничающим героям традиционной художественной литературы. Как верно указывает И. Хейзинга [5], говоря об игре как основной деятельности, формирующей общественные отношения, целью любой игры является приобретение опыта и получение удовольствия в процессе его наработки. Это несколько другое удовольствие, чем то, которое получает читатель массовой литературы с её характерным лубочно-развлекательным характером. Здесь, мы полагаем, это возможность мульти-экзистенции в гиперпространстве цифрового произведения за счёт предложенного выбора. Так, *homo ludens* проживает множество жизней, но уже не путем абстрагирования перевоплощаясь в главного героя в собственных глазах, как при прочтении произведений традиционной литературы, а наоборот, моделируя героя в соответствии со своей собственной личностью. Еще Т. Адорно утверждал, что любая литература представляет собой сублимацию [1], однако в случае с цифровой литературой степень сублимации увеличивается за счёт подобного «слияния» реальной и виртуальной личности читателя. Предлагается переход в новый свободный мир гипер-пространства, будто бы лишённый границ и запретов, что, в конечном итоге, может способствовать эскапизму читателя-геймера от серой рутинной действительности.

Фанфикшн определяется как «художественные произведения, приносящие или не приносящие автору доход и использующие образы общепринятых канонических персонажей, обстановку или сюжет, изначально созданные другим автором или авторами» [14, с. 48]. Д. Вершлер называет фанфики паралитературой [16], поскольку они существуют «над» общепризнанными произведениями и «играют» известными персонажами или локациями (например, школа магии и волшебства Хогвартс (*Hogwarts School of Witchcraft and Wizardry*) из «Гарри Поттера» (*«Harry Potter»*) Дж. Роулинг (*J. K. Rowling*)).

Созданная с помощью компьютера для прочтения на его мониторе, фанфикшн выделяется нами в отдельный жанр цифровой литературы, наиболее близкий к литературе художественной. Заметим, что, хотя в фанфикшн используются уже «готовые», созданные другими авторами герои и локации, подобные произведения вовсе не являются плагиатом, а представляют собой творческое развитие любимого образа фанатами. Вопреки общему представлению о новизне жанра, история фанфиков восходит ещё к Древней Греции, где герои Гомера получали новое прочтение или становились участниками новых событий у совершенно других, не менее именитых авторов (Ахилл из «Илиады» Гомера появляется как в драмах Софокла, так и в трагедиях Эсхила, Эврипида, Иофонты, Астидаманта Младшего, Диогена, Аристарха Тегейского, Клеофонты и Ливия Андроника) [8]. Сам термин образован от английского *fan fiction* — литература фанатов, а его привычное нам употребление началось ещё в 1960-х после выхода сериала «Звёздный путь» (*«Star Trek»*), вдохновившего поклонников на творческую деятельность и публикацию своих творений в журналах-«фанзимах» (*fan magazine* — журнал фанатов). Сегодня фанфики полностью перебрались в интернет-пространство и охватывают почти все популярные произведения как литературы, так и кино, комиксов, музыки и компьютерных игр.

С нашей точки зрения, фанфики сегодня могут классифицироваться как жанр цифровой литературы, обладая большинством её базовых признаков. При этом необходимо учитывать особое понимание категории «читатель» для подобных произведений. Каждый фикрайтер (*fic writer* — писатель фанфикшн) — это, прежде всего, читатель канона, который в своём произведении управляет сюжетом и героями канонического текста, что указывает на интерактивность такого творчества. С другой стороны, наблюдается интерактивное взаимодействие между читателями, высказывающими свои советы и комментарии после каждого выложенного в сети эпизода и координирующими действия фикрайтера по развитию произведения, что также указывает на процессуальность данных

произведений (например, прямой посыл к читателям фанфика *The Weasley Clan* автора *gandalf537: PROMPTS ARE TAKEN AND APPRECIATED!*). Некоторые тексты, при этом, иногда получают дополнительные исправления под влиянием аудитории уже после выкладывания в сеть последних глав). Заметим, что, если связанность фанфиков между собой и с текстом канона не вызывает сомнений, то гипермедийность не является характерной чертой данного жанра, хотя и встречается в некоторых произведениях.

В нашем понимании фанфики — это литературная игра, где фикрайтеры соревнуются друг с другом в создании и совершенствовании выстроенного виртуального мира, где фикрайтер, словно геймер, по собственному вкусу выстраивает новый квази-мир из готовых опций текста-канона и собственных элементов. Всё это указывает на людичность данного жанра литературы.

При этом вопросы о том, насколько далеки или близки фанфики в своей совокупности к тексту-канону, насколько глубоко они черпают и интерпретируют оригинальный текст и верно ли интерпретируют его образы, а также каково пространство для собственного творческого поиска, — остаются на данном этапе неразрешёнными в лингвистике. К. С. Флекенштейн прямо спрашивает: «Кто автор?» [12]. Ш. Пью указывает, что фанфикшн — самый свободный и демократичный жанр современной литературы [14].

Проследим, насколько иллюзорной или реальной является предоставляемая фикрайтеру-геймеру свобода и насколько привязанным к тексту-канону остается новый текст фанфика. В качестве материала анализа используем 5 фанфиков различных авторов из вселенной уже упомянутого «Гарри Поттера» («*Harry Potter*») Дж. Роулинг (*J. K. Rowling*) в сравнении с текстом-оригиналом. Подчеркнём, что фанфики могут рассматриваться в аспекте фокуса описываемых событий. Так, имеются фанфики, где главным героем, в соответствии с каноном, является Гарри Поттер, с которым, по-видимому, связаны симпатии фикрайтера, а есть такие, где фокус сдвигается на второстепенных персонажей. На данном этапе исследования мы сосредоточили внимание на фанфиках, не разрушающих общую статусную иерархию образов, предложенную Дж. К. Роулинг. Анализ проводился на материале художественного образа Гермионы Грейнджер (*Hermione Granger*). Хотя в фокусе находился речевой портрет героини, заметим, что восприятие образа Гермионы, в целом, ассоциируется у читателей со следующими базовыми характеристиками, 90 % которых упоминаются не только в тексте канона, но и во всех пяти фанфиках. Они представлены либо непосредственно в тексте: пышные каштановые волосы («*bushy brown hair*»), довольно крупные передние зубы («*rather large front teeth*»), зазнайка («*know-it-all*»), храбрость («*Hermione, who nodded bravely*»), желание следовать правилам («*I don't want to break rules*»), либо получают косвенное подтверждение в её действиях и поступках: верность дружбе и привязанностям. Указанные характеристики служат опорными вехами в воссоздании образа Гермионы во всех изученных фанфиках, однако настоящее исследование сосредоточено на изучении речевого портрета героини. В фокусе исследования — структурно-коммуникативные характеристики речи, поскольку, как известно, именно синтаксические структуры высказываний являются рефлексией отличительных черт ментальности человека [3].

В процессе анализа канонических речевых партий Гермионы Грейнджер и её речевых партий в фанфиках было установлено следующее. Если в тексте канона наиболее частотны простые предложения в речи Гермионы (45 %), то в фанфиках первую позицию за частотностью занимают сложные предложения (45,5 %) типа: «*She would if she didn't spend all her time exploring,*» *chided Hermione, and Emma grinned conspiratorially* («*Emma Pearson — The Chamber of Secrets*» автора *Emmote*). По нашему мнению, хотя простые и сложные предложения поменялись первой и второй позицией, этот факт следует считать незначительным ввиду минимальных изменений частотности обоих типов предложений в фанфиках и каноне (ср.: частотность простых предложений в литературе фанатов составляет 43,5 %, а сложных в каноне — 42,5 %). Частотность использования осложнённых предложений, в целом, не изменилась (11 % в фанфиках и 12,5 % в тексте канона).

Явление апозиопезиса наблюдается в речи Гермионы довольно редко — 5 % случаев в каноне и 7 % в фанфиках. Например: «*Oh, yes,*» *said Hermione eagerly*. «*So clever, the way you trapped that last one with the tea strainer—*» (*J. K. Rowling*).

Средняя линейная длина предложений не меняется — 17 словоформ:

«1) Once 2) they're 3) asleep, 4) pull 5) out 6) a 7) few 8) of 9) their 10) hairs 11) and 12) hide 13) them 14) in 15) a 16) broom 17) closet» (*J. K. Rowling*).

На уровне коммуникативного типа предложений, их распределение по частотности, в целом, не изменяется. Декларативы (типа «*You did agree to this,*» *Hermione reminded him*. — *A Year in Drabbles* автора *DolbyDigital*) используются в 66,5 % случаев в каноне и в 67,1 % в фанфиках; интеррогативы (например, *Hermione scrunched her nose*. «*How can you stand this sort of things?*» — «*Callidus Prince and the Poisoned Fang*» автора *ContraryToEverything*) — в 19,5 % в каноне и в 20 % в фанфиках, императивы (например, «*Go find them if you want to do it today, Harry!*» — *The Moment* автора *B_Soms*) — в 15 % в тексте канона и в 12,9 % — в литературе фанатов.

Выводы. Таким образом, вопреки различному развитию сюжета в проанализированных фанфиках наблюдается почти полное совпадение на уровне речевого портрета. Выходит, что вопреки творческому началу фикрайтера в фанфике, он является не только со-творцом новой мультивселенной,

но и её заложником. Реструктурируя канон, фикрайтеры (осознанно или неосознанно) оставляют нетронутыми основные художественные образы, служащие «якорями» по отношению к оригиналу-канону и удерживающими фанфик в пределах определённого квази-мира. Фактически, свобода фикрайтеров иллюзорна, что подтверждает близость самих фанфиков к игре по заданным канонам правилам. Как читатель в других жанрах цифровой литературы, фикрайтер берёт на себя роль кукловода в новом произведении, однако на самом деле, и сами куклы, и декорации, и даже в определённой мере сценарии ему навязываются автором канона.

Следовательно, необходимо выделить ещё одну характерную особенную черту цифровой литературы — её **имитативность**. Впрочем, не в плане миметичности, свойственной художественной литературе в целом как наследования и копирования действительности (Платон, Аристотель), а в понимании её как имитативность ↔ иллюзорность — свободы, новизны, реальности, бесконечности вариантов, читательского могущества и положения читателя как демиурга художественной реальности.

Л и т е р а т у р а

1. Адорно В. Т. Эстетическая теория / В. Теодор Адорно. — М. : Республика, 2001. — 527 с.
2. Барт Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы : Семиотика. Поэтика. — М., 1994. — С. 384–391.
3. Морозова И. Б. Парадигматичний аналіз структури і семантики елементарних комунікативних одиниць у світлі гештальт-теорії в сучасній англійській мові : [монографія] / І. Б. Морозова. — Одеса : Друкарський дім, 2009. — 384 с.
4. Пожарицкая Е. А. Дигитальная литература : концептуальная сущность и основные особенности / Е. А. Пожарицкая // Науковий вісник Східноєвропейського національного університету ім. Лесі Українки. Серія: Філологічні науки. — Луцьк, 2017. — № 3 (352). — С. 152–158.
5. Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры / Пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; Комментар. Д. Э. Харитоновича. — М. : Прогресс — Традиция, 1997. — 416 с.
6. Чернов Р. П. Пропедевтика лudoлогической теории преступности / Р. П. Чернов // Рубикон : сб. науч. работ учёных / [отв. ред. А. Л. Бойко]. — Ростов н/Д. : РГУ, 1999. — Вып. 4. — С. 24–28.
7. Шмидт Э. Буквальная (не)движимость. Дигитальная поэзия в РуЛиНете / Э. Шмидт // Russian Literature. — LVII. — 2005. — S. 423–440 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.netslova.ru/schmidt/digital.html>
8. Щербакова А. Фанфики : история, терминология и проблемы. / А. Щербакова // Мир Фантастики. — 2016. — Вып. 149. — С. 3–9.
9. Aarseth Espen J. Cybertext : Perspectives on Ergodic Literature / Espen J. Aarseth. — Baltimore, Maryland : The Johns Hopkins University Press, 1997. — 216 p.
10. Block F. Auf hoher See in der Turing-Galaxie. Visuelle Poesie und Hypermedia / Friedrich Block // Heinz Ludwig Arnold [Hrsg.] : Text und Kritik. Visuelle Poesie. — Sonderband. — 1997. — Nr. 9. [Elektronische Quelle]. — Regime des Eingangs: https://www.netzliteratur.net/block/block_turing.html
11. Cramer Florian Warum es zuwenig interessante Netzdichtung gibt / Florian Cramer [Elektronische Ressource]. — Regime des Eingangs: http://www.netzliteratur.net/cramer/karlsruher_thesen.html
12. Fleckenstein Kristie S. Vision, rhetoric, and social action in the composition classroom / Kristie S. Fleckenstein — Carbondale : Southern Illinois University Press, 2009. — 216 p.
13. Manovich Lev. The Language of New Media / Lev Manovich. — MIT, 2001. — 354 p.
14. Pugh Sh. The Democratic Genre : Fan Fiction in a Literary Context / Sh. Pugh. — Bridgend : Seren, 2015. — 283 p.
15. Simanowski R. Concrete poetry in analog and digital media / Roberto Simanowski // Dichtung-digital. — February, 2003. — [Electronic resource] / — Access mode: <http://www.dichtung-digital.org/2003/parisconnection/concrete-poetry.htm>
16. Wershler D. Conceptual Writing and Fanfiction / Wershler D. // Why Fanfiction is Taking Over the World? — Dallas, TX : BenBella Books, Inc, 2013. — P. 333–341.

References

1. Adorno, V. (2001), *Esthetic theory* [Esteticheskaja teorija], Respublika, Moscow, 527 p.
2. Barthes, R. (1994), «The Death of the Author», *Selected papers: Semiotics. Poetics* [«Smert' avtora», *Izbrannyye raboty: Semiotika. Pojetika*], Moscow, pp. 384–391.
3. Morozova, I. B. (2009), *Paradigmatic analysis of the elementary communicative units structure and semantics: monography* [Paradygmatychnyj analiz struktury i semantyyky elementarnykh komunikatyvnykh odynyc' u svitli geshal't-teorii v suchasnij anglijs'kij movi : monohrafija], Drukars'kyj dim, Odessa, 384 p.
4. Pozharytska, O. (2017), «Digital literature : conceptual essence and main peculiarities», *Collection of Scholarly Papers of the Lesia Ukrainka National University of the East of Europe, Series : Philology* [«Digital'naja literature : konceptual'naja sushhnost' i osnovnye osobennosti», *Naukovyj visnyk Shkhidnojevropejs'koho nacional'noho universytetu imeni Lesi Ukrainky, Serija : Filolohichni nauky*], Luck, vol. 3 (352), pp. 152–158.
5. Huizenga, J. (1997) *Homo Ludens ; Articles on the History of Culture*; Translated by D. V. Silvestrov; Comment. by D. E. Kharitonovich [Homo Ludens ; Stat'i po istorii kul'tury / Per., sost. i vstup. st. D. V. Sil'vestrov; Komment. D. E. Haritonovich], Progress–Tradition, Moscow, 416 p.
6. Chernov, R. P. (1999), «Propedeutics of the Criminals' Ludology Theory», *Rubicon : Collection of works* [«Propedeutika ljudologicheskoy teorii prestupnosti», *Rubikon : sbornik rabot*], ed. A. L. Boyko, Rostov State University, Rostov on Don, vol. 4, pp. 24–28.
7. Shmidt, E. (2005), «Literal Immovability. Digital Poetics in RuLiNet», *Russian Literature* [«Bukval'naja (ne) dvizhimost'. Digital'naja poezija v RuLiNete», *Russian Literature*], vol. LVII, pp. 423–440, available at : <http://www.netslova.ru/schmidt/digital.html>

8. Shherbakova, A. (2016), «Fanfics : history, terminology, problems», *The world of science fiction* [«Fanfiki : istorija, terminologija i problem», *Mir Fantastiki*], Moscow, vol. 149, pp. 3–9.
9. Aarseth, Espen J. (1997), *Cybertext : Perspectives on Ergodic Literature*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore, Maryland, 216 p.
10. Block, F. (1997), «Auf hoher See in der Turing-Galaxie. Visuelle Poesie und Hypermedia», *Heinz Ludwig Arnold [Hrsg]: Text und Kritik. Visuelle Poesie*, Sonderband, Nr. 9, available at : https://www.netzliteratur.net/block/block_turing.html
11. Cramer, Florian (2003), *Warum es zuwenig interessante Netzdichtung gibt*, available at : http://www.netzliteratur.net/cramer/karlsruher_thesen.html
12. Fleckenstein, Kristie S. (2009), *Vision, rhetoric, and social action in the composition classroom*, Southern Illinois University Press, Carbondale, 216 p.
13. Manovich, Lev (2001), *The Language of New Media*, MIT, 354 p.
14. Pugh, Sh. (2015), *The Democratic Genre: Fan Fiction in a Literary Context*, Seren, Bridgend, 283 p.
15. Simanowski, R. (2003) «Concrete poetry in analog and digital media», *Dichtung-digital*, February, 2003, available at : <http://www.dichtung-digital.org/2003/parisconnection/concretepoetry.htm>
16. Wershler, D. (2013), «Conceptual Writing and Fanfiction», *Why Fanfiction is Taking Over the World?* BenBella Books, Inc, Dallas, TX, pp. 333–341.

ПОЖАРИЦЬКА Олена Олександрівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри граматики англійської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; вул. Дворянська, 2, Одеса, 65082, Україна; e-mail: morpo@ukr.net; тел.: +38 050 9632062; ORCID ID: 0000-0003-4820-8129

КАНОН І ФАНФІКШН КРИЗЬ ПРИЗМУ КОГНІТИВНО-СИНТАКСИЧНОГО ПІДХОДУ

Анотація. Наступне дослідження присвячене проблемі фанфікшн як жанру дигітальної літератури і його основних характеристик. **Мета** роботи — виокремити схожості і відмінності в лінгвальній репрезентації мовленнєвих портретів головних героїв у фанфіках і канонічних текстах. Додатковим завданням дослідження є визначення ступеню свободи фікрайтера в описі таких персонажів. Залучаючи сучасні **методи** когнітивної лінгвістики, нарратології і аналізу тексту і спираючись на традиційні синтаксичні теорії, автор стверджує, що, окрім інтерактивності, гіпермедійності, мультимодальності, процесуальності та зв'язаності з іншими текстами того ж типу, дигітальній літературі притаманні такі характеристики як людяність та імітативність. **Результати** дослідницької роботи надають можливість зробити **висновок** про те, що всі ці характеристики властиві фанфікшн, де вони знаходять відображення на рівні інтегральної співпраці авторського читача та в сюжеті і мові твору. Найдемократичніший жанр літератури, фанфікшн є обмеженим канонічним текстом в термінах як художніх образів, так і мовленнєвих портретів персонажів, на найглибшому рівні синтаксису включно.

Ключові слова: дигітальна література, фанфікшн, людяність, імітативність, мовленнєвий портрет, синтаксис.

Olena O. POZHARYTSKA,

PhD (Candidate of Philological Sciences), Associate Professor, Chair of English Grammar, Odessa I. I. Mechnikov National University; 2 Dvoryanska St, Odessa, Ukraine 65082; tel.: +38 050 9632062; e-mail: morpo@ukr.net; ORCID ID: 0000-0003-4820-8129

CANON AND FANFICTION THROUGH THE PRISM OF COGNITIVE-AND-SYNTACTIC APPROACH

Summary. The present investigation is dedicated to the **problem** of fanfiction as a genre of digital literature and its basic characteristics. The **objective** of the paper is to single out similarities and differences in the lingual representation of the main characters' speech portraits in fanfics and canon-texts. As a side task of the investigation we mean to determine the degree of ficwriter's freedom in portraying such characters. Employing the cutting-edge **methods** of cognitive linguistics, narratology and text analysis and grounding on traditional syntactic theories, the author argues that besides being interactive, hypermediatic, multimodal, processual and interwoven with other texts of the same type, digital literature boasts such characteristics as ludative nature and imitativity. The **results** of the investigation prove all of them to be intrinsic to fanfiction where they find reflection on the level of author-reader integrative collaboration as well as in the plot and language of the work of fiction. The most democratic genre of fiction, fanfiction is still restricted by the canon-text in terms of both creative images and characters' speech portraits, the deepest level of syntax inclusive.

Key words: digital literature, fanfiction, ludative nature, imitativity, speech portrait, syntax.

Статтю отримано 12.05.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107891>

УДК 811.111'367.322:82-312.4

СТЕПАНЕНКО Ольга Олександрівна,

голова Циклової комісії «Іноземної мови» Одеського морехідного училища рибної промисловості імені О. Соляника, викладач англійської мови; вул. Мечникова, 134, м. Одеса, 65028, Україна; тел.: +38 093 4517053; e-mail: solga971@ukr.net; ORCID ID: 0000-0001-7800-6785

МОВЛЕННЄВІ ТА КОМПОЗИЦІЙНІ ОСОБЛИВОСТІ ВІРТУАЛЬНОГО СПІЛКУВАННЯ В СУЧАСНОМУ АНГЛОМОВНОМУ ДЕТЕКТИВНОМУ РОМАНІ

Анотація. Мета представленої роботи полягає у висвітленні домінуючої стратегії комунікативної поведінки сищика як лідера діалогічного спілкування, кінцевою інтенцією якого є дізнання істини, або отримання нового знання. **Об'єктом** дослідження виступає художній діалог сучасного англomовного детективного роману. **Предмет** дослідження — мовленнєві стратегії детектива-слідчого, що у процесі спілкування з іншими персонажами намагається розкрити таємницю злочину. У ході розв'язання поставлених завдань у роботі застосовано такі **методи** опису та лінгвістичного спостереження, комунікативно-контекстуальний підхід, елементи методу прагматичного аналізу. **Результати** спостереження збагачують традиційне уявлення про віртуальну мовленнєву взаємодію лідера і послідовника в діалозі детективного роману. Як правило, така взаємодія розглядається в кожному окремому випадку як вертикально спрямований мовленнєвий хід лінійної побудови. Результати дослідження надають можливість зробити деякі **висновки**. Базовою стратегією спілкування головного персонажу в англomовному літературному діалозі детективного роману виступає стратегія м'якого аргументування. Вектор вирашної стратегії радіально спрямовано від детектива-слідчого до підозрюваних, які займають периферійну позицію в діалозі.

Ключові слова: детективний роман, літературний діалог, комунікативна стратегія, м'яке аргументування, діалогічний лідер.

Постановка проблеми. У віртуальному діалозі, як відомо, відзеркалюються основні чинники функціонування реального діалогічного спілкування [15, с. 32–41]. Сприйняття художнього діалогу читачем залежить не тільки від змістовного навантаження реплік, що його складають, але й від комунікативних стратегій персонажів, якими наділяє їх автор. Специфіка художнього діалогу детективного роману полягає, насамперед, у тому, що його персонажі не займають у діалозі рівноположної позиції, де можна виділити головну фігуру детектива-слідчого. Оскільки, за законами жанру, в кінці роману він все ж-таки дознається істини, його лінію мовленнєвої поведінки можна вважати вирашною.

Представлена стаття присвячена розгляду побудови віртуального діалогу персонажів у детективному романі в аспекті залучення мовцями комунікативних стратегій. У лінгвістичній теорії визначення мовленнєвої стратегії як такої чітко не окреслено. Актуальність проведеного дослідження вбачаємо, як у загальній гносеологічній важливості проблем організації успішності мовленнєвої комунікації, так і в тому факті, що проблема визначення домінуючої стратегії спілкування сищика в англomовному детективному романі не отримала в сучасній спеціальній літературі достатнього висвітлення.

Місце досліджуваної проблеми в науковому лінгвістичному просторі. Загалом, комунікативна лінгвістика визначає стратегію як «оптимальну реалізацію інтенцій мовця задля досягнення конкретної мети спілкування» [2, с. 118]. У сучасних наукових дослідженнях гуманітарних технік організації ефективною документації поєднано здобутки суміжних наук, таких як логіка, філософія, соціологія, психологія. Отже, вивчення мовленнєвих стратегій, з точки зору побудови діалогічного віртуального спілкування, пов'язано з багатьма соціальними, мовленнєвими та культурними факторами.

С. В. Штурхецький пише, що сам процес комунікації і всі його акти є за своєю суттю стратегічними діями вербальних партнерів [13, с. 74]. У процесі діалогізування, за даними психологів, мовленнєві повідомлення, висловлені мовцем вільно, без примусу з боку слухача, складають не більше 15 % загального обсягу тексту [9, с. 42]. Нейтральні констатуючі заяви мовця зазвичай якимось коментуються слухачем та уточнюються їм, а також є стимулом до запити нової інформації. Розподіл інформації між комунікантами регулює їхню взаємну потребу в уточненні цієї інформації, або висловленні свого уточнення. Можна припустити, що постановка питань певного типу зумовлює змістовний характер діалогічного спілкування. «Під значенням питання розуміють сукупність відповідей, що допускаються цими питаннями» [3, с. 13]. Звідси, в мовленнєвому продукті-тексті з'являються два типи ставлення до об'єкту бесіди: знання / незнання; знання поверхневі / знання більш повні.

Зазначені вербальні техніки спілкування сягають філософського вчення про комунікацію як відкрити систему, що відбивається в працях Ю. Хабермаса, К. Ясперса, К.-О. Аппеля. Розглядаючи за П. Грайсом мовленнєву інтеракцію як «мовну гру» чи «комунікативне поле бою» [14, с. 43], стає очевидним, що результат спілкування більшою мірою зумовлено лініями вербальної поведінки, що вживаються мовцями у процесі діалогізування. Останні традиційно розглядаються у лінгвістиці як

комунікативні або мовленнєві стратегії. Звідси, комунікативна стратегія — це соціальна дія, яка спрямована на управління мовленнєвою поведінкою співрозмовника.

Постановка завдань і відбір матеріалу й методів дослідження. Мета представленої роботи полягає у виявленні домінуючої стратегії комунікативної поведінки сищика як лідера діалогічного спілкування, кінцевою інтенцією якого є дізнання істини, або отримання нового знання. Об'єктом дослідження виступає художній діалог сучасного англомовного детективного роману, предметом — мовленнєві стратегії детектива-слідчого, що в процесі спілкування з іншими персонажами намагається розкрити таємницю злочину. Розглядаючи діалогічний дискурс детективного роману як віртуальне спілкування комунікантів, ми в цій статті аналізуємо вербальні техніки отримання інформації в аспекті залучення в діалозі комунікативних стратегій і тактик. Виходячи з граматичних форм реплік у діалозі, вищезазначені два типи ставлення до об'єкту бесіди ми розглядаємо в дослідженні як репліки інтероговативного характеру і неінтероговативні репліки.

У процесі розв'язання поставлених завдань в роботі застосовано такі методи дослідження: опис і лінгвістичне спостереження, комунікативно-контекстуальний підхід, елементи прагматичного аналізу. Виходячи з того, що будь-який текст як цілісне комунікативне утворення являє собою складний феномен, знаково зафіксований і ситуативно зумовлений, його філологічна інтерпретація неможлива без дослідження комунікативних одиниць, з яких складається цей текст. Його аналіз передбачає вивчення конкретних складових (у нашому випадку речень) із залученням соціокультурних умов спілкування і ментальних процесів, що відбуваються у свідомості його учасників, як це показує автор у художньому творі. Отже, комунікативний підхід до аналізу конкретного фрагменту віртуального діалогу виявляє вербальні шляхи формування змісту тексту як структурної і семантичної цілісності, а також комунікативного навантаження одиниць, що його складають. «Формування змісту тексту направлено на виявлення кінцевої мети комунікації в процесі обміну інформації, в результаті якого відбувається взаємне проникнення комунікантів у внутрішній світ один одного» [12, с. 53].

Матеріал дослідження складають 4000 фрагментів діалогічного тексту, відібраних способом суцільної вибірки із 10 сучасних англомовних детективних романів.

Виклад основного матеріалу. Оскільки в комунікативному просторі тексту закладено його внутрішній смисловий зміст, існує деяка сукупність прямих або непрямих вербальних дій, спрямованих на виведення прихованої, але відомої співрозмовникам інформації у відкритий смисловий простір тексту. За визначенням О. С. Іссерс, мовленнєва комунікація — це стратегічний процес, базою якого є відбір максимально ефективних мовних ресурсів для досягнення певної комунікативної мети [5]. Вочевидь, обрана мовцем стратегія спілкування прогнозує не тільки напрямок діалогу, але й багато в чому його кінцевий результат.

У поданій роботі мовленнєва стратегія розуміється як набір однотипних комунікативних технік, спрямованих мовцем на реалізацію своєї комунікативної інтенції. При цьому природний процес спілкування, як і віртуальний діалог персонажів, відображає певні вербальні стратегії, що задіяні мовцями в процесі мовленнєвої інтеракції. Для досягнення своєї комунікативної мети співрозмовники використовують відповідні комунікативні тактики в межах обраної ними стратегії спілкування.

За визначенням О. Я. Гойхмана і Т. М. Надєїної [4, с. 208], мовленнєві тактики — це конкретні прийоми й окремі комунікативні техніки, що походять від стратегії спілкування. У своїй роботі ми поділяємо думку І. Б. Морозової про те, що всі існуючі лінії мовленнєвої поведінки можна подати відповідно до принципів і максимумів спілкування Г. П. Грайса [14]. Виходячи з принципу кооперації, що є, на думку вченого, основою діалогічного спілкування, ми, слідом за І. Б. Морозовою, розрізняємо комунікативні стратегії конформізму й аргументування [8, с. 128].

Зазначимо, що стратегія конформізму передбачає однакову готовність людей, що спілкуються, до комунікативної співпраці. У той час, як стратегія аргументування відображає розбіжність позицій співрозмовників і передбачає мовленнєву баталію протягом спілкування. Не будучи власне однорідною у своїх проявах, ця стратегія фактично представляє дві генеральні лінії поведінки: жорстке і м'яке аргументування. Жорстке аргументування використовує тактики особистісного пригнічення співрозмовника, погроз з боку мовця та інших порушень «максим» ввічливості Г. П. Грайса. М'яке аргументування інтегрує в собі дотримання основ кооперації Г. П. Грайса, що об'єктивуються у тактиках взаємної поваги, з тактиками непогодження, переконання і контраргументації [14, с. 134–135].

У будь-якому природному або віртуальному діалозі спостерігається взаємодія партнерів по комунікації, впорядкована в єдиний процес. Типовий хід діалогізування можна представити у вигляді послідовної спрямованості процесу взаємодії партнерів у спілкуванні і певної послідовності реплік, що слідує одна за одною за принципом імплікативних пар. Звідси, якщо один з партнерів починає говорити, то інший виступає в ролі слухача. У діалозі потенційно рівних партнерів у спілкуванні, ролі слухача і мовця розподіляються відносно рівномірно. У період зміни комунікативних ролей відбувається не тільки розвиток обговорюваної теми, а й перехід до наступного тематичного вузла. Проте, достатня кількість діалогів передбачає односпрямований вплив, де один з партнерів постійно стимулює розгортання діалогу, а другий підтримує / або не підтримує його. Таким чином, відносини між партнерами по комунікації представляють собою взаємодію комунікативного лідера та його

послідовників. За визначенням В. Г. Крисько, комунікативний лідер — це член групи, колективу, спільності, авторитетна особистість, яка завоювала авторитет і право впливати на інших людей і яка відіграє центральну роль в організації певних відносин і спільної діяльності [6]. Лідер в діалозі — це «партнер у діалогічній взаємодії типового зразка, який володіє стратегічною ініціативою ведення бесіди» [там же].

У нашому випадку, мова йдеться про лідера та його послідовника в діалогічній парі, де лідер є породженням структури вербальних взаємин цієї конкретної спільності. Таким чином, як вказує О. О. Селіванова, особистості комунікантів характеризуються, з одного боку, динамічністю в інтерпретації інтенцій співрозмовника, а з іншого, — статичністю і постійністю [11, с. 124]. Цю постійність ми вбачаємо у сталості комунікативних ролей лідера і його послідовника. Як відомо, будь-яке мовленнєве спілкування в групі зумовлено метою, яку збираються досягти комуніканти. Відповідно до цього, відбувається відбір і структурування мовленнєвих способів в цілому. З одного боку, стратегічність комунікативної мовленнєвої діяльності характеризується наявністю цілого ряду взаємопов'язаних систем, які виражають відносини між комунікантами, їхні потреби і стратегії. З іншого боку, кожен з комунікантів окремо є носієм різних типів комунікативних ролей.

У процесі роботи засвідчено, що протягом діалогізування комунікативний лідер або ініціатор спілкування задає тему і напрям бесіди, а також прогнозує перехід від одного тематичного вузла до іншого шляхом постановки питань. Отже, провідний партнер, або комунікативний лідер, будує загальну лінію мовленнєвої поведінки, яка, як показує дослідження персонажних партій діалогічного дискурсу англomовного детективного роману, є досить постійною. У процесі дослідження виявлено, що комунікативна роль лідера в таких діалогах залишається незмінною при зміні інтерактивних ланцюжків і належить детективові, що розслідує кримінальну загадку.

У мікросистемі діалогічного спілкування детективного роману реалізуються всі соціально-групові норми, характерні для малої групи комунікантів, що являють собою особливим чином організовану єдність лідера і послідовника. Лідер у психології розглядається як найбільш авторитетна особистість, авторитет якої зумовлено її ідеальним уявленням у свідомості оточення [10].

У поданій роботі комунікативний лідер в діалозі визначається як соціально або психологічно домінуюча мовна особистість, яка реалізує в переважній більшості випадків спілкування свою кінцеву комунікативну інтенцію. Іншими словами, комунікативний лідер зазвичай досягає ефективності мовленнєвого спілкування шляхом вербального і психологічного впливу на учасників процесу комунікації. У цьому плані, роль сищика в детективному романі як комунікативного лідера є незалежною. Застосовуючи вчення про гуманітарні техніки мовленнєвого спілкування до аналізованих персонажних діалогів детективного роману, в поданій роботі робиться припущення про переважну роль аргументування як мовленнєвої стратегії. Оскільки, як вказував О. О. Леонт'єв, комунікативні стратегії прямо пов'язані з людськими потребами і бажаннями [7, с. 42], зрозуміло, що в діалозі детективного роману відображено, перш за все, зіткнення комунікативної інтенції сищика з інтенціями осіб, підозрюваних в скоєнні злочинів. У такому випадку доречно було б припустити, що аргументування є генеральною лінією мовленнєвої поведінки для сищика, як комунікативного лідера. Розглянемо, який саме тип аргументування є переважним у розмові сищика з іншими дійовими особами у детективному романі.

Відзначимо, що в типовому персонажному діалозі детективного роману, комунікативний лідер (детектив) — це той учасник спілкування, який направляє бесіду шляхом заповнення відсутніх ланок логічного ланцюга за принципом: питання — отримання інформації. На базі цієї отриманої інформації здійснюються формування наступного питання для узгодженого просування діалогу до результативного ефекту. Розуміючи мовленнєвий вплив як цілеспрямований вербальний акт, орієнтований на зміну поведінки, психологічного стану, внутрішнього світу співрозмовника, репліки лідера в діалозі є тим інформативно-значущим повідомленням, яке впливає на результат вербальної інтеракції. У такому аспекті комунікативна стратегія аргументування є, на нашу думку, найбільш дієвим вербальним засобом отримання сищиком відсутнього знання для заповнення інформаційних лакун розслідування.

У прагматичному аспекті аргументування може бути визначено як «макро-мовленнєвий акт, що складається з системи тверджень і/або відповідей на можливі запитання». Іншими словами, протягом м'якого аргументування відбувається обґрунтування суджень або думок шляхом побудови логічних умовиводів, переконань, а також в процесі правильної постанови питань. Таким чином, у процесі аргументування здійснюється взаємодія систем сприйняття, репрезентації і продукування інформації. З іншого боку, в процесі ведення бесіди такого типу шляхом постановки певного типу питань «психічні процеси виходять на поверхню у вигляді спонтанних реакцій» [1, с. 50] і виводять до області знання ту інформацію, яка до цього часу приховувалася співрозмовником з якихось причин. У цьому плані мовленнєва стратегія аргументації є «міжсуб'єктною грою» з виявлення або приховування релевантної інформації для розкриття таємниці.

Водночас, комунікативна мережа створюється відповідно до індивідуально-особистісних особливостей людей, які спілкуються, обраними ними комунікативними стратегіями і тактиками мовленнєвої поведінки для реалізації своїх комунікативних інтенцій. Вочевидь система персонажів в

романі відображає загальні закономірності вербальної доміантності серед учасників подій роману, що виявлена в процесі спілкування і дає ключ до розуміння організації комунікативного процесу, що відбувається у романі. Будь-яке безпосереднє спілкування являє собою складну комунікативну систему, в якій ясно вгадується лідер і його послідовник. У художньому діалозі як відображення реального природного спілкування безпосередні учасники також можуть розглядатися в парадигмі комунікативного лідерства.

Основними дійовими особами, за якими закріплені певні, задані автором ролі, виступають сищик (приватний детектив, поліцейський, аматор, який «випадково» взявся за розкриття таємниці) і коло підозрюваних осіб. У всіх таких випадках слідчий є центральною фігурою розслідування і знаходиться на очах у інших персонажів і читача. Злочинець же, як правило, займає «тіньову» позицію в романі. При цьому завданням сищика є пролити світло на цю невідому особу. Звідси ясно, що система персонажів в детективному творі є структурно радіальною, центральне місце в ній займає детектив, а інші персонажі інформаційно, так чи інакше, пов'язані з ним. Крім прямого лінійного зв'язку сищика з іншими персонажами, в художньому творі нерідко представлені й інші види інформаційних і неінформаційних зв'язків між діючими особами, як-то: родинні, соціальні, тощо. Саме звідси, базову структуру системи персонажів відповідно до законів жанру можна представити наступним чином.

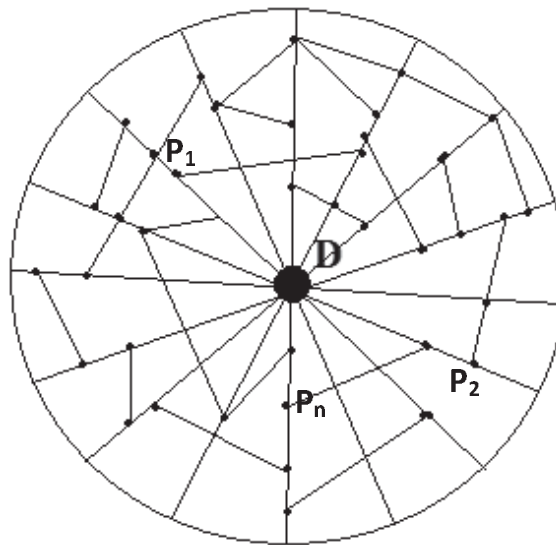

Рис. 1 Система персонажів у детективному романі: сюжетно-інформаційний аспект, де D — детектив-сищик; P₁, P₂...P_n — другорядні персонажі

Наприклад:

Prall let us down the hall and knocked:

«It's your script, isn't it?»

«I wrote it,» Mrs. Fletcher answered

«No. What I mean is that it seems to be your personal copy. Ok, Mrs. Fletcher, thank you for coming.»

Then he turned to Mary:

«Did you notice anything special?» he asked her.

«Notice what?»

«The odour in Mrs. Tralaine's suite?»

«Garlic,» Mary pronounced.

«I must talk to Rip Nestor. Can I ask you a question? Why are you interested in garlic smell in Marla Tralaine's Penthouse?»

Rip shrugged and said «I am very sensitive to odours. We do not use much garlic in southern cooking» (Fletcher J.).

У наведеному фрагменті діалогу інспектор Пролл проводить розслідування вбивства відомої фільмової зірки. Протягом короткого часу він спілкується з трьома різними дійовими особами: місис Флетчер, Мері та Ріпом Нестором. Усі ці персонажі знайомі один з одним і обмінюються репліками на різних етапах розвитку сюжету. Але в бесідах з інспектором Проллом усі вони займають позицію послідовників, у той час як інспектор кожного разу виступає в ролі комунікативного лідера, що скеровує бесіду в потрібному йому напрямку. Таким чином, саме інспектор посідає центральне місце в організації внутрішнього спілкування у романі. Він ставить запитання й намагається встановити істину. Організація його бесіди з колом дійових осіб має доцентровий характер, з одного боку, і поетапний — з іншого.

Система віртуальної комунікації в детективному романі, як і система природного спілкування, характеризується відносно рухомою рівновагою. Як вже зазначалося, загальна векторна спрямованість бесіди — від центрального персонажа (сищика) до периферії (до інших діючих осіб).

Висновки. Таким чином, у проведеному дослідженні встановлено, що основою віртуального спілкування персонажів у художньому діалозі детективного роману є радіальна спрямованість бесіди від слідчого до підозрюваних. Таке спостереження розширює традиційні уявлення про вербальну взаємодію лідер-послідовник, яка, зазвичай, вважається у кожному окремому випадку вертикально спрямованою мовленнєвою інтеракцією лінійної побудови. Являючи собою фігуру сталого комунікативного лідеру у діалозі по відношенню до інших діючих осіб, сищик керує процесом діалогізування на всіх стадіях розвитку сюжету. Його стратегія м'якого аргументування є незмінною протягом детективного роману. Цей висновок свідчить про ефективність зазначеної мовленнєвої стратегії, що обрана всіма авторами досліджуваних детективних романів.

Література

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. — М. : Наука, 1976. — 383 с.
2. Бацевич Ф. С. Основы коммуникативной лингвистики : підручник / Ф. С. Бацевич. — К. : ВЦ Академія, 2004. — 344 с.
3. Белнап Н. Логика вопросов и ответов / Н. Белнап, Т. Стил. — М. : Прогресс, 1981. — 287 с.
4. Гойхман О. Я. Речевая коммуникация / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. — М. : Прогресс, 1989. — 272 с.
5. Иссерс О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие / О. С. Иссерс. — 2-е изд. — М. : Флинта : Наука, 2011. — 224 с.
6. Крысько В. Г. Социальная психология : словарь-справочник / В. Г. Крысько. — Минск : Харвест, 2001. — 688 с.
7. Леонтьев А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев — М. : Академия, Смысл, 2008. — 368 с.
8. Морозова И. Б. Речевые механизмы успешного диалогизирования (на материале современного англоязычного детективного романа) / И. Б. Морозова // Науковий вісник ХДУ. Серія «Лінгвістика» : зб. наук. праць. — Херсон : ХДУ, 2013. — Вип. 20. — С. 128–134.
9. Михалёва О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалёва. — М. : Книжный дом «ЛИБЕРКОМ», 2009. — 256 с.
10. Немов Р. С. Психологический словарь / Р. С. Немов. — М. : Гуманитар. изд. центр «Владос», 2007. — 560 с.
11. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации : [монографич. учеб. пособие] / Е. А. Селиванова. — К. : ЦУЛ, «Фитосоцицентр», 2002. — 336 с.
12. Хинкиладзе Е. В. Коммуникативная компетенция как необходимая составляющая профессиональной компетенции [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.khai.edu/csp/nauchportal/Arhiv/GCH/2005/2005-2.pdf>
13. Штурхецкий С. В. Коммуникативні стратегії у місцевому самоврядуванні : аспект соціальної дії [Електронний ресурс]: Наук. конференції / С. В. Штурхецкий. — 2001. — Режим доступу : <http://inconf.org/shturhetskiy-sv-communicativni-strategiyi-u-mistsevomu-movryaduvanni-aspekt-sotsialnoy-diyi>
14. Grice P. Logic and Conversation / Peter Grice // Syntax and Semantics, (eds.) P. Cole, J. L. Morgan. — London : Academic Press, 1975. — Vol. 3: Speech Acts. — P. 134–136.
15. Smith J. Methodological Diversity : Advantages and Pitfalls / J. Smith // Language and Social Psychology. — 1998. — September. — P. 32–41.

References

1. Arutjunova, N. D. (1976), *Sentence and its sense [Predlozhenie i ego smysl]*, Nauka, Moscow, 383 p.
2. Bacevich, F. S. (2004), *Fundamentals of Communicative linguistics [Osnovy komunikativnoi lingvistiki : pidruchnyk]*, Publishing center Academy, Kyiv, 344 p.
3. Belnap, N., Steel, T. (1981), *The logic of questions and answers [Logika voprosov i otvetov]*, Progress, Moscow, 287 p.
4. Gojkhman, O. Ya., Nadeina, T. M. (1989), *Speech Communication [Rechevaja komunikacija]*, Progress, Moscow, 272 p.
5. Issers, O. S. (2011), *Speech impact : tutorial for students, 2nd ed. [Rechevoe vozdejstvie : ucheb. posobie]*, Flinta, Nauka, Moscow, 224 p.
6. Krysko, V. G. (2001), *Social psychology : reference book [Socialnaja psihologija : slovar-spravochnik]*, Harvest, Minsk, 688 p.
7. Leontjev, A. A. (2008), *Psychology of communicative impact [Psihologija obschenija]*, Akademija, Smysl, Moscow, 368 p.
8. Morozova, I. B. (2013), «Speech Mechanisms of the effective dialogue communication», *Bulletin of Kherson State University, Series Linguistics* [«Rechevyje mekhanizmy uspeshnogo dialogizirovanija», *Naukovyj visnyk KhDU. Serija Lingvistyka*], Kherson State University, Kherson, vol. 20, pp. 128–134.
9. Mikhailova, O. L. (2009), *Political discourse. Specifics of manipulating impact [Politicheskij diskurs. Specifika manipulyativnogo vozdejstvija]*, Booking Hause LIBROKOM, Moscow, 256 p.
10. Nemov, R. S. (2007), *Psychological dictionary [Psikhologicheskij slovar]*, Human. publishing center Vlados, Moscow, 560 p.
11. Selivanova, E. A. (2002), *Fundamentals of linguistic theory of text and communication [Osnovy lingvisticheskoy teorii teksta i kommunikacii]*, CUL Fitosociocentr, Kiev, 336 p.

12. Hinkiladze, E. V. (2005), «Communicative competence as an essential component of professional competence» [«Коммуникативная компетенция как необходимая составная часть профессиональной компетенции»], available at: <http://www.khai.edu/csp/nauchportal/Arhiv/GCH/2005/2005-2.pdf>

13. Shturkhechij, S. V. (2001), «Communicative strategy and local self-management : social activity aspect» [«Коммуникативні стратегії у місцевому самоврядуванні : аспект соціальної дії»], available at: <http://inconf.Org/shturhetskiy-sv-romunicativni-strategiyi-u-mistsevomu-movryaduvanni-aspekt-sotsialnoy-diyi>.

14. Grice, P. (1975), «Logic and Conversation», *Syntax and Semantics*, (eds.) P. Cole, J. L. Morgan, Academic Press, London, vol. 3, Speech Acts, pp. 134–136.

15. Smith, J. (1998), «Methodological Diversity : Advantages and Pitfalls», *Language and Social Psychology*, September, pp. 32–41.

СТЕПАНЕНКО Ольга Александровна,

председатель Цикловой комиссии «Иностранные языки» Одесского мореходного училища рыбной промышленности имени А. Соляника, преподаватель английского языка; ул. Мечникова, 134, г. Одесса, 65028, Украина; тел.: +38 093 4517053; e-mail: solga971@ukr.net; ORCID ID: 0000-0001-7800-6785

РЕЧЕВЫЕ И КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВИРТУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДЕТЕКТИВНОМ РОМАНЕ

Аннотация. Цель представленной работы состоит в выявлении доминирующей стратегии коммуникативного поведения сыщика как лидера в диалогическом общении, в котором его конечная интенция — дознание истины, или получение нового знания. **Объектом** исследования выступает художественный диалог современного англоязычного детективного романа. **Предмет** исследования — речевые стратегии детектива-сыщика, который в процессе общения с другими персонажами пытается раскрыть тайну преступления. В процессе решения поставленных задач использовались **методы** лингвистического наблюдения и описания, коммуникативно-контекстуальный подход, элементы метода прагматического анализа. **Результаты** наблюдения расширяют традиционное представление о виртуальном коммуникативном взаимодействии между лидером и последователем в диалоге детективного романа. Такое взаимодействие, как правило, понимается в каждом отдельном случае как вертикально направленный речевой ход линейной структуры. Результаты исследования дают возможность сделать ряд **выводов**. Базовой коммуникативной стратегией главного героя в английском литературном диалоге детективного романа является стратегия мягкого аргументирования. Вектор выигрышной стратегии имеет радиальную направленность от детектива-сыщика к подозреваемым, которые занимают в диалоге периферийную позицию.

Ключевые слова: детективный роман, литературный диалог, коммуникативная стратегия, мягкое аргументирование, диалогический лидер.

Olga A. STEPANENKO,

Head of the Foreign Languages Chair of Odessa A. Solianik Maritime College of Fishing Industry; 34 Mechnikova st., Odessa, 65028, Ukraine; mob. +38 093 4517053; e-mail: solga971@ukr.net; ORCID ID: 0000-0001-7800-6785

SPEECH AND COMPOSITIONAL PECULIARITIES OF VIRTUAL COMMUNICATION IN MODERN ENGLISH DETECTIVE NOVEL

Summary. The **objective** of the presented work consists in outlining the domeneering strategy of the communication behaviour of the detective-investigator as a dialogical leader whose final intention lies in finding the truth or obtaining new knowledge. The **object** of our research is literary dialogue as it is given in modern English detective novel. The **subject** of work is speech strategies of the detective-investigator who tries to uncover the mystery of crime while communicating with other personages. In the process of solving the set tasks, the following **methods** were used, i. e., linguistic observation and description, communicative- and- contextual approach, elements of pragmatic analysis. The work **results** in finding out, that the strategy of soft argumentation is the basic communicative strategy of the main character in the English literary dialogue of the detective novel. The undertaken study permits to conclude that the vector of his winning strategy is radially directed from the detective-investigator to the suspects, who occupy peripheral position in the dialogue. This observation enhances the traditional image about the virtual communicative interplay between the leader and the follower in the dialogue of the detective novel. As a rule, it is understood in every separate case as a vertically orientated speech move of a lineal structure.

Key words: detective novel, literary dialogue, communicative strategy, soft argumentation, dialogical leader.

Статтю отримано 11.05.2017 р.

ПИТАННЯ ЛІНГВОКОНЦЕПТОЛОГІЇ ТА МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107904>

УДК 811.111'272'37'42

КРАСНИЦКАЯ Екатерина Викторовна,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лексикологии и стилистики английского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, Одесса, 65058, Украина; e-mail: sumskaja26@gmail.com; тел.: +38 067 2667280; ORCID ID: 0000-0002-7787-5417

ОСОБЕННОСТИ ОТОБРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТОВ NORTH, SOUTH, EAST, WEST В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖОНА ЧИВЕРА

Аннотация. Целью данной статьи является анализ вербализованных концептов EAST, WEST, SOUTH, NORTH в индивидуальной картине мира современного американского писателя Джона Чивера. **Объектом** исследования выступают индивидуальные образные и аксиологические ассоциации, а также уникальные семантические компоненты концептов EAST, WEST, SOUTH, NORTH, присущие концептуальной картине мира Джона Чивера и нашедшие отражение в его произведениях. **Предметом** исследования стали лексемы, вербализующие концепты EAST, WEST, SOUTH, NORTH, а также контексты, в которых они функционируют. **Материалом** исследования служит сборник рассказов «The Stories of John Cheever», из которого способом сплошной выборки был отобран корпус текстовых фрагментов (138 единиц) дискурсивной узуализации всех четырёх концептов-составляющих макроконцепта CARDINAL POINTS OF THE GLOBE. **Актуальность** исследования обусловлена антропоцентричной направленностью современной научной парадигмы, изучающей языковые феномены в триаде «язык-культура-познание». **Результатом** проведенного исследования было выявление особенностей восприятия сторон света в обще-американской картине мира и трансформации этих представлений в индивидуальной концептосистеме писателя Джона Чивера.

Ключевые слова: концепт, картина мира, концептосистема, дискурс, стороны света, Джон Чивер.

Постановка проблемы. Одной из проблем, которые вскрывает приоритетная в современной лингвистике антропоцентрическая научная парадигма [3, с. 19–20], является проблема художественного воздействия языковой личности писателя или другого ключевого коммуникатора на концептуализацию картины мира носителей того или иного языка, представителей того или иного социума. В данной статье делается попытка показать способы и языковые средства, с помощью которых американский писатель Джон Чивер актуализирует прецедентность концептов, являющихся наименованиями четырёх сторон света, присущую национальной картине мира жителя США.

Основной подход к изучению поставленной проблемы. По определению В. А. Масловой, «концепт — это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой, что тем или иным образом характеризует носителей определённой этнокультуры» [1, с. 36]. Г. Г. Слышкин добавляет, что концепт является составной частью единства трёх основных компонентов: понятийного, образного и аксиологического [2]. Анализ определённого концепта в речи даёт возможность описать именно образный (с помощью концептуальных метафор) и аксиологический объём концепта.

Постановка задач и выбор методов исследования. Целью данной статьи является анализ вербализованных концептов EAST, WEST, SOUTH, NORTH в индивидуальной картине мира современного американского писателя Джона Чивера. Объектом исследования выступают индивидуальные образные и аксиологические ассоциации, а также уникальные семантические компоненты концептов EAST, WEST, SOUTH, NORTH, присущие концептуальной картине мира Джона Чивера и нашедшие отражение в его произведениях. Предметом исследования стали лексемы, вербализующие концепты EAST, WEST, SOUTH, NORTH, а также контексты, в которых они функционируют. Материалом исследования служит сборник рассказов «The Stories of John Cheever», из которого способом сплошной выборки был отобран корпус текстовых фрагментов (138 единиц) дискурсивной узуализации всех четырёх концептов-составляющих макроконцепта CARDINAL POINTS OF THE GLOBE.

Изложение основного материала. Ключевой темой творчества американского писателя Джона Чивера является духовная и эмоциональная пустота существования. Дж. Чивер исследует контраст между рутинным бытом пригородов и хаотически напряженным эмоциональным состоянием своих героев. В конце концов герои Джона Чивера зажиточные представители среднего класса страдают от осознания своих собственных недостатков [Цит. по 5]. Данный текстовый материал выбран предметом для исследования, так как в творчестве Джона Чивера важную роль играет пространственный континуум произведения, маркерами которого в тексте традиционно являются стороны света. Вот как пишет о роли пространства в творчестве этого писателя Джон Апдайк в своей рецензии

на сборник рассказов *Selected Stories of John Cheever*: «Образная система железной дороги уместна не только потому, что так много героев Чивера регулярно путешествуют на пригородных поездах. Многих других неожиданно приводят в замешательство странствия тела и духа, которые они не собирались совершать» [5].

Сплошная выборка лексем с семантическим компонентом *сторона света* из текста сборника *Selected Stories of John Cheever* (62 рассказа — 819 с.) составила 138 лексем с корневыми морфемами «east» (46), «west» (21), «south» (34), «north» (37). Из данного числа 45 единиц представляют собой имена собственные — названия определенной местности, населенного пункта или района города. В процессе исследования имена собственные были исключены из выборки.

При анализе текстового материала был выявлен ряд дополнительных семантических элементов анализируемых концептов. Кроме того, Чивер использует уже устоявшиеся культурные ассоциации, присущие исследуемым концептам в американской традиции.

Герои Чивера в подавляющем большинстве — жители Нью-Йорка или его пригородов. Автор даже создаёт несуществующие посёлки Shady Hill в художественном пространстве своих рассказов. Это типичный американский городок в окрестностях Нью-Йорка, спальный район с характерной провинциальной моралью. Вот как Чивер описывает их в одном из рассказов: *This was in the eastern United States, and the kind of place where most of us live. (...) The ailing, the dishearted and the poor could not ascend the steep moral path that formed its natural defense, and the moment any of the inhabitants became infected with unhappiness or discontent, they sensed the hopelessness of existing on such a high spiritual altitude. Life is unprecedentedly comfortable and tranquil* [4, с. 425]. Употребление местоимения *us* в примере указывает на близость данного пространства реальному пространственному окружению автора. Название посёлка Shady Hill вызывает неоднозначные ассоциации: во-первых, спокойный и уютный тенистый уголок (эту ассоциацию подтверждает описание посёлка: *The trees of Shady Hill were filled with birds — larks, thrushes, robins, crows — and now the air began to ring with their song* [4, с. 446]); во-вторых, ассоциация с замалчиваемыми, скрытыми переживаниями или тайнами. Вторая ассоциация подтверждается самим содержанием рассказов. Под маской общественных приличий герои скрывают свои личные разочарования, свои пороки и семейные неурядицы.

Лексеммы с морфемным компонентом *east* чаще всего встречаются в тексте произведения, что может быть обусловлено как местом жительства самого Чивера (писатель провёл большую часть своей жизни в восточных штатах страны: Массачусетсе, Бостоне, Нью-Йорке), так и местом действия большинства рассказов. При этом больше половины этих лексем относятся к географическим названиям и потому не стали предметом данного исследования.

Восток как направление, в котором зарождался новый день, во все века у большинства народов ассоциировался с неким положительным изменением создавшейся ситуации. Это отражено во многих христианских церковных обрядах. Джон Чивер также использует эту традиционную коннотацию востока в своих рассказах. В тексте рассказов *east*, существительное, изначально обозначающее «восток», «восточное направление», приобретает дополнительный семантический компонент («нечто приятное, положительное» (*east is something pleasant*)). Так, в рассказе Чивера о потерявшейся маленькой девочке после бесплодных поисков ребёнка по городу в западном направлении: *There was a police car in front of the house, and Robert and the sergeant got into it and drove west* [4, p. 87 («The Sutton Place Story»)] — наконец, находят её на востоке: *We found her. She's down at the station. <...> He started the siren, and they drove east, dodging through the traffic* [4, p. 92 («The Sutton Place Story»)]. В другом примере комната, выходящая окнами на восток, получает эпитет «приятная»: *He slept in a pleasant room that faced east, where there was a lighthouse on a point, and the beam swept through the window* [4, p. 571 («The Seaside Houses»)].

Различные погодные условия часто играют роль имплицитующих деталей в рассказах Чивера. Гроза отражает семейные катастрофы, изменение в направлении ветра всегда знаменует новый поворот в развитии сюжета или перемену в настроении героев. Так, в рассказе *Goodbye, My Brother* с отъездом брата Лоренса, который приносил в семью раздор и беспокойство, направление ветра меняется и в семью возвращается покой: *They [Lawrence and his wife] left for the mainland the next morning. (...) The wind was northerly. [The previous evening the wind was easterly] The air was clear* [4, p. 22 («Goodbye, My Brother»)]. В рассказе *The Children* главные герои приезжают по поручению своих знакомых в гости к незнакомым людям, которые, по началу, встречают их не очень гостеприимно. В этот вечер дует северный ветер: *The Mackenzies arrived there on a stormy evening when the north wind blew straight through the walls of the house* [4, p. 226]. Через некоторое время отношение хозяев меняется, и Макензи становятся членами их семьи. Потепление отношений знаменует изменение направления ветра — он дует теперь с запада: *The wind was westerly and the overcast began to be displaced with light and motion* [4, p. 228 («The Children»)].

Восточный ветер и восточный туман имеет в рассказах Чивера особую коннотацию. Восточный ветер в рассказе Чивера приобретает эпитет *dark*. Именно с восточным ветром приезжает к родственникам брат Лоуренс, появление которого приносит неприятности всем обитателям Гауд Хэдз: *It was a brilliant afternoon, but on the way home we could smell the east wind — the dark wind, as Lawrence would have said — coming in from the sea* [4, p.15 («Goodbye, My Brother»)]. Отрицатель-

ную коннотацию приобретает также восточный туман: *The east fog was thick and wet, and he was alone on the dock. (...) I wished that it had been a clear night, because the easterly fog seemed to play into my misanthropic brother's hands* [4, p. 17 («Goodbye, My Brother»)]. *The room was hot, and someone opened the doors onto the dock, and the easterly wind circled the room and went out carrying across the dock and out onto the water most of the balloons* [4, p. 17 («Goodbye, My Brother»)]. Восточный туман и ветер как будто развеивают легкомысленное и искреннее веселье жителей Гауд Хэдз, как связку воздушных шаров. Пример из другого рассказа иллюстрирует сцену расставания двух влюбленных: *The lovely young woman began to cry. She stepped into the house and closed the door and I was left with the summer night, the elms, the taste of an east wind* [4, p. 810 («The Jewels of the Cabots»)].

Отрицательная коннотация восточного ветра, возможно, связана с климатическими условиями восточного побережья США — места жительства автора. В этом регионе восточный ветер часто приносит влажный холодный воздух с Атлантики.

Для описания путешествий по территории США и за её пределами автор тоже активно использует обозначения сторон света. Так, в следующем примере огромные размеры территории США подчеркнуты в описании полёта героя через весь континент в восточные штаты: *I liked all eastward flights where you can see from the ports the edge of night move over the continent and where, when it is four o'clock by your California watch, the housewives of Garden City are washing up the supper dishes* [4, p. 579 («The Angel of the Bridge»)]. Пространственным маркером неожиданно становится время — не прямое упоминание нескольких часовых поясов на территории США производит впечатление на читателя и помогает передать авторский замысел.

Путешествие героев в Европу вербализуется как путешествие в восточном направлении: *This was in August, and there was plenty of space on the eastbound crossing» (the main character is sailing to Italy)* [4, p. 662 («Montraldo»)]. Очевидна географическая обусловленность такого компонента концепта «east». Наречие с корневой морфемой *east* и суффиксами *-bound*, *-ward* со значением «на восток» приобретает значение «в Европу» (**in the direction of Europe**).

Многие семантические составляющие концепта WEST антонимичны элементам концепта EAST. В противоположность востоку запад приобретает в рассказах отрицательную коннотацию.

Многие герои Чивера в продолжение повествования переезжают из одного региона страны в другой. Большинство перемещений в сторону запада связано с неприятными событиями в их жизни: материальными потерями, которые в рассказе *The Pot of Gold* постигают главного героя в результате его погони за мелким мошенником на запад. Напр.: *Ralph went south from there to another rooming house and then west to the neighborhood of ship chandlers and marine boarding houses. He followed the thread of Mr. Fellows' goings west to the Bowery and then to the upper West Side* [4, p. 128 («The Pot of Gold»)], разбитые мечты и неоправдавшиеся ожидания — путь дальше на запад ведёт героев другого рассказа к окончательному краху их надежд поставить пьесу собственного сочинения и стать знаменитыми: *Or they may have changed, at Chicago, for a train to the West, and this, to tell the truth, is easier to imagine* [4, p. 67 («O City of Broken Dreams»)]. Следовательно, концепт WEST приобретает дополнительный семантический компонент — «изменение к худшему» (**west is change for the worse**). Запад американского континента обычно ассоциируется с дикими степными просторами и лихими пастухами-ковбоями. Для лексемы *West* со значением «западная часть страны» одним из семантических компонентов значения является **Дикий Запад (Wild West)** с его традиционными атрибутами. В сборнике Чивера данный компонент проявился только в сопровождающей лексему *West* лексеме *horses*, которая воспринимается как атрибут запада Американского континента: *Then she remembered that her father had brought her home from his trip West a book about horses* [4, p. 245 («The Sorrows of Gin»)].

В процессе анализа текстов стало очевидным, что для автора очень большое значение имеет различие между восточной и западной частью США. Различие между *востоком и западом* эксплицировано автором и в рассказе *The Day the Pig Fell into the Well*. Напр.: *Pamela had been brought up in Chicago [western US], and Mrs. Nudd, who had spent all her life in the East, sometimes thought that this might account for their difference* [4, p. 265 («The Day the Pig Fell into the Well»)]. *Miss Coolige (...) was a spinster from the Middle West (...). There was nothing remarkable about her, but she was, of course, very different from the family* [4, p. 266 («The Day the Pig Fell into the Well»)]. Писатель намеренно разделяет страну на восточную и западную части даже в рамках избитой гиперболы: *They would be the happiest married couple in the whole eastern United States* [4, p. 252 («O Youth and Beauty»)].

Концепт SOUTH имеет особенное значение для американской культуры [6]. Многие семантические компоненты этого концепта уходят корнями в период формирования единой американской нации. Когда американцы говорят о *Юге (South)*, они обычно имеют в виду **часть Конфедерации во время Гражданской войны**. Сегодня Юг считается территорией, где люди более консервативные, чем в других частях США. Говорят, что южане имеют более традиционные взгляды на семью, секс, религию. Люди на Юге известны своей вежливостью и южным гостеприимством [7, с. 50].

Данные представления отражены и в рассказах Джона Чивера. Герой одного из рассказов едет из Нью-Йорка на юг, чтобы отдохнуть у моря. Хозяйку дома он называет *Southern lady*: *I got a key from a Southern lady in a house across the garden* [4, p. 570]. (...) *This was Mrs Whiteside, the Southern lady*

from whom we got the key [4, p. 573 («The Seaside Houses»)]. Такое обращение может свидетельствовать либо о повышенной вежливости, принятой среди южан и поддержанной приезжим с севера, либо об ассоциации хозяйки летнего коттеджа с **landlady** — владелицей поместья, типичной представительницей довоенного американского Юга. До Гражданской войны большинство южан были владельцами плантаций. В другом примере отражена **патриархальность южноамериканской семьи**: *The regulars in the bar were then a Southern family — Mother, father, Sister, and Brother* [4, p. 459]. (...) *I lit up the whole scene with an artificial optimism and talked intently with the Southerners about real estate* [4, p. 463]. *The businesswoman and her secretary rejoined one another after dinner, and Brimmer joined the Southern family, who were either so obtuse or so naive that they had seen nothing and had no objection to letting Brimmer dance with Sister* [4, p. 464 («Brimmer»)]. Патриархальность подчёркивается традиционным количеством членов семьи (четыре человека). Кроме того, отсутствие личных имён при упоминании родственных связей акцентирует первостепенность именно семейной роли героев.

В американской традиции **молодую красивую девушку из южных штатов** обычно называют *a southern belle* [см. 6]. Джон Чивер также использует лексему *belle* в отношении молодой жены главного героя одного из рассказов, уроженки Юга: *He [Jack] was with a new girl, a Southerner. There were many Southern girls in the city that year. Jack and his belle had wandered into the restaurant* [4, p. 106 («Torch Song»)].

Другим семантическим компонентом концепта SOUTH является в рассказах Чивера значение **южного ветра (south wind)** как признака или провозвестника **тепла и весны (spring, warmth)**: *From where Irene sat, she could see the open sky above the East River. There were hundreds of clouds in the sky, as though the south wind had broken the winter into pieces and was blowing it north* [4, p. 43 («The Enormous Radio»)]. *South wind* в этом примере персонифицируется — ему приписываются активные действия (*break winter to pieces*) в рамках расширенной метафоры, описывающей приход весны. Данная метафора контекстуально репрезентирует концепт SPRING. Окациональным лексическим маркером этого концепта стало словосочетание **south wind**. Тот факт, что прилагательное *south* является одновременно узуальным маркером концепта SOUTH, эксплицирует семантическую общность обоих концептов. В другом примере прилагательные *весенний (spring)* и *южный (south)* становятся контекстуальными синонимами: *The spring wind, the south wind that in the city smells of drains, was blowing* [4, p. 150 («Clancy in the Tower of Babel»)]. Синонимичность в этом примере помогает выявить близость их семантики.

Как и в паре *east / west*, некоторые семантические компоненты концепта NORTH антонимичны семантическим компонентам концепта SOUTH. Так если концепт SOUTH приобретает семантические связи с концептом SPRING, WARMTH, то концепт NORTH становится контекстуальным репрезентантом концептов WINTER, COLD. В примере, цитированном выше (*There were hundreds of clouds in the sky, as though the south wind had broken the winter into pieces and was blowing it north*) южный ветер относит зиму на север. Следовательно, север воспринимается как некое «жилище» зимы. В другом примере северный ветер становится деталью описания зимнего дня: *A north wind was howling in the television antennas, and there was a little snow left on the roofs and terraces* [4, p. 203 («The Superintendent»)]. Изобразительные детали *north wind* и *a little snow* характерны для описания зимы и вызывают соответствующие ассоциации у читателя.

Подобно лексеме *west*, лексема *north* часто служит пространственным маркером места, где героев подстерегают **несчастья и неприятности (north — something unpleasant)**. Рассказ *Metamorphoses* построен как современная интерпретация мифа об Орфее и Эвридике. Современный Орфей — певец в рекламных роликах — едет в мрачный особняк престарелого отца своей жены, чтобы вернуть её домой. Эта поездка соответствует мифическому пути Орфея в Аид. В рассказе это путешествие совершается в северном направлении: *He got his car and started north a little after dark* [4, p. 641]. Обратный путь домой совершается, соответственно, в южном направлении: *He paid for the boat, opened the car door for her, and they started south* [4, p. 643].

В рассказах Джона Чивера вербализируются некоторые дополнительные семантические элементы, присущие всем четырём ядерным компонентам генерализирующего концепта СТОРОНЫ СВЕТА: *east / west, north / south*. Так, прилагательные-композицы с суффиксом *-bound* с исходным значением «**движущийся или ведущий в восточном / западном / северном / южном направлении**» используются Чивером для обозначения полос движения на скоростной дороге (**traffic lanes**). Например: *Here he was exposed to the redicule of the northbound traffic, but after ten or five minutes he was about to cross* [4, p. 719 («The Swimmer»)]. В проанализированном тексте обозначение потоков транспорта на дороге выражается в зависимости от направления этого потока по компасу.

В результате исследования художественного творчества Джона Чивера мы пришли к **выводу** о том, что индивидуальная картина мира добавляет некоторые уникальные семантические компоненты к значению элементов концепта СТОРОНЫ СВЕТА, одновременно используя и традиционные когнитивные представления, связанные с данными концептами. Возникновение уникальных дополнительных семантических элементов концептов связано как с фактами биографии самого автора, так и с общекультурными, географическими и историческими реалиями родины писателя, Соединённых Штатов Америки.

Л и т е р а т у р а

1. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. — Минск : Тетрасистемс, 2004. — 256 с.
2. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов / Г. Г. Слышкин. — М. : Academia, 2000. — 141 с.
3. Степанов Е. Н. Город в контексте научной лингвистической парадигмы / Е. Н. Степанов // Мова / [ОНУ им. И. И. Мечникова]. — Одеса : Астропринт, 2012. — № 17. — С. 14–23.
4. Cheever J. The Stories of John Cheever / John Cheever. — New York : Ballantine Books, 1980. — 819 с.
5. *Basically Decent*. A big biography of John Cheever // The New Yorker. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.newyorker.com/arts/critics/books/2009/03/09/books_updike.
6. Jordan T. G. The human mosaic : A thematic introduction to cultural geography. — 2nd ed. / T. G. Jordan, L. Rowntree. — New York : Harper & Row, 1979. — 482 p.
7. *Oxford Advanced Learner's Dictionary* / [eds. S. Wehmeier, M. Ashby]. — Oxford : Oxford University Press, 2000. — 1540 p.

References

1. Maslova, V. A. (2004), *Cognitive linguistics* [*Kognitivnaja lingvistika : ucheb. posobie*], Tetrasistems, Minsk, 256 p.
2. Slyshkin, G. G. (2000), *Linguistic and cultural concepts of precedent texts* [*Lingvokulturnyje kontsepty precedentnykh tekstov*], Academia, Moscow, 141 p.
3. Stepanov, Ye. N. (2012), «City in the context of linguistic research paradigms», *Mova* [«Gorod v kontekste nauchnoj lingvisticheskoj paradigmy», *Mova*], Odessa I. I. Mechnikov National University, Astroprint, Odessa, vol. 17, pp. 14–23.
4. Cheever, J. (1980), *The Stories of John Cheever*, Ballantine Books, New York, 819 p.
5. Basically, Decent (2009), «A big biography of John Cheever», *The New Yorker*, available at : http://www.newyorker.com/arts/critics/books/2009/03/09/books_updike.
6. Jordan, T. G., Rowntree, L. (1979), *The human mosaic : A thematic introduction to cultural geography*, 2nd ed., Harper & Row, New York, 482 p.
7. Wehmeier, S., Ashby, M., eds. (2000), *Oxford Advanced Learner's Dictionary*, Oxford University Press, Oxford, 1540 p.

КРАСНИЦЬКА Катерина Вікторівна,

кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри лексикології та стилістики англійської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 067 2667280; e-mail: sumskaja26@gmail.com; ORCID ID: 0000–0002–7787–5417

ОСОБЛИВОСТІ ВІДОБРАЖЕННЯ КОНЦЕПТІВ *NORTH, SOUTH, EAST, WEST* У ТВОРАХ ДЖОНА ЧІВЕРА

Анотація. Метою цієї статті є аналіз вербалізованих концептів EAST, WEST, SOUTH, NORTH в індивідуальній картині світу сучасного американського письменника Джона Чівера. **Об'єктом** дослідження виступають індивідуальні образні й аксіологічні асоціації, а також унікальні семантичні компоненти концептів EAST, WEST, SOUTH, NORTH, притаманні концептуальній картині світу письменника Джона Чівера, і такі, що знайшли відображення в його творах. **Предметом** дослідження були обрані лексеми, що вербалізують концепти EAST, WEST, SOUTH, NORTH, а також контексти, в яких вони функціонують. **Матеріалом** дослідження слугує збірка оповідань *The Stories of John Cheever*, з яких способом суцільної вибірки було відібрано корпус текстових фрагментів (138 одиниць) дискурсивної узалізації всіх чотирьох концептів-складників макроконцепту CARDINAL POINTS OF THE GLOBE. **Актуальність** дослідження зумовлена антропоцентричною спрямованістю сучасної наукової парадигми, тобто дослідженню мовних феноменів у триаді «мова-культура-пізнання». **Результатом** проведеного дослідження було виявлення особливостей сприйняття сторін світу в загально-американській картині світу і трансформації цих уявлень в індивідуальній концептосистемі письменника Джона Чівера.

Ключові слова: концепт, картина світу, концептосистема, дискурс, сторони світу, Джон Чівер.

Kateryna V. KRASNYTSKA,

Ph. D. in Philological Sciences, lecturer of the chair of English Lexicology and Stylistics of the Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26 Frnch boulevard 24/26, Odessa, Ukraine. E-mail: sumskaja26@gmail.com; tel. +380672667280; ORCID ID: 0000–0002–7787–5417

FUNCTIONING PECULIARITIES OF THE CONCEPTS OF *NORTH, SOUTH, EAST, WEST* IN JOHN CHEEVER'S WORKS

Summary. *The purpose* of this article is the analysis of the verbalized concepts EAST, WEST, SOUTH, NORTH in the individual world image of a contemporary American writer John Cheever. *The object* of the present study are the individual image and axiological associations and also unique semantic components of the concepts EAST, WEST, SOUTH, NORTH, that are immanent to the conceptual world-image of the writer John Cheever and are reflected in his works. *The subject* of the study are the lexemes that verbalize the concepts EAST, WEST, SOUTH, NORTH, and also contexts where they function. *The material* of the study is represented by a book of stories *The Stories of John Cheever*, from

which a body of text fragments (138 items) of discursive usualization of all four concepts comprising the macro-concept CARDINAL POINTS OF THE GLOBE have been extracted by means of continuous sampling method. *The relevance* of this study is determined by the anthropocentric trend prevalent in the modern scientific paradigm, in other words the study of linguistic phenomena within the ternary «language-culture-knowledge». *The result* of the study was the establishment of the peculiarities of the perception of the cardinal points of the globe in the general American linguistic world image and the transformation these notions have undergone in the individual conceptual system of the writer John Cheever.

Key words: concept, world image, conceptual system, discourse, cardinal points of the Globe, John Cheever.

Статтю отримано 18.04.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107953>

УДК 811.111.81'22+81'42:316.7+316.35

Svitlana A. LYUBIMOVA,

PhD (Philology), Associate Professor, Foreign Languages Chair, Odessa National Polytechnic University; 1, Shevchenko Blvd., Odessa, Ukraine, 65044; tel.: +38 093 4288541; e-mail: naya2000@yandex.ua; ORCID ID: 0000-0001-7102-370X

AMERICAN STEREOTYPES OF WOMEN FROM PERSPECTIVE OF LOTMAN'S SEMIOTICS OF CULTURE

Summary. The *purpose* of the article is to specify semiotic character of cultural stereotype of women from perspective of Yuri M. Lotman's semiotics of culture and to depict symbolic features of female stereotypes. The *object* of the study is verbal means of stereotypes' realization in American literary discourse of the 1920s. The *subject* of the article is cultural specificity of female stereotypes at the turn of the 20th century. The methodology of the study is based on historical approach to discourse analysis. Qualitative content analysis is applied to reveal distinguishing features of women's types. The *results* of the study comprises (1) ascertainment of semantic nature of cultural stereotypes; (2) identification of stereotyped images according to Lotman's classification of female types; (3) description of moral and physical qualities attributed by society to the certain kind of women; (4) detection of historic and cultural peculiarities of women stereotyping in American culture at the beginning of the 20th century. The *practical value* of the research is to use the established information in the research of cultural constructs and in the courses of culturology, semiotics and pragmatics for students.

Key words: cultural stereotype, symbol, icon, cultural context, text, image.

Problem definition. Based on semiotic experience, a cumulative work of nation on identification and preservation of important for society cultural phenomena results in appearance of sociocultural stereotypes. Treated as cultural symbols, the stereotypes have several dimensions for scientific analysis: cultural, semiotic and historic aspects, which are intertwined and interdependent. The study of symbolic nature of sociocultural stereotypes involves cultural peculiarities' analysis of discourse-based images in a specific period of national history.

In semantics, a stereotype represents a conventional idea of a stable mental image of an object. It exists as a member of a sign system in a definite culture. The notion of a stereotype in semantics has been discussed in various aspects. Scientists drew attention to the conventionality of idea (H. W. Putnam), national culture dimensions (G. Hofstede), the culture-specific background (D. Geeraerts) and the social frame (Bartmiński) of the stereotypes. The problem of stereotyping of sociocultural phenomena, their transformations in the course of time and impact of stereotypes on social ideology remains scantily explored. The *purpose* of this work is to outline prototypic images of female stereotypes of 1900–1930s in America that represent symbols of definite historic periods in American culture.

The basic material presentation. A prominent scholar, the founder of semiotics of culture, Yuri M. Lotman, regards symbols the most stable elements of cultural continuum. Symbols correlate with a cultural context, which influences and modifies them.

In Lotman's concept, a symbol is a condenser of all principles of signs, as it functions like a mediator between different spheres of semiosis, as well as semiotic and a beyond-semiotic reality. Equally, it is a mediator between synchrony of a text and memory of a culture [8, c. 199]. A symbol is described by the eminent scholar as a holistic and self-contained meaning of a text that has clearly determined boundaries on the background of a semantic context.

The cultural context is created in no small measure by texts of various genres, thus «...any particular text can fulfill the role of a descriptive mechanism in regard to the cultural context» [7, p. 56]. Text, passing from one context to another, functions «... as an informant that has moved to a new communicative situation and bring out hitherto latent aspects of their own coding system. This «self-recoding» in accordance with a situation reveals an analogy between the symbolic behavior of a person and a text» [7, p. 56].

Being a multifaceted phenomenon of semantic cognition, a stereotype presents a condensed and coded information that develops on the background of a cultural context. Considered as a symbol of a definite period of national culture, a stereotype presumes expressive and meaningful adequacy with a text, since «...a text presents itself not as a realization of a message in some one language, but as a complex system storing diverse codes capable of transforming messages received and generating new ones, a generator of information with the traits of an intelligent person» [7, p. 57].

Yuriy M. Lotman stresses a composite nature of a symbol. Unlike a conventional sign, a symbol is characterized by the presence of iconic element [8, p. 199]. The cultural stereotype is a historically conditioned symbol comprising index, icon and symbolic elements.

The index elements of the female stereotypes denote peculiarities of appearance, i. e. specific visual details of a female image (hairdo, fashion style). The lexemes, representing the stereotypes in communication, function as symbols that code and preserve notional and evaluative information about the stereotypes.

The icon is a prototypic image, characterized by a set of model qualities attributed by the society to the stereotype. A prototypic image represents a cultural stereotype in its generalized form. In literary discourse, illusion of similitude between a cultural stereotype and a literary image is produced. However, the author's vision of a personage does not coincide completely with a cultural stereotype; it is rather a projection of stereotypic features on the image drawn by the writer.

Feminine images, as considered by Yu. M. Lotman, correlate with the historic period of the country. The scientist emphasizes the fact that female impact on social development is rarely seen as a significant problem worthy of research. *In this work, we endeavor to reveal three female stereotypes, which symbolize different periods in the culture of the USA.

With susceptibility of the slightest changes in the society, a woman is the first to accept a novelty, thus being the variability index of the society changes. But at the same time a woman, in her conventional roles of a mother and a wife, is a keeper of traditional values [9, p. 46].

Worked out by Yu. M. Lotman for a definite period of Russian culture feminine types' classification can be applied, with certain alterations, for the analysis of the 20th century American cultural stereotypes. The scholar singled out three types of feminine stereotypic images: an angel, a demon and a heroine [9, p. 65–74]. In Lotman's concept these types symbolize the qualities of woman that are highly appreciated or condemned by society. In this work the types are also viewed as symbols of transaction of American society from one stage to another.

An affectionate, caring wife is an angel, an ideal woman that preserves and transmits such traditional moral values as devotion, loyalty, solicitude and resignation. These qualities are praised by any society, as well as American patriarchal society at the beginning of the 20th century, with traditional masculine view to the role of the woman in the society. This stereotype correlates with «Gibson girl», the visual image of an ideal, created by Charles Dana Gibson as the illustration of generalized merits attributed by the society to a patriarchal woman. She embodies the ideal of an exquisite beauty, remaining perfect mother and devoted wife.

The Gibson Girl corsets her hourglass figure and upswepts her curly hair, this becomes the fashion of the early 1900s. Her enigmatic smile adds loveliness to her enchanting person. She looks self-assured and patrician. Young women modeled clothes, gestures, hair and features of the Gibson Girl.

The literary embodiment of the Gibson Girl was created by Kate Chopin, the American author of short stories and novels. Her «Gibson Girls» are well-bred and educated. Mildred from *Shameful Affair* (1899) reads Ibsen. She is a confident, intelligent, religious beauty of twenty [2, p. 148–153]. Always well-mannered, she is never overtly flirtatious, yet makes her intentions known. She speaks to the object of her interest with «a condescending little smile, as she knew how», «politely and with kindly dignity, which she supposed would define her position toward him» [2, p. 150–152]. Mildred is chaste and innocent, but readily goes alone to the river to see a young man she likes.

Another character, Clarisse of *At the Cadian Ball* (1892), is «worth going a good deal farther than that to see. Dainty as a lily; hardy as a sunflower; slim, tall, graceful, like one of the reeds that grew in the marsh. Cold and kind» [2, p. 164]. She behaves exactly as it is required from a well-bred girl of a good family. She shows disdain to a man she loves. When hugged by him, she expressed indifference, «...deftly adjusting the careful toilet that he had so brutally disarranged» [2, p. 165]. However, when she realizes that she can lose her love she acts promptly: she rides at night to her beloved to confess that she loves him.

The Gibson Girl reflects the period of traditionalism in American social history that has been lost. This stereotypic image, moulded according to a masculine ideal of the «perfect» woman, reveals in the literary forms strength and vigour of American woman that later has transformed into another stereotypic image — a heroic woman, fighting for equality with a man in the society.

A heroine, keenly apprehending the problems and needs of society, is ready to fulfill the acts and deeds important to achieve the goals she set herself up changing the life for the better. Such were the women-pioneers who not only supported, but also lead the first settlers on American land. Such type is a feminist whose efforts to fight for equality resulted in women's suffrage and ability to take high positions in the social hierarchy.

At the turn of the 20th century, feminists proved not only their right to vote, but also their sexuality, wages-earning ability, creativity in all spheres of art and literature. Switching roles from the sheer housekeeper, wife and mother, feminists showed to the world that a woman is worthy not less than a man to express her individuality in different ways and realize her ambitions.

The feminist writers' goal was to make people accept women seriously and respectively in such a way breaking the stereotype of a meek and gentle patriarchal woman of a traditionally limited social role.

A stiff stereotype of a feminist represents the image of an unmarried woman that neglects her natural inclination to nurse children as well as to attract men by her well-attended beauty, because her only passion is political fight for women's rights. Anyhow, radical feminism existed in 1920s as well as today, but a feminist type is many-sided, balancing between family and career, personal achievements and upbringing children. Though sensitive to responsibility, «well-bred little ladies...broke loose» [6, p. 41]. They stated a woman's lodging for a financial independence that can secure her discretion [6, p. 4].

As it was written by a feminist and politician, Cornelia Bryce Pinchot, in the mid-1920s: «...feminism has broadened and become more human, more understanding» [10, p. 126], than it was initially. Feminists showed that for the realization of personal goals it is not necessary to live without family. More importance was laid on economic independence for women, and «the need of constructive action to make that possible for the average wife and mother» [10, p. 126].

Feminists aimed at breaking through conventions imposed on them by their parents. So Genevieve Taggard, the poet, in her autobiographical essay writes: «Am I the Christian gentlewoman my mother slaved to make me? No indeed. I am a poet, a wine-bibber, a radical; a non-churchgoer who will no longer sing in choir or lead a prayer-meeting with a testimonial» [11, p. 66]. The previous generation of women tried to hide their disappointment and resentment of their married life, but feminists no longer want to live family life only for the sake of financial security: «It is better to work hard than to be married hard» [11, p. 67]. For them «marriage is the only profound human experience» [11, p. 66], that can be used in future life.

Not being a militant feminist herself, Willa Cather (a journalist, writer and poet) created the gallery of feminist portraits in her novel *My Antonia* (1918). The book reflects many different forms of feminism.

The main character, Antonia Shimerda, is not afraid to do a man's work: «Oh, better I like to work out of doors than in a house! ... I not care that your grandmother say it makes me like a man. I like to be like a man» [1, p. 801]. Due to her strong will power and independence, Antonia has achieved all that she had ever wanted. «She was a rich mine of life, like the founders of early races» [1, p. 926].

There are other female characters in the book, representing different feminist ideals. Frances Harling succeed in in the field of business [1, p. 894]. Modern, sophisticated and extremely independent Lena Lingard becomes a very successful dressmaker: «She had come to Lincoln, a country girl, with no introductions except to some cousins of Mrs. Thomas who lived there, and she was already making clothes for the women of «the young married set». She evidently had a great natural aptitude for her work» [1, p. 885]. Tiny Soderball leads an exciting life. She travels to Alaska in search of gold. Tiny finds adventure in her travels and success in the business world. Genevieve Whitney is described as «restless» and «headstrong» [1, c. 711]. She embodies a sophisticated, contemporary woman that have «her own fortune and...her own life» [1, c. 712].

All feminine characters of the book depicted by Willa Cather are independent, strong-willed, having their own opinion about life and their role in it. Whether they decide to marry and have children, travel or succeed in the business world, they decide on their own without having their lives planned for them.

The only wish of a demonic woman (femme fatale) is to enjoy life. It was a kind of «...a «vamp» — a picker up and thrower away of men, an unscrupulous and fundamentally unmoved toyer with affections» [4, p. 512]. She breaks stereotypes and traditional setup of androcentric society. This type corresponds to the stereotype of American flapper whose daring life style, well-trimmed beauty and hedonistic philosophy shocked patriarchal America even more than feminist struggle for sex equality.

A cultural phenomenon of a flapper arose as the revolt against austerity of the World War I, in the period of social optimism and well-being of the nation. Flappers have changed standards of feminine beauty and behavior. Being criticized by traditionalists as well as by feminists, flappers strive for managing their own life and enjoying it as much as possible: «Duties could wait. Pleasure was something you had to grab before it got away from you. The philosophy of a flapper» [12, p. 321]. This philosophy is based on the hedonistic principles: «...her philosophy is carpe diem for herself and laissez faire for others» [4, p. 147]. Regarding life too short («It's eating, drinking, working, loving, suffering and dying» [3, p. 121], flappers wish to enjoy life to the full: «There was nothing, she had said, that she wanted, except to be gay and happy, and to have money and love» [4, p. 658]. As it is little time for enjoying life, they do not want to burden themselves with «time-worn ideals» [5, p. 74], duties and responsibilities: «I like sunshine and pretty things and cheerfulness and I dread responsibility» [4, p. 157]. Such were flapper images created by the authors of 1920s: Patricia Fentriss by Fabian Warner, Ann Vaughn by Katherine Brush, Dorothy Haley by Vina Delmar, Alabama Beggs by Zella Sayre Fitzgerald. The most attractive and unsurpassed images (Rosalind Connage from *This side of Paradise* (1920), Gloria

Gilbert from *The Beautiful and Damned* (1922) and other flapper images) are created by Francis Scott Fitzgerald, who is considered the inspirer and a supreme exponent of flapper ideology.

Preferring active life style (dancing and sports), flappers no longer want to constrain movements by inconvenient corsets. They wear loose-fitting short dresses that do not hide their slender figure: «She wore a sweater of some exotic, metallic blue, a short barred skirt and woolen stockings, displaying the firm rounded legs» [12, p. 131]. The standard of feminine beauty has changed: from this time on women care to look slim and so attractive. Ideal of beauty is «young figure preserving still much of adorable awkwardness of undeveloped youth» [12, p. 131], while languor beauty of the Gibson girl is regarded «depressing» [4, p. 574].

Flappers try to look attractive, using make up («...she had done her careful best for her elfish little face...») [12, p. 58]. They apply mascara and eye shadows, paint their lips red, and this is considered reckless by the older set.

Flappers feel self-confident («I'm too bright for most men, and yet I have to descend to their level and let them patronize my intellect in order to get their attention» [4, p. 207] and convinced in their superiority over men: «...any girl can beat a man nowadays» [12, p. 157]. These women seek superiority in androcentric society by claiming sex appeal. The life goal of flappers is freedom of choice and self-expression.

Conclusions. Powerful characters created by American writers in narrative fiction and autobiographical essays at the beginning of the 20th century reflect existing in the society and fixed by culture female stereotypes. The stereotypes correlate with historic periods, alteration of which reflects changes in the life style and perception of women in the society.

In Lotman's classification of feminine stereotypic images, angelic Gibson Girl symbolizes traditional perception of women and evaluation of their merits in patriarchal America. Advocating women right to participate actively in social life and thus changing social viewpoint on the role of women, feminists are appropriate for the type of heroines in Lotman's classification of feminine images. Flappers, breaking conventions and rules that restrain manifestation of women freedom of self-expression, correspond to demonic type of feminine images.

Though representing different periods in the history of American culture, the stereotypes coexist as different generations coexist in the society at the definite period. All of them have had their impact on profiling the stereotype of a modern American woman of nowadays.

References

1. Cather, W. (1987), «My Antonia», *Early Novels and Stories*, Literary Classics of the United States, New York, pp. 711–937.
2. Chopin, K. (1976), *The Awakening and Other Stories*, ed. and with the introduction by Barbara H. Solomon, Penguin Putnam, Inc., New York, 352 p.
3. Delmar, V. (1946), *Bad Girl*, Avon Book Company, New York, 288 p.
4. Fitzgerald, F. (2000), «Scott». «This side of Paradise». «Flappers and Philosophers». «The Beautiful and Damned». «Tales of the Jazz Age», *Novels and Stories 1920–1922*, The library of America, Literary Classics of the United States, Inc., R. R. Donnelley and Sons Company, 1057 p.
5. Fitzgerald, Z. (1968), *Save Me the Waltz*, Penguin Books, Harmondsworth, 238 p.
6. Hopkin, M. A. (1989), «Why I Earn My Own Living», *These Modern Women: Autobiographical Essays from the Twenties*, (ed.) Elaine Showalter, Feminist Press at the City University of New York, 1989, pp. 41–45.
7. Lotman, Yu. M. (1988), «The Semiotics of Culture and the Concept of a Text», *Soviet psychology*, Moscow, vol. 26, No 3, pp. 52–58.
8. Lotman, Yu. M. (1992), «A Symbol in the Cultural System», *Articles on Semiotics and Topology of Culture* [«Simvol v sisteme kul'tury», *Stat'i po semiotike i topologii kul'tury*], Aleksandra, Tallinn, vol. 1, pp. 191–200.
9. Lotman, Yu. M. (1994), *Talks about Russian culture: the way of life and traditions of the Russian nobility (XVIIIth — early XIXth century)* [*Besedy o russkoj kul'ture: byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII — nachalo XIX veka)*], Iskusstvo-SPB, St. Petersburg, 758 p.
10. Pinchot, C. B. (1989), «In Search of Adventure», *These Modern Women: Autobiographical Essays from the Twenties*, (ed.) Elaine Showalter, Feminist Press at the City University of New York, pp. 121–126.
11. Taggard, G. (1989), «Poet Out of Pioneer», *These Modern Women: Autobiographical Essays from the Twenties*, (ed.) Elaine Showalter, Feminist Press at the City University of New York, pp. 63–68.
12. Warner, F. (1926), *Flaming Youth*, The Macaulay Company, New York, 336 p.

ЛЮБИМОВА Світлана Анатоліївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов Одеського національного політехнічного університету; проспект Шевченка, 1, м. Одеса, 65044, Україна; тел.: +38 093 4288541; e-mail: naya2000@yandex.ua; ORCID ID: 0000-0001-7102-370X

АМЕРИКАНСЬКІ СТЕРЕОТИПИ ЖІНОК З ТОЧКИ ЗОРУ СЕМІОТИКИ КУЛЬТУРИ Ю. М. ЛОТМАНА

Анотація. *Метою* цієї роботи є визначення семіотичної природи культурних стереотипів жінок з точки зору концепції семіотики культури Ю. М. Лотмана та опис знакових характеристик стереотипів жінок. *Об'єктом* дослідження виступають мовні засоби, які реалізують стереотипи в американському дискурсі. *Предметом* наукової розвідки є культурні особливості стереотипів жінок початку 20-го століття. *Методологічно* наше дослідження базується на історичному підході до вивчення дискурсу. Якісний контент-аналіз дискурсу застосовується з метою виявлення знакових характеристик стереотипів жінок. *Результати* нашої роботи складаються із (1) встановлення семіотичної природи культурних стереотипів жінок; (2) визначення стереотипних образів американського дискурсу відповідно до лотманової класифікації стереотипних образів жінок; (3) дескрипція моральних і фізичних характеристик, які приписувались суспільством певним категоріям жінок; (4) виявлення історичних і культурних особливостей стереотипів американської культури на початку 20-го століття. *Практичне застосування* результатів нашої роботи є доречним у курсах культурології, семіотики і прагматики.

Ключові слова: культурний стереотип, символ, іконічний знак, культурний контекст, текст, образ.

ЛЮБИМОВА Светлана Анатольевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Одесского национального политехнического университета; проспект Шевченко, 1, г. Одесса, 65044, Украина; тел.: +38 093 4288541; e-mail: naya2000@yandex.ua; ORCID ID: 0000-0001-7102-370X

АМЕРИКАНСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ ЖЕНЩИН С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СЕМИОТИКИ КУЛЬТУРЫ Ю. М. ЛОТМАНА

Аннотация. *Целью* данной работы является определение семиотической природы культурных стереотипов женщин с точки зрения теории семиотики культуры Ю. М. Лотмана, а также описание знаковых характеристик исследуемых стереотипов. *Объектом* исследования выступают языковые средства, реализующие стереотипы в дискурсе. *Предметом* научных изысканий являются культурные особенности стереотипов женщин начала 20-го столетия. *Методология* работы основана на историческом подходе к исследованию дискурса. Качественный контент-анализ дискурса применяется с целью выявления знаковых характеристик стереотипов женщин. *Результаты* нашей работы складываются из (1) определения семиотической природы культурных стереотипов женщин; (2) установления стереотипных образов женщин в американском дискурсе в соответствии с лотмановской классификацией стереотипных образов женщин; (3) описания моральных и физических характеристик, приписываемых обществом определённым категориям женщин; (4) выявления исторических и культурных особенностей стереотипов американской культуры начала 20-го века. Практическое применение результатов нашей работы возможно в курсах культурологии, семиотики и прагматики.

Ключевые слова: культурный стереотип, символ, иконический знак, культурный контекст, текст, образ.

Статтю отримано 30.01.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107950>

УДК 811.111'373'272:374.73

ТОМЧАКОВСКАЯ Юлия Олеговна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2 Национального университета «Одесская юридическая академия»; Фонтанская дорога, 23, г. Одесса, 65009, Украина; тел.: +38 098 2052009; e-mail: yuliya.tomchakovskaya@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-0117-2704

КОНЦЕПТ *CHARM* В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвокультурного концепта *CHARM* в английском языке. *Цель* работы — выявить ценностные характеристики концепта *CHARM* в англоязычном Интернет-дискурсе на материале текстов-рекомендаций «How to be Charming» и др. Ценностные признаки в структуре концепта подчёркивают особую значимость соответствующего фрагмента мира для носителей определённого языка, ценностное отношение человека к тому или иному объекту, понятию. *Объектом* исследования являются тексты-рекомендации по созданию имиджа *CHARMING PERSON*, которые несут прагматический характер и используются для обучения читателей тому, как сформировать свой положительный имидж в повседневной коммуникации и профессиональной деятельности; *предметом* — лингвистические особенности этих текстов. **Выводы:** проведённый анализ позволил выделить внутренние

и внешние признаки формирования имиджа CHARMING PERSON. Внутренние ценностные признаки CHARMING PERSON являются содержательными индикаторами концепта CHARM и проявляются через доминирующий признак SELF-DEVELOPMENT или DEVELOPMENT OF PERSONALITY / САМОРАЗВИТИЕ. Внешние ценностные признаки CHARMING PERSON являются физическими индикаторами концепта CHARM и включают мимические, окулесические, фонационные и гаптические признаки.

Ключевые слова: концепт, ценностные признаки, Интернет-дискурс, обаяние / шарм.

Постановка проблемы. Различные профессиональные сферы, такие как публичная деятельность, менеджмент, общественное взаимодействие, реклама, кинематограф, шоу-бизнес, широко используют феномен обаяния, который, несмотря на это, не имеет чёткого содержания и эмпирически выявленных характеристик для каждой из указанных профессиональных сфер, что обуславливает необходимость в исследовании его когнитивной природы.

Связь проблемы с предыдущими исследованиями. В области психологии массовой коммуникации исследуются, прежде всего, черты привлекательного, симпатичного, популярного и идеального коммуникатора (диктора, ведущего, шоумена и т. д.) [1]. В рамках лингвокультурологии и лингвоконцептологии обаяние может рассматриваться как этноспецифический лингвокультурный концепт [2; 3], который по-разному толкуется в различных культурах. Актуальность исследования определяется его соответствием общей направленности современной лингвистики на изучение лингвокультурных концептов как коллективных содержательных ментальных образований, фиксирующих своеобразие соответствующей культуры.

Анализ последних исследований и публикаций. Вслед за Е. А. Селивановой, под концептом понимаем *ментально-психонетический комплекс* — определенным образом организованная разнотрансубстратная единица знаний, включенная в сознание человека и его коллективное бессознательное [5, с. 112]. Подробное описание структуры концепта предлагает М. В. Пименова, которая выделяет в ней *шесть* классов признаков: *мотивирующие, понятийные, образные, ценностные, оценочные и символические* [4, с. 17]. Ценностные признаки в структуре концепта подчёркивают особую значимость соответствующего фрагмента мира для носителей определённого языка, ценностное отношение человека к тому или иному объекту, понятию.

Постановка задания. Цель данной статьи — выявить ценностные характеристики концепта CHARM в англоязычном Интернет-дискурсе посредством анализа внутренних и внешних ценностных признаков создания имиджа CHARMING PERSON.

Изложение основного материала исследования. Речевое воплощение концепта CHARM в англоязычном интернет-дискурсе исследуется нами на материале текстов-рекомендаций «*How to be charming*», «*The ways of charming*» и др., которые носят прагматический характер и используются для обучения читателей тому, как сформировать свой положительный имидж в повседневной коммуникации и профессиональной деятельности. По своей жанровой направленности тексты-рекомендации характеризуются большим разнообразием и отличаются определённой лингвокультурной спецификой. Так, основным адресатом англоязычной аудитории является гендерно нейтральная личность, которая легко может стать «обаятельной личностью», если будет последовательно выполнять рекомендации, структурированные в виде *шагов* («*13 Easy Steps To Developing A Magnetic Personality*»), *способов* («*5 Ways To Attract People To You*»), *поведения, манер* («*9 Behaviors Cultivated by the Ultra-Charismatic*»), *способов* («*Method 1 of 3: Having a Charming Attitude*»), а также последовательности действий под общим заголовком «*How to Be...*» («*How to Be Charismatic*», «*How to Be an Appealing Person Socially*») и под.

Структура проанализированных текстов-рекомендаций в английском интернет-дискурсе характеризуется рядом общих черт, заключающихся в «подаче» признака с помощью (1) его прямой номинации в виде коротких безглагольных конструкций (напр.: «*Contagious Laugh*», «*Vocal Expression of Emotion*»), «*Expressive Face*» или (2) его интеграции в *императивные конструкции* различного типа (напр.: *Take the positive spin! Fix your goal! Smile sincerely!*, которые вводят дальнейшее толкование признака и как бы «наизывают» объяснения, как тренировать и применять его на практике (напр.: *Take the positive spin!* → [People want to be around other *positive people* not complainers or those who always take the negative spin. If you can see the *positive in situations* — even better — take action towards *making things more positive* then you will be seen as someone of high social importance becoming much more attractive to those around you]). Объём тренировочной рекомендации также может быть различным и варьировать от трёх до десяти предложений.

Рассмотрим ценностные признаки создания имиджа CHARMING PERSON в данных текстах.

Внутренние ценностные признаки «CHARMING PERSON» являются содержательными («индикаторами») концепта CHARM и проявляются через доминирующий признак SELF-DEVELOPMENT или DEVELOPMENT OF PERSONALITY / САМОРАЗВИТИЕ, например: (1) *For the development of personality, in other words, for self-development, we can take some measures that will transform us into great human beings* / *Для развития личности, иными словами, для саморазвития мы можем принять меры, которые преобразуют нас в великих людей.* Признак SELF-DEVELOPMENT представлен концептами:

1. GOAL, AIM / ЦЕЛЬ // MENTAL INSPIRATION / МЕНТАЛЬНОЕ ВДОХНОВЕНИЕ, например: (1) *Maybe we are busy or tired, or sometimes do not feel like working. In this case, our main*

problem is the lack of a definite aim. So we have to select and **fix a goal** before we start to work (прежде чем начать работать, нужно **определить цель**); (2) **Aim always gives mental inspiration** (Цель всегда даёт **ментальное вдохновение**) and strengthens your confidence-level. However, the researchers have observed that if the aim is too flexible, it is never successful; (3) When you feel frustrated for some reason, look at these papers. Go through them. You will be **recharged again with new inspiration** (**подзарядись новым вдохновением**); (4) **Meditate again in the morning. Make your work schedule for the whole day. Start your day's work with new inspiration** (**начните ваш день с нового вдохновения**);

2. TIME / ВРЕМЯ, например: (1) **Start working with enough time in your hand** (Начните работу с **достаточным запасом времени**). Those, who take time to start a work, are, in one sense, too much optimistic. They think that though they have started late, they will be able to **finish it in time** (Они думают, что, хотя они начали поздно, они смогут **закончить вовремя**); (2) **Always arrive in time!** (Всегда **приходите вовремя**); (3) **To answer unnecessary telephone calls, use the most unproductive time of the day** (Для **необязательных телефонных звонков используйте самое непродуктивное время дня**), for example, before the lunch-time or before you go to the office in the afternoon;

3. MEDITATION, например: (1) **Meditate again in the morning** (**Медитируйте еще раз утром**). **Make your work schedule for the whole day. Start your day's work with new inspiration.**

Признак SELF-DEVELOPMENT актуализируется в таких составляющих, как «self-esteem / самоуважение», «self-confidence / уверенность в себе», «self-control / самообладание, владение собой», «simply-be-yourself / просто-будь-собой». Так, SELF-ESTEEM / САМОУВАЖЕНИЕ должно быть, прежде всего, здоровым (healthy, good), например: (1) **You may have noticed that people with a magnetic personality are most often calm and composed. This comes from healthy self-esteem** (**Собранность и уверенность в себе обаятельных людей происходит от здорового самоуважения**). **Their unflappability immediately puts others at ease, too**; (2) **Maintaining a true reflection of who you really are at the core is vital to your healthy self-esteem.** (Неискажённое представление о своём естестве жизненно важно для формирования здорового самоуважения.) **Remind yourself...!**; (3) **Care about your appearance, because looking better helps with self-esteem** (хороший внешний вид помогает **здоровому самоуважению**) and you must have a good **self-esteem** and confidence.

Признак SELF-CONFIDENCE, SELF-LOVE / УВЕРЕННОСТЬ В СЕБЕ, ЛЮБОВЬ К СЕБЕ (6 %) характеризуется как *quiet, inspiring, convincing*, например: (1) **Exude a quiet self-confidence** (От вас должна исходить **спокойная уверенность в себе**) that makes them so easily approachable; (2) **you can change all of that by following some simple steps to improve your self-confidence** (**повысить уверенность в себе**), **improve your image and learn how to engage others more easily**; (3) **Self-love, self-confidence** (**Любовь к себе и уверенность**), and **authenticity** are the foundational elements of attractiveness; (4) **When they leave, people want to emulate them. That's charisma — a sort of magnetism that inspires confidence** (**придаёт уверенность**) and adoration; (4) **Speak with confidence** (Говорите **уверенно**). **Speaking with confidence** (Говорить **уверенно** не означает...) doesn't mean talking more than everyone else, or louder (громче всех) than everyone else. **Say something important and say it with conviction** (Скажите что-нибудь важное и скажите это **убеждённо**).

Признак SELF-CONTROL / САМООБЛАДАНИЕ, ВЛАДЕНИЕ СОБОЙ необходимо («включать» для контроля над отрицательными эмоциями, например: (1) **Control your anger** (**Контролируйте Ваш гнев**): **look for the reasons behind your anger. Take realistic measures to sweep off these reasons. Your anger and excitement will drop down soon**; (2) **Most of the time you become angry when you are deceived or helpless in some situation. We become excited. Though we want to control our excitement** (Хотя мы хотим **обуздать нашу возбужденность**, мы не знаем, что с ней делать) we do not understand what we to do with this excitement, которые всегда проявляются в характеристиках голоса, например: (3) **Control your tone of voice** (**Контролируйте тональность голоса**). **Your voice should be gentle and peaceful, yet direct. Articulate your words clearly and project your voice. Practice giving compliments into a recorder and play it back. Does your voice sound sincere?**

Признак «SIMPLY-BE-YOURSELF» / «ПРОСТО-БУДЬ-СОБОЙ», например: (1) **Don't concern yourself with what others think about you. You cannot control what they think about you anyway, so don't worry about making a good impression. Simply be yourself** (**Просто будьте собой**). **People appreciate your honesty when you always show your true colors**; (2) **You will lag behind others if you fail to prove yourself the best** (Вы будете отставать от других, если не сможете **доказать, что Вы лучший**).

Перейдём к анализу **внешних признаков** создания имиджа CHARMING PERSON в проанализированных текстах.

В англоязычной лингвокультуре для развития имиджа «*charming person*» необходимо учитывать, что BODY LANGUAGE / ЯЗЫК ТЕЛА, ТЕЛОДВИЖЕНИЙ играет огромную роль в транслировании обаяния, уверенности, например: (1) **Show charisma through your body language** (**Проявляйте харизму через телодвижения**); (2) **Body language can go a long way in making people think you are confident** (**Телодвижения во многом способствуют восприятию вас окружающими как уверенного в себе человека**); (3) **Display positive body language while you're talking to someone or even when you're just waiting around** (**Показывайте положительные телодвижения**); (4) **When you speak, does your**

body language back you up, or do you look nervous, uncaring, or bored (Подкрепляете ли вы свою речь телодвижениями); (5) Look for good and bad examples of the use of body language (Найдите хорошие или плохие примеры использования телодвижений). Pay attention, and learn; (6) Pantomime is the ability to act out a narrative, to use the body (использовать телодвижения для визуализации речи) to help listeners visualize what you're saying.

Самыми важными в имидже обаятельного человека являются следующие признаки, вкладываемые в меседжи проанализированных текстов-рекомендаций:

1. Мимические: FACE / ЛИЦО в целом, которое должно быть выразительным (*expressive*): (1) *It's also related to having an expressive face (выразительное лицо), in that the more your audience can read in your body language, the more they grasp your meaning and enjoy your company*, и может выражать различные чувства, например: *satisfaction*: (2) *Your face will show your satisfaction (Удовлетворённость проявится у вас на лице)*; *chest uplifted*; *pride*: (3) *So you feel proud and your face glows in pride (Лицо светится гордостью)*; и SMILE / УЛЫБКА — *genuine, big, friendly, sincerely*, например; (1) *A smile is always something good (улыбка — это всегда хорошо), because it shows you have a nice personality and helps you feel okay*; (2) *Smile sincerely (Улыбайтесь искренне). A smile is simply the brilliance of your inner beauty shining through*; (3) *Smile genuinely (Улыбайтесь естественно) when you greet someone. Your smile should say that you're excited about getting to know them*; (4) *The reason it's more genuine (Она более естественна, потому что...) is because the muscles needed to smile with our eyes are involuntary; they only become engaged in an authentic smile, not in a courtesy smile*; (5) *A broad, genuine smile (Широкая естественная улыбка) that reaches the eyes — the famous Duchenne smile (the genuine smile named after the French physician Guillaume Duchenne, who studied the physiology of facial expressions in the nineteenth century) — is a way of making yourself instantly seem friendlier and more approachable.*

2. Окулесический: EYE CONTACT / ЗРИТЕЛЬНЫЙ КОНТАКТ *directly*, например: (1) *Looking at people directly in the eyes (Когда вы смотрите людям в глаза, Вы в некоторой степени удерживаете их) gives you a certain hold over them*; (2) *Keep eye contact throughout the conversation (Смотрите в глаза во время всего разговора). No matter what you're talking about, holding the person's eyes will make you seem more charming (О чём бы вы не говорили, зрительный контакт делает вас очаровательным)*; (3) *Look people in the eye (Смотрите людям в глаза, когда вы разговариваете с ними) when you're talking to them. Don't stare them down (Не пяльтеесь), but don't glance around the room or look everywhere but at them. Engage them with your eyes, not just your voice.*

3. Фонационный: VOICE / ГОЛОС *bolds, confident, gentle, peaceful, direct, sincere*, например: (1) *There would be boldness in your voice (В вашем голосе должна чувствоваться энергия)*; (2) *A lively, expressive voice (живой выразительный голос) is one of the most powerful instruments in the world, especially when it's resonant and sparkles with changes of pitch, speed, and volume*; (3) *Your voice should be gentle and peaceful, yet direct (Ваш голос должен быть нежным и спокойным, но в то же уверенным)*.

4. Гаптический: TOUCHING / КАСАНИЕ, *light*, например: (1) *During the course of the conversation, it may be appropriate to use light touching to keep it moving (Во время разговора иногда уместны легкие касания). You can lightly touch the person's shoulder (Можно слегка коснуться плеча человека) to emphasize a point, for example; social, например: (2) It means appropriate social touching (касания в светской обстановке) on the upper arm, shoulder, or hand. А также HANDSHAKE / РУКОПОЖАТИЕ *firm*, например: (1) *When you meet someone, give a firm handshake (крепко пожмите руку) and look the other person in the eye; quick hug (приобнимите): (2) At the end of the conversation, decide whether it's appropriate to give a quick hug or another handshake (слегка приобнять или пожать руку).**

Выводы. Проведённый анализ речевого воплощения исследуемого концепта позволил выделить внутренние и внешние признаки формирования имиджа CHARMING PERSON. Внутренние ценностные признаки «CHARMING PERSON» являются содержательными «индикаторами» концепта CHARM и проявляются через доминирующий признак SELF-DEVELOPMENT или DEVELOPMENT OF PERSONALITY / САМОРАЗВИТИЕ. Внешние ценностные признаки «CHARMING PERSON» являются физическими индикаторами концепта CHARM и включают мимические, окулесические, фонационные и гаптические признаки.

Перспективой данного исследования является анализ понятийных и образных признаков данного концепта в английском языке и речи.

Литература

1. Агеичева О. И. Оценка обаяния телеведущего телезрителями с разными личностными качествами : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / О. И. Агеичева. — Москва, 2007. — 227 с.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 476 с.
3. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2009. — 406 с.

4. Пименова М. В. Концепт СЕРДЦЕ : Образ. Понятіе. Символ / М. В. Пименова : монографія. — Кемерово : КемГУ, 2007. — 500 с.
5. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. — Полтава : Довкілля-К, 2006. — 716 с.
6. Be charming [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://www.wikihow.com/Be-Charming>
7. Captivate people [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://www.wikihow.com/Captivate-People>
8. How to fascinate people [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://www.billionairebelief.com/how-to-fascinate-captivate-people-in-30seconds-or-less/>
9. Magnetic personality [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://www.williambutler.ca/2014/02/magnetic-personality/>

References

1. Ageicheva, O. I. (2007) *The evaluation of charm of an anchorperson by the viewers with different personal qualities : Thesis [Ocenka obajaniya teledushhego telezriteljami s raznymi lichnostnymi kachestvami : dis. ... kand. psikhol. nauk : 19.00.05]*, Moscow, 227 p.
2. Karasik, V. I. (2002), *Language circle : personality, concepts, discourse [Jazykovoj krug : lichnost', koncepty, diskurs]*, Peremena, Volgograd, 476 p.
3. Karasik, V. I. (2009), *Language keys [Jazykovye kljuchi]*, Gnozis, Moscow, 406 p.
4. Pimenova, M. V. (2007), *Concept HEART : image, notion, symbol [Koncept SERDCE : obraz. Ponjatie. Simvol]*, Kemerovo State University, Kemerovo, 500 p.
5. Selivanova, O. O. (2006), *Modern linguistics : terminological encyclopedia [Suchasna linhvistyka : terminolohichna encyklopedija]*, Dovkillya-K, Poltava, 716 p.
6. *Be charming*, available at : <http://www.wikihow.com/Be-Charming>
7. *Captivate people*, available at : <http://www.wikihow.com/Captivate-People>
8. *How to fascinate people*, available at : <http://www.billionairebelief.com/how-to-fascinate-captivate-people-in-30seconds-or-less/>
9. *Magnetic personality*, available at : <http://www.williambutler.ca/2014/02/magnetic-personality/>

ТОМЧАКОВСЬКА Юлія Олегівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов № 2 Національного університету «Одеська юридична академія»; Фонтанська дорога, 23, м. Одеса, 65009, Україна; тел.: +38 098 2052009; e-mail: yuliya.tomchakovskaya@gmail.com; ORCID ID 0000-0003-0117-2704

КОНЦЕПТ *CHARM* В АНГЛОМОВНОМУ ІНТЕРНЕТ-ДИСКУРСІ

Анотація. Стаття присвячена дослідженню лінгвокультурного концепту *CHARM* в англійській мові. **Мета** роботи — виявити ціннісні характеристики концепту *CHARM* в англомовному інтернет-дискурсі на матеріалі текстів-рекомендацій «How to be Charming» та ін. Ціннісні ознаки в структурі концепту підкреслюють особливу значимість відповідного фрагмента світу для носіїв певної мови, ціннісне ставлення людини до того чи іншого об'єкту, поняття. **Об'єктом** дослідження є тексти-рекомендації щодо створення іміджу *CHARMING PERSON*, які носять прагматичний характер і використовуються для навчання читачів тому, як сформувати свій позитивний імідж у повсякденній комунікації та професійній діяльності; **предметом** — лінгвістичні особливості цих текстів. **Висновки:** проведений аналіз уможливив виокремлення внутрішніх і зовнішніх ознак формування іміджу *CHARMING PERSON*. Внутрішні ціннісні ознаки *CHARMING PERSON* є змістовними індикаторами концепту *CHARM* і проявляються через домінуючу ознаку *SELF-DEVELOPMENT* або *DEVELOPMENT OF PERSONALITY / САМОРОЗВИТОК*. Зовнішні ціннісні ознаки *CHARMING PERSON* є фізичними індикаторами концепту *CHARM* і включають мімічні, окулесичні, фонаційні та гаптічні ознаки.

Ключові слова: концепт, ціннісні ознаки, інтернет-дискурс, чарівність.

Yuliya O. TOMCHAKOVSKAYA,

Candidate of philological sciences (PhD), Associate Professor of the Chair of foreign languages #2, National University «Odessa Academy of Law»; 23 Fontanskaya doroha, Odessa, 65009, Ukraine; tel.: +38 098 2052009; e-mail: yuliya.tomchakovskaya@gmail.com; ORCID ID 0000-0003-0117-2704

CONCEPT *CHARM* IN THE ENGLISH INTERNET-DISOURSE

Summary. The article is dedicated to the study of the linguocultural concept *CHARM* in the English language. The **purpose** of the work is to identify axiological characteristics of the concept *CHARM* in the English Internet-discourse based on text-recommendations «How to be Charming» etc. Axiological features in the structure of a concept underline particular importance of the corresponding fragment of the world to the speakers of a certain language, axiological attitude of a person to this or that object, notion. The **object** of the study — text-recommendations on creating the image of a *CHARMING PERSON* which have a pragmatic character and are used to teach the readers how to create one's positive image in everyday communication and professional activity; the **subject** of the study — linguistic peculiarities of the given texts. **Conclusion:** inner and outer features of formation of a *CHARMING PERSON* image have been singled out in the process of our analysis. Inner axiological features of *CHARMING PERSON* are the content indicators of the concept

CHARM; they are manifested through the domineering feature SELF-DEVELOPMENT or DEVELOPMENT OF PERSONALITY. Outer axiological features of CHARMING PERSON are physical indicators of the concept CHARM; they include mimic, eye contact, voice and touching features.

Key words: concept, axiological features, Internet-discourse, charm.

Статтю отримано 12.05.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107893>

УДК 811.161.2'367.332.7/.624.5:001.12

ТРУБА Ганна Миколаївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри прикладної лінгвістики Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 063 2366706; e-mail: 3182009060@ukr.net; ORCID ID: 0000-0001-9944-0476

ДИСКУРС ВИВЧЕННЯ КАТЕГОРІЇ СТАНОВОСТІ: ІНТЕГРАТИВНИЙ ПІДХІД. ВІХІ РОЗВИТКУ ПИТАННЯ

Анотація. *Мета* статті — окреслити основні віхи розвитку питання категорії становості, яка є однією із базових категорій свідомості. *Об'єктом* аналізу є категорія становості, а *предметом* дослідження — інтегративний підхід у вивченні зазначеної категорії. У роботі використано описовий та інтегративний *методи* дослідження. *Результатом* дослідження є чітке визначення категорії становості у світоглядній картині світу, вивчення історії розвитку і становлення категорії становості і її місце серед інших категорій, а разом із тим окреслення нового підходу до вивчення вже розроблених лінгвістичних категорій з нової точки зору — інтегративного підходу. *Актуальністю* дослідження є висвітлення різних підходів до визначення поняття дискурсу взагалі, окреслення різних дискурсів категорії становості і інтегрування їх в одну структуру. *Практична цінність* результатів дослідження полягає у можливості використання його *висновків* у вирішенні питань оптимізації процесів навчання філологів, для глибшого розуміння категоризації мов у фундаментальних дослідженнях еволюції глибоких, базових категорій української мови, а також для покращення процесу засвоєння української мови як іноземної.

Ключові слова: інтегративний підхід, категорія становості, дискурс.

Постановка проблеми. Категорія становості є однією із базових категорій свідомості людини. Початки її вивчення сягають ще античних часів, часів філософів Греції. Термін «дискурс» у сучасній лінгвістиці є дуже поширеним, і в кожному окремому напрямку лінгвістичних досліджень термін дискурс набуває певного смислового навантаження. Зазначена проблематика, звісно, потребує ґрунтовних, глибоких і широких дослідницьких викладок, які дуже складно помістити у межі однієї статті, проте ми спробуємо накреслити основні віхи проблематики.

Місце дослідження серед суміжних проблем. Мовознавство сьогодні зазнало впливу загальних тенденцій людства: активні процеси глобалізації, інформатизації, інтеграції наукових знань, пошук новітніх прикладних аспектів, визнання англійської, як мови міжкультурного спілкування і її вплив на інші національні мови. Всі ці процеси поставили перед науковою спільнотою виклик про потребу інтеграції отриманих знань під одним спільним знаменником. Отже, для відповіді сучасним вимогам і пошуку нових прикладних аспектів мовознавцем не достатньо розглядати питання у вузьких межах одного напрямку, вони змушені інтегрувати об'єднувати знання різних підходів і враховувати їх для тлумачення того чи іншого процесу чи явища. Цим вимогам відповідає інтегративний підхід, який акумулює в собі розробки теоретичних засад:

- комунікативно-діяльнісного підходу (І. О. Зимняя, А. А. Леонт'єв, Є. В. Сидоров, Є. Ф. Тарасов);
- комунікативно-когнітивного підходу (Н. С. Болотнова, А. Є. Гончарова, Т. В. Дроздова,);
- комунікативно-дискурсивного підходу (Є. С. Кубрякова, Н. В. Ракитіна);
- когнітивного підходу (Н. Ф. Алефиренко, В. З. Дем'янков, В. В. Красних);
- функціонально-стилістичного підходу (Є. А. Баженова, Н. М. Кожина, М. П. Котюрова, Н. М. Разинкіна);
- лінгвокультурологічного підходу (В. В. Воробйов, Г. В. Єлізарова, С. В. Канинкін, В. А. Маслова, Є. М. Степанов);
- соціолінгвістичного підходу (Ю. Д. Дешерієв, Т. І. Єроф'єєва,);
- лінгвосинергетичного підходу (В. Г. Борботько, Г. Г. Москальчук).

Згадані розробки дають нам змогу підходити до вивчення лінгвістичних понять, зокрема категорії становості, з комплексної точки зору. Звісно, існують певні розробки категорії становості, але всі ці вони розрізнені, не охоплюють питання комплексно та не узгоджені одна з одною у своїх висновках.

Постановка завдань і відбір методики дослідження. Проблема дослідження категорії становості інтегративним методом полягає в переосмисленні системи концептуальних поглядів на вивчення категорії становості в цілому як об'єкта лінгвістичного дослідження і вироблення засад нової інтегральної теорії категорії становості. Бо проблема вивчення способу пізнання людиною світу є невичерпною і нескінченною, як і буття самої людини. Спосіб пізнання світу людиною трансформується і удосконалюється із розвитком прогресу людства. Тому у наш час слід користуватися сучасними підходами на вимогу часу.

Питання категоризації світу досить розроблені й докладно описані. Зараз варто зосередити свою увагу на інтеграції отриманих знань. Важливість дослідження саме категорії становості полягає у тому, що на узагальненому рівні пізнання виступають категорії буття, а сама реальність вичерпується буттям речей і відношень їхніх властивостей. Усі ситуації реальності характеризуються первинними відношеннями між конкретними речами, передають реальні взаємозв'язки та взаємодії, а тому є когнітивними ситуаціями для суб'єкта пізнання, а, отже, наріжними для науковців.

Інтегральний підхід до вивчення категорії становості дозволяє розглядати її не як роздроблений об'єкт, а як предметно-знакову модель, пов'язану з комунікативною діяльністю, вербалізуючий фрагмент знання національної культури і соціального простору в їхній єдності і взаємообумовленості. Актуальність дослідження полягає в формулюванні нової проблематики і в необхідності осмислення інтегрального підходу як такого, а також необхідністю надання прикладного характеру лінгвістичним дослідженням у добу глобалізації.

Об'єктом дослідження є категорія становості, яка розглядається як інтегральна полісистемна категорія, фрагмент акту мовленнєвої комунікації національної культури і соціального простору. Предметом дослідження є характеристика глобальної природи категорії становості, її одиниць і механізмів їхньої взаємодії з точки зору інтегрального підходу. Основна мета роботи — дослідити теоретичні засади інтегрального підходу до вивчення категорії становості. Ця мета має бути досягнута у розгляді основних положень щодо розробки категорії становості із застосуванням різних підходів: комунікативно-діяльнісного, комунікативно-когнітивного, комунікативно-дискурсивного, когнітивного, функціонально-стилістичного, лінгвокультурологічного, соціолінгвістичного, лінгво-синергетичного.

Виклад основного матеріалу. Перш ніж говорити конкретно про інтегративний підхід у вивченні категорії становості, варто окреслити динаміку розвитку дослідження категорії становості, початки вивчення якої сягає античної філософської думки, адже вона виражає один з основних способів буття.

З точки зору грецької філософії, поняття *стан* розуміють як категорію наукового пізнання, що характеризує здатність рухомої матерії до вияву в різних формах із притаманними їм властивостями та відношеннями. За допомогою категорій стану виражався процес зміни, розвитку речей та явищ, які зводяться до зміни їхніх властивостей та відношень. Сукупність таких властивостей та відношень і складає *стан* речі чи явища, тому характеристика стану є важливою для характеристики сутності речі [20, с. 840]. З філософської точки зору, під становістю розуміють категорію, яка фіксує єдність якісної визначеності й плинності конкретних форм і різновидів буття: зміна стану є одночасно і зміною властивостей речей та відношень між ними.

У філософії категорію стану запровадив Аристотель, який розглядав її у тісному зв'язку з категоріями «сутність» і «відношення», пов'язував із категорією «якості», назвавши стан різновидом якості. У «Метафізиці» Аристотель показує зв'язок категорії стану з рухом [10, с. 11]. А такі античні філософи як Фалес, Анаксимен, Анаксимандр і Демокрит вживали поняття «стан» на позначення конкретного вияву буття тієї чи іншої матеріальної першооснови світу, яку вони йменували субстанцією (або матерією, або субстратом) [10, с. 7].

Поняття «стан» у XVII–XVIII ст. стає одним із фундаментальних у науці. Найбільше його застосовують у фізиці під час опису явищ і дослідів [10, с. 17]. У ньютонівському природознавстві саме зміна кількісно виражених параметрів стану фізичних об'єктів стала метою наукового опису і пояснення. Отже, стан — це вихідний пункт існування [20, с. 607].

Категорія становості відображає відповідну онтологічну категорію стану — важливу категорію буття та існування, простору і часу, реляціонізму і детермінізму, теорію статичності і динаміки, теорію розвитку. За сучасними філософськими уявленнями, категорія стану — це надзвичайно загальна абстракція, що відбиває кількісно-якісні форми реалізації буття, існування об'єктів будь-якої природи, наявної і набутої ними специфіки та визначеності (міри) їхніх сутнісних, засадничих властивостей як внутрішніх, так і зовнішніх. Категорія стану фіксує момент стійкості у зміні, розвитку, русі матеріалів, об'єктів у певний даний момент часу за певних умов [14].

Першопричиною виникнення поняття «стан» на певному етапі розвитку мови стало порушення балансу між розвитком мови й мисленням, новим етапом усвідомлення світу довкола людини, точніше, «суперечність між усталеним односпрямованим характером сполучуваності між собою лексичних одиниць, яка склалася на той час, та динамікою мислення, яке прагнуло до інверсії думки» [11, с. 33]. Такий дисбаланс було подолано завдяки новому відтінку значення — стан.

На думку Дж. М. Стражинського, стан — це міра процесів змін, а основними властивостями поняття стану є характеристика процесу в певний окремий момент часу та в певному відношенні, яка також залежить від субстрату.

З точки зору сучасної філософії, категорія «стану», як і всі філософські категорії, є об'єктивною за змістом, оскільки відображає певну реалію, що існує в суб'єктивній формі, тобто відображення однієї сторони буття у свідомості людини через мовлення у формі поняття.

Онтологічний аспект категорії стану полягає в об'єктивності її змісту, а саме в тому, що будь-якому об'єкту притаманна властивість реалізувати, виявити своє існування (буття) стосовно іншого, у взаємозв'язку його внутрішніх елементів [10, с. 54].

Для кращого розуміння категорії становості слід розглянути становість в опозиції до дії, процесу та якості. Традиційно розмежовують ці поняття за допомогою домінуючих онтологічних характеристик (диференційних ознак) та комбінаторного методу.

Релевантні ознаки будь-якої категорії поділяють на хронотипні та актантні групи ознак. До хронотипної групи належить ознака структурного вияву в часі, що представлена опозицією гомогенність / негомогенність, яка, у свою чергу, пов'язана з квантифікованістю / неквантифікованістю статичної ознаки в часі, та ознака стабільності вияву в часі, представлена опозицією постійність / тимчасовість. До актантної групи ознак належить ознака, пов'язана з характеристиками суб'єкта, представлена опозицією активність / пасивність суб'єкта, та ознака, пов'язана з наявністю або відсутністю суб'єкта [1, с. 5].

З іншого боку, в основу будь-якої класифікації предикатів найчастіше покладено диференційну ознаку стану / дії. І. Р. Вихованець твердить, що всі предикати слід поділяти на два узагальнені класи: предикати дії та предикати стану. За таким самим принципом предикати розмежовує і Ф. С. Бациевич. А. А. П. Загнітко розрізняє активні та статальні предикати. П. Бінкерт в основу свого розподілу предикатів ставить ознаку нестатальності (інгресивності) і статальності (конгресивності) [3–9; 11]. О. І. Бондар розрізняє дві категорії елементарних когнітивних ситуацій, що детермінуються реальним часом: 1) безподієві ситуації або стани; 2) подієві ситуації або події [2, с. 119]. В. Г. Гак зазначає, що предикати статальної ознаки означають буття, якість і частково суб'єктно-безоб'єктний процес. А. Муурелатос виокремив подієві, процесуальні та статальні ситуації [18].

Існує кілька класифікацій предикатів. Так, за класифікацією З. Вендлера — Маслова — Калька, всі дієслова розподіляються на чотири типи: стан (States), діяльність (Activities), дія (Accomplishments) та звершення (Achievements) [19; 13; 12]. А за класифікацією О. В. Бондарка — О. І. Бондаря, ФСК становості, за своєю суттю, є категорією із предикативним ядром, іншими словами, вказує на предикативну ознаку, яка домінує в момент предикації. Узагалі семантика всіх предикатів зводиться до трьох різновидів ознак: динамічних, статальних і подієвих. Саме категорія стану, безумовно, вказує на статальну ознаку, чим дуже різко протиставляється двом іншим [1].

У слов'янському мовознавстві цієї проблематики торкалися також Ф. Ш. Акмалова, С. В. Бондаренко, К. Г. Винокурова, В. С. Волков, І. О. Диневич, О. О. Дубнякова, О. А. Жаборюк, А. В. Зубков, А. Е. Іванова, А. О. Камалова, В. І. Коротіна, Н. В. Левіна, Т. В. Лубенцова, Г. О. Мкртичева, С. Я. Піменова, І. В. Пянковська, О. В. Сирота, К. В. Ситнікова, І. І. Синельникова, О. В. Тюкінева, С. Б. Фокін, О. О. Цепунова, В. Б. Швелідзе, С. Б. Шелудченко, І. М. Яковлева.

Висновки. Отже, категорія становості має давню традицію досліджень, проте не можливо сказати, що всі питання вже вирішені. На сучасному етапі варто сконцентрувати увагу на отриманні інтегральних висновків досліджень різних галузей науки і пізнання взагалі.

Л і т е р а т у р а

1. Бондар О. І. До виділення категорії становості в сучасній українській мові / О. І. Бондар // Записки з українського мовознавства. — Одеса : Астропринт, 2009. — Вип. 18. — С. 3–9.
2. Бондар О. І. Семантична класифікація предикатів на функціонально-когнітивній основі / О. І. Бондар // Мовознавство. — К. : Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України, 2009. — № 3–4. — С. 118–125.
3. Вихованець І. Р. Граматика української мови : Синтаксис / І. Р. Вихованець. — К. : Либідь, 1993. — 386 с.
4. Вихованець І. Р. Нариси з функціонального синтаксису української мови / І. Р. Вихованець. — К. : Наук. думка, 1992. — 222 с.
5. Вихованець І. Р. Принципи категорійної граматики української мови / І. Р. Вихованець // III Міжнародний конгрес українців. Мовознавство, 26–29 серпня 1996 р. — Харків, 1996. — С. 177–181.
6. Вихованець І. Р. Семантико-синтаксична структура речення / І. Р. Вихованець, К. Г. Городенська, В. М. Русанівський. — К. : Наук. думка, 1983. — 219 с.
7. Вихованець І. Теоретична морфологія української мови : Академічна граматики української мови / І. Вихованець, К. Городенська. — К. : Пульсари, 2004. — 398 с.
8. Вихованець І. Р. Частини мови в семантико-граматичному аспекті / І. Р. Вихованець. — К. : Наук. думка, 1968. — 258 с.
9. Вихованець І. Р. Чи є слова категорії стану? / І. Р. Вихованець // Аспектуальні проблеми граматики. — Кіровоград : Кіровоградський держ. пед. ун-т ім. В. Винниченка, 1997. — Вип. 2. — С. 127–129.
10. Демидов В. І. Категория состояния в марксистской философии / В. И. Демидов. — Саранск : Изд-во Мордовского гос. ун-та, 1975. — 103 с.

11. Жаборюк О. А. Категорія стану в генезі та функціонуванні. Германо-слов'янські паралелі / О. А. Жаборюк // Записки з романо-германської філології. — Одеса : Фенікс, 2008. — Вип. 20. — С. 33–39.
12. Калько М. І. Категорія аспектуальності в сучасній українській літературній мові : дис. ... доктора філол. наук : 10.02.01 / М. І. Калько. — Черкаси, 2009. — 485 с.
13. Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии / Ю. С. Маслов // Вопросы сопоставительной аспектологии. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. — Вып. 1. — С. 4–44.
14. Симанов Л. А. Понятие *состояние* как философская категория / Л. А. Симанов. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1982. — 127 с.
15. Степанов Є. М. Степанов Є. М. Мова міста як соціолінгвістична проблема / Є. М. Степанов // Вісник Львівського ун-ту. Сер. філологічна. — Львів : Львівський національний університет ім. І. Франка, 2006. — Вип. 38 Ч. II. — С. 65–71.
16. Степанов Є. М. Модель і методологія урбанолінгвістичного дослідження в Україні / Є. М. Степанов // Соціолінгвістичні студії / за заг. ред. Л. О. Ставицької; НАН України, Ін-т української мови. — К. : ВД Дм. Бураго, 2010. — С. 115–123.
17. Хомутова Т. Н. Научный текст : теоретические основы интегрального подхода : дис. ... доктора филол. наук : 10.02.19 / Т. Н. Хомутова. — Москва, 2010. — 366 с.
18. Pustejovsky J. The Syntax of Event Structure // *Cognition*, 1991. — P. 47–81.
19. Zadeh L. A theory of common sense knowledge, Aspects of Vagueness / H. J. Skala, S. Terminiand, E. Trillas (eds.). — Dordrecht : Reidel, 1984. — P. 257–296.
20. Філософський енциклопедичний словник / [ред.-упор. В. І. Шинкарук]. — К. : Абрис, 2002. — 742 с.
21. Философский энциклопедический словарь / [Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов]. — М. : Сов. энциклопедия, 1983. — 840 с.

References

1. Bondar, O. I. (2009), «As for the isolation of the state category in the modern Ukrainian language», *Opera in linguistica ukrainiana* [«Do vydilennia katehorii stanovosti v suchasnij ukrainskij movi», *Zapysky z ukrainskoho movoznavstva*], Astroprint, Odessa, vol. 18, pp. 3–9.
2. Bondar, O. I. (2009), «Semantic classification of predicates on a functional-cognitive basis», *Linguistics* [«Semantyczna klasyfikacija predykativ na funkcionalno-kohnytyvnyj osnovi», *Movoznavstvo*], O. O. Potebnya Institute of Linguistics of NAS of Ukraine, Kyiv, vol. 3–4, pp. 118–125.
3. Vykhovaneč', I. R. (1993), *The Ukrainian Grammar : Syntax* [*Hramatyka ukrainskoj movy : Syntaksys*], Lybid', Kyiv, 1993. — 386 p.
4. Vykhovaneč', I. R. (1992), *Essays on the functional syntax of the Ukrainian language* [*Narysy z funkcionalnoho syntaksysu ukrainskoj movy*], Naukova dumka, Kyiv, 222 p.
5. Vykhovaneč', I. R. (1996), «Principles of categorial grammar of the Ukrainian language», *3rd International Congress of Ukrainianists. Linguistics. August 26–29, 1996, Kharkov* [«Pryntsypy katehoriinoj hramatyky ukrainskoj movy», 3 Mizhnarodnyj konhres ukrainistiv. Movoznavstvo, 26–29 serpnia 1996 r., Kharkiv], Kharkov, pp. 177–181.
6. Vykhovaneč', I. R., Horodens'ka, K. H., Rusanivskij, V. M. (1983), *Semantic-syntactic sentence structure* [*Semantiko-syntaksychna struktura rechennia*], Naukova dumka, Kyiv, 219 p.
7. Vykhovaneč', I., Horodens'ka, K. (2004), *Theoretical morphology of the Ukrainian language : Academic grammar of the Ukrainian language* [*Teoretychna morfolohija ukrainskoj movy : Akademichna hramatyka ukrainskoj movy*], Pulsary, Kyiv, 398 p.
8. Vykhovaneč', I. R. (1968), *Parts of speech in the semantic-grammatical aspect* [Chastyny movy v semantiko-hramatychnomu aspekti], Naukova dumka, Kyiv, 258 p.
9. Vykhovaneč', I. R. (1997), «Are the words of the state category?», *Aspectual grammar issues* [«Chy je slova katehorii stanu?», *Aspektualni problemy hramatyky*], Kirovograd V. Vynnychenko State Pedagogical University, Kirovograd, vol. 2, pp. 127–129.
10. Demidov, V. I. (1975), *The category of state in Marxist philosophy* [*Kategorija sostojanija v marksistskoj filosofii*], Publishing house of the Mordovian State University, Saransk, 103 p.
11. Zhaborjuk, O. A. (2008), «The state category in the genesis and functioning. German-Slavic parallels», *Writings in Romance-Germanic Philology* [«Katehoriia stanu v genezi ta funktsionuvanni. Hermano-slovianski paraleli», *Zapysky z romano-hermanskoj filolohii*], Feniks, Odessa, vol. 20, pp. 33–39.
12. Kalko, M. I. (2009), *The category of aspectuality in the modern Ukrainian literary language : Thesis* [*Katehoriia aspektualnosti v suchasnij ukrainskij literaturnij movi : dys. ... doktora filol. nauk : 10.02.01*], Cherkassy Bogdan Khmelnytsky National University, 485 p.
13. Maslov, Yu. S. (1978), «For the basics of comparative aspectology», *Issues of Comparative Aspectology* [«K osnovanijam sopostavitel'noj aspektologii», *Voprosy sopostavitel'noj aspektologii*], Publishing House of Leningrad State University, vol. 1, p. 4–44.
14. Symanov, L. A. (1982), *The concept of a state as a philosophical category* [*Ponjatje sostojanie kak fylosofskaja kategorija*], Nauka, Siberian Branch, Novosibirsk, 127 p.
15. Stepanov, Ie. (2006), «The language of the city as a sociolinguistic problem», *Visnyk of the L'viv University. Series Philological* [«Mova міста як соціолінгвістична проблема», *Visnyk L'vivskoho un-tu. Ser. filolohichna*], Lviv I. Franco National University, Lviv, vol. 38, part 2, pp. 65–71.
16. Stepanov, Ie. M. «Model and methodology of urban-linguistic research in Ukraine», *Sociolinguistic studies* [«Model' i metodolohija urbanolinhvistychnoho doslidzhennia v Ukrajinii», *Sociolinhvistychni studiji*], Ed. L. O. Stavyc'ka, National Academy of Sciences of Ukraine, Institute of the Ukrainian language, Dm. Burago Publishing House, Kyiv, pp. 115–123.
17. Khomutova, T. N. (2010), *Scientific text : theoretical foundations of the integrated approach : Thesis* [*Nauchnyj tekst : teoreticheskie osnovy integral'nogo podkhoda : dis. ... doktora filol. nauk : 10.02.19*], Moscow, 366 p.
18. Pustejovsky, J. (1991), «The Syntax of Event Structure», *Cognition*, pp. 47–81.
19. Zadeh, L. (1984), *A theory of common sense knowledge, Aspects of Vagueness*, H. J. Skala, S. Terminiand, E. Trillas (eds.), Reidel, Dordrecht, pp. 257–296.

20. Shynkaruk, V. I. (ed.) (2002), *Philosophical Encyclopedic Dictionary [Filosofs'kyj encyklopedychnyj slovnyk]*, Abrys, Kyiv, 742 s.

21. Plechev, L. F., Fedoseev, P. N., Kovalev, S. M., Panov, V. G. (eds.) (1983), *Philosophical Encyclopedic Dictionary [Fylosofskij enciklopedicheskiy slovar']*, Soviet encyclopaedia, Moscow, 840 p.

ТРУБА Анна Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; тел.: +38 (063) 2366706; e-mail: 3182009060@ukr.net; ORCID ID: 0000-0001-9944-0476

ДИСКУРС ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ: ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД. ВЕХИ РАЗВИТИЯ ВОПРОСА

Аннотация. *Цель* статьи — обозначить основные вехи изучения вопроса о категории состояния, которая является одной из базовых категорий сознания. *Объектом* анализа является категория состояния, а *предметом* исследования — интегративный подход в изучении указанной категории. В работе использованы описательный и интегративный *методы*. *Результатом* исследования является определение категории состояния в мировоззренческой картине мира, изучение истории развития и становления категории состояния и её места среди других категорий, определение нового, интегративного подхода к изучению уже разработанных ранее лингвистических категорий. *Актуальность* исследования обусловлена необходимостью описания различных подходов к определению понятия состояния в разных дискурсах и интегрирования их в одну структуру. *Практическая ценность* результатов исследования заключается в возможности использования его результатов в решении вопросов оптимизации процессов обучения филологов, для более глубокого понимания категоризации языков, в фундаментальных исследованиях эволюции глубинных, базовых категорий украинского языка, для разработки вопросов изучения и оптимизации процесса усвоения украинского языка как иностранного.

Ключевые слова: интегративный подход, категория состояния, дискурс.

Hanna M. TRUBA,

Ph.D. in Philological Sciences, Associate Professor of the Applied Linguistics Department of Odessa Mechnikov National University; 24/26 Francuzkyj Blvd., Odessa, 65058, Ukraine; e-mail: 3182009060@ukr.net; tel.: +38 (063) 2366706; ORCID ID: 0000-0001-9944-0476

A DISCOURSE STUDY OF THE STATE CATEGORY: INTEGRATED APPROACH. MILESTONES IN THE DEVELOPMENT OF THE ISSUE

Summary. This paper *aims* to identify the main milestones in the question of state category, which is one of the basic categories of consciousness. The *object* of the analysis is the category of state and *subject* of study — an integrative approach to the study of this category. The study used a descriptive and integrative *methods*. The *result* of this research is a clear definition of status categories in the philosophical picture of the world, the study of the history and development of the state category and its place among other categories, however, the definition of a new approach to the study of already developed linguistic categories with a new perspective — an integrative approach. The *relevance* of the study is to highlight the different approaches to the definition of discourse in General, refer to a variety of discourses status categories and integrate them into one structure. The *practical value* of research results consists in possibility of use of its results in the matters of optimization of the processes of learning language for better understanding of the categorization of languages for basic research of the evolution of the underlying, the underlying categories of the Ukrainian language, to improve the process of learning Ukrainian as a foreign language.

Key words: integrative approach, the category of estates, discourse.

Статтю отримано 26.04.2017 р.

ЯРМОЛОВИЧ Галина Юрьевна,

преподаватель кафедры немецкой филологии, Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; тел.: +38 (063) 7608711; e-mail: g.i.iarmolovych@gmail.com ; ORCID ID: 0000–0002–1599–4306

БИНАРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ МИРА И ЗАРОЖДЕНИЕ ПЕРВЫХ ЕДИНИЦ СЧЁТА В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Целью данного исследования является описание взаимосвязи между бинарным мышлением древних людей и формированием понятия числа. **Объектами** исследования выступают палеографические и этнопсихологические исследования развития счёта и количественного мышления первобытных людей. **Предмет** изучения — числительные «один» и «два», а также их словоформы в германских языках. **Результаты** исследований позволяют сделать **вывод** о том, что развитие первых числительных происходит из дуального мышления человека, в основе которого лежит его способность разделять целое. Тесная связь с окружающим миром порождает первые два числительных в прагерманском языке. Оба восходят к одному корню, первоначальная форма которого прослеживается до прагерманского слова «рука» как части целого. Бинарность мышления древних германцев нашла отражение в быту и в религиозной сфере, что реализовалось в более древний, дописьменный период и подтверждается археологическими находками. В дальнейшем из парного единства методом дробления, но без потери связи с ним были выделены последующие числительные, графическое обозначение которых в германских языках будет освещено в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: бинарное мышление, этимология числительных, индоевропейское числительное «один», индоевропейское числительное «два», часть и целое, единица счёта.

Постановка проблемы. Актуальность темы исследования состоит в изучении многообразия форм числительных «два» и «один» и причин их происхождения, основываясь на дуальном восприятии мира древними людьми.

Анализ последних исследований и публикаций. О происхождении и значении числительных в индогерманских языках написано множество работ. Изучением числительных и их форм занимались Х. Меттке, Дж. Салмонз, М. М. Гухман, В. Г. Таранец, Н. С. Чемоданов, Э. А. Эббингауз, Н. С. Колотилова, Б. А. Фролов, Л. Р. Зиндер. Рассматривать этот материал только с грамматической стороны, исследуя его этимологию, безусловно, нельзя, ведь несмотря на то, что первичное значение числительных, присущее им когда-то, было утеряно, его следы прослеживаются в этнопсихологических исследованиях языков «примитивных» племён [5].

Постановка задач. В данной статье автор опирается на результаты культурно-исторических, этнопсихологических, этимологических и палеографических исследований. Целью данного исследования является изучение бинарного восприятия мира древними людьми, а также его влияние на формы, вариации и происхождение числительных «два» и «один» в германских языках [4].

Изложение основного материала. Первое восприятие мира людьми — это восприятие бинарное. В письменных памятниках, которые отражают жизнь древнего человека, можно проследить основные черты его представлений об окружающем мире, в том числе и те, которые послужили основой для зарождения и развития количественных отношений и позже нашли своё отражение в речи. Исходным материалом таких палеографических исследований служат древнейшие свидетельства о жизни человека, найденные на территории, принадлежащей нестратической группе языков разного рода графические изображения и письменные памятники. Так Б. А. Фролов, изучив множество линий, зарубок, точек, сгруппированных определённым образом на разных предметах быта периода позднего палеолита Европы и Азии, пришёл к выводу, что фиксация первобытным человеком некоторых чисел носила ритмическую организацию [11]. Такая организация проявлялась в группировании элементов счёта, что является признаком развития мышления [9; 11]. Общность из пяти элементов, по-видимому, соотносилась с физиологией человеческого тела: пять пальцев, семь элементов, по мнению Фролова [11], отражали изменения фаз луны.

Но наиболее чётко прослеживается удвоение тех или иных элементов, что позволяет судить об уже устоявшемся представлении о дуальности. Двойственность довольно плотно переплелась с жизнью первобытного человека. Здесь имеют место обычные одномерные противопоставления, представленные парными объектами: ноги, руки, глаза, день и ночь, солнце и луна. Позже эти противопоставления переросли в космогоническое восприятие мира: существование тела и души, противопоставление колдунов обычным людям, оппозиции реального светлого мира тёмному потустороннему. Графические свидетельства позднего палеолита подтверждают осознание человеком того периода как понятие о целостности мира, от которого неотделим как человек, так и его понимание разделения целого [9, с. 19]. Бинарное восприятие мира, понятие целостности и частности являются характерным признаком примитивного мышления, по сей день существующего в некоторых племенах, проживающих

на территории Африки и Южной Америки. Так, языку племени Пирах, который опровергает многие языковые теории и является загадкой для лингвистов всего мира, до сих пор чужда сама концепция счёта. В то же время, имеются различия между множественным и единственным числом, однако данные различия определяются только в редкой форме. Носители языка пирахан употребляют всего два количественных слова, одно из которых обозначает количество предметов от одного до пяти, а другое — более пяти [16, с. 823]. К. Алексеев объясняет это так: «Бинарные оппозиции, распространённые в человеческом обществе, носят, предположительно, генетический характер. Они вышли из уже существующих в природе структур симметрии и асимметрии» [1, с. 40–41].

Анализ фольклорного и этнографического материала позволяет высказать предположение относительно зарождения первых единиц счёта. Они нашли отображение в хронологически поэтапном восприятии объектов и явлений, а также всей окружающей среды в виде дуальной структуры, из которой исходит понимание части, единичности, а потом в виде трёх- и четырёхчленных структур, которые, в общем, сходятся в понятии целостности [9, с. 21]. Этот вывод нашёл отражение в анализе лингвистического и этнографического материала прагерманских племён. Наидревнейший период жизни германцев, периодизация которого начинается с железного века, раздел общегерманских племён на южные и северные представлены в мифах и легендах старших Эдд скальдов [17, с. 180]. Это период уже патриархального строя, при котором женское божество отступило на второй план. Были выделены три основных бога с верховенством одного из них. Это характеризует мировоззрение германцев как триединое. Во главе германского пантеона стоит Один, называемый в Эддах множественным имён. Одно из них — *Tweggi* — обозначает «двойник» и подчёркивает его двоякую структуру. Двойственны также и функции, которые он выполняет, будучи верховным божеством. Например, сначала Один функционирует, подобно египетскому Ра, обходя и повелевая как в реальном, так и в потустороннем мире. Ещё один способ упорядочить божественный мир через двуединство — это браки между богами, например, Фрея и Один. Дальнейшее дробление мира, в таком случае, происходит через рождение детей. Связь с периодом двоичного восприятия мира у древних германцев не прошла бесследно и нашла своё отражение в южных областях их проживания. Многочисленные археологические находки и наскальные рисунки, найденные на территориях проживания протогерманцев, указывают на наличие у них языческих богов-близнецов, представлявших древний культ [17, с. 186].

Дуальное восприятие мира нередко выражалось через удвоение божества и у других народов. Например, у русских поморов, как и у некоторых неиндоевропейских народов севера, был широко распространён культ двух оленей или лосей [1]; в индоиранских памятниках письменности находят упоминания о богах близнецах Насатье; две богини-матери существовали даже в умеренно религиозном климате Месопотамии [4]. Ян Фриз считал, что исходным пунктом в индоевропейской мифологии следует называть небесное божество, образ которого представлен под именем *Tiwaz* [17]. Древнеримский историк Тацит отмечает, что германцы в своих песнях славят порождённого землёй бога *Tuisto*, который даёт отсылку к ещё более древней богине плодородия. Само слово *Tuisto* рассматривается как «двойник», возможно, двуполое первосущество. В ритуалах погребения использовалось по два предмета, сопровождавших погребяемого в иной мир. Это, в противовес единичности, должно было символизировать богатство [13; 14].

Рассмотрим первые единицы счёта в прагерманских языках. В связи с бинарной природой мышления древних людей первые единицы счёта были единицами, обозначающими целостность, состоящую из двух частей, по сути *двойку*. Поэтому при зарождении понятия количества и его реализации в языках существенную роль сыграли наименования парных предметов [9, с. 69]. Исследователь Гонда считает, что в доисторическое время люди оперировали «двоичными единицами», в которых единица и половина обозначаются одним и тем же термином [14, с. 13, 29]. Следы такой реализации наблюдаются и в современных языках. В исландском, например, половина выражается словом «один из двух», в то время как в венгерском языке для обозначения одного из двух объектов используют слово половина. В связи с этим ряд учёных (Таранец, Панфилов, Гонда) полагают, что «два» как целостность существовало раньше чем «один». При таком глобальном выводе сделан и второй, не менее существенный, о том, что нельзя говорить о появлении понятия числа «два» до становления понятия единицы как одной из двух составляющих числа «два». Эти числа возникают одновременно. В результате их появления происходит переосмысление понятия разделённой вещи, и, как следствие, возникает оппозиция типа «два // один». Если говорить о количественных числительных в германских языках, то в значении «один» использовали следующие слова: гот. *ains*, дсакс. *ân*, дфриз. *ân*, *ên*, дшв., дат. *en*, исл. *einn*, нем. *ein*, англ. *one*. Все они вышли из прагерманской формы *ainog* [17, с. 411; 14]. В древних памятниках число *один* реализуется в следующих словоформах: *ein*, *ehin*, *ên*, *hein*, *aen*, — из которых, безусловно, первой появилась форма с начальным *h*, прикрывающим первый гласный. В своих работах В. Г. Таранец прослеживает возможное происхождение этой словоформы из индоевропейского слова, обозначавшего руку, то есть половину двух рук *kwana*. Как результат данного исследования он указывает на то, что постепенно значение этого слова из физического приобрело количественное значение. Ещё один вывод был сделан В. Г. Таранцем о том, что слово *kwana* со временем полностью потеряло эту денотативную связь [9, с. 70]. Изменение значе-

ния, в свою очередь, привело к нарушению фонетической наполненности формы, что, в свою очередь, привело к потере начального согласного и упрощению всей формы. Рефлексы, части этой словоформы стали самостоятельно использоваться как единица счёта, а в случае десемантизации выступать в виде грамматических формантов. В связи с этим исследователи Зиндер и Строева отмечают, что все количественные числительные лишены категории числа «в силу того, что их лексическое значение несовместимо с противопоставлением по числу: количественные числительные обозначают либо только единичность (*ein*), либо только множественность (все прочие)» [3]. Происхождение порядкового числительного нем. *erste*, корень которого несколько отличается от количественного числительного *ein(s)*, вероятно, также восходит к общей протоформе *kwana*, но его формирование идёт по пути допустимого чередования *r/n*. Об этом свидетельствуют индоевропейские флексии *rē-*, *rd-* в значениях «считать, высчитывать». Н. С. Чемоданов считает, что в древнесаксонском языке *erist* было прилагательным со значением «самый первый» и причастием в значении «начавшийся» [10].

Индоевропейские языки характеризуются однообразием форм при выражении числа *два*, гот. *twai*, *twōs*, днв. *zwei*, *zweñē*, *zwo*, дсакс. *twegen*, *twā*, *tu*, англ. *two*, *twain*, исл. *tveir* [10]. Все эти словоформы обобщены как *dwo* и *duwo*, их также можно разделить на флексии *du* и *wo*, которые представляют собой в протоязыке отдельные смысловые выражения: *du* восходит своим значением к родственному корню *di*, обозначающему «объединять», в то время как *wo* происходит из более древнего и уже представленного выше *kwa* в значениях «часть, единица, половина» [9].

Основными выводами, которые мы можем представить, является предположение о том, что древнейшее познание человеком окружающего мира основывается на понимании его целостного образа в виде отдельных двоичных противопоставлений, которые постоянно переходят друг в друга. Следующим выводом есть то, что каждый член диады, получив своё наименование, долгое время остаётся обозначением целого и не воспринимается как его часть. Вычленение понятий *целого* и *части*, а также умение противопоставлять их дали возможность выделить числительные *два* и *один* в индоевропейских языках. Появление этих числительных привело, в свою очередь, к возникновению в сознании людей дальнейших счётных групп и чисел, например, *пять* и *десять*.

Поднятые проблемы лингвистического существования числительных требуют продолжения работы в данной области. В дальнейшем исследовании данной проблемы предполагается изучить влияние бинарного дуального мышления древних людей на становление чисел три, четыре, пять, восемь, десять и их связь с использованием рук как репрезентантов примитивного счёта.

Литература

1. Алексеев В. П. К происхождению бинарных оппозиций в связи с возникновением отдельных мотивов первобытного искусства / В. П. Алексеев // Первобытное искусство. — Новосибирск : Наука, 1976. — С. 40–46.
2. Гухман М. М. Готский язык / М. М. Гухман. — М. : Либроком, 2014. — 292 с.
3. Зиндер Л. Историческая морфология немецкого языка / Л. Зиндер, Т. Строева. — Л. : Просвещение, 1968. — 264 с.
4. Кабо В. Первобытная доземледельческая община / В. Кабо. — М. : Наука, 1986. — 303 с.
5. Казанков А. А. Особенности адаптации охотников-собираателей в полупустынных зонах : эгалитаризм как эволюционная альтернатива / А. А. Казанков // Альтернативные пути к цивилизации. — Москва : Логос, 2000. — С. 207–218.
6. Колотилова Н. С. История немецкого языка / Н. С. Колотилова. — Рязань, 2012. — 182 с.
7. Левицкий В. В. Этимологические и семасиологические исследования в области германских языков / В. В. Левицкий. — Черновцы : ЧГУ, 1997. — 276 с.
8. Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / В. З. Панфилов. — М. : Наука, 1982. — 356 с.
9. Таранец В. Г. Происхождение понятия числа и его языковой реализации / В. Г. Таранец. — Одесса : Астропринт, 1999. — 116 с.
10. Чемоданов Н. С. Хрестоматия по истории немецкого языка / Н. С. Чемоданов. — М. : Высш. шк., 1978. — 288 с.
11. Фролов Б. А. Числа в графике палеолита / Б. А. Фролов. — Новосибирск : Наука, 1974. — 240 с.
12. *Der große Duden*. — 26 Auflage. — Wien : Dudenverlag, 2012. — 816 p.
13. *Das große Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache* : in 6 Bände. — Wien : Duden, 2013. — 2992 p.
14. Gonda J. Reflections on the numerals «one» and «two» in ancient Indo-European languages / Jan Gonda. — Utrecht : A. Oosthoek, 1953. — 80 p.
15. Mettke H. Die Mittelhochdeutsche Grammatik / Heinz Mettke. — Tübingen : Niemeyer, 1993. — 271 p.
16. Frank M. Number as a cognitive technology: Evidence from Piraha language and cognition / M. Frank, D. Everett, E. Fedorenko, E. Gibson // Cognition. — 2008. — № 108. — P. 819–824.
17. Vries J. D. Perspectives in the history of religions / Jan de Vries. — Berkley: University of California Press, 1977. — 432 p.

References

1. Alekseev, V. P. (1976), «Formation of binary oppositions coherent with existence of certain styles of primary art», *Primary art* [«К проікхожденію бінарних опозицій в зв'язі з вознікновенієм отдел'ных мотивов первобытного искусства»], *Pervobytnoe iskusstvo*, Nauka, Novosibirsk, pp. 40–46.
2. Gukhman, M. M. (2014), *The Gothic language* [*Gotskij jazyk*], Librokom, Moscow, 292 p.
3. Zinder, L., Stroeva, T. (1968), *The historical morphology of the German language* [*Istoricheskaja morfologija nemeckogo jazyka*], Prosveshchenie, Saint Petersburg, 264 p.
4. Kabo, V. (1986), *Primary before agricultural community* [*Pervobytnaja dozemel'del'cheskaja obshchina*], Nauka, Moscow, 303 p.
5. Kazankov, A. A. (2000), «Peculiarities of hunter and gatherers in semi desert areas : egalitarianism as an alternative evolutionary path», *Alternative ways to civilization* [«Osobennosti adaptacii okhotnikov sobiratelej v polupustynnykh zonakh : egalitarizm kak evolucionnaja al'ternativa»], *Al'ternativnye puti k civilizacii*, Logos, Moscow, pp. 207–218.
6. Kolotilova, N. S. (2012), *History of the German language* [*Istorija nemeckogo jazyka*], Ryazan' National Pedagogical University Press, Ryazan', 182 p.
7. Levickij, V. V. (1997), *Etymological and semasiological research on Germanic languages* [*Etimologičeskie i semasiologičeskie issledovanija v oblasti germanskikh jazykov*], Chernovcy State University Press, Chernovcy, 276 p.
8. Panfilov, V. Z. (1982), *Gnoseological aspects in philosophical problems of linguistics* [*Gnoseologičeskie aspekty filosofskikh problem jazykoznanija*], Nauka, Moscow, 356 p.
9. Taranec, V. G. (1999), *Origin of the numeric notion and its lingual formation* [*Proiskhozhenie ponjatija čisla i ego jazykovoj realizacii*], Astroprint, Odessa, 116 p.
10. Chemodanov, N. S. (1978), *A German language history reader* [*Khrestomatija po istorii nemeckogo jazyka*], Vysshaja škola, Moscow, 288 p.
11. Frolov, B. A. (1974), *Numbers in Paleolithic graphics* [*Čisla v grafike paleolita*], Nauka, Novosibirsk, 240 p.
12. *Der große Duden*, 26 Auflage (2012), Dudenverlag, Wien, 816 p.
13. *Das große Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache : in 6 Bände* (2013), Duden, Wien.
14. Gonda, J. (1953), *Reflections on the numerals «one» and «two» in ancient Indo-European languages*, A. Oosthoek (ed.), Utrecht, 80 p.
15. Mettke, H. (1993), *Die Mittelhochdeutsche Grammatik*, Niemeyer, Tübingen, 271 p.
16. Frank, M., Everett, D., Fedorenko, E., Gibson, E. (2008), «Number as a cognitive technology : Evidence from Piraha language and cognition», *Cognition*, vol. 108, pp. 819–824.
17. Vries, J. (1977), *Perspectives in the history of religions*, University of California Press, Berkeley, 432 p.

ЯРМОЛОВИЧ Галина Юрійвна,

викладач кафедри німецької філології, Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 (063) 7608711; e-mail: g.i.iarmolovych@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-1599-4306

БІНАРНЕ СПРИЙНЯТТЯ СВІТУ ТА ЗАРОДЖЕННЯ ПЕРШИХ ЛІЧИЛЬНИХ ОДИНИЦЬ У ГЕРМАНСЬКИХ МОВАХ

Анотація. Метою цього дослідження є опис зв'язку між бінарним мисленням давніх людей та формуванням поняття числа. **Об'єктами** дослідження виступають палеографічні та етнопсихологічні дослідження, що вивчають розвиток лічби та кількісне мислення первісних людей. **Предмет** вивчення — числівники «один» і «два», а також їхні словоформи у германських мовах. **Результати** дослідження дозволяють зробити **висновок** про те, що розвиток перших числівників відбувається з дуального уявлення, в основі якого лежить здатність розділяти ціле. Тісний зв'язок з навколишнім світом породжує перші два числівника у прагерманській мові. Обидва мають вихідним пунктом один корінь, початкова форма якого бере початок у прагерманському слові «рука», як частині цілого. Бінарність мислення давніх германців знайшла відображення як у побуті, так і в релігійній сфері, що було реалізовано в найдавніший дописемний період і підтверджується археологічними знахідками. У подальшому з парної єдності методом дроблення, але без втрати зв'язку з нею виділяються цифри, графічне позначення яких у германських мовах авторка планує висвітлити в подальших розвідках.

Ключові слова: бінарне мислення, етимологія числівників, індоєвропейський числівник «один», індоєвропейський числівник «два», частина і ціле, лічильна одиниця.

Galyna Iu. IARMOLOVYCH

Professor's assistant at the Department of German Philology, Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26, Frantsuzki blvd., Odessa, 65058, Ukraine; tel.: +38 (063) 7608711; e-mail: g.i.iarmolovych@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-1599-4306

THE BINARY WORLD PERCEPTION AND DEVELOPMENT OF THE FIRST NUMERALS IN GERMANIC LANGUAGES

Summary. The purpose of this research paper is to describe the relationship between the binary thinking of ancient people and the formation of the concept of number. The objects of the study are palaeographic and ethno-psychological studies examining the development of the counting principles and quantitative thinking of primitive men. The subject of the study are the numerals «one» and «two», as well as their variations in Germanic languages. The analyzed studies allow to conclude that the development of the first numerals derives from dual thinking, which is based on the ability to divide

the whole into parts. The close connection to the surrounding world generates the first two numerals in the Teutonic language. Both originate from one root, whose form can be traced to the Teutonic word «hand» as a part of the whole, i.e. two hands. The binary nature of the Indo-European thinking had an effect on both everyday life and the religion, which was implemented in an older, pre-literate period and has been corroborated by archaeological finds. Later on, from the paired unity by fractionation, but not losing the connection with it were allocated subsequent numerals, the graphic designation of which in the Germanic languages will be covered in further research.

Key words: binary thinking, numerical etymology, Indo-European numeral «one», Indo-European numeral «two», part and whole, tally.

Статтю отримано 18.05.2017 р.

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ ТА ГРАМАТИКИ

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107898>

УДК [811.161.1+811.163.2]’25’373.612: 347.78.034

ГОЧЕВ Гочо Недев,

кандидат филологических наук, профессор кафедры русистики Великотырновского университета имени Святых Кирилла и Мефодия; г. Велико-Тырново, 5003. Болгария; тел.: +359 885 583 214; e-mail: gochev_g@abv.bg; ORCID ID: 0000-0001-7399-6257

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. *Цель* статьи — попытка выяснить содержание понятий 'межъязыковая эквивалентность', 'трансформация' и 'интерпретация', а также выявить их специфические особенности. *Объектом* исследования являются соответственно понятия 'межъязыковая эквивалентность', 'трансформация' и 'интерпретация', а *предметом* — их изучение с точки зрения универсальных характеристик языкового знака. В *результате* исследования выявлена специфика понятий 'межъязыковая эквивалентность', 'трансформация' и 'интерпретация' в процессе передачи информации исходной лексико-семантической единицы на язык перевода. **Выводы.** В основе эквивалентности лежит «одинаковость» на уровне классов и родо-видовых отношений, которая формирует семантически соотносительные межъязыковые лексико-семантические соответствия. Трансформации не характеризуются одинаковостью указанных универсальных характеристик, но трансформационные соответствия обладают определённой ассоциативно-семантической связью. Интерпретации вообще не имеют никакого отношения к упомянутым характеристикам — соответствия возникают на базе логической или смысловой (ситуативной) связи и они семантически между собой не связаны. **Практическое применение** результатов исследования имеет отношение, в основном, к процессу обучения теории перевода, где выявленные специфические особенности понятий 'межъязыковая эквивалентность', 'трансформация' и 'интерпретация' могут помочь сформулировать у учащихся более чёткое понимание сущности процесса перевода.

Ключевые слова: лексико-семантический; эквивалентность; эквивалентные инварианты и варианты; переводческая трансформация; переводческая интерпретация; родо-видовые отношения.

Постановка проблемы и современные подходы к её решению. В современной сопоставительной лингвистике и теории перевода можно обособить два важных аспекта, изучающих соотношение лексико-семантических единиц двух языков — межъязыковой аспект и аспект межъязыковой коммуникации. На межъязыковом уровне анализируется соотношение между лексико-семантическими единицами с точки зрения их принадлежности к словарным составам языков, устанавливаются их закономерные связи и определяется степень их эквивалентности, обеспечивающая межъязыковую коммуникацию.

На уровне межъязыковой коммуникации, наряду с соотношением эквивалентности, анализируется другой тип соотношения — трансформация. Если судить по многочисленным разработкам о переводческих трансформациях лексико-семантических единиц, в зависимости от оснований осуществления преобразования исходного слова в переводящем языке, то их можно определить как лексико-семантические трансформации и как логико-ситуативные интерпретации.

В основе лексико-семантических трансформаций лежит семантическая и семантико-ассоциативная связь между переводящим эквивалентом и замещающим его соответствием. Ср. данный ниже пример, где между исходным русским словом и его переводом на болгарский неоднозначно прослеживается семантическая (конверсивная) связь: **руководить** 'equival' рководя 'conv' рководя се: *Всей операцией вроде бы должен был руководить Сам. — Изглежда, цялата операция щеше да се ръководи от Шефа.* (1)

При логико-ситуативных интерпретациях преобразование переводящего эквивалента опирается на его логические и ситуативные связи. Ср., например: **говорят** 'equival' говорят 'interpret' **искат**: — ... Думаешь, они всерьёз про мою голову говорят? — ... Мислиш ли, че наистина **искат** да ми отрежат главата? (27) Соответствие **искат** (русс. *хотят*) логически проистекает из контекста, который показывает, что *про мою голову говорят* имеет подтекст 'собираются снять (сорвать, отвернуть) мне голову'.

Постановка задач. В настоящей статье мы попытаемся проанализировать¹ эквивалентность, трансформацию и интерпретацию с точки зрения универсальных характеристик языкового знака и

¹ Основным источником анализа послужил «Корпус параллельных русских и болгарских текстов» (<http://rbcorpus.com/>).

выявить их специфические особенности в процессе передачи информации исходной лексико-семантической единицы на язык перевода.

Изложение основного материала.

1. Лексико-семантическая межъязыковая эквивалентность

1.1. «Эквивалентом, — пишет А. Я. Рецкер, — следует считать постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста» [19, с. 74]. Проблема сущности лексико-семантической эквивалентности не раз обсуждалась в лингвистической и переводоведческой литературе. Её анализировали как с точки зрения основных признаков математической, так и с точки зрения особенностей логической эквивалентности.

Математическая эквивалентность приравнивается к отношению одинаковости или неразличимости, а также обладает свойством взаимозаменяемости. Единственным признаком лексико-семантической эквивалентности, сближающим её с математической, является взаимозаменяемость, которую мы наблюдаем в переводах, где русский эквивалент заменяется соответствующим болгарским эквивалентом и наоборот. Ср.: *Но врачи говорят, что ей нужно ещё пробыть на юге месяца два. — Но лекарите казват, че е необходимо да прекара още два месеца на Юг. (4) — Всички така казват. — Все так говорят. (116)*

Взаимозаменяемость этого типа характерна и для переводческих трансформаций, хотя и проявляется она довольно нерегулярно. Ср.: *— Кароши люблю, плохой — нет, — сурово говорил иностранец. — Добро обича, лош — не — продължаваше строго чужденецът. (6) — Та ви казвам — продължаваше Йотата, — че тъкмо кога наша Лала дигна трапезата и прочия, ... — - Так вот, — говорил он, — не успела моя Лала убрать со стола, и всё такое прочее, ... (256)*

Не обладают лексико-семантические эквиваленты и признаками логической эквивалентности, основывающейся на истинности ('истина' и 'ложь'): с определённой оговоркой мы можем признать, что замены *говорить — казвам* и *казвам — говорить* отвечают требованиям истинности, но не можем утверждать, что замены *говорить — продължавам* и *продължавам — говорить* содержат ложную информацию. Эти замены проистекают из контекста высказывания, вписываются в него и, как правило, не нарушают истинности исходного высказывания, хотя и содержание исходного слова, функционирующего в нём, существенно меняется в переводе.

Всё это отражает неоднократно отмечаемую противоречивость термина 'эквивалентность' — он обозначает 'равнозначность', чего мы почти не наблюдаем ни на уровне межъязыковых лексико-семантических соответствий, ни на уровне единиц перевода. Возникает вопрос, на каком основании существует и функционирует этот термин в лингвистической науке. Или более конкретно: что даёт нам основание соответствия типа *говорить — казвам* относить к эквивалентам, а соответствия типа *руководить — ръководя се* и *говорить — продължавам* не считать эквивалентами.

1.2. Вслед за А. Людскановым, будем считать, что знаки содержат определённую информацию, которая формируется путём сопоставления знаков с зафиксированными в долговременной памяти субъекта данными о действительности, отражающими накопленные опыт и знания об окружающем мире [см. 17, с. 56–92]. В процессе коммуникации эти знания выступают в качестве своеобразного языка-посредника, который лежит в основе понимания сообщения. Согласно семиотической теории перевода А. Людсканова, понимание сообщения, составленного из знаков, и соответственно понимание знаков, осуществляется на референтном и лингвистическом (содержательном и формальном) уровнях.

На референтном уровне понимание проистекает из «непосредственного чувственного восприятия референта, ... с которым сопоставляется действительность» [17, с. 91]. Содержательное лингвистическое понимание (по А. Людсканову — понимание по существу) устанавливается на основе закодированной в форме соответствующего языка информации о действительности [17, с. 91]. Формальное лингвистическое понимание (по А. Людсканову — понимание по форме) устанавливается на основе информации об означающем, которая однозначно связывает означающего из одного языка с определённым означающим из другого языка [17, с. 91].

Как известно, языки членят мир по-разному, что приводит к различиям в содержании слов и невозможности говорить об абсолютной эквивалентности. Но определение различных межъязыковых пар как эквивалентных, независимо от наличия различий, даёт основание считать, что на каком-то уровне понимания знака существует одинаковость. Её, вероятно, следует искать на лингвистическом уровне по существу, где информация знака — как пишет А. Людсканов — «свободна» от различий, порождённых членением мира разными языками и их национальными особенностями, и репрезентирует общечеловеческое содержание, установленное и существующее благодаря единству мира и закономерностям мышления всех нормальных людей [см. 17, с. 95].

1.3. Являясь языковыми знаками, члены межъязыковых эквивалентных пар и рядов обладают, по меньшей мере, пятью универсальными лексическими характеристиками — семантическими компонентами лексического значения; родо-видовыми отношениями между словами; значением, смыслом и сочетаемостью [см. 2, с. 128–158].

Семантические компоненты делятся на четыре класса: «ОБЪЕКТ (не путать с объектом в грамматическом смысле!), ДЕЙСТВИЕ, АБСТРАКЦИЯ и ОТНОШЕНИЕ» (выделено авторами) [2,

с. 130]. К объектам Д. Бикман и Д. Келлоу относят неодушевлённые предметы и одушевлённые существа (включая сверхъестественные); к действиям — действия и процессы; к абстракциям — качества и количества; к отношениям — соотношения между любыми двумя объектами, действиями или абстракциями [2, с. 132]. Родо-видовые отношения в пределах класса систематизируют номинативные единицы, обозначающие видовые понятия, объединяя их в различные видовые (семантические) ряды с общим (родовым) для всех членов ряда компонентом.

Анализ большого массива русско-болгарских эквивалентов из двуязычных словарей [РБР], [БРС], а также их функционирования в русско-болгарских переводах, во-первых, подтверждает известный факт, что значения, смыслы и сочетаемость, как правило, не могут совпадать полностью; во-вторых, выявляет одинаковость классов (объектов, действий, абстракций или отношений) членов эквивалентной пары, а также одинаковость их соотносённости с родовым и видовым понятиями. Это означает, что «свободными» от языковых различий и национальных особенностей являются классы, к которым относятся эквиваленты, и их соотносённость с родо-видовыми понятиями.

Рассмотрим соответствие русск. *корзина* 'плетёное изделие из прутьев, дранки, камыша и т.п., служащее для упаковки, хранения, переноски чего-л.' [МАС] — болг. *кошница* 'сѣд, изплетен от прѣчки, не много дълбок, обикновено с широко дѣно и с дрѣжка отгоре' [РБЕ].

Толкования подсказывают определённые различия в значениях этих слов. Например, в русском толковании отсутствует 'с дрѣжка отгоре' (русс. 'с ручкой сверху'), что отличает значения болгарского слова *кошница* от обозначения другого плетёного изделия *панер* ('корзина без ручки для белья и т. п.'). Независимо от различий, *корзина* и *кошница* являются общепризнанными эквивалентами и основанием этого служит их одинаковость на уровне классов и родо-видовых отношений. Одинаковость проистекает из объективного знания носителей различных языков основных признаков предметов и явлений действительности. Она порождает определённую семантическую общность между межъязыковыми соответствиями и определяет их эквивалентность, ср.:

	русский		болгарский
Класс	неодушевлённый объект (предмет)	=	неодушевен обект (предмет)
Род	'небольшое вместилище , служащее для упаковки, хранения, переноски чего-л.'	=	'малко вместилище за опаковане, съхраняване и пренасяне на нещо'
Вид	<i>корзина, сумка, пакет, коробка</i>	=	<i>кошница, чанта, пакет, кутия</i>

Выделенные выше основные универсальные характеристики значений эквивалентов перекликаются также с экспериментально установленными Р. К. Миньяр-Белоручевым степенями информационного запаса, представляющего собой «сведения, которые получает коммуникант, связывая языковой знак с действительностью ...» [18, с. 50]. Он расклассифицировал информацию, которая ассоциируется у коммуникантов с языковыми знаками, на пять групп [18, с. 50–51], первые три из которых имеют непосредственное отношение к определению характера лексической эквивалентности: 1) Информационный запас 1-й степени предполагает соотношение лексической единицы с той или иной областью знаний, т.е. предполагает распределение обозначаемых по классам. 2) Информационный запас 2-й степени связан с распределением обозначаемых по родам. 3) Информационный запас 3-й степени можно охарактеризовать «видовой отнесённостью» [18, с. 51].

Всё это подтверждает универсальность анализируемых характеристик, т.е. носители всех языков обладают знанием о классах номинативных единиц и их родо-видовых отношениях. А это уже даёт основание искать признак 'эквивалентность' лексических единиц в универсальности познавательных приёмов, направленных на выделение и распознавание (идентификацию) номинативных единиц.

Одинаковость универсальных характеристик может сопровождаться довольно большими различиями в значениях эквивалентов, порождёнными национальными особенностями носителей языка и спецификой их языковой системы. При установлении эквивалентов эти особенности игнорируются. В качестве примера можно привести эквиваленты (*транспортная развязка* и (*транспортен*) *вззел*, где один и тот же объект (предмет) получил в русском и болгарском языках наименование на основе противоположных ассоциаций: (*транспортная*) *развязка* 'сооружение для беспрепятственного движения в месте, где дороги **разъединяются**' — (*транспортен*) *вззел* 'сооружение для беспрепятственного движения в месте, где дороги **соединяются**'.

Приведённые выше соответствия (*корзина* — *кошница*; *развязка* — *вззел*) традиционно определяются как эквиваленты. Эквивалентами их делает принадлежность именуемого ими факта действительности к одному и тому же классу, роду и виду. Это и есть та одинаковость, которая позволяет назвать их эквивалентами.

Отсутствие одинаковости указанных выше характеристик, даже при наличии семантической связи между исходным словом и его соответствием, является показателем отсутствия эквивалентности. Ср.: русск. *бор*¹ 'сосновый лес, растущий на сухом возвышенном месте' [МАС] ≠ болг. *бор*¹ (сосна) 'високо иглолистно дърво с дълги тънки листа и с плодове шишарки, използвано в строителството, за направа на мебели и др.' [РБЕ], ср.:

	русский		болгарский
Класс	неодушевлённый объект (предмет)	=	неодушевен обект (предмет)
Род	'хвойный лес'	≠	'иглолистно дърво'
Вид	<i>бор¹, сосняк, кедровник, ельник</i>	≠	<i>бор¹, кедър, кипарис, хвойна, смърч</i>

1.4. Межъязыковые эквиваленты в пределах координатной микросистемы родо-видовых отношений располагаются по горизонтали и вертикали. По горизонтали, на уровне межъязыковых родо-родовых и видо-видовых отношений, обособляем **инвариантные эквиваленты**, а по вертикали, на уровне родо-видовых отношений — **вариантные эквиваленты**. Эти разновидности характеризуются различной степенью содержательной общности.

Инвариантные межъязыковые эквиваленты представляют собой соответствия, в которых значение русских и болгарских лексических единиц связаны по горизонтали, т.е. соотносятся с одним и тем же родовым понятием или одним и тем же видовым понятием, ср., например:

	русский		болгарский
Класс	действие	=	действие
Род	<i>говорить¹</i> ('пользоваться, владеть устной речью')	=	<i>говоря</i> ('използвам, владя устната реч')
Вид	<i>рассказывать, разговаривать, знать</i>	=	<i>разказвам, разговарям, зная</i>

Эквивалентность «горизонтального» межъязыкового соответствия *говорить* — *говоря* обеспечивается их принадлежностью к одному и тому же родовому понятию: — *Молчите и ничего не отвечайте, — сказал Ваг, обращаясь к слону, как будто тот мог говорить.* — — *Мълчете и не ми отговаряйте нищо — каза Ваг на слона, сякаш той можеше да говори.* (5)

Эквивалентность единиц, отражающих видовые понятия, обусловлена одинаковостью соотносённости с одними и теми же видовыми понятиями (*рассказывать* — *разказвам*, *разговаривать* — *разговарям*, *знать* — *зная*), относящимися к одному и тому же родовому понятию (*говорить* — *говоря*).

Отметим также, что **эквиваленты-инварианты** характеризуются большой степенью семантической общности.

Вариантные межъязыковые эквиваленты выявляются по вертикали. В них значение исходной лексической единицы соотносится с родовым понятием, а значение переводной лексической единицы — с более узким по объёму видовым понятием, или наоборот, ср.:

	русский		болгарский
Класс	действие	=	действие
Род	<i>говорить</i> ('пользоваться, владеть устной речью')	=	↓ <i>говоря</i> ('използвам, владя устна реч')
Вид	<i>рассказывать, разговаривать, знать</i>	=	↑ <i>разказвам, разговарям, зная</i>

Мне казалось, ты говорила про какой-то роман? — — Стори ми се, че разказваше за някакъв роман? (4) — Э-эх, наплевать! — презрительно и с отвращением прошептал Раскольников, как бы и говорить не желая. — — Е-эх, плюя на това! — презрительно и с отвращение прошепна Расколников, сякаш не желаеше да разговаря. (11а) — *И почему так хорошо говорит по-русски? — И откъде знае толкова добре руски? (6).*

Эквиваленты-варианты типа *говорить* — *разказвам*, *говорить* — *разговарям*, *говорить* — *зная* содержат неравноценную информацию (родовое — видовое понятие) и характеризуются меньшей степенью содержательной общности по сравнению с эквивалентами-инвариантами.

Эквиваленты-варианты и эквиваленты-инварианты характеризуются закономерными связями, проистекающими из родо-видовых отношений, лежащих в основе их идентификации и обособления.

1. Варианты могут выступать в качестве инвариантов и включать в свои видовые понятия исходный инвариант. Например, *рассказывать* является видовым понятием по отношению к *говорить*, но выступая в роли родового понятия включает в состав своего видового ряда *говорить* ср.:

	русский		болгарский
Класс	действие	=	действие
Род	<i>рассказывать</i> ('устно описывать события, случаи, истории')	=	<i>разказвам</i> ('устно описвам събития, случки и истории')
Вид	<i>повествовать, излагать, говорить, описывать</i>	=	<i>повествувам, излагам, говоря, описвам</i>

2. Вариант и инвариант могут выступать совместно в качестве видовых понятий. Ср., например, родовое понятие *говорить* и его видовое понятие *знать*, которые входят в видовой ряд родового понятия 'владеть иностранным языком':

¹ Впрочем, *говорить* формирует ещё три родо-видовые микросистемы: 'вызывать чувства, мысли, выводы и т.п.' — *внушать, подсказывать, предсказывать*; 'служить свидетельством' — *свидетельствовать, подтверждать, указывать*; 'получать выражение' — *сказываться, проявляться*.

	русский		болгарский
Класс	действие	=	действие
Род	'владеть иностранным языком'	=	'владея чужд език'
Вид	<i>владеть, знать, говорить, понимать</i>	=	<i>владея, зная, говоря, разбираю</i>

В процессе перевода осуществляется как замена эквивалента-инварианта эквивалентом-вариантом, так и эквивалента-варианта эквивалентом-инвариантом. Она сопровождается модификацией содержания исходной единицы, которая меняет в определённой степени информационные параметры русского исходного слова: происходит сужение или расширение семантического объёма соответствия.

Поскольку модификация осуществляется в пределах системных родо-видовых отношений, она не приводит к резким изменениям содержания исходного слова — степень изменений незначительна, потому что в принципе родовое понятие имплицитно содержит информацию о видовом понятии и наоборот. Ср. соответствия: русск. **артист** — болг. 'equival' артист — 'concret' **актьор** и русск. **актёр** — болг. 'equival' актёр — 'general' артист:

	русский		болгарский
Класс	одушевлённое существо	=	одушевлено същество
Род	артист ('исполнитель произведений сценического искусства')	=	артист ('изпълнител на произведения на сценичното изкуство')
Вид	актёр, певец, музыкант, пианист, солист, иллюзионист	=	Тактьор, певец, музыкант, пианист, солист, иллюзионист

Ср.: В не меньшей, а в большей степени возненавидел он, ..., поэта Пушкина и талантливого артиста Савву Потаповича Куролесова. — Не по-малку, дори още повече е намразил ... и поэта Пушкин, и талантливия **актьор** Сава Потапович Куролесов (6); Хлодовский выглядел респектабельно, при галстуже-бабочке, как у **актёра**, ... — Хлодовски изглеждаше респектиращо, с панионка като **артист**, ... (25а)

Эквивалентность выявляется на уровне «понимания по существу», на котором наблюдаем одинаковость основных элементов знания о фактах действительности. Эти элементы лежат в основе интерпретации данного факта действительности носителями различных языков, которая наряду с неизбежными различиями, порождает значительную общность содержательной стороны значений эквивалентов.

Между межъязыковыми соответствиями эквивалентного типа возникают отношения взаимосвязанности и взаимозависимости, что даёт основание определить эквиваленты как **семантически соотносительные единицы**.

2. Лексико-семантическая межъязыковая трансформация

В отличие от эквивалентных, при трансформационных заменах исходная лексико-семантическая единица и её соответствие в другом языке не обладают семантической соотносительностью, что связано с тем, что родо-видовые характеристики значений исходных единиц и единиц, замещающих эквиваленты в переводящем языке, не совпадают. Ср.: Во мне они — сцепились в один клубок, и я даже сейчас не могу **сказать**, что это было за чувство, ... — Вкопчили са се в едно кълбо — **вътре у мен** — и дори не мога да **определя** какво чувство изпитах, ... (12а)

	русский		болгарский
Класс	действие	=	действие
Род	сказать ('изложить, передать словесно / словами')	≠	определям ('установявам с точност, изяснявам')
Вид	<i>говорить, произносить, проговорить, выговорить; сообщить, заявить, высказать</i>	≠	<i>изяснявам, уяснявам, дефинирам, уточнявам, конкретизирам, прецизирам, фиксирам, посочвам</i>

Универсальные характеристики, формируя значение лексико-семантической единицы, предопределяют его закономерные семантические связи или семантически сближают его с другими единицами. Между членами трансформационных пар устанавливаются два типа отношений — семантической связанности и семантической близости, которые являются результатом наличия семантико-ассоциативной связи¹ между болгарским эквивалентом в переводе и замещающим его соответствием.

При **семантической связанности** эквивалент исходной русской лексической единицы заменяется в переводе единицей, которая находится с ним в каких-л. закономерных лексико-семантических отношениях, например: семантического противопоставления и семантической обратимости.

Семантическое противопоставление служит основанием для обособления антонимических, а семантическая обратимость — конверсивных трансформаций.

¹ Основанием для определения связи в трансформационных заменах как семантико-ассоциативной послужила основная характеристика ассоциативной связи. А. А. Леонтьев определяет её как связь с «закономерностями семантического родства слов (или, вернее, субъективного переживания испытываемыми степени их семантического родства)» [16, с. 8].

Антонимические трансформации: есть 'equival' имам 'anti' нямам: *Пришли — живите, но совесть-то надо иметь...* — *Като сте тук, живеете, но нямате ли срама ...*» (2). Родовые и видовые понятия этой пары не совпадают, а выражают противоположность, порождённую семантико-ассоциативной связью по контрасту:

	русский		болгарский
Класс	состояние	=	състояние
Род	'быть в наличии'	≠	'не е наличен'
Вид	<i>есть, имеет, обладать, владеть</i>	≠	<i>нямам, не притежавам, не владя</i>

Конверсивная трансформация: пугать 'equival' плаша 'conv' плаша се: ... *детей бесконечность пугает, а необходимо — чтобы дети спокойно спали по ночам...* — ... *децата се плашат от безкрайността, а е нужно да спят спокойно нощем.* (12а)

Родовые и видовые понятия не совпадают, а обозначают отношение обратимости, порождённое семантико-ассоциативной связью 'вызывать — испытывать чувство страха':

	русский		болгарский
Класс	действие	=	действие
Род	'вызывать чувство страха'	≠	'изпитвам чувство на страх'
Вид	<i>пугать, страшить, ужасать</i>	≠	<i>плаша се, боя се, ужасявам се</i>

В этих трансформациях значения болгарских соответствий значительно отличаются от значений исходных русских единиц. Но с точки зрения сохранения информации исходной единицы конверсивные и антонимические трансформации являются довольно адекватными заменами, так как болгарские соответствия описывают то же самое, но в противоположном (есть 'equival' имам 'anti' нямам) или в обратном (пугать 'equival' плаша 'conv' плаша се) направлении.

Семантико-ассоциативная связь в этих примерах выступает в роли интегративной связи, порождающей трансформации, основывающиеся на закономерных антонимических и конверсивных отношениях. Закономерные трансформации занимают в русских и болгарских видовых рядах одно и то же место и образуют пары, аналогичные антонимическим и конверсивным: *есть/имам — нямам; пугать/ плаша — плаша се.*

Семантическая близость предполагает также семантическую связь, но эта связь не является интегративной, то есть не формируется на основе закономерных лексико-семантических отношений. Она характерна для замен семантико-ассоциативного характера. Ср., например, трансформацию *говорить* 'equival' *говоря* 'trans' *мысля*: — *Не бывает, вы говорите?* — *сказал Воланд* — — *Невозможно, така ли мислите?* — *попита Воланд.* (6)

Болгарский эквивалент *говоря* 'выразить мысли словами' и трансформационная замена *мысля* (*думать*) обладают семантической связью, которая не опирается на закономерные лексико-семантические отношения. Она является результатом существующей тесной связи речевой деятельности с мыслительной деятельностью. Трансформация становится возможной в результате семантико-ассоциативной связи болгарского эквивалента *говоря* с *мысля*. Конечно, содержание исходного слова *говорить* меняется существенно, но сохраняется определённая семантико-ассоциативная близость между русской исходной единицей (*говорить*) и трансформационным преобразованием (*мысля*).

По своей сути трансформации, основанные на семантической близости, представляют собой субъективные аналоги эквивалента, у которых, как пишет С. В. Лебедева, «наличие сходства объективно, его степень субъективна». [Цит. по: 12, с. 11]. К тому же «это сходство здесь и сейчас», т. е. оно является результатом «действия в индивидуальном лексиконе» [см. 15] переводчика, которое обусловлено конкретными условиями ситуации, контекста и не имеет закономерного характера.

Лексико-семантические трансформации, основывающиеся на лексической близости, порождают существенные расхождения между исходной единицей и её соответствием.

3. Логико-ситуативные межъязыковые интерпретации

Интерпретация «представляет собой получение на основе одного, исходного объекта (называемого интерпретируемым) другого, отличного от него объекта, предлагаемого интерпретатором в качестве равносильного исходному на конкретном фоне ситуации, набора презумпций и знаний» [7, с. 327].

Интерпретационные замены отличаются от эквивалентных не только отсутствием общности в родо-видовых характеристиках значений, но и отсутствием как семантической связи, так и семантической близости. Интерпретационные замены между исходной единицей и её соответствием в переводе обнаруживают логическую или смысловую (ситуативную) связь. Эти связи имеют основание в контексте, т. е. опираются на информацию, проистекающую не из содержания соответствий, а из содержания какого-л. целостного контекста.

В научной литературе практически обособляются два типа интерпретационных замен — логических и смысловых (ситуационных).

Логические замены представляют собой умозаключения, логически выводимые из контекста, опирающиеся на определённый набор презумпций и знаний о реальной действительности. Осуществляются они на основе различных логических связей, ср., например:

– замена эквивалента, обозначающего причину, соответствием, обозначающим следствие: **пря- тать** 'equival' крия 'interpret' **трупам**: ... **прячут** деньги, а всё остальное развратничает. — ... **трупат** пари, а всё остальное развратничает. (11а) (прячут, поэтому и копят);

– замена эквивалента, обозначающего следствие, соответствием, обозначающим причину: (не) **понимать** 'equival' (не) разбираю 'interpret' (не) **знаю**: *И откуда они сколотились мне на обмун- дировку приличную, одиннадцать рублей пятьдесят копеек, не понимаю?* — *И откуда събраха пари да ми ушмят приличен мундир, единадесет рубли и петдесет копейки, не знам!* (11а) (не понимаю, потому что не знаю).

Смысловые¹ (ситуативные) замены опираются на ситуацию, которая порождает ассоциативные связи, обосновывающие замену эквивалента. Эти связи отличаются от ассоциативных связей с опорой на значения тем, что они реализуются на основе компонентов целостной ситуации, фрагментов целостного знания о мире².

Смысловые (ситуативные) замены базируются на закономерностях метонимического переноса, при котором «слова, обозначающие некоторый предмет, употребляются для обозначения другого предмета, связанного с первым по ситуации» [14, с. 237], ср.: **ворота** 'equival' врата 'interpret' **улица**: *Вывавшись на воздух, буфетчик рысью побежал к воротам и навсегда покинул чёртов дом № 302-бис. — Шом се озова най-сетне на двора, буфетчицята хукна в тръс към улицата и напусна завинаги дяволската къща № 302-бис.* (6) Ср. ещё: **говоря** 'equival' **говорить** 'interpret' **показать**, где основанием замены является ситуативная связь: — *Извикайте го за нещо подир двай- сетина минути, додето уредя сметката. — Ами че аз тъкмо имам да говоря с него по едни фрактурки... — започва да ми обяснява книжарят. — Вы не могли бы вызвать его по делу минут через двадцать, пока я расплачусь. — Да, мне как раз нужно показать ему накладные...* (126).

В интерпретациях также реализуется субъективное начало переводческой деятельности. Но, в отличие от трансформаций, при них используются другие основания и другие средства воплощения индивидуального восприятия содержания исходного текста и составляющих его лексических единиц. В результате отсутствия семантического элемента, объединяющего в одной или другой степени члены соответствий этого типа, расхождения с точки содержания между исходной и переводной единицами, как правило, исключительно велики.

Выводы. Таким образом, мы установили, что в основе эквивалентности лежит «одинаковость» на уровне классов и родо-видовых отношений, которая формирует семантически соотносительные межъязыковые лексико-семантические соответствия; трансформации не характеризуются одинаковостью указанных универсальных характеристик, но трансформационные соответствия обладают определённой ассоциативно-семантической связью; интерпретации вообще не имеют никакого отношения к упомянутым универсальным лексико-семантическим характеристикам — соответствия возникают на базе логической или смысловой (ситуативной) связи и семантически между собой не связаны.

Л и т е р а т у р а

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. — М.: Международные отношения. 1975. — 240 с.
2. Бикман Д. Не искажая слова Божия... / Д. Бикман, Д. Келлоу. — СПб.: Ноах, 1994. — 464 с.
3. Вине Ж.-П. Технические способы перевода / Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне // Вопросы теории перевода в зару- бежной лингвистике. — М.: Международные отношения, 1978. — С. 157–168.
4. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков: учеб. пособие. — 3-е изд. / В. Г. Гак. — М.: Просвещение, 1989. — 288 с.
5. Гочев Г. Обязательные и факультативные трансформации в структуре русско-болгарского словаря переводчика (на материале корпуса параллельных русских и болгарских текстов) / Г. Гочев // Русский язык как инославян- ский. — Београд, 2011. — Вып. III. — С. 133–143.
6. Грицанов А. А. Новейший философский словарь / А. А. Грицанов [и др.]. — Мн.: Книжный Дом, 2003. — 1280 с.
7. Демьянков В. З. Конвенции, правила и стратегии общения: (Интерпретирующий подход к аргументации) / В. З. Демьянков // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — М., 1982. — Т. 41. — № 4. — С. 327–337.
8. Засекіна Л. Психолінгвістична картина феномену «здоров'я» у ментальному просторі студентської молоді / Л. Засекіна // Психологічні перспективи. — Луцьк, 2009. — № 13. — 248 с.
9. Карпов В. А. Языковые равенства и неравенства / В. А. Карпов // Вестник МГЛУ. Сер. I: Филология. — М., 2001. — № 8. — С. 24–32.
10. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. — М.: ЭТС, 2002. — 424 с.
11. Кочерган М. П. Основы зівставного мовознавства / М. П. Кочерган. — К.: Академія. 2006. — 418 с.

¹ С[мысл] — это общая соотносённость и связь всех относящихся к понимаемой ситуации явлений. С[мыслы], в отличие от З[начений] всегда ситуативны (выделено мною — Г. Г.), связаны с феноменальным процессом понимания, поэтому помимо нормативного содержания З[начений], они определяются множеством иных факторов: ситуацией, с которой связано понимание, самоопределением человека, его установками, ценностями и целями, знаниями, структурами деятельности и многим другим [6].

² Ср.: «Ситуативные значения розглядається в контексті глибинних когнітивних структур подібно до асоціативного значення, водночас акцент у ситуативному значенні робиться на вербально оформленому компонентові цілісної ситуації, фрагментові цілісного знання про світ» [8].

12. Конева Е. А. Специфика функционирования паронимов в ментальном лексиконе (экспериментальное исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. А. Конева. — Курск : Изд-во Курского ун-та, 2010. — 24 с.
13. Кунихиро Т. Аспекты семантики / Т. Кунихиро // Языкознание в Японии. — М. : Радуга, 1983. — С. 213–248.
14. Лебедева С. В. Интегративная модель близости значения слов / С. В. Лебедева // Вопросы психолингвистики. — М., 2007. — № 5. — С. 27–30.
15. Лебедева С. В. Субъективный семантический функциональный центр : вопросы теории действия / С. В. Лебедева // Теория языка и межкультурная коммуникация. — Курск : Изд-во Курского ун-та, 2014. — № 2 (16). — С. 34–38.
16. Леонтьев А. А. Словарь ассоциативных норм русского языка / А. А. Леонтьев. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. — 191 с.
17. Людсканов А. Превеждат човекът и машината / А. Людсканов. — София : Народна култура, 1980. — 375 с.
18. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода / Р. К. Миньяр-Белоручев. — М. : Московский лицей, 1996. — 208 с.
19. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. — М. : Международные отношения, 1974. — 306 с.
20. Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус. Проблемы. Аспекты / А. Д. Швейцер. — М. : Наука, 1988. — 215 с.

С л о в а р и

- БРС — Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь / С. Б. Бернштейн. — М. : Русский язык, 1986. — 768 с.
- БРР — Андрейчин Л. Болгарски тълковен речник / Л. Андрейчин [и др.]. — София : Наука и изкуство, 2008. — 1134 с.
- МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / [ред. А. П. Евгеньева]. — М. : Рус. яз., 1985–1988.
- НРБ — Влахов С. Нов руско-български речник / С. Влахов. — София : Парадигма, 2007. — 897 с.
- РБЕ — Чолакова К. Речник на българския език / К. Чолакова [и др.]. — София : Българска Академия на науките, 1997–2008. — Т. 1–13.
- РБР — Влахов С. Руско-български речник : в 2 т. / С. Влахов, Т. А. Тагамлица, А. Людсканов [и др.]. — София : Наука и изкуство, 1986.

Источники иллюстративных материалов¹

- (1) Ч. Айтматов. *Плаха*. Перевод М. Златанова; (2) Б. Акунин. *Ф. М. Т. 1, 2* Перевод С. Бранц; (4) А. Беляев. *Властелин мира*. Перевод Асен Траянов; (5) А. Беляев. *Собр. соч. : в 8 т. Т. 8*. Перевод Э. Стайков; (6) М. Булгаков. *Романы*. Перевод Л. Минкова; (11а) Ф. Достоевский. *Собр. соч. : в 10 т.* Перевод Г. Константинов; (11б) Б. Райнов. *Тайфуни с нежни имена*. Перевод А. Собкович; (12а) Е. Замятин. *Мы*. Перевод Росица Бърдарска; (12б) Б. Райнов *Умирай само в краен случай*. Перевод А. Собкович; (25а) В. Пиккуль. *Крейсера*. Перевод Ю. Пенева-Павлова; (25б) И. Вазов. *Под игото*. Перевод В. Володин и др.; (27) Т. Полякова. *Миллионерша желает познакомиться*. Перевод Ива Митева.

References

1. Barkhudarov, L. S. (1975), *Language and translation [Teorija perevoda. Status. Problemy. Aspekty]*, International relationships, Moscow, 215 p.
2. Bikman, D., Kellou, J. (1974), *Translating the Word of God [Ne iskazhaja slova Bozhija...]*, Noah, Saint Petersburg, 464 p.
3. Vine Zh.-P. (1978), «Technical Translational Methods» [«Tekhnicheskie sposoby perevoda»], *Issues in Translation Theory in Foreign Linguistics*, International Relations, Moscow, pp. 157–168.
4. Gak, V. G. (1989), *Comparative typology of the French and the Russian languages : a textbook for students. 3rd ed.* [Svritel'naja tipologija francuzskogo i russkogo jazykov : ucheb. posobie dlja studentov. 3-e izd.], Prosveshhenie, Moscow, 288 p.
5. Gochev, G. (2011), «Mandatory and Optional Transformations in the Framework of the Russian-Bulgarian Translator's Dictionary (based on a corpus of parallel Russian and Bulgarian texts)», *Russian as a Slavic Language* [«Obiazatel'nye i fakul'tativnye transformacii v strukture rusko-bolgarskogo slovaria perevodchika (na materiale korpusa paralelnyh russkikh i bolgarskikh tekstov)», *Russkij jazyk kak inoslavianskij*], Belgrade, Issue III, pp. 133–143.
6. Gricanov, A. (2003), *New philosophy dictionary [Novejšij filosofskij slovar']*, Book House, Minsk, 1280 p.
7. Demyankov, V. Z. (1982), «Conventions, rules and strategies of communication : (Interpretating way of argumentation)», *Issue Literature and Language* [«Konvencii, pravila i strategii obshcheniya : (Interpretirujushchij podkhod k argumentacii)», *Izvestija AN SSSR. Ser. Literaturny i jazyka*], Academy of Sciences of USSR, Moscow, vol. 41, pp. 327–337.
8. Zasekina, L. (2009), «Psycholinguistic representation of the phenomenon 'health' in the mental space of higher education students», *Psychological Perspectives* [«Psicholingvistichna kartyna fenomenu «zdorovja» u mental'nomu prostori students'koji molodi», *Psichologichni perspektivy*], Luck, vol. 13, 248 p.
9. Karpov, V. A. (2001), «Linguistic Equalities and Inequalities», *Bulletin of Moscow State Linguistic University* [«Yazykovye ravenstva i neravenstva», *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta*], MGLU, Moscow, Issue I. Philology, vol. 8, pp. 24–32.
10. Komissarov, V. N. (2002), *Introducing modern Translation Studies [Sovremennoe perevodovedenie : uchebnoe posobie]*, Electronic and Traditional Dictionaries, Moscow, 424 p.
11. Kocherhan, M. P. (2006), *Foundations of Comparative Linguistics [Osnovy zistavnoho movoznavstva]*, Academy, Kyiv, 418 p.
12. Koneva, E. A. (2010), *Specificity of paronym functioning in the mental lexicon (an experimental study). Synopsis* [Specifika funkcionirovanija paronimov v mental'nom leksikone (eksperimental'noe issledovanie) : avtoref. dis... kand. filol. nauk : 10.02.19], Kursk University Publishing House, Kursk, 24 p.

¹ Выходные данные источников см. на сайте <http://www.rbcorpus.com/>

13. Kunihiro, T. (1983), «Aspects of Semantics», *Linguistics in Japan* [«Aspekty semantiki», *Lingvistika v Japonii*], Raduga, Moscow, pp. 213–248.
14. Lebedeva, S. V. (2007), «An Integrational Model of the Closeness of Word Meaning», *Journal of Psycholinguistics* [«Integrativnaja model' blizosti znachenija slov», *Voprosy Psicholingvistiki*], Institute of Linguistics of RAS, Moscow, vol. 5, pp. 27–30.
15. Lebedeva, S. V. (2014), «The Subjective Semantic Functional Centre : Issues in Action», *Language Theory and Intercultural Communication* [«Sub»ektivnyj semanticheskij funkcional'nyj centr : voprosy teorii dejstvija», *Teorija jazyka i mezhhkulturnaja komunikacija*], Kursk University Publishing House, Kursk, vol. 2 (16), pp. 34–38.
16. Leontiev, A. A. (1977), *Dictionary of associative rules of Russian language* [Slovar' asociativnykh norm russkogo jazyka], Moscow State University Publ., Moscow, 191 p.
17. Lyudskanov, A. (1980), *Man and Machine Translate* [Prevezhdat chovek»t i mashinata], Narodna kultura, Sofia, 375 p.
18. Miniar-Beloruchev, R. K. (1996), *Theory and methods of translation* [Teorija i metody perevoda], Moscow Lyceum, Moscow, 208 p.
19. Retsker, Ya. I. (1974), *Theory and practice of translation* [Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika], International Relationships, Moscow, 306 p.
20. Schweitzer, A. D. (1988), *Theory of translation : status, problems, aspects* [Teorija perevoda. Status. Problemy. Aspekty], Nauka, Moscow, 215 p.

ГОЧЕВ Гочо Недџв,

кандидат філологічних наук, професор кафедри русистики Великотирновського університету імені Святих Кирила і Мефодія; м. Велико-Тирново, 5003, Болгарія; тел.: +359 885 583 214; e-mail: gochev_g@abv.bg;
ORCID ID: 0000-0001-7399-6257

МІЖМОВНІ Й ПЕРЕКЛАДАЦЬКІ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНІ ВІДПОВІДНОСТІ (НА МАТЕРІАЛІ РОСІЙСЬКОЇ ТА БОЛГАРСЬКОЇ МОВ)

Анотація. *Метою* статті є спроба з'ясувати зміст понять 'міжмовна еквівалентність', 'трансформація' і 'інтерпретація', а також виявити їхні специфічні особливості. *Об'єктом* дослідження є відповідно поняття 'міжмовна еквівалентність', 'трансформація' і 'інтерпретація', а *предметом* — їх вивчення з точки зору універсальних характеристик мовного знака. *Результатом* дослідження є виявлення специфіки понять 'міжмовна еквівалентність', 'трансформація' і 'інтерпретація' у процесі передачі інформації вихідної лексико-семантичної одиниці на мову перекладу. **Висновки.** В основі еквівалентності лежить «однаковість» на рівні класів і родо-видових відносин, яка формує семантично співвідносні міжмовні лексико-семантичні відповідності. Трансформаціям не властива подібність зазначених універсальних характеристик, але трансформаційні відповідності мають певні асоціативно-семантичні зв'язки. Інтерпретації взагалі не мають жодного відношення до згаданих характеристик, бо відповідності виникають на базі логічного або смислового (ситуативного) зв'язку і вони семантично між собою не пов'язані. **Практичне застосування** результатів дослідження стосується, в основному, процесу навчання теорії перекладу, а саме допоможуть розрізнити поняття 'міжмовна еквівалентність', 'трансформація' і 'інтерпретація', а також виявити чітку специфіку кожного з них, дійти сутності процесу міжмовного перекладу.

Ключові слова: лексико-семантичний; еквівалентність; еквівалентні інваріанти й варіанти; перекладацька трансформація; перекладацька інтерпретація; родо-видові відносини.

Gocho N. GOCHEV,

PhD in Philological Sciences, Professor of the Russian Studies Department, St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo; Veliko Tarnovo, 5003, Bulgaria; tel.: +359 885 583 214; e-mail: gochev_g@abv.bg;
ORCID ID: 0000-0001-7399-6257

TRANSLATION AND INTERLINGUAL LEXICO-SEMANTIC CORRESPONDENCES (BASED ON RUSSIAN AND BULGARIAN CORPORA)

Summary. Purpose: The article attempts to clarify the concepts 'interlingual equivalence', 'transformation' and 'interpretation', as well as identify their specific features. Therefore, the study **focuses** on the concepts of 'interlingual equivalence', 'transformation' and 'interpretation' from the point of view of the universal features of the linguistic sign. **Findings:** The specificity of the concepts 'interlingual equivalence', 'transformation' and 'interpretation' has been identified in the process of rendering the information inherent in the source lexico-semantic unit into the target language. **Conclusions:** Equivalence is based upon 'sameness' on the level of the class and genus-species relationship, which forms semantically correlative interlingual lexico-semantic correspondences; transformation is not characterised by the sameness of the specified universal features, but transformational correspondences possess a certain associative semantic connection; interpretation has no connection whatsoever with the abovementioned features — the correspondences are created on the basis of a logical or notional (situational) link, and there is no semantic connection between them. The findings could have **practical application** mainly in the teaching of translation theory, where the identification of the specific features of the concepts 'interlingual equivalence', 'transformation' and 'interpretation' could help to enhance students' understanding of the nature of the translation process.

Key words: lexico-semantic; equivalence; equivalent invariants and variants; transformation; interpretation; genus-species relationships

Статтю отримано 24.04.2017 р.

НЕВОЙТ Валентина Ивановна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского и русского языков как иностранных Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко; бульвар Тараса Шевченко, 14, к. 61, Киев, 01033, Украина; тел.: +38 (044) 2393439; моб.: +38 067 4446163; e-mail: valnev@ukr.net; ORCID ID: 0000-0001-7529-7329

ПУТИ ЗАИМСТВОВАНИЯ ЗООНИМОВ-ЭКЗОТИЗМОВ В РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. *Целью* данной статьи является описание заимствованных наименований животных в современном русском языке с точки зрения их происхождения. *Объектом* изучения послужили наименования млекопитающих. Основные *методы* исследования — историко-описательный и этимологический. В *результате* исследования был определён состав группы заимствованных зоонимов, называющих млекопитающих в русском языке, установлены языки-доноры иноязычных наименований животных, пути проникновения этих заимствований в русский язык, определено место таких слов в лексической системе современного русского языка. Были проведены наблюдения за процессом перехода зоонимов-экзотизмов в разряд общеупотребительных слов. В статье был сделан *вывод* о том, что заимствования в группе названий животных следует расценивать как обогащение словарного состава, которое происходит в результате расширения знаний о мире. Этот процесс начался в доисторическую эпоху и продолжается до сих пор. Источниками являются не только национальные языки, но и диалекты различных аборигенных языков. Нередко иноязычные наименования животных являются результатом непрямого заимствования. *Практическая значимость* данного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в лексикологии, лексикографии, методике преподавания русского языка, а также в последующих исследованиях причин, путей и способов процесса лексического заимствования.

Ключевые слова: заимствование, иноязычное слово, экзотизм, зооним.

Постановка проблемы. Одним из проявлений процесса глобализации, характерного для современного состояния развития человечества, является интенсификация языковых контактов, в результате чего наблюдается рост лексических заимствований. В связи с этим остаются актуальными вопросы, связанные с процессом перехода слов из одного языка в другой. Лингвистов по-прежнему интересуют конкретные причины этого явления, источники заимствований и особенности функционирования иноязычной лексики в языке-реципиенте.

Связь с предыдущими исследованиями. В современном русском языке одним из лексико-тематических объединений, в состав которого входит немало иноязычных слов, является группа наименований животных. Обычно внимание исследователей привлекают иноязычные слова в группах общественно-политической, экономической, компьютерной терминологии и под. Заимствованные зоонимы, как правило, служат иллюстративным материалом в работах, посвящённых проблемам исторической и современной лексикологии русского языка [1; 2; 3]. Единственным на сегодняшний день фундаментальным исследованием происхождения названий животных в русском языке остаётся одна из работ академика О. Н. Трубачёва [11]. Однако и она не даёт исчерпывающей информации по заявленной нами теме в связи с тем, что в работе О. Н. Трубачёва содержится информация лишь о древнейших заимствованиях в данной группе. К тому же круг лексического материала ограничен наименованиями домашних животных. В то же время, за последние несколько десятилетий группа наименований животных значительно пополнилась как раз за счёт заимствований. Далеко не все из них вошли в современные словари неологизмов, хотя и фиксируются в различных текстах.

Постановка исследовательских задач. В настоящее время назрела потребность в обобщении и системном описании зоонимов иноязычного происхождения, функционирующих в современном русском языке. Целью данной статьи является описание заимствованных зоонимов с точки зрения их происхождения. Объектом изучения послужили наименования млекопитающих. Наши задачи сводятся к установлению источников данных заимствований, времени их появления в русском языке, места и роли в современной русской лексической системе. Основные методы исследования — историко-описательный и этимологический.

Изложение основного материала. В результате изучения различных источников был составлен список названий млекопитающих, употребляющихся в современном русском языке. Он насчитывает 162 лексические единицы. При этом заимствования, то есть слова, перешедшие из одного языка в другой в результате языковых контактов [6], в данном лексическом объединении составляют около 70 % всех рассмотренных наименований.

Причины проникновения слов одного языка в другой могут быть разными. Однако применительно к названиям животных можно уверенно говорить о том, что иноязычные наименования попадали в русский язык вместе с информацией о ранее неизвестных реалиях. Необходимость назвать новый для русской картины мира объект решается, как правило, путём приспособления слова, уже суще-

ствующего в другом языке. Поэтому закономерно, что все заимствованные названия — это номинации животных, не обитающих в естественных природных условиях исторически сложившейся зоны проживания носителей русского языка. Например: *бегемот, зебра, лемур* и многие другие. В то же время, не все экзотические для русского мира животные имеют иноязычные названия. Такие названия как *носорог, дикобраз, муравьед, ленивец, летяга, вилорог, иглошерст* являются, безусловно, собственно русскими словами, так как образованы из исконных морфем по русским словообразовательным моделям. Причины такого номинирования в каждом конкретном случае различны и требуют отдельного исследования.

Что касается источников заимствованных названий животных, то их «география» достаточно широка. Однако процесс заимствования был зачастую непростым. Об этом свидетельствуют характерные для данной лексической группы многочисленные факты непрямого заимствования. Непрямым, или косвенным, заимствованием является переход слова из языка-донора сначала в один язык-реципиент, а уже из него в другие языки. Таким образом, в русский язык зоонимы-экзотизмы чаще попадали не из языка-источника, а из языка-посредника [6]. Применительно к исследуемому материалу, посредниками обычно были английский, французский, испанский и португальский языки, то есть языки европейских народов, наиболее активно искавших новые земли за пределами Европы. Великобритания, Испания, Франция, Португалия участвовали в захвате заморских колоний и распространяли свои государственные языки среди населения колоний, однако в этих землях была своеобразная природа, во многом экзотичная для европейцев. Её объекты уже имели названия на языках местного населения. Логично, что новые слова из языков аборигенных народов, населявших колонизируемые земли, попадали сначала именно во французский, английский, испанский, португальский языки, а уже потом заимствовались другими языками, в том числе и русским. Первоисточниками же названий животных служили разные наречия американских индейцев, аборигенов Африки и Австралии.

Заимствованные слова, обозначающие предметы и явления, характерные для жизни других народов, называются в лингвистике экзотизмами [6]. Так, целая группа экзотизмов-зоонимов вошла в обиход многих народов из языка южноамериканского племени кечуа: *пума, альпака, лама, гуанако*. Из языков других индейских племён пришли зоонимы *койот, мангуэт, тапир, ламантин, кугуар, опоссум, ондатра, ягуар* [10]. Общее количество наименований животных, восходящих к языкам и наречиям американских индейцев, составляет около 15 % всех заимствованных названий видов млекопитающих. Из африканских языков и диалектов были заимствованы зоонимы *зебра, жираф, гну, горилла, шимпанзе* и др. Языки австралийских аборигенов стали источником зоонимов-экзотизмов *коала, кенгуру, динго* и некоторых других [8]. Нередки случаи, когда не прямое заимствование было многоступенчатым. Например: *мангуэт* в русском языке — это заимствование непосредственно из французского. Во французский язык оно попало из португальского. А в португальский пришло из языка американских индейцев [10, с. 131].

Для самых древних случаев непрямого заимствования источником наименования служили латинский и греческий языки как языки древнейших европейских цивилизаций. Латинизмами считаются зоонимы *бизон, виверра, гамадрил, лемур, леопард, нутрия, тигр, шиншиллы, макака*. Эллинизмы (грецизмы) по первоисточнику — это такие названия животных: *антилопа, гиена, лев, гиппопотам, ехидна, кит, пантера* [10].

Случаи непрямого заимствования представляют интерес не только для лингвистики. Они отражают особенности и направления международных контактов, косвенно подтверждают историю географических открытий, историю познания жизни на планете Земля.

Если принимать во внимание непосредственный источник заимствования зоонимов-экзотизмов в русский язык, то следует сказать, что наибольшее количество таких слов заимствовано из французского языка (18 единиц), английского (15 ед.), немецкого и испанского (по 8 слов). Среди названий животных есть немало тюркизмов (*архар, барс, джейран, каракал, сайгак, шакал*). Языками-донорами в группе наименований млекопитающих являются также тибетский язык (*як*), монгольский (*ирбис*), тунгусский (*мамонт*). Данная группа зоонимов пополнялась и словами финского (*нерпа*), норвежского (*лемминг*), шведского (*нарвал*), польского (*мул*) происхождения [10].

Зоной обитания экзотичных (в понимании русских) животных являются нехарактерные для российского климата природные условия, территориально располагающиеся на других континентах и в отдалённых точках земного шара. Там такое животное является неотъемлемой частью местной фауны, а значит, жизни и деятельности проживающих в этих регионах народов. Например: *альпака* — «домашнее животное рода лам, обитающее в Центральной и Южной Америке» [9, т. 1, с. 38]; *ламантин* — «водное млекопитающее, обитающее у африканских и южноамериканских берегов Атлантического океана и в устьях впадающих в него рек» [9, т. 4, с. 515]; *тупайя* — «небольшое млекопитающее, исконно обитающее в тропических лесах Юго-Восточной Азии» [4, с. 587]. Чёткой границы между обычными заимствованиями и экзотизмами в области зоонимии нет. Однако зоонимы, которые с большой долей уверенности можно назвать экзотизмами в русском языке, составляют 10 % от всех заимствованных зоонимов. Яркими экзотизмами-зоонимами в русском языке можно считать слова *барibal, блювал, виверра, ирбис, каракал, кугуар, лемминг, магот, муфлон, окапи,*

опоссум, сейвал, сервал, тапир, тафа, урзон, кускус, фуру и др. Одной из характерных ономастических черт экзотизмов является их закреплённость за определённой географической зоной. Например: *гризли* — это американское животное; *панда* — азиатское и др. Из-за своей стойкой этнической или природно-региональной ассоциации экзотизмы усваиваются языком не до конца и обычно так и остаются на периферии словарного запаса языка. Эти слова малоизвестны носителям русского языка. Они чаще используются в профессиональной речи зоологов и географов. Для экзотизмов характерна слабая словообразовательная активность, отсутствие производных.

Со временем часть экзотизмов может войти в состав активно используемой лексики. Этому способствует всё большая информированность людей относительно других стран через СМИ, возможность путешествовать, одомашнивание некоторых ранее диких животных и экспорт продуктов из их мяса, кожи, шерсти в русскоговорящие страны, акклиматизация некоторых экзотичных животных в этих странах. Так, в своё время экзотизмами были зоонимы *слон, обезьяна, верблюд, страус*, некоторые другие. Сейчас они входят в активный лексический фонд русского языка. До недавнего времени явными экзотизмами считались зоонимы *коала, лемур, панда, скунс*. Сейчас происходит процесс утраты ими их «экзотичности».

Наши исследования показывают, что группа зоонимов, функционирующих в современном русском языке, почти на 70 % состоит из заимствованных слов. Первые заимствования в рассмотренной группе слов появились ещё в общеславянскую эпоху. Это слова *кот, собака, лев*, а самыми молодыми заимствованиями можно считать *опоссум, коала, фретка* и под.

Известно, что отношение говорящих к иноязычным словам неоднозначное: одни считают, что заимствования загрязняют язык, подавляют словотворчество, другие позитивно относятся к подобному процессу. Заимствования в группе зоонимов можно, без сомнения, расценивать как обогащение словарного состава, которое происходит в результате расширения знаний о мире. К тому же в семантической структуре многих из них имеются образные значения, которые могут быть восприняты и принимающим языком. Процессы семантической ассимиляции представляют интерес для дальнейших исследований данного лексического пласта.

Список источников иноязычных зоонимов обширен. В современном русском языке представлены зоонимы, заимствованные не только из литературных национальных языков, но и из наречий, диалектов многих аборигенных народов мира. Характерной особенностью данной лексической группы является то, что достаточно часто иноязычное наименование появляется в русском языке в результате непрямого заимствования. Список языков-посредников обширен, однако чаще всего это языки, носители которых в эпоху позднего средневековья наиболее активно искали новые заморские земли и занимались их колонизацией: английский, французский, испанский и португальский.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в лексикологии, лексикографии, методике преподавания русского языка, а также в дальнейших исследованиях причин, путей и способов процесса лингвистического заимствования.

Л и т е р а т у р а

1. Биржакова Е. Э. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования / Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. — Л.: Наука, 1972. — 430 с.
2. Брагина А. А. Лексика языка и культура страны: Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте / А. А. Брагина. — М.: Русский язык, 1981. — 176 с.
3. Булаховский Л. А. Иноязычные элементы в лексике древнерусской и петровского времени / Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. — 5-е изд. — Киев: Радянська школа, 1958. — С. 31–40.
4. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. — М.: Большая российская энциклопедия, 2002. — 1456 с.
5. Володарская Э. Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов / Э. Ф. Володарская // Вопросы языкознания. — М., 2002. — № 4. — С. 96–118.
6. Добродомов И. Г. Заимствование / И. Г. Добродомов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — С. 159.
7. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. — М.: Наука, 1968. — 206 с.
8. Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. — М.: АСТ-ПРЕСС Книга, 2012. — 416 с.
9. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / [АН СССР; Ин-т русского языка] — М.-Л.: Наука, 1950–1966.
10. Соколов В. Е. (ред.) Пятиязычный словарь названий животных. Млекопитающие. Латинский, русский, английский, немецкий, французский / [общ. ред. акад. В. Е. Соколов]. — М.: Рус. яз., 1984. — 352 с.
11. Трубачёв О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках: (Этимологические исследования) / О. Н. Трубачёв. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 115 с.
12. Трубачёв О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / О. Н. Трубачёв. — М.: Наука, 2003. — 489 с.

НЕВОЙТ Валентина Іванівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри української та російської мов як іноземних Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка; бульвар Тараса Шевченка, 14, к. 61, Київ, 01033, Україна; тел.: +38 (044) 2393439; моб.: +38 067 4446163; e-mail: valnev@ukr.net; ORCID ID: 0000-0001-7529-7329

ШЛЯХИ ЗАПОЗИЧЕННЯ ЗООНІМІВ-ЕКЗОТИЗМІВ ДО РОСІЙСЬКОЇ МОВИ

Анотація. *Метою* цієї статті є опис запозичених назв тварин у сучасній російській мові з точки зору їхнього походження. *Об'єктом* вивчення слугували назви ссавців. Головні *методи* дослідження — історико-описовий та етимологічний. *Результатом* проведеного дослідження стало визначення кількісного складу групи запозичених зоонімів та мов-донорів іншомовних назв тварин, шляхів проникнення цих запозичень до російської мови, місця таких слів у лексичній системі сучасної російської мови. Простежено за процесом перетворення зоонімів-екзотизмів на загально-вживані слова. У статті був зроблений *висновок* про те, що запозичення у групі назв тварин треба розцінювати як збагачення словникового складу, яке відбувається внаслідок розширення знань про світ. Цей процес почався в доісторичну добу і триває до цього часу. Джерелами є не тільки національні мови, але й діалекти різних аборигенних мов. Нерідко іншомовні назви тварин є наслідком непрямого запозичення. *Практична значущість* цього дослідження полягає в тому, що його результати можуть бути використані в лексикології, лексикографії, методиці викладання російської мови, а також у подальших дослідженнях причин, шляхів і способів процесу лексичного запозичення.

Ключові слова: запозичення, іншомовне слово, екзотизм, зоонім.

Valentina I. NEVOIT,

PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Ukrainian and Russian Languages like foreign ones Department of Institute of Philology of Kiev Taras Shevchenko National University; Kiev, 01033, Ukraine; tel.: +38 (044) 2393439; mob.: +38 067 4446163; e-mail: valnev@ukr.net; ORCID ID: 0000-0001-7529-7329

WAYS OF BORROWING OF ZOONYMS-EXOTISMS INTO THE RUSSIAN LANGUAGE

Summary. The *purpose* of this article is to describe borrowed animal names in Modern Russian Language from the point of view of their origin. The *object* of study was the names of mammals. The main *methods* of research are Historical and Descriptive and Etymological. As a *result* of the study, the quantitative composition of this group was determined, the source languages of borrowed names were identified, the ways of their entering into the Russian Language were traced, the place of these words in the Lexical System of the Modern Russian Language was determined. The article *concluded* that borrowing in the group of animal names can, no doubt, be regarded as enriching the Vocabulary, which occurs as a result of the expansion of knowledge about the world. This process began in the prehistoric era and continues to this day. Sources of borrowings are not only normalized state languages, but various dialects as well. Most frequently, foreign animal names are the result of indirect borrowing. The *practical value* of this study is that it helps to eliminate lacunas in the Vocabulary study of the language, strengthens the main theoretical positions regarding the borrowing process and confirms them with new vivid linguistic facts.

Key words: borrowing, word of foreign language, exotism, zoonym.

Статтю отримано 12.03.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107888>

УДК 811.161.2'373.231:[114+115]

НЕМИРОВСЬКА Олександра Федорівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри української філології і методики навчання фахових дисциплін Південноукраїнського національного педагогічного університету імені К. Д. Ушинського, вул. Старопортофранківська, 26, м. Одеса, 65020, Україна; тел.: +38 067 968 1993; +38 048 7060843; e-mail: layma-59@ukr.net; agnia9886@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-9638-152X

ВЛАСНЕ ІМ'Я ЗАГОЛОВНОГО ПЕРСОНАЖА ЯК ЗАСІБ СТВОРЕННЯ ХУДОЖНЬОГО ХРОНОТОПУ

Анотація. Стаття присвячена вивченню особливостей функціонування і стилістичної ролі власного імені заголовного персонажа історичної повісті В. Малика «Князь Ігор», його ролі у побудові часопросторової парадигми твору. *Предметом* аналізу є функціональне навантаження, особливості вживання, стилістичні конотації, образний потенціал, варіативність компонентів заголовка. Уживання власного імені заголовного персонажа залежить від тематики твору, авторського задуму, що й зумовлює функціонування певних варіантів заголовка. Кожне використання заголовного імені є чітко продуманим; воно ілюструє широкий спектр образних і експресивних трансформацій, а також тісну взаємодію з іншими лінгвістичними й екстралінгвістичними факторами. *Результати* дослідження функціонування власного імені заголовного персонажа демонструють його прагматичну спрямованість у контексті твору, свідчать про наявність

значного конотативного потенціалу з активованим стилістичним, експресивним компонентом, що максимально поглиблює експресію заголовка, його значення для створення художнього хронотопу. Основний висновок полягає в тому, що власне ім'я заголовного персонажа виконує текстоутворюючу, хронотопічну, експресивну, виразову функції, сприяє розкриттю підтексту й авторської концепції.

Ключові слова: антропонім, безонімні номінації, власне ім'я, заголовок, просторово-часова структура, художній контекст, художній хронотоп.

Постановка проблеми. Художня творчість узагалі і художня література зокрема — це «особливий спосіб пізнання та освоєння дійсності (...) продукт вибору художником «ділянки дійсності» та відображення індивідуального процесу її пізнання» [7, с. 6–7]. Мова художнього твору є особливою, вона «надбудовується над природною мовою, як вторинна система» і «моделює не лише певну структуру світу, а й точку зору спостерігача» [8, с. 27, 30].

Процес освоєння художньою літературою реального історичного часу і простору, реальної історичної особи є порівняно новою темою лінгвістичних досліджень. Якщо з точки зору літературознавства жанр історичної прози і поезії вивчений достатньо глибоко, то мовознавчий аспект проблеми висвітлений лише з точки зору функціонування хронологічно маркованої лексики. Інші аспекти створення художнього часу і простору (ХЧП), зокрема, граматичні і стилістичні засоби, майже не розробляються.

Дія будь-якого літературного твору здебільшого відбувається в певному просторі й часі. Стосовно творів на історичну тематику, слід підкреслити — у **реальному** часі і просторі. Вагоме місце у створенні часо-просторового фону посідають мовностилістичні засоби, зокрема власні імена (ВІ). Беручи активну участь у реалізації авторського задуму, ВІ стають номінативно-характеристичними [4, с. 111], отже, не лише вказують на предмет мовлення, а й характеризують його [3, с. 134]. Провідну ж роль у такому характеристичному аспекті виконують ВІ заголовних персонажів (ЗП), що дають ім'я всьому художньому твору (ХТ).

Зв'язок проблеми з попередніми дослідженнями. До проблеми вивчення заголовків у ХТ зверталося багато дослідників. Розвідки проводилися на матеріалі російської, української, західноєвропейської літератури (Л. О. Белей, Ю. О. Карпенко, В. А. Кухаренко, Т. О. Пермінова, Р. У. Таїч). Проте на матеріалі українського історичного роману цей аспект сьогодні залишається майже не вивченим, хоча саме українська історична проза, поезія, драматургія є багатим джерелом досліджень у сфері мовностилістичних засобів і, зокрема, в аспекті функціонування ВІ у творах на історичну тематику.

Постановка завдань. Отже, темою пропонованої розвідки є місце і роль ВІ заголовного персонажа в жанрі історичної прози; матеріалом послужив роман відомого українського письменника Володимира Кириловича Малика «Князь Ігор» [9], що присвячений історичному походу новгород-сіверського князя Ігоря Святославича на половців весною 1885 р і є досить цікавим з т. з. функціонування власних імен заголовних персонажів у часопросторовій структурі (ЧПС) художнього контексту. Предметом нашого дослідження є особливості функціонування ВІ головного героя історичного роману, що протягом розгортання оповіді зазнає різноманітних трансформацій та переосмислень. Мета розвідки — продемонструвати роль власного імені заголовного персонажу, що є головним персонажем твору, побудові часопросторової структури і створенні художнього хронотопу.

Виклад основного матеріалу. У художньому творі власне ім'я ЗП ніколи не знаходиться осторонь від розгортання оповіді. Воно певним чином «задіяне» в лексико-семантичному полі твору й використовується автором у потрібному ракурсі. «Заголовок (і ВІ ЗП. — О. Н.) мусить бути виразним, стислим, змістовним, цікавим, легко вкладається в пам'яті читачів» [5, с. 61]. Саме таким — змістовним, стислим є ВІ-заголовок роману В. Малика «Князь Ігор», що органічно вписується автором у контекст і виконує одну з провідних текстоутворюючих функцій. Протягом розгортання оповіді заголовок-ВІ зазнає численних трансформацій, поступово нарощуючи, збагачуючи своє значення і здатність пробуджувати найрізноманітніші асоціації та уявлення. «Один і той же літературний персонаж у межах художнього тексту може іменуватися по-різному. Така здатність антропоніма залежить від того, кому він належить, хто його уживає, якими є взаємовідношення мовців та якою є мовна ситуація» [1, с. 91].

ВІ головного персонажа роману в різних варіаціях у складі словосполучень пронизує весь текст, утворюючи численні асоціації-паралелі, контрастні протиставлення, різноманітні внутрішньо текстові зв'язки. Перш за все, це ВІ-заголовок *князь Ігор*, [9, с. 36; 45; 46–2; 62; 73–2; 79–2; 81; 85; 94; 97; 103–2; 104–3; 112; 113; 149; 151–2; 152–2; 156; 164; 197; 201; 214; 231; 263; 264; 268; 274; 280; 305–2; 309; 310; 314; 318; 230; 321; 326; 327; 332–4; 333; 334–3; 344; 348; 350; 351–2; 354; 358; 371; 374–2; 379; 380; 381–2; 388–2; 392; 400; 413; 415; 422; 423; 429; 430], а також численні варіації та замітники ВІ: *князь Ігор* [9, с. 310; 318–2]; *князь Ігор Святославич* [9, с. 413]; *Ігор* [9, с. 46; 47–4; 49–2; 50–2; 51; 57–2; 58–3; 60–5; 61–2; 62–8; 63–6; 64–3; 65; 66–2; 73–3; 74–3; 75–5; 76; 82; 83–2; 85–2; 86–2; 87–2; 88–5; 89; 90–2; 91–2; 92–2; 93–4; 94–3; 95–2; 96–2; 105–2; 122; 143–2; 144–3; 145–5; 146–3; 147–4; 148–2; 149; 151; 153; 156–2; 157–3; 158–4; 160–2; 162; 163; 171–4; 172–2; 173–4; 174–3; 175–3; 178–2; 179; 180–3; 181; 199; 200–2; 201–2; 203–2; 204–2; 205–5; 206; 207–3; 208–7; 209–5; 210–3; 211–2; 212; 213–

2; 214; 215-6; 218-2; 219-2; 220; 231-4; 233-2; 234-3; 235-3; 236-2; 243-4; 244-5; 245-5; 248; 251-4; 252-2; 254-2; 255-7; 256-6; 257-4; 258-4; 259-5; 260-5; 361-3; 262-4; 263-2; 264-3; 265-2; 266; 267-5; 268-4; 270-5; 271-2; 276; 277-4; 278-6; 279-3; 280-4; 282-5; 283-5; 284-3; 285; 286-2; 288-2; 289-3; 290-4; 292-4; 293-4; 294-4; 295-3; 298-5; 299-2; 300; 301-7; 302-2; 303-5; 304-7; 305; 306-6; 307-3; 308-5; 309-3; 310-5; 311-4; 312-3; 313-5; 314-2; 315-2; 316-3; 317-6; 318-5; 319-2; 320-3; 322; 323-3; 325-2; 328; 329; 330; 322-2; 333-3; 334; 335-5; 336; 341; 344; 347; 348; 349-6; 350-3; 352-2; 354-2; 355; 358; 359; 363; 375-2; 376-2; 377; 378-2; 379-3; 380-2; 381-3; 382; 383-2; 384-2; 385-2; 386-3; 387-2; 388; 389-3; 390-6; 391; 397-2; 398; 399-6; 400-2; 401; 402-4; 403-7; 404; 405-4; 406-8; 407-4; 408-4; 409-2; 410-4; 411-2; 413-2; 414-3; 421; 422; 423-5; 424-7; 426; 427]; *Ігор Новгород-Сіверський* [9, с. 51; 121; 276]; *Ігор Сіверський* [9, с. 74; 230; 247; 297-2]; *Ігор Святославич* [9, с. 167; 410; 425]; *Ігорок* [9, с. 177]; *стрий Ігор* [9, с. 277]; *вуйко Ігор* [9, с. 401]. Номінаційний ряд доповнюють безонімні номінації (БН): *князь* [9, с. 46-3; 47; 48-2; 49-3; 50-5; 60-3; 61-4; 62-2; 73-3; 76-2; 77-2; 80; 88; 93; 94-3; 95-4; 96; 97-3; 103-4; 104-4; 105-2; 106-5; 144; 145-3; 146-2; 148-2; 152-4; 153-3; 157-2; 200; 208; 209; 216; 232; 233-4; 235-2; 255; 256; 258-2; 259-2; 260-2; 263-3; 264; 265-4; 266; 268; 270-4; 278-3; 279-3; 280-4; 282-3; 283-5; 284-5; 285; 286; 287-2; 289; 290-2; 292; 293; 294-2; 295; 298; 302-2; 303-4; 304-3; 306-2; 308-2; 309-3; 310-5; 314-2; 315-4; 316-2; 317; 323-6; 327-2; 328; 332; 349-2; 350-2; 351; 352-3; 375-4; 376-4; 377-2; 378-3; 386-6; 387-5; 389-3; 390-3; 391-3; 392-2; 395; 397; 402; 403; 405; 406; 407-3; 408; 409]; *князь Новгород-Сіверський* [9, с. 200]; *новгород-сіверський князь* [9, с. 313]; *ладо-князь* [9, с. 329]; *полонений уруський князь* [9, с. 321]; *князюшко* [9, с. 309]; *князюшко наш* [9, с. 269]; *батько* [9, с. 270]. Широко представлені також посесивні словосполучення, пов'язані з ВІ *Ігор* та БН *князь*: *Ігореві сотні* [9, с. 76]; *Ігорів гріх* [9, с. 86]; *Ігорєва мова* [9, с. 203]; *Ігорів голос* [9, с. 310; 408]; *Ігорєве обличчя* [9, с. 95; 105; 152; 219-2; 406; 407]; *Ігореві очі* [9, с. 152; 200; 291]; *Ігореві руки* [9, с. 157]; *Ігорєве серце* [9, с. 180]; *Ігореві груди* [9, с. 284]; *Ігорєва голова* [9, с. 285]; *Ігорєве плече* [9, с. 293]; *Ігорєве коліно* [9, с. 406]; *Ігорєва душа* [9, с. 283; 352]; *Ігорів батько* [9, с. 174]; *Ігорєва мати* [9, с. 179]; *Ігорєва земля* [9, с. 123]; *Ігорєве дитинство* [9, с. 176]; *Ігорєва вина* [9, с. 344]; *Ігорів полк* [9, с. 277; 279; 291; 300; 301; 305; 334]; *Ігорєве військо* [9, с. 287; 289; 299; 326]; *Ігореві вої* [9, с. 328; 412]; *Ігорів намет* [9, с. 286]; *Ігореві корогви* [9, с. 291]; *Ігореві полки* [9, с. 301; 427]; *Ігореві витязі* [9, с. 353]; *Ігорєва дружина* [9, с. 360]; *Ігореві дружини* [9, с. 424]; *Ігорів похід* [9, с. 409; 410-2; 424-3; 429]; *Ігорів золотий шолом* [9, с. 148]; *шість Ігорєвих полків* [9, с. 292]; *Ігорєва панцирна кіннота* [9, с. 302]; *Ігорів кінь* [9, с. 378]; *Ігорів слід* [9, с. 381]; *хоробрє Ігорєве гніздо* [9, с. 298]; *кожне Ігорєве слово* [9, с. 397]; *кожен Ігорів жєст* [9, с. 397]; *Ігорєва волость* [9, с. 355]; *волость Ігорєва* [9, с. 74]; *знамена Ігореві* [9, с. 334]; *племінник Ігорів* [9, с. 158]; *похід Ігорів* [9, с. 410; 425]; *подвиг Ігорів* [9, с. 425]; *рани Ігореві* [9, с. 428; 429]; *Ігорів молодший брат* [9, с. 48]; *Ігорів старший брат* [9, с. 359]; *Ігорів старший брат Олег* [9, с. 175]; *покійний Ігорів брат Олег* [9, с. 326]; *брат Ігорів* [9, с. 380; 400]; *князєвий Воронєць* [9, с. 309]; *князєві плєчі* [9, с. 353]; *князєві кулаки* [9, с. 408]. Окреме місце займають словосполучення, пов'язані із назвою визначної давньоруської літературної пам'ятки: *слово о полку Ігорєвім* [9, с. 425]; «*Слово о полку Ігорєвім*»; «*Слово про Ігорів похід*» [9, с. 429].

Уся система номінацій ЗП чітко узгоджується з текстоутворюючими критеріями роману. Як свідчить кількісний показник, найчастотнішими є компоненти ВІ ЗП *Ігор* (596), *князь* (238), *князь Ігор* (80). Кожне уживання ВІ і БН, часто у сполученні з іншими онімними засобами, закономірно вписується у контекст і узгоджується з авторською концепцією головного персонажа і цілого твору, утворюючи виразні конотації і відповідну експресію: «*Князь Ігор образив Володимир! І всю Київську землю!*» [9, с. 62]; «*І все ж єдиний шлях — до Києва! І хай розцінює князь Ігор цей вчинок, як хоче!*» [9, с. 79]; «*І не помітив ні він, ні Ярославна, як у поруб тихо вступив князь Ігор і зупинився у дверях*» [9, с. 103]; «*Як ведеться князєві переяславському Володимиру? Чи добре почуває себе Ярослав, князь чернігівський? А наш родич — князь Ігор?*» [9, с. 112]; «*А про князя Ігоря і зовсім нічого сказати, бо далеко його земля Сіверська...*» [9, с. 113]; «*... боявся, що коли-небудь доведеться здибатися з князем Ігорем*» [9, с. 149]; «*... ми трохи попатрали з князем Ігорем полувців і повертаємось додому!*» [9, с. 151]; «*На три листи князя Ігоря з проханням помиритися з сином Володимиром Ярослав відповідає коротко і сухо*» [9, с. 197]; «*Сиділи по-сімейному (...)* по один бік — князь Ярослав у голубому оксамитовому каптані, по другий бік князь Ігор з княгинєю Євфросинією» [9, с. 201]; «*... двері князєвської палати розчинилися, і з них вийшов князь Ігор у похідному військовому обладунку, княгиня Ярославна з дітьми та боярин Славута*» [9, с. 263]; «*Слава князєві Ігорю!*» [9, с. 264]; «*Прославляли князя Ігоря, княгиню Євфросинію, князя Володимира Ігорєвича*» [9, с. 268]; «*І князь Ігор, і Ждан (...) впізнали путивльського коваля Будила*» [9, с. 280]; «*Не стріляй! Це князь Ігор! — кричить щосили Будило*» [9, с. 309]; «*Ті (...) думаючи що це сам князь Ігор, розступилися*» [9, с. 321]; «*Боярин Славута помчав услід за князем Ігорем*» [9, с. 332]; «*... зараз у всьому, що скоїлося на нашій землі, князь Ігор винен*» [9, с. 344]; «*... є змога для князя Ігоря і для нас утекти!*» [9, с. 350]; «*Він уже пронюхав, що в Путивлі знаходиться*

сім'я князя Ігоря — княгиня Ярославна з дітьми, і поклявся захопити город» [9, с. 354]; «Дивіться (...) Ігор! Князь Ігор Святославич!» [9, с. 413]; «Князеві Ігорю з сім'єю було відведено почесне місце по праву руку від Святослава» [9, с. 422]; «Тож давайте вип'ємо за щасливе врятування князя Ігоря Святославича» [9, с. 423]; «... відправилися на спочинок великий князь Святослав з княгинєю Марією Васильківною, князь Ігор з сім'єю та зять Володимир Галицький» [9, с. 429]. Неповторний національний колорит у мовленні половця Чилбука створює варіант власного імені заголовного персонажу: «Князь Ігор?» [9, с. 310]; «Князь Ігор! Князь Ігор!» [9, с. 318], що цілком закономірно вписується у контекст, де йдеться про зустріч половців з Ігорем та його військом, та описова конструкція *полонений уруський князь* [9, с. 321] у контексті опису половецького стану. Отже художній контекст «актуалізує ті смислові потенції, що є закладеними у слові як одиниці, що входить до певної тематичної групи» [2, с. 373].

Окрім мікроконтексти у сполученні з ВІ ЗП утворюють чітку часопросторову парадигму: «В суботу, перед вечором, князь Ігор з князями та дружиною прибув до Путивля» [9, с. 156]; «Лише майбутнє весілля сестри Євфросинії з князем Ігорем, що сталося на початку 1170 року, стримувало від остаточного розриву» [9, с. 164]; «Прекрасне видовище являв собою в ті ранкові сонячні години 10 травня 1182 року, в п'ятницю, Ігорів полк!» [9, с. 291]; «Відколи князь Ігор пішов, вона, бідолаха, не знає ні сну, ні спочинку — ні світ ні зоря піднімається на вал і подовгу стоїть там» [9, с. 327]; «Сонячне знамення застерігало князя Ігоря і всіх нас від великої біди, але князь Ігор не зважив на нього і повів нас далі — аж на Сюрлій та Каялу (...) другого дня рано-вранці побачили, що вся сила половецька оточила нас. Почалася битва. Відразу був поранений у руку князь Ігор. Весь день і всю ніч ми пробивалися до Дінця» [9, с. 334]; «У грізну годину лихоліття, коли хоробрий, але необачний князь Ігор відчинив ворота ворогам на рідну землю, вічовим дзвоном пролунав його віщий голос, звернутий до всіх руських князів» [9, с. 430]. Онімні і зокрема антропонімічні масиви також є також є виразним показником ХЧП: «За Сулою військо розділилося навпів: Всеволод Чермний та чорні клобуки попрямували до Києва, а Ігор з братом Всеволодом повернувся на північ у Київську землю» [9, с. 73]; «Братіє, нині зібралися ми всі тут, окрім князів Володимира Переяславського, Ігоря Новгород-Сіверського, Всеволода Трубецького та Святослава Рильського» [9, с. 51]; «Всю складність і серйозність становища Ігор оцінив тоді, коли разом з князями Олегом, Святославом Рильським та ханами прискакав у Рюриків полк» [9, с. 62]; «Та коли (...) на горбах показалися дружини Ігоря, Святослава, Володимира та Всеволода Чермного, половці зрозуміли, що єдиний їх порятунок — втеча» [9, с. 65]; «... у гридниці зосталися лише свої — Ігор та Євфросинія Ярославна з дітьми, Всеволод з Ольгою Глібівною, Святослав Олегович, племінник Ігорів, та Володимир Галицький» [9, с. 158]. Отже ВІ ЗП у складі онімних масивів сприяє масштабному, панорамному зображенню історичних подій.

У створенні історичного фону автор також вдається до використання різноманітних образних засобів, зокрема відповідної експресії: експресія радості: «Князь Ігор живий! Князь Ігор з нами!» [9, с. 305]; трагічна експресія: «Страшно довгим і важким був той суботний день для Ігоревого полку» [9, с. 305]; «У неділю опівдні упали знамена Ігореві...» [9, с. 334]; «І полетять з пліч голови урусів, а передусім — голови князя Ігоря та його братії!» [9, с. 371]; «Страшні були наслідки необдуманого (...) походу князя Ігоря» [9, с. 374]; «За голову сина та зятя я вимагаю голову князя Ігоря!» [9, с. 379]; «У князя Ігоря тут залишився син — візьми, хане, його голову!» [9, с. 400]; урочиста експресія наприкінці роману, пов'язана із зверненням князя Володимира Галицького до сучасників і нащадків: «Загородіте Полю ворота своїми гострими стрілами — за землю Руську, за рани Ігореві, буйного Святославича!» [9, с. 428]; «... дозвольте, дорога братіє, мовити слово о полку Ігоревім» [9, с. 425]; «Серцем відчував, що князі захочуть мати «Слово о полку Ігоревім», а особливо Святослав»; «... твердо вивів заголовок: «Слово о полку Ігоревім, Ігоря, сина Святослава, внука Ольгова» [9, с. 429]; «... тієї ночі вилилося остаточно в карбовані рядки величне чудо — безсмертне «Слово о полку Ігоревім»» [9, с. 430]. Повторення бібліоніма — назви видатної пам'ятки давньоруської літератури — створює наприкінці твору своєрідну кульмінацію, остаточно розкриває контекстну роль заголовка і надає роману пророчого звучання. «... слово є номінативною одиницею мови, що містить найбільш високий «семантичний фонд». Слово безпосередньо пов'язане зі смислом, естетичним завданням твору» [6, с. 137].

Висновки. Таким чином, результати дослідження ВІ ЗП, його функцій і ролі у створенні художнього хронотопу в історичному романі В. Малика «Князь Ігор» демонструють його прагматичну спрямованість у контексті твору — опис походу князя Новгород-Сіверського Ігоря Святославича весною 1185 року на половців та його трагічну поразку. Водночас, заголовок у ХТ, у відповідному лексичному оточенні актуалізує свій художньо-образний потенціал, стаючи в контексті потужною, виразною конотемою. Ця подвійна спрямованість власного імені заголовного персонажу зумовлена тематикою, жанром, ідейною спрямованістю твору, що визначає певні особливості використання і функціонування оніма-заголовка, який об'єднує весь контекст у єдине й неподільне ціле.

Л і т е р а т у р а

1. Аверьянова Н. А. Английский антропоним в художественном тексте / Н. А. Аверьянова // Художественный текст : Проблемы изучения : Тезисы выступлений на совещании. — М. : АН СССР, 1990. — С. 91.
2. Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. — М. : Наука, 1976. — С. 369–451.
3. Виноградов В. С. Лексические основы перевода художественной прозы / В. С. Виноградов. — М.: Наука, 1978. — 178 с.
4. Живоглядов А. А. Имена собственные в художественном тексте / А. А. Живоглядов // Художественный текст. Структура и семантика: Межвуз. сб. науч. трудов. — Красноярск : КГПИ, 1987. — С. 111–116.
5. Кочан І. М. Лінгвістичний аналіз тексту : навч. посібник / І. М. Кочан. — 2-ге вид., перероб і доп. — К. : Знання, 2008. — 423 с.
6. Кузнецова Т. В. К вопросу о методике лексико-семантического уровня художественного текста / Т. В. Кузнецова // Художественный текст : Проблемы изучения : Тезисы выступлений на совещании. — М. : АН СССР, 1990. — С. 137.
7. Кухаренко В. А. Інтерпретація тексту : навч. посібник / В. А. Кухаренко. — Вінниця : НОВА КНИГА, 2004. — 272 с.
8. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — М. : Искусство, 1970. — 384 с.
9. Малик В. К. Князь Ігор / Володимир Малик. — Харків : Фоліо, 2014. — 476 с.

References

1. Averjanova, N. A. (1990), «The English antroponym in the belle-letter, *The belle-letter : Problems of study* [«Английский антропоним в художественном тексте», *Художественный текст : Проблемы изучения*], Nauka, Moscow, p. 91.
2. Vinogradov, V. V. (1976), «About Anna Akhmatova's poetry», *Selected works, The poetry of Russian literature* [«О поэзии Анны Ахматовой», *Избранные труды, Поэтика русской литературы*], Nauka, Moscow, pp. 369–451.
3. Vinogradov, V. S. (1978), *Lexical bases of translation of belle-letter* [Лексические основы перевода художественной прозы], Nauka, Moscow, 178 p.
4. Zhivogladov, A. A. (1987), «Proper names in the belle-letter», *The belle-letter : Structure and semantic* [«Имена собственные в художественном тексте», *Художественный текст : Структура и семантика*], Krasnoyarsk State Pedagogical Institute Press, Krasnoyarsk, pp. 111–116.
5. Kochan, I. M. (2008), *The lingual analyze of text* [Лингвистичний аналіз тексту], Znannia, Kyiv, 423 p.
6. Kuznetsova, T. V. (1990), «To the question of the method of the belle-letter' lexical-semantic standard», *The belle-letter : The problems of the study* [«К вопросу о методике лексико-семантического уровня художественного текста», *Художественный текст : Проблемы изучения*], Nauka, Moscow, p. 137.
7. Kukharenko, V. A. (2004), *Interpretation of a text* [Інтерпретація тексту], Nova knyha, Vinnitsa, 272 p.
8. Lotman, J. M. (1970), *Structure of a belle-letter* [Структура художественного текста], Iskusstvo, Moscow, 384 p.
9. Malyk, V. (2014), *Prince Igor* [Князь Ігор], Folio, Kharkov, 476 p.

НЕМИРОВСКАЯ Александра Фёдоровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии и методики преподавания специальных дисциплин Южноукраинского национального педагогического университета имени К. Д. Ушинского; ул. Старопортофранковская, 26, Одесса, 65020, Украина; тел: +38 067 9681993; 048 7060843; e-mail: layma-59@ukr.net; agnia9886@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-9638-152X

СОБСТВЕННОЕ ИМЯ ЗАГЛАВНОГО ПЕРСОНАЖА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХРОНОТОПА

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей функционирования и стилистической роли собственного имени главного персонажа (СИ ГП) исторической повести В. Малика «Князь Игорь», его роли в построении пространственно-временной парадигмы произведения. **Предмет** анализа — функциональная нагрузка, особенности употребления, стилистические коннотации, образный потенциал, вариативность компонентов заголовка. Употребление СИ ГП зависит от тематики произведения, авторского замысла, что и обуславливает функционирование конкретных вариантов заголовка. Каждое использование СИ ГП чётко продумано; оно показывает широкий спектр образных и экспрессивных трансформаций, а также тесное взаимодействие со всеми лингвистическими и экстралингвистическими факторами. **Результаты** исследования функционирования СИ ГП демонстрируют его прагматическую направленность в контексте произведения, свидетельствуя о наличии значительного коннотативного потенциала с активированным стилистическим, экспрессивным компонентом, что максимально углубляет экспрессию заголовка, его значение для создания художественного хронотопа. Основные **выводы** состоят в том, что СИ ГП выполняет текстообразующую, хронопотическую, экспрессивную, выразительную функции, способствуя раскрытию подтекста и авторской концепции.

Ключевые слова: антропоним, безоминные номинации, заглавие, имя собственное, пространственно-временная структура, художественный контекст.

Alexandra F. NIEMIROVSKAJA,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Chair of Ukrainian Philology and Methods of Teaching of Special Subjects, South-Ukrainian K. D. Ushynsky National University; 26 Staroportofrankovskaja str., Odessa, 65020, Ukraine; e-mail: layma-59@ukr.net; agnia9886@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-9638-152X

THE PROPER NAMES OF THE TITLE PERSONAGE AS MEANS OF CREATE OF THE BELLE-LETTER CHRONOTOP

Summary. The *object* of this article is the semantic feature of the title personage in the historical novel by V. Malyk «Prince Igor». The stylistic role of the proper names was analyzed also. Their role was revealed in the local and temporal structure of the literary work. In the title of any belle-letter word carries a special expressive, semantic and stylistic load plays a role of laconic lexical epicenter then figuratively and captiously conveys the meaning of the whole work. The specific of the title makes him the leading value for belle-letter context. It is the first sign of the work and the first element of removable storage space, an original thesis that is revealed in the process of reading the work. The title combines the artistic text becomes the key to its interpretation. Using of the proper name of the title personage depends on the themes of the work, on the artist's intention. This is a cause of the functioning of concrete variants of title. Author thinks out care every using of the title. It demonstrated the large spectrum of figurative and expressive transformations and close cooperation with all linguistic and extralinguistic factors. The *result* of the study of functioning of title personage's proper name establishes about its pragmatic orientation and great connotative potential, which contains activate stylistic and expressive component. That extends expression of the title, its importance for create the artistic chronotope. The *main findings* of the research are that the proper name of title personage performs text-forming, chronotopic (time and space showing), characterizing, and expressive functions, which facilitate revealing the general met message and the artist's intention of the text.

Key words: antroponym, appellative nominations, proper names, title, artistic context, local and temporal structure.

Статтю отримано 16.05.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107890>

УДК 811.111'373.2

ПОЛЯНИЧКО Олеся Дмитрівна,

аспірант кафедри граматики англійської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 067 7860843; e-mail: kella89@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0001-6262-241X

ОСОБЛИВОСТІ ФУНКЦІОНУВАННЯ КОСМОПОЕТОНІМІВ У ХУДОЖНЬОМУ МОВЛЕННІ

Анотація. Статтю присвячено дослідженню англомовних художньо-літературних власних назв на позначення природних небесних об'єктів — космопоетонімів. *Метою* статті є встановлення особливостей функціонування космопоетонімів у художньому мовленні. *Об'єктом* дослідження було обрано англомовні космоніми, *предметом* — їх номінативно-денотатна класифікація. *Матеріалом* дослідження послуговували космоніми роману Д. Адамса «The Hitchhiker's Guide to the Galaxy» («Автостопом по Галактиці») загальною кількістю 63 одиниці. У досліджуваному літературному творі було виокремлено такі космопоетоніми: планетопоетоніми — власні назви планет, які було вжито в літературному творі (загальна кількість — 39); астропоетоніми — власні назви зірок (загальна кількість — 13 одиниць); галактикопоетоніми — власні назви галактик у художньому мовленні (загальна кількість — 5 од.), а також туманностей (2 од.); констелопоетоніми — власні назви сузір'їв (загальна кількість — 3 од.); сателітонім, який слід термінувати сателітопоетонім — літературно-художня власна назва супутника (загальна кількість — 1). **Висновки.** Значна частина космонімичного сектору аналізованого твору є відбитком умовної номінованості представників інших світів, що становить 55,55 %. Це контрастує з власне земною космонімією, яка складає 23,8 %. Таким чином, космопоетоніми відіграють важливу роль у структурі художнього твору, з їхньою допомогою авторів вдається створити автентичний фантастичний світ. *Перспективи подальших розвідок* вбачаємо у вивченні функціонування космопоетонімії на широкому англомовному науково-фантастичному матеріалі з долученням їх денотатно-квалітативної класифікації.

Ключові слова: літературна ономастика, поетонімосфера, космопоетонім, планетопоетонім, астропоетонім, галактикопоетонім, констелопоетонім, сателітопоетонім.

Постановка проблеми. Дослідження пропріативів в останні десятиріччя характеризуються багатовекторністю, яка призводить до постійного розширення обсягу об'єкта наукового зацікавлення ономотологів різних країн. Традиційно в фокусі багатьох ономастичних розвідок знаходяться ядерні розряди власних назв — топоніми, антропоніми, останнім часом до центральних секторів онімичного поля почали відносити також ергоніми. Беззаперечною периферією онімичного поля залишаються космоніми, хоча багато видатних ономотологів спрямовували свої наукові зусилля на встановлення мовної природи, особливостей структури, семантики й функціонування космонімів у мовленні [2; 6;

9; 8; 14 та ін.]. Проте, у дослідженні англійських художньо-літературних власних назв на позначення природних небесних об'єктів спостерігається певна лакунарність, що робить цю розвідку актуальною. До того, вона є актуальною не лише для англійського художнього мовлення, а й для будь-якої мови взагалі, що підкреслюється виданням 2016 року «Українське небо 2. Студії над історією астрономії в Україні» [12], де, зокрема, видано «Назви зоряного неба» Ю. О. Карпенка. Перший випуск [11] вийшов з друку в 2014 р. До його складу увійшла праця І. Процик «Словник власних астрономічних назв української мови», яка презентує 25 словникових статей відповідно до кількості українських астрономів, які мають лінгвокраїнознавчий потенціал.

Постановка завдання. Метою статті є встановлення особливостей функціонування космопоетонімів у художньому мовленні. **Об'єктом** дослідження було обрано англійські космоніми, **предметом** — їх номінативно-денотатна класифікація. **Матеріалом** дослідження послуговували космоніми роману Д. Адамса «The Hitchhiker's Guide to the Galaxy» загальною кількістю 63 одиниці. Започаткований у 1978 р. як комедійне радіо-шоу, пізніше цей роман було видано (1979). Також було створено телевізійний серіал, комп'ютерну гру та кінофільм за цим романом, тобто «The Hitchhiker's Guide to the Galaxy» перетворився на мультимедійний феномен, а власне роман перекладено більш ніж на 30 мов світу.

Зв'язок проблеми з попередніми дослідженнями. У цьому дослідженні ми опікуємося загальними питаннями функціонування космонімів у художньому тексті, передусім, їх, так би мовити, репертуаром. М. М. Торчинський розділяє денотатно-характеристичну типологію онімів на дві частини: денотатно-номінативну й денотатно-квалітаивну класифікації власних назв, — перша з яких «пов'язана з характеристикою пропріальних одиниць за типом іменованих об'єктів. Кожен із них, звичайно, вже має загальну назву і водночас може бути додатково номінований саме за допомогою власної» [10, с. 40]. Що стосується другої частини, то денотатно-квалітаивна типологія пропріативів «пов'язана з якісними ознаками іменованих об'єктів, зокрема їхніми біологічними властивостями, реальністю їх існування, опозицією «макро-мезі-мікро» і кількістю номінованих об'єктів; завершує такий аналіз власних назв екстралінгвальна інформація про денотат» [10, с. 41]. Тож, у пропонованій розвідці увагу передусім приділено денотатно-номінативній класифікації космопоетонімів, причому цей термін поряд з вітопоетонімами, топопоетонімами, прагмапоетонімами, ідеопоетонімами й ергопоетонімами ми розуміємо як «засвідчені в художньому мовленні власні назви відповідно живих істот, географічних і космічних об'єктів, денотатів, співвідносних з матеріальною й ідеальною сферами діяльності, та людських колективів» [10, с. 135–136].

Космопоетоніми є невід'ємною частиною поетонімосфери, яка є специфічним конструктом художнього твору, складноорганізованої структури, в якій різнорівневі компоненти інтегруються й породжують якісно нове утворення [1]. Як було встановлено, ідеальна поетонімосфера має складатися з десяти секторів згідно з існуючими розрядами власних назв [7, с. 54–55]. Ми ж зосереджуємо увагу лише на космонімічному секторі поетонімосфери роману Д. Адамса, до якого долучаються 63 космопоетоніми.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Увагу оніматологів сучасності привертають, крім інших пропріативів, також і космопоетоніми. Так, ці власні назви досліджуються на матеріалі українських фантастичних художніх творів Л. С. Кушлак [3; 4; 5]. Значний внесок до вивчення художньої космонімії зробила Л. Ф. Фомина [13], яка дослідила особливості функціонування космопоетонімів у поезіях М. Цветаєвої, а також у творах К. Паустовського й І. Буніна.

Виклад основного матеріалу. Серед космопоетонімів М. М. Торчинський виділяє дві групи власних назв [10, с. 139]: космоорбітопоетоніми й галактикопоетоніми, які визначено як ужиті в літературному творі космоорбітоніми — «власні назви цілих космічних об'єктів, що рухаються за певними законами», та галактиконіми — «власні назви галактик і туманностей» [10, с. 111]. Проте денотатно-номінативна класифікація космонімів М. М. Торчинського є більш детальною стосовно реальних, а не літературно-художніх власних назв зоряного неба [див.: 10, с. 111–114], куди він також включає космопоніми, полікосмоорбітоніми, монокосмоорбітоніми та ін.

У досліджуваному літературному творі було виокремлено такі космопоетоніми:

1) планетопоетоніми — власні назви планет, які було вжито в літературному творі (загальна кількість — 39): *The Earth, Betelgeuse, Damogran, Vogosphere, Eroticon 6, Magrathea, Soulianis, Rahm, Atlantis, Maximegalon, Ograloon, Vortex, Sirius, Santraginus 5, Kakrafoon, Han Wavel, Krikkit, Effa, Striterax, Dalforsas, Preliumtarn, QQQ 7 Active J Gamma, Census, Mars, Venus, Sesefras Magna, Brequinda, Golgrafrincham, Planet of Preliumtarn, Frastra, Pluto, Persephone, Neptune, The planet of Now What, Stavromula Beta 4, Lamuella, Grebulons, Planet Ten*. Як видно з фактичного матеріалу, узуальні назви планет вживаються одночасно з оказіональними й екзотичними космонімами. Ступінь екзотичності цих космопоетонімів відрізняється, поряд з надзвичайно малозрозумілою назвою *QQQ 7 Active J Gamma* зустрічаємо онім *The planet of Now What*, який створено з узуальних компонентів, але його значення не стає від того зрозумілішим, тому автор надає до цього пояснення: «*The planet of Now What had been named after the opening words of the first settlers to arrive there after struggling across light years of space to reach the furthest unexplored outreaches of the Galaxy. The main town was called Oh Wel*» [15, с. 527];

2) астропоетоніми — власні назви зірок (загальна кількість — 13): *Sol, Barnard's star, Alpha Proxima, Alpha Centauri, The Frogstar, The Frogstar World A, The Frogstar World B, The*

Frogstar World C, Ysllodins, The Pole Star, Zondostina, Xaxis, The Sun. Серед астропоетонімів знаходимо узуальні космоніми на кшталт *Alpha Centauri* чи *The Sun*, а також оказіональні власні назви, які мають різний ступінь екзотичності. Найнезвичніші іменування зірок супроводжуються поясненнями, наприклад: *Ysllodins* — «*the star around which most of the Galaxy's major insurance underwriters live, or rather lived*» [15, с. 247]; *Zondostina* — «*The star the size of a brilliant biscuit crumb he could see in the distance was Zondostina, or as it was known on the world from which the rather stilted, sing-song voice was being received, Pleiades Zeta*» [15, с. 386];

3) **галактикопоетоніми** — власні назви галактик у художньому мовленні (загальна кількість — 5), а також туманностей (2 одиниці): *The Imperial Galaxy, Bostablon, Galactic Sector ZZ 9 Plural Z Alpha, The Western Galaxy, Eezeereed; The Horsehead Nebula, The Axel Nebular*;

4) **констеллопоетоніми** — власні назви сузір'їв (загальна кількість — 3): *Virgo, Capricorn, Ursa Minor*. Ці оніми є узуальними, широковідомими назвами;

5) **сателітопоетонім**, який слід термінувати **сателітопоетонім** — літературно-художня власна назва супутника: *The Moon*.

Через жанрову спрямованість аналізованого твору та, особливо, його тематику бачимо надзвичайно високий ступінь насиченості космонімічного сектору поетонімосфери роману. З одного боку, космопоетоніми номінують звичний світ людей, який було знищено за сюжетом твору. Сюди відносяться узуальні планетопоетоніми, астропоетоніми, констеллопоетоніми й сателітопоетонім. Інший підсектор, значно обсяжніший, охоплює інші світи, причому космопоетоніми, які до нього входять, можна розподілити на два класи: створені людьми чи нелюдьми, що відбивається у використанні в цих онімах узуальних компонентів. Співвідношення зазначених підгруп можна унаочнити в наступній таблиці:

Таблиця 1

Співвідношення космопоетонімів, створених різними расами

	Номіновано людьми	Номіновано переселенцями	Номіновано представниками інших світів	Загальна кількість
планетопоетоніми	7	5	27	39
астропоетоніми	4	6	3	13
галактикопоетоніми	—	2	5	7
констеллопоетоніми	3	—	—	3
сателітопоетоніми	1	—	—	1
усього	15	13	35	63

Висновки. Стає зрозумілим, що значна доля космонімічного сектору аналізованого твору є відбитком умовної номінованості представників інших світів, що становить 55,55 %. Це контрастує із власне земною космонімією, яка складає 23,8 %. Таким чином, ми краще розуміємо важливу роль, яку відіграють космопоетоніми в тканині художнього твору, а авторів вдається створити автентичний фантастичний світ.

Перспективи подальших розвідок вбачаємо у вивченні функціонування космопоетонімії на широкому англословному науково-фантастичному матеріалі із залученням їх денотатно-квалітативної класифікації.

Л і т е р а т у р а

1. Буевская М. В. Поэтонимосфера художественного текста : [монография] / М. В. Буевская. — К. : ИД Дм. Бураго, 2012. — 286 с.
2. Карпенко Ю. А. Названия звёздного неба. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Либроком, 2010. — 184 с.
3. Кушляк Л. Власні назви у фантастичному романі Олега і Валентина Авраменків «Жменя вічності» [Електронний ресурс] / Л. Кушляк // Режим доступу : <http://elar.khnu.km.ua/jspui/handle/123456789/4928>
4. Кушляк Л. Власні назви у фантастичній повісті Олеса Бердника «Поza часом і простором» [Електронний ресурс] / Людмила Кушляк // Режим доступу : <http://elar.khnu.km.ua/jspui/handle/123456789/4928>
5. Кушляк Л. Власні назви у фантастичній повісті Володимира Владка «Фіолетова загибель» [Електронний ресурс] / Людмила Кушляк // Режим доступу : <http://journal.kdpu.edu.ua/filstd/article/view/602>
6. Рут М. Э. Русская народная астрономия / М. Э. Рут. — Свердловск, 1987. — 265 с.
7. Серебрякова В. В. Концептуалізація поетонімосфери циклу романів С. Мейер «Сутінки» : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / В. В. Серебрякова. — Одеса, 2016. — 178 с.
8. Стафеева О. В. Естественнаучное и филологическое знание как объект лингвистической категоризации : Космонимы «Солнце» и «Луна» в контексте языка и культуры : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / О. В. Стафеева. — М., 2003. — 174 с.
9. Торчинський М. М. Власні назви космічних об'єктів / М. М. Торчинський // Мовні і концептуальні картини світу : [зб. наук. праць]. — К. : ВПЦ «Київський університет», 2008. — Вип. 24. — Ч. 3. — С. 311–315.
10. Торчинський М. М. Структура, типологія і функціонування онімної лексики української мови : дис. ... докт. філол. наук : 10.02.01 / Михайло Миколайович Торчинський. — К., 2010. — 502 с.
11. Українське небо. Студії над історією астрономії в Україні [Електронний ресурс]. — Режим доступу : http://www.iarpm.lviv.ua/12/ ukr_sky/ ukr_sky-1/index.html

12. *Українське небо 2*. Студії над історією астрономії в Україні. — Львів : Ін-т прикладних проблем механіки і математики, 2016. — 669 с.
13. *Фомина Л. Ф.* Тайный смысл их царственных имён / Л. Ф. Фомина. — Одесса : Астропринт, 2015. — 166 с.
14. *Allen R. H.* *Star Names. Their Lore and Meaning* / R. H. Allen. — New York : Dover Publications, 1963. — 563 p.
15. *Adams D.* *The Hitchhiker's Guide to the Galaxy* [Електронний ресурс] / D. Adams // URL : http://www.ebooktrove.com/top_ten/Douglas_Adams_The_Hitchhiker_Triology_5Books1ShortStory.pdf

References

1. Buevskaya, M. V. (2012), *Poetonymic sphere of art text [Poetonimosfera khudozhestvennogo teksta]*, Dmitry Burago Publishing House, Kiev, 286 p.
2. Karpenko, Yu. A. (2010), *Titles of starry sky [Nazvaniya zvezdnogo neba]*, Librocom, Moscow, 184 p.
3. Kushlak, L. A. (2011), «Proper names in fiction novel «Handful of eternity» by Oleg and Valentin Avramenko» [«Vlasni nazvy u fantastychnomu romani Olega i Valentyna Avramenkiv «Zhmenja vichnosti»»], available at : <http://elar.khnu.km.ua/jspui/handle/>.
4. Kushlak, L. (2011), «Proper names in the fantastic story «Beyond time and space» by Oles Berdnyk» [«Vlasni nazvy u fantastychnij povisti Olesja Berdnyka «Poza chasom i prostorom»»], available at : // <http://elar.khnu.km.ua/jspui/handle/>.
5. Kushlak, L. (2011), «Own titles in the fantastic story «Purple death» by Volodymyr Vladko» [«Vlasni nazvy u fantastychnij povisti Volodymyra Vladka «Fioletova zagybel'»»], available at : <http://journal.kdpu.edu.ua/filstd/article/view/602>.
6. Ruth, M. E. (1987), *Russian folk astronomy [Russkaja narodnaja astronomija]*, Sverdlovsk, 265 p.
7. Serebryakova, V. V. (2016), *Conceptualization of poetonymic sphere in a series of novels «Twilight» by S. Meyer : Thesis [Konceptualizacija poetonimosfery cyklu romaniv S. Mejer «Sutinky» : dys. ... kand. filol. nauk : 10.02.04]*, Odessa, 178 p.
8. Stafeeva, O. V. (2003), *Natural and philological knowledge as an object of linguistic categorization : Kosmonyms «the Sun» and «the Moon» in the context of language and culture : Thesis [Estestvennonauchnoe i filologicheskoe znanie kak objekt lingvisticheskoj kategorizacii : Kosmonimy «Solnce» i «Luna» v kontekste jazyka i kul'tury : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04]*, Moscow, 174 p.
9. Torchynskij, M. M. (2008), «Proper names of space objects», *Language and conceptual world view [«Vlasni nazvy kosmichnykh ob'ektiv», Movi i konceptual'ni kartyny svitu]*, Kyiv University, Kyiv, vol. 24, # 3, pp. 311–315.
10. Torchynskij, M. M. (2010), *Structure Typology and Functioning of Personal Names in the Ukrainian Language, Thesis [Struktura, tipologija i funkcionuvannja onimnoi' leksyky ukrai'ns'koi' movy : dys. ... dokt. filol. nauk : 10.02.01]*, Kyiv National University, Kyiv, 502 p.
11. «Ukrainian sky. Studies on the history of astronomy in Ukraine», (2015), [«Ukrai'ns'ke nebo : Studii' nad istorijeju astronomii' v Ukrai'ni»], available at: http://www.iapmm.lviv.ua/12/ukr_sky/ukr_sky-1/index.html
12. «Ukrainian sky 2. Studies on the history of astronomy in Ukraine», (2016), [«Ukrai'ns'ke nebo 2, Studii' nad istorijeju astronomii' v Ukrai'ni»], Institute of Applied Problems of Mechanics and Mathematics, Lviv, 669 p.
13. Fomina, L. F. (2015), *The secret meaning of their royal names [Tajnyj smysl ikh carstvennykh imen]*, Astroprint, Odessa, 166 p.
14. Allen, R. H. (1963), *Star Names. Their Lore and Meaning*, Dover Publications, New York, 563 p.
15. Adams, D. (2001), «The Hitchhiker's Guide to the Galaxy», available at : http://www.ebooktrove.com/top_ten/Douglas_Adams_The_Hitchhiker_Triology_5Books_1ShortStory.pdf

ПОЛЯНИЧКО Олеся Дмитриевна,

аспирант кафедры грамматики английского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; тел.: +38 067 7860843; e-mail: kella89@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0001-6262-241X

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОСМОПОЭТОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию англоязычных художественно-литературных имён, обозначающих естественные небесные объекты — космопоэтонимы. **Цель** данной статьи — установить особенности функционирования космопоэтонимов в художественной речи. **Объектом** исследования были выбраны англоязычные космонимы, **предметом** — их номинативно-денотатная классификация. **Материалом** исследования послужили космонимы романа Д. Адамса «The Hitchhiker's Guide to the Galaxy» («Автостопом по Галактике») общим количеством 63 единицы. Среди космопоэтонимов в исследуемом романе были выделены: планетопоэтонимы — имена планет (общее количество — 39); астропоэтонимы — имена звёзд (13); галактикопоэтонимы — имена галактик (5) и туманностей (2) в художественной речи; констеллопоэтонимы — имена созвездий (3); сателитоним, который следует терминологически как сателитопоэтоним — литературно-художественное собственное имя спутника (1). **Выводы.** Становится понятным, что значительная часть космонимичного сектора (в представлении автора) отражает условное номинотворчество представителей других миров (55,55 % единиц). Эти космонимы контрастируют с собственно земной космонимией, составляющей в романе 23,8 %. Таким образом, космопоэтонимы играют важную роль в структуре художественного произведения, с их помощью автору удаётся создать аутентичный фантастический мир. **Перспективы дальнейших исследований** направлены на изучение функционирования космопоэтонимии на широком англоязычном научно-фантастическом материале с расширением её денотатно-квалитативной классификации.

Ключевые слова: литературная ономастика, поэтонимосфера, космопоэтоним, планетопоэтоним, астропоэтоним, галактикопоэтоним, констеллопоэтоним, сателитопоэтоним.

Olesya D. POLYANYCHKO,

PhD student of English Grammar Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26 Francuzskiy blvd., Odessa, 65058, Ukraine; tel.: +38 067 7860843; e-mail: kella89@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0001-6262-241X

PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF COSMOPOETONYMS IN ARTISTIC SPEECH

Summary. The article studies the English artistic and literary proper names to denote natural celestial objects — cosmopoetonyms. The *purpose* of this paper is the establishment of the functioning of cosmopoetonyms in artistic speech. As the *object* of study English cosmopoetonyms were chosen, as the *subject* — their nominative-denotative classification. As the research *materials* cosmopoetonyms of D. Adams' novel «The Hitchhiker's Guide to the Galaxy» serve, total amount of 63 units. In the studied literary work such cosmopoetonyms were singled out: planetopoetonyms — proper names of planets (total — 39); astropoetonyms — proper names of stars (the total amount — 13); galactopoetonyms — the names of galaxies in artistic speech (5) and nebulae (2); constelopoetonyms — proper names of constellations (3); satelitonym that should be termed as satelitopoetonym — literary and artistic proper name of the satellite (1). **Conclusions.** It becomes clear that much of the cosmopoetonymic sector of the analyzed work is a reflection of alleged name creation of the literary representatives of other worlds, that is 55.55 %, which contrasts with the Earth cosmonyms, which constitute 23.8 %. So cosmopoetonyms play an important role in the structure of the artistic work, they help the author to create the authentic fantasy world. **Prospects for further research** suggest the study of cosmopoetonyms on a wide English-language sci-fi material with the special attention given to the denotative-qualitative classification.

Key words: literary onomastics, poetonymic sphere, cosmopoetonym, planetopoetonym, astropoetonym, galactopoetonym, constelopoetonym, satelitopoetonym.

Статтю отримано 6.12.2016 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107949>

УДК [811.161.1+811.111]'27'373.45«15/18»

СТЕПАНОВ Евгений Николаевич,

доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; тел. : +38 (048) 7762277; e-mail: rus_lang@onu.edu.ua; ORCID ID: 0000-0002-5441-9822; SPIN-code: 8665-0882

ЛЮ Цзин (刘静),

магистрант кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; тел. : +86 1305387899; e-mail: liujing365@hotmail.com; ORCID ID: 0000-0001-5259-0899

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В РУССКИЙ В ПЕРИОД ДО XX ВЕКА

Аннотация. *Цель* статьи — установить социально-культурные основания процесса заимствования лексических единиц из английского языка в русский в XVI–XIX веках. *Объект* исследования — лексические англицизмы, заимствованные русским языком до XX века. *Предмет* изучения — причины этих заимствований и их освоения в русском языке. *Материалом* для исследования послужили около 300 лексем, извлечённых из словарей. При исследовании материала были использованы социолингвистический, описательный, количественный *методы*, а также методы семантического и прагматического анализа. В *результате* научной работы были выявлены группы англицизмов, появившихся в русском языке до XX века, установлены причины появления многих из них в разные эпохи русско-английских языковых контактов. Авторы пришли к следующим *выводам*. Лексические заимствования из английского языка в русский до начала XVIII века носили эпизодический характер. Это были безэквивалентные для российского общества той эпохи слова, которые называли специфические социальные, культурные, политические, исторические реалии Англии. В XVIII веке в русском языке наметились контуры системы лексических заимствований из английского языка. Кроме страноведческих заимствований, появились англицизмы, именующие новые для русского социума той эпохи понятия кораблестроительного, судоводительского, метрологического, военного дискурсов, режиссуры — социально-политического и инновационно-технологического. В этих сферах Великобритания имела ряд особенностей. Они стали причиной заимствований в русский язык. В XIX веке в русском языке сформировалась полноценная система лексических англицизмов, на основе которой можно определить систему социально-культурных достижений Великобритании и других англоязычных стран. Во внедрении этих достижений российское общество испытывало потребность. Особо ценными были успехи в области кораблестроения, судовождения, портового хозяйства, науки, промышленности, экономической и финансовой деятельности, торговли и предпринимательства. Важным стал также опыт социальных и гуманитарных исследований, политический опыт Великобритании и США. В России успешно внедрялся спорт и другие формы

активного отдыха англичан, русские увлекались изучением этнокультур, флоры и фауны колонизированных Великобританией земель.

Ключевые слова: англицизм, система лексических заимствований, социально-культурная причина, русско-английские языковые контакты, XVIII век, XIX век.

Постановка проблемы. Англо-русские языковые контакты имеют длительную историю. Начало их относится к XVI веку и связано с развитием торговых и дипломатических отношений между Московским государством и Англией [3, с. 15]. История взаимоотношений и лингвистических контактов России с Великобританией и другими англоязычными странами свидетельствует о неразрывной связи истории языка с историей общества, даёт богатый материал для исследования проблем общего и сопоставительного языкознания, переводоведения, социолингвистики. Англицизмы в современном словаре русского языка представляют разные тематические и лексико-семантические группы, однако каждый из них был освоен русским языком в связи с определёнными причинами как экстралингвального, так и внутриязыкового характера. Исследователи, отмечая этот факт, обычно перечисляют общие причины процесса заимствования, которые, как правило, универсальны и вполне отражают процессы заимствования в русский язык лексических единиц из других языков [напр.: 8; 7; 11]. В этом случае одно исследование похоже на другое: представлена универсальная причинная рамка, под которую подыскиваются примеры. Однако каждый процесс заимствования лексического материала одним языком из другого имеет свою специфику, тем более, если этот процесс длительный. Эта сторона обогащения одного языка за счёт другого обычно исследована неполно и нуждается в уточнениях, а часто и в новых подходах. Не является исключением и процесс заимствования английской лексики в русский язык.

Связь с предыдущими исследованиями. Наибольших успехов лингвисты достигли в лексикографической работе по фиксации англицизмов и их семантизации, а также в определении их этимологии. Имеются работы, в которых дана периодизация этапов процесса заимствования английских слов русским языком, частично анализируются причины этого процесса. Однако большинство этих работ касается англицизмов, попавших в русский язык в XX–XXI вв., когда английский язык стал социально мелиоративным языком в Европе и языком, активно сопровождающим глобализационные процессы нашего времени, заменив в этих функциях французский язык. Анализ английских заимствований прошлых эпох и обусловивших эти заимствования процессов представлен в работах В. М. Аристовой, С. А. Беляевой, М. А. Брейтер, В. Г. Демьянова, Ю. Т. Листровой-Правды [2; 3; 5; 6; 9]. В наше время большое внимание в исследовании английских лексических заимствований уделяется функционально-коммуникативному аспекту англицизмов в разных сферах: СМИ, художественных текстах, официально-деловых документах, разговорной речи и просторечии [напр.: 1; 4; 9; 10; 14]. Заимствования из английского языка занимают значительное место в словарном составе русского языка.

Постановка задач. Целью данной работы является определение социально-культурных оснований процесса заимствования лексических единиц из английского языка в русский в XVI–XIX веках. Объект исследования — лексические англицизмы, заимствованные русским языком до XX века. Предмет изучения — причины этих заимствований и их освоения в русском языке. Материалом для исследования послужили около 300 лексем, извлечённых из нескольких словарей русского языка [напр.: 15; 17]. При исследовании материала были использованы процедуры описательного, социолингвистического, количественного методов, методов семантического и прагматического анализа.

Изложение основного материала. Обычно в языкознании выделяют внешние и внутренние причины заимствований. К внешним, внеязыковым (экстралингвальным) причинам заимствования слов одного языка другим относят наличие тесных **политических, экономических и культурных** связей между народами — носителями контактирующих языков. Лексика в наибольшей степени открыта внешним влияниям. В ней отражаются все социальные изменения, происходящие в жизни языкового коллектива. Интенсификация или ослабление связей между двумя народами отражается на процессах расширения или, соответственно, сужения процесса лексического заимствования. Интенсивное заимствование возможно также под влиянием политического или культурного фактора, когда роль страны и языка, на котором в ней говорят, высока в регионе и мире, когда язык обладает свойством социальной мелиоративности. В XVIII–XIX вв. в европейских государствах, в том числе в России, социально мелиоративным был, в основном, французский язык. Однако с середины XX века лидерские позиции в Европе и мире как социально мелиоративный, то есть важный для международных отношений разного рода: экономических, культурных, образовательных и других — захватил английский язык. В этот период широко распространились в русском и других языках мира не только англицизмы, но и американизмы типа *Интернет, бестселлер, комикс, хэппи-энд, вэу!* и многие другие.

Чаще всего слово и обозначаемое им понятие заимствуется одновременно. Однако иногда в язык проникают дублеты, с помощью которых предметы и явления, имеющие исконные наименования, получают новые названия. При этом в языке развивается процесс устранения дублетности путём семантической и стилистической дифференциации синонимических пар. Например, в разное время возникшие дублеты *нефтеналивное судно и танкер, лодка и шлюпка, сало и бекон, ввоз и импорт,*

ограничивать и *лимитировать*, *скоморох* и *клоун*, *кулачный бой* и *бокс*, *вратарь* и *голкипер*, *подъёмник* и *лифт*, *тепловоз* и *локомотив*, *накидка* и *плед*, *повидло* и *джем*, многие другие различаются ситуацией и стилем использования, имея при этом разные коннотативные структуры. Со временем за некоторыми из дублетов закрепились денотативные различия. Так, если *нефтеналивное судно* и *танкер* в русском тексте обычно являются синонимами, *ввоз* и *импорт* могут иметь стилистические, а *кулачный бой* и *бокс* ситуативные ограничения, то *сало* и *бекон* фактически имеют разные семантические структуры. Обычно русские рассматривают слово *сало* как гипероним по отношению к слову *бекон*, то есть *бекон* мыслится как особая разновидность *сала*, а именно: *бекон* воспринимается как «сало с прожилками мяса», поскольку обычное *сало* представляется как продукт белого цвета без мясных прожилок.

Если заимствованное слово закрепляется в русском языке как очень близкое по значению уже существующему, но фиксирующее смысловые отличия, причина заимствования рассматривается как внутренняя (собственно языковая): отсутствие однословного обозначения существующей реалии либо многозначность исконного слова. В этом случае смысловая структура имеющегося в языке слова упрощается. Заимствование удовлетворяет потребность говорящих в уточнении, детализации понятия, разграничении его смысловых оттенков. Например, исконное русское существительное *щёголь* в МАС толкуется как «тот, кто нарядно, изысканно одет, кто любит наряжаться; франт» [16, т. 4, с. 739]. В русском языке это слово не имеет социально-исторического подтекста. В речевой ситуации используется, как правило, для отрицательной оценки мужчины. Соответствующий ему англицизм *денди* (< англ. *dandy*), появившийся в русской речи в конце XVIII — начале XIX в., имел в английском обществе не только культурный, но и социальный подтекст. В этот период средний класс (буржуазия, интеллигенция) стал в обществе весьма социально значимым. Через эстетику внешнего вида и поведения, изысканность манер и речи представители среднего класса стремились утвердить свою роль в обществе, уравнивать её с ролью аристократии. Именно по этой причине сформировался социально-культурный тип *денди*. К сожалению, ни в МАС, ни в словаре Л. П. Крысина эта денотативная особенность не отражена («изысканно и модно одетый светский человек; щёголь; франт» [16, т. 1, с. 386]; «щёголь, *франт* (первонач. изысканно одетый светский человек)» [15, с. 216]), хотя слово заимствовалось именно с ней. Да и сегодня такой отрицательной оценки, как слово *щёголь*, лексема *денди* не передаёт. В некоторых контекстах может содержаться ирония, однако чаще всего *денди* — модно, с иголочки одетый мужчина, его одежда его украшает, но не делает посмешищем, в то время как *щёголь* — мужчина, одетый нарочито модно, часто вызывающе или смешно, пёстро, с шиком, без учёта индивидуального стиля. Считаем, что в словаре Крысина отождествление *денди* с *щёголем* и *франтом* несправедливо вынесено на первый план. Опрос в 2016 г. 50 русскоговорящих информантов-одесситов разного возраста и пола показал, что первые варианты толкования слова *денди* у 76 % опрошенных (38 чел.) имели положительные коннотации одобрения, красоты, художественного вкуса, талантливости, стильности, усердия.

Таким образом, уже существующее в русском языке слово и заимствованное из английского делают сферы своего семантического влияния, причём эти сферы могут в большей или меньшей степени пересекаться, но никогда не совпадают полностью [11].

До XX века можно выделить 3 социально и культурно обусловленных исторических этапа в процессе заимствования английских лексем русским языком. Первый период — допетровский. Он начался при царе Иване Грозном в 1553 г. и характеризовался слабым влиянием английского языка на русский, так как использование английского языка ограничивалось дипломатической и торговой сферами. Второй период — Петровская эпоха (1690-е — 1725 гг.). В это время значительное число англицизмов стало использоваться в русском языке, так как этот период характеризуется усилением и расширением связей России со всеми европейскими государствами, в том числе и с Великобританией. В лингвистическом отношении этот период считается началом письменных контактов. Подтверждением письменного проникновения английских слов в русский язык является неупрощённая структура английских сложных слов в письмах и документах Петра I и его сподвижников, а также русская транслитерация и транскрипция некоторых английских слов на письме. Третий период (конец XVIII—XIX вв.) — это период наибольшей интенсификации англо-русских отношений (особенно в 1820–1870-е годы). Характерной чертой этого периода является появление англо-русского устного и письменного (книжного) билингвизма в России, игравшего существенную роль в судьбе английских слов в русском языке XVIII–XIX вв. В этот период в русский язык вошло много англицизмов научной, промышленной, экономической, политической, культурной сфер использования.

Дипломатические и торговые связи России и Англии в XVI в., инициированные Иваном Грозным, были весьма ограниченными. Документы, в которых встречались англицизмы, касались официально-дипломатического подстиля. Обнаружить общеупотребительные англицизмы в русском языке того времени проблематично. Можно предположить, что одним из таких слов могло быть *бедлам* (< *Bedlam* < *Bathlehem*), имеющее сегодня синонимичные значения «беспорядок», «неразбериха», «хаос». Эти метафорические значения появились в английском языке в эпоху средневековья от неофициального названия *Госпиталя Святой Марии Вифлеемской (Бедлам)* в Лондоне, основанного

в XIII в. Сегодня это Бетлемская королевская больница (Bethlem Royal Hospital), которая с 1547 г. работает как психиатрическая лечебница.

В XVI в. в России ещё продолжалась эпоха широкого распространения греческих заимствований в книжном стиле и тюркских — в разговорной речи. Об активном тюркском влиянии на бытовой дискурс свидетельствует появление и широкое распространение в русской речи той поры паремий с тюркизмами, а иногда с иранизмами и арабизмами, заимствованными через посредничество тюркских языков [12; 13]. В XVII в. предпринимались попытки развивать науку на Руси, поэтому в русский язык через переводные учебники и руководства заимствовались некоторые термины. Однако наиболее успешным можно считать освоение русским языком некоторых слов, называвших отдельные понятия политического, социального и финансового устройства Великобритании. Например, *билль* (< bill) — «законодательный акт» либо «законопроект»; *вердикт* (< verdict < лат. vere dictum, букв. верно сказанное) — «решение присяжных заседателей в судебном процессе по вопросу о виновности или невиновности подсудимого» [15, с. 145]; *лорд* (< lord < др.-англ. *hlāford, букв. хранитель хлеба) — «в Великобритании высший дворянский наследственный титул...» [15, с. 401]; *лэди* (< lady < др.-англ. *hlǣdige, букв. хозяйка дома) — «в Великобритании: жена лорда или баронета, а также замужняя женщина аристократического круга» [15, с. 388]; *квэкер* (< quaker, букв. трясун, трепетатель < to quake, букв. трястись, трепетать) — член одной из протестантских сект, возникших в XVII веке и имевших сторонников в Англии, США и некоторых других странах [15, с. 315]; *гинейя* (< guinea) — английская золотая монета, впервые отчеканенная в 1663 г. из золота, привезённого из Гвинеи, и находившаяся в обращении до 1817 г. [15, с. 182]. Эти и подобные лексемы можно рассматривать как безэквивалентные слова той эпохи. С помощью этой группы слов происходила фиксация незнакомых для русского социума общественных понятий, традиций Англии. Разумеется, на Руси была своя аристократия, свой церковный раскол, своя финансовая система, однако *лорд* и *боярин*, *гинейя* и *рубль* (*ефимка*), *квэкер* и *раскольник* при сходных концептуальных признаках имели разные социально-культурные и исторические основания появления и функционирования.

В XVIII веке отношения между Россией и Великобританией стали более активными благодаря выходу России к Балтийскому морю. Более половины лексических заимствований, которые были сделаны русским языком в XVIII в., приходится на начало века, эпоху правления Петра Первого. Английский флот в это время был одним из наиболее могущественных в мире; развивалось промышленное производство с использованием паровых машин; поощрялись научные разработки в области физики, химии, математики, механики; совершенствовалось оружие, захватывались новые земли. Прорубив окно в Европу, Пётр Первый стремился ускорить процесс усиления России, чтобы она не стала лёгкой добычей стремительно развивавшейся после средневекового застоя Европы. Строительство флота, заводов, фабрик, развитие науки и промышленных технологий, создание и вооружение современной армии в России способствовали активному проникновению в русский язык многих групп слов из разных языков, в том числе из английского. С XVII века прекратился процесс пополнения русского языка тюркизмами, в XVIII веке уже наблюдается активный процесс заимствования лексических единиц из немецкого, голландского, французского, испанского и английского языков.

Наиболее многочисленными являются некоторые группы англицизмов, социально обусловленные необходимостью внутреннего развития морского транспорта, обороноспособности, науки и культуры России: термины кораблестроения, судовождения, военного дела, метрологии; менее часто — лексика, передающая результаты разного рода инноваций; наименования новых понятий в области социально-гуманитарного развития. Приведём некоторые примеры.

В области **кораблестроения**: *барк* (< bark) — крупное морское грузовое судно с косыми парусами на задней мачте и прямыми — на всех остальных [15, с. 104]; *бимс* (< beams; beam, букв. брус, перекаладина) — «поперечная балка на судне, связывающая борта и служащая основанием для палубы» [15, с. 114]; *гэल्पорт* (< helmport, букв. руль + отверстие) — «отверстие в кормовой части корпуса судна, через которое проходит ось руля» [15, с. 167]; *гиг* (< gig) — «беспалубная гребная шести- или восьмивёсельная корабельная шлюпка с низкими бортами» [15, с. 177].

В области **судовождения**: *аврал* (< over all, букв. всем наверх!) — «общая, обычно спешная работа на судне, в которой принимает участие весь экипаж» [15, с. 28]; *бенч* (< bench, букв. терраса, уступ) — «прибрежная часть морского дна в виде уступа, созданного абразией» [15, с. 110]; *рында* (< to ring the bell, букв. звонить в колокол) [15, с. 619] — «судовой (корабельный) колокол» и под.

В области **военного дела**: *блокада* (< blockade) — «окружение войск противника с целью уничтожения» [15, с. 120]; *бумеранг* (< boomerang < языки аборигенов Австралии) — «метательное орудие в виде изогнутой деревянной пластинки или палки, при искусном бросании возвращающееся обратно к бросившему» [15, с. 131] и под.

В области **метрологии**: *баррель* (< barrel, букв. бочка) — «единица вместимости и объёма сыпучих и жидких веществ в США, Великобритании и нек. др. странах» [15, с. 105–106]. Баррель для сыпучих веществ в Великобритании — 163,65 л, в США — 115,6 л; для нефти в США — 159 л; *бушель* (< bushel) — «единица объёма и вместимости сыпучих тел и жидкостей в Англии (равная 36,3 л) и в США (равная 35,2 л)» [15, с. 134] и многие другие.

В области **инновационных технологий**: *вѣджвуд* (< wedgwood) — «вид английской керамики с белыми рельефными фигурами на цветном фоне», по имени изобретателя Дж. Веджвуда (1730–1795) [15, с. 142]; *кондом* (< condom, от фамилии английского врача 18 в.) — устаревшее, медицинское, то же, что презерватив [15, с. 346] и т. п.

В области **социально-политического развития**: *вѣги* (< whig) — «одна из политических партий в Англии 18–19 вв., предшественница лейбористской партии» [15, с. 147]; *памфлет* (< pamphlet) — «злободневная острая сатирическая статья, брошюра, обычно политического характера, направленная против кого-чего-н.» [15, с. 503]; *конгресс* (< congress < латин. congressus — встреча, собрание) — «съезд, собрание» и некоторые другие.

В XIX веке, несмотря на то, что французский язык всё же оставался в России социально мелиоративным, экономический прагматизм заставлял всё чаще использовать и популяризировать технические и, отчасти, гуманитарные достижения англоязычных стран. Происходила демократизация русского общества, всё большую роль в экономической, политической, социально-культурной жизни страны стала играть буржуазия и разночинцы. Укрепилась финансовая система России. Благодаря изобретению железнодорожного транспорта и активному строительству сети железных дорог, внедрению паровой тяги на флоте серьёзные изменения последовали в торгово-экономических и культурных связях России со странами Европы, Америки и Азии. Несоизмеримо шире по сравнению с XVIII в. стали контакты российских и зарубежных промышленников, торговцев, учёных, журналистов, начал развиваться туризм. К концу XIX в. на многих европейских курортах персонал отелей и пансионатов знал русский язык. С расширением гражданских контактов активизировались межъязыковые контакты и ускорились сопровождающие их процессы лексического заимствования. По нашему мнению, был дан толчок к информативной (в широком смысле) универсализации социума. В русский язык стали проникать англицизмы практически всех сфер жизни общества.

Англицизмы стали включаться в дискурсы, в которых раньше появлялись заимствования, как правило, не из английского языка. Это политический, экономический, торговый, финансовый, сельскохозяйственный, спортивный, некоторые другие дискурсы. Через английский язык в русский в этот период вошло большое количество экзотизмов. Приведём некоторые примеры:

В области **экономики, торговли, финансовой и предпринимательской деятельности**: *бартер* (< barter) — «товарный обмен без участия денег» [15, с. 106]; *брокер* (< broker) — «посредник при заключении сделок на бирже, специализирующийся по определённым видам товаров и услуг» [15, с. 128]; *бум* (< boom, букв. шум, шумиха) — «кратковременный подъём, резкое оживление в промышленности, торговле и других сферах хозяйства» [15, с. 131]; *импорт* (< import < лат. importare — ввозить) — «ввоз из-за границы товаров для их продажи или использования в данной стране» [15, с. 268] и под.

В области **политики**: *бойкот* (< boycott) — «приём политической и экономической борьбы, состоящий в полном или частичном прекращении отношений с отдельным лицом, организацией, государством», впервые был применён ирландскими арендаторами в 1880 г. в отношении управляющего именем Ч. К. Бойкотта (Boycott) [15, с. 121]; *бóмруль* (< home rule — самоуправление) — «Программа автономии Ирландии в рамках Британской империи, выдвигавшаяся в 70-е гг. 19 — нач. 20 в. ирландскими националистами» [15, с. 194]; *митинг* (< meeting) — «массовое собрание для обсуждения острых политических, социальных, экономических и т. п. вопросов текущей жизни» [15, с. 445] и многие другие.

В области **научных открытий и изобретений**: *беннеттѣты* — ископаемые растения с овальным стволом и панцирем, жившие на земле с пермского по меловой периоды, названы по имени ботаника Дж. Беннетта (Bennett; 1801–1876); *бóгхед* — «битуминодный каменный уголь», образовавшийся из остатков водорослей (по названию города, у которого было найдено месторождение: Boghead < bog (болото) + head (головка, верхушка); *бристоль* (< bristol) — «картон, получаемый склеиванием листов бумаги высокого сорта», по названию города Бристоля [15, с. 128]; *вáпор* (< vapour < фр. vapeur < латин. varor — пар, испарение) — «нефтяное масло для смазки цилиндров паровых машин, работающих на перегретом паре» [15, с. 139]; *гайдрóп* (< guide-rope, букв. вести, направлять трос, канат) — «верёвочный канат, служащий для облегчения посадки дирижабля или сферического аэростата» [15, с. 156]; а также *вáтман*; *вокзáл*; *лифт*; *рельс*; *бúффер* и мн. др.

В области **сельского хозяйства**: *беркшир* — порода свиней, по названию графства Беркшир (Berkshire); *гемпшир* — порода крупных овец мясо-шерстной продуктивности, по названию графства Гемпшир (Hempshire); *йоркшир* — порода свиней, по названию графства Йоркшир (Yorkshire) и под.

В области **спорта**: *бек* (< back) — устаревшее, «защитник» в спортивных командных играх с мячом [15, с. 109]; *гандикап* (< handicap) — вид спортивных состязаний, в которых более слабому сопернику предоставляется фора: уменьшение дистанции, нагрузки и под. [15, с. 160]; а также общеизвестные лексемы *спортсмен*; *баскетбóл*; *волейбóл*; *футбóл*; *бокс*; *гольф*; *якт-клуб*; *гол*; *голкíпер*; *гейм*; *гит*; *гонг* и многие другие.

В области **отдыха и развлечений**: (место отдыха:) *бар*; *наб*; (обслуживающий персонал:) *бармэн*; *букмéкер* (< book-maker) — «тот, кто принимает денежные ставки при игре в тотализатор» [15, с. 130]; (игры, в том числе азартные, и их сценарные элементы:) *джóкер* (< joker, букв. шутник) —

«в некоторых карточных играх (покере и др.): особая дополнительная карта в колоде, которой можно заменить любую другую карту» [15, с. 224]; *блеф* (< bluff, букв. обман) — приём, при котором игрок в покер, имеющий плохие карты, пытается *блефовать*, то есть играть так, чтобы о его слабости не догадались; названия самих игр: *бридж*; *вист*; *покер* и другие.

Экзотизмы: (животный мир:) *аллигатор* [вид американского и восточноазиатского крокодила]; *баррибал* [северно-американский чёрный медведь]; *блювал* [синий кит]; *гаур* [крупное парнокопытное животное рода быков, обитающее в горных лесах Индии, Бирмы]; *гай* [домашняя разновидность гаура]; *гипбон* [вид человекообразной обезьяны, обитающий в юго-восточной Азии]; *орангутанг* [вид человекообразной обезьяны, обитающий на островах Калимантан и Суматра]; *гну* [вид антилопы, обитающий на востоке и юге Африки]; *динго* [одичавшая австралийская домашняя собака]; *дог*, *пойнтер* [породы собак и собаки этих пород]; (растительный мир:) *джунгли* [густой тропический лес]; *джут* [растение в Индии, из волокон которого делают прочные технические ткани и верёвки]; (музыка и танцы:) *банджо* [струнный щипковый музыкальный инструмент в США, созданный на основе народного инструмента афроамериканцев]; *джаз* [род музыкального искусства, созданный на основе музыкальной культуры афроамериканцев]; *джи́га* [английский народный танец]; (жилища:) *бунгало* / *бенгало* [сельский дом в тропической Индии, в английский язык слово пришло из хинди]; *веранда* [крытая пристройка к дому, слово пришло в английский язык из хинди]; *вигвам* [куполообразная хижина у индейцев Северной Америки]; а также многие другие.

В сферы, которые пополнялись англицизмами в XVII и XVIII вв., новые английские заимствования стали проникать гораздо быстрее и в большем количестве. В каждой группе стало возможным выделение подгрупп по семантическому признаку. Приведём некоторые примеры:

В области **социальных исследований:** *агностици́зм* (< agnosticism) — «философское учение, отрицающее возможность познания объективного мира и его закономерностей» [15, с. 33]; *викторианский* (< Victorian) — в сочетании с существительными *стиль*, *мышление*, *парламент*, *человек*, *промышленность*, *нравы*, *политика* и др. слово характеризует особенности *викторианской эпохи*, периода правления королевы Виктории (1837–1901), в который в Великобритании произошли существенные изменения социального и культурного характера; *го́мстед* (< homestead) — «участок, предоставлявшийся в США поселенцам (бесплатно или на льготных условиях) для колонизации малозаселённых земель» [15, с. 194], Гомстед-акт был принят в 1862 г.; а также широко распространённые сегодня англицизмы *вегетарианский*; *дэнди*; *джентльмен*; *лидер*; *клан*; *клуб* и ряд других.

В области **метрологии:** *ватт* — «единица мощности электрического тока», названа по имени физика Дж. Уатта (Watt; 1736–1819) [15, с. 141]; *гэ́нри* — «единица индуктивности и взаимной индуктивности», по имени физика Дж. Генри (J. Henry; 1797–1878) [15, с. 170]; *гильберт* — «единица магнитодвижущей силы и разности магнитных потенциалов», по имени физика У. Гильберта (Gilbert; 1544–1603) [15, с. 181]; *джоуль* — «единица работы, энергии и количества теплоты...», названа по имени физика Дж. Джоуля (Joule; 1818–1889) [15, с. 225] и другие.

В области **кораблестроения:** *бридждёк* (< bridge-deck, букв. палуба с капитанским мостиком) — «самая верхняя палуба на мостике гражданских судов, где обычно расположены рулевая и штурманская рубки...» [15, с. 127–128]; *ватервэйс* (< waterways, множ. < water, вода + way, путь) — «утолщённый пояс деревянного палубного настила у борта судна, а также водопроток вдоль борта судна» [15, с. 141]; *вельбóт* (< whaleboat — китобойное судно) — «длинная быстроходная гребная или парусная шлюпка с острым носом и острой кормой» [15, с. 143]; *кáтер* (< cutter < to cut — резать (волну)) — «небольшое моторное или гребное судно; малый военный корабль» [15, с. 313]; ряд других слов.

В области **судовождения и портового хозяйства:** *бреквáтер* (< break-water < to break, разбивать + water, воду) — волнорез, волнолом, сооружаемый для защиты гавани от волн; *бри́дель* (< bridle) — приспособление для стоянки судов в гавани и на рейде: цепь, один конец которой крепится к якорю, зарытому на дне, а другой — к плавучей металлической бочке, к которой суда крепят свои швартовы [15, с. 127]; ряд других слов.

В области **военного дела:** широко известные марки пистолетов *браунинг*; *бульдóг*; *винчэ́стер* и под.

Выводы. Таким образом, в ходе научного исследования мы попытались выявить группы англицизмов, появившихся в результате лексических заимствований до XX века и установить особенности причин появления многих из них в разные эпохи русско-английских языковых контактов, а также особенности функционирования англицизмов в разных сферах коммуникации.

Материал исследования показывает, что лексические заимствования из английского языка в русский до начала XVIII века носили эпизодический характер и, прежде всего, воспринимались как безэквивалентные для той эпохи, называя реалии Англии, отличные от социальных, культурных, политических и исторических реалий России. В XVIII веке, в петровскую эпоху и после неё, очерчиваются контуры системы английских лексических заимствований в русский язык. Кроме англицизмов страноведческого дискурса, появляются англицизмы, именующие новые для русского социума той эпохи понятия кораблестроительного, судоводительского, метрологического, военного дискурсов,

реже — социально-политического и инновационно-технологического. В этих сферах Великобритании имела целый ряд особенностей, которые стали причиной многих лексических заимствований в русский язык. В XIX веке, который стал веком массового знакомства русских с жизнью зарубежья, сформировалась полноценная система английских лексических заимствований в русский язык, на основе которой можно утверждать о системе социально-культурных достижений Великобритании и других англоязычных стран. Во внедрении многих из этих достижений российское общество испытывало особенную потребность в XIX веке. Особо ценными были успехи в области кораблестроения, судоходства, портового хозяйства, науки, промышленности, экономической и финансовой деятельности, торговли и предпринимательства. Ценным стал также опыт в социальных и гуманитарных исследованиях, политический опыт Великобритании и США. Российское общество стало проявлять устойчивый интерес к увлечению англичан спортом и другими формами активного отдыха, а также к изучению этнокультур, флоры и фауны колонизируемых Великобританией земель.

Литература

1. Апетян С. Г. Англицизмы в структуре масс-медийного и официально-делового дискурсов : дис. канд. филол. н. : 10.02.19 — теория языка / С. Г. Апетян. — Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2011. — 181 с.
2. Аристова В. М. Англо-русские языковые контакты / В. М. Аристова // Англицизмы в русском языке. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. — 151 с.
3. Беляева С. А. Английские слова в русском языке XVI–XX вв. / С. А. Беляева. — Владивосток : Изд-во ДВГУ, 1984. — 108 с.
4. Большакова Т. И. Иноязычные вкрапления в художественных произведениях В. П. Аксёнова : автореф. дис. ... канд. филол. н. : 10.02.01 / Т. И. Большакова. — Воронеж : ВГУ, 2008. — 20 с.
5. Брейтер М. А. Англицизмы в русском языке : история и перспективы : Пособие для иностранных студентов-русистов. — Владивосток : Диалог-МГУ, 1997. — 96 с.
6. Демьянов В. Г. Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII века / В. Г. Демьянов. — М. : Наука, 1990. — 159 с.
7. Дьяков А. И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке / А. И. Дьяков // Язык и культура. — Новосибирск : Изд-во НГУ, 2003. — С. 35–43.
8. Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 888 с.
9. Листрова Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века / Ю. Т. Листрова. — Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1986. — 143 с.
10. Морозова И. О. Англицизмы в современном русском студенческом сленге : сопоставительное исследование на материале английского и русского языков : дис. ... канд. филол. н. : 10.02.20 / И. О. Морозова. — Пятигорск, 2006. — 218 с.
11. Проценко Е. А. К проблеме классификации лексики иноязычного происхождения / Е. А. Проценко // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2006. — № 2. — С. 92–99.
12. Степанов Е. Н. Русские паремии с тюркизмами бытового дискурса : лингвокультурный аспект / Е. Н. Степанов // Мова : науково-теоретичний часопис з мовознавства. — Одеса : Астропринт, 2016. — № 26. — С. 111–119.
13. Степанов Е. Н. Тюркизмы в русских бытовых пословицах и поговорках / Е. Н. Степанов // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер. : Філологія. — Одеса : Міжнародний гуманітарний ун-т, 2017. — Вип. 26. — Т. 1. — С. 73–77.
14. Ушаков Б. Ю. Семантика и функции лексических заимствований в современной русской прессе : дис. ... канд. филол. н. : 10.02.01 — русский язык / Б. Ю. Ушаков. — СПб., 2009. — 212 с.

Словари

15. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. — 5-е изд., стереотип. / Л. П. Крысин. — М. : Русский язык, 2003. — 862 с.
16. Словарь русского языка : в 4 т. / [АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; ред. А. П. Евгеньева]. — М. : Рус. яз., 1985–1988.
17. Словарь русского языка XVIII в. / [ред. Ю. С. Сорокин и др.]. — Л. / СПб. : Наука, 1984–2011. — Т. 1–19.

References

1. Apetjan, S. G. (2011), *Anglicisms in the structure of mass-media and official-business discourses : Thesis [Anglicizmy v strukture mass-medijnogo i oficial'no-delovogo diskursov : dis. kand. filol. n. : 10.02.19 — teorija jazyka]*, Kuban State University, Krasnodar, 181 p.
2. Aristova, V. M. (1978), «English-Russian language contacts», *Anglicisms in the Russian language* [«Anglo-russkije jazykovye kontakty», *Anglicizmy v russkom jazyke*], Leningrad State University Press, Leningrad, 151 p.
3. Beljaeva, S. A. (1984), *English words in the Russian language of 16th–20th centuries [Anglijskije slova v russkom jazyke XVI–XX vv.]*, Far Eastern State University Press, Vladivostok, 108 p.
4. Bolshakova, T. I. (2008), *Foreign language impregnations in the works of V. P. Aksjonov : Synopsys of thesis [Inozazychnyje vkraplenija v khudozhestvennykh proizvedenijakh V. P. Aksjonova : avtoref. dis. ... kand. filol. n. : 10.02.01]*, Voronezh State University, Voronezh, 20 p.

5. Breiter, M. A. (1997), *Anglicisms in the Russian language : History and Prospects: A Handbook for Foreign Students of Russian Studies* [Anglicizmy v russkom jazyke : istorija i perspektivy : Posobije dlja inostrannykh studentov-russistov], Dialogue Publishing House, Vladivostok, 96 p.
6. Demjanov, V. G. (1990), *Phonetic and morphological adaptation of foreign language lexicon in the Russian language of the 17th century* [Fonetiko-morfologicheskaja adaptacija inozazychnoj leksiki v russkom jazyke XVII veka], Nauka, Moscow, 159 p.
7. D'jakov, A. I. (2003), «Reasons of intensive borrowing of Anglicisms in modern Russian», *Language and Culture* [«Prichiny intensivnogo zaimstvovanija anglicizmov v sovremennom russkom jazyke», *Jazyk i kul'tura*], Novosibirsk State University Press, Novosibirsk, pp. 35–43.
8. Krysin, L. P. (2004), *Russian word, its own and others'. Studies on the modern Russian language and sociolinguistics* [Russkoje slovo, svojo i chuzhoje. Issledovanija po sovremennomu russkomu jazyku i sociolingvistike], Languages of Slavic culture Publishing House, Moscow, 888 p.
9. Listrova, Yu. T. (1986), *Selection and usage of foreign inclusions in the Russian literary speech of the 19th century* [Otbor i upotreblenije inozazychnykh vkraplenij v russkoj literaturnoj rechi XIX veka], Voronezh University Publishing House, Voronezh, 143 p.
10. Morozova, I. O. (2006), *Anglicisms in modern Russian student's slang : comparative study on the base of English and Russian: Thesis* [Anglicizmy v sovremennom russkom studencheskom slenge : sopostavitel'noje issledovanije na materiale anglijskogo i russkogo jazykov : dis. ... kand. filol. n. : 10.02.20], Pjatigorsk State Pedagogical University, Pjatigorsk, 218 p.
11. Procenko, E. A. (2006), «To the problem of classifying lexicon of foreign origin», *Proceedings of Voronezh State University. Series Linguistics and Intercultural Communication* [«K probleme klassifikacii leksiki inozazychnogo proiskhozhenija», *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*], Voronezh, vol. 2, pp. 92–99.
12. Stepanov, Ie. N. (2016), «Russian proverbs and sayings with Türskisms of domestic discourse : lingual and cultural aspects», *Mova (Language)* [«Russkie paremii s tjurkizmami bytovogo diskursa : lingvokul'turnyj aspekt», *Mova*], Odessa I. I. Mechnikov National Univ., Astroprint, Odessa, vol. 26, pp. 111–119.
13. Stepanov, Ie. N. (2017), «Türskisms in Russian domestic proverbs and sayings», *Scientific Bulletin of International University of Humanities. Series : Philology* [«Tjurkizmy v russkikh bytovykh poslovicakh i pogovorkakh», *Naukovyj visnyk Mizhnarodnoho humanitarnoho universytetu. Ser. : Filolohija*], International University of Humanities, Odessa, No 26, vol. 1, pp. 73–77.
14. Ushakov, B. Yu. (2009), *Semantics and functions of lexical borrowings in the modern Russian press : Thesis* [Semantika i funkcii leksicheskikh zaimstvovanij v sovremennoj russkoj presse : dis. ... kand. filol. n. : 10.02.01], St. Petersburg, 212 p.

Dictionaries

15. Krysin, L. P. (2003), *Explanatory dictionary of foreign words, 5th ed., stereotype* [Tolkovyj slovar' inozazychnykh slov, 5e izd., stereotip.], Russkij jazyk, 862 p.
16. Academy of Sciences of the USSR, Institute of the Russian Language, ed. A. P. Evgenjeva (1985–1988), *Dictionary of the Russian language : in 4 vol.* [Slovar' russkogo jazyka : v 4 t.], Russkij jazyk Publishing House, Moscow, vol. 1–4.
17. Academy of Sciences of the USSR / of Russia, eds. Yu. S. Sorokin & others (1984–2011), *Dictionary of the Russian language of the 18th century : in 19 vol.* [Slovar' russkogo jazyka XVIII veka], Nauka, Leningrad / St. Petersburg, vol. 1–19.

СТЕПАНОВ Євгеній Миколайович,

доктор філологічних наук, завідувач кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 (048) 7762277; e-mail: rus_lang@onu.edu.ua; ORCID ID: 0000-0002-5441-9822; SPIN-code: 8665-0882

ЛЮ Цзин (刘 静),

магістрант кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +86 1305387899; e-mail: liujing365@hotmail.com; ORCID ID: 0000-0001-5259-0899

СОЦІАЛЬНО-КУЛЬТУРНІ ФАКТОРИ ЛЕКСИЧНИХ ЗАПОЗИЧЕНЬ ІЗ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ ДО РОСІЙСЬКОЇ В ПЕРІОД ДО ХХ СТОЛІТТЯ

Анотація. *Мета* статті — встановити соціально-культурні підстави процесу запозичення лексичних одиниць із англійської мови до російської в XVI–XIX століттях. *Об'єкт* дослідження — лексичні англіцизми, запозичені російською мовою до ХХ століття. *Предмет* вивчення — причини цих запозичень і їх освоєння в російській мові. *Матеріалом* спостережень послужили близько 300 лексем, вибраних зі словників. При дослідженні матеріалу було використано соціолінгвістичний, описовий, кількісний *методи*, а також методи семантичного та прагматичного аналізу. *У результати* наукової розвідки було виокремлено групи англіцизмів, що з'явилися в російській мові до ХХ ст., встановлено причини появи багатьох з них у різні епохи російсько-англійських мовних контактів. Автори дійшли наступних *висновків*. Лексичні запозичення з англійської мови до російської до початку XVIII ст. носили епізодичний характер. Це були безеквівалентні для російського суспільства тієї епохи слова, які називали специфічні соціальні, культурні, політичні, історичні реалії Англії. У XVIII ст. було окреслено контури системи лексичних англіцизмів, що мала певну специфіку. Крім країнознавчих запозичень, з'явилися англіцизми, які називають нові для російського соціуму тієї епохи поняття

суднобудівного, судноводійного, метрологічного, військового дискурсів, рідше — соціально-політичного та інноваційно-технологічного. У цих сферах Великобританія мала ряд особливостей. Вони стали причиною запозичень до російської мови. У XIX ст. сформувалася повноцінна система англійських лексичних запозичень у російській мові, на підставі якої можна визначити систему соціально-культурних досягнень Великобританії та інших англомовних країн. У впровадженні багатьох з цих досліджень російське суспільство відчувало потребу. Особливо цінними були успіхи в галузі суднобудування, судноводіння, портового господарства, науки, промисловості, економічної та фінансової діяльності, торгівлі та підприємництва. Важливим став також досвід у соціальних і гуманітарних дослідженнях, політичний досвід Великобританії та США. У Росії успішно розвивали спорт і інші форми активного відпочинку англійців, росіяни вивчали етнокультури, флору та фауну колонізованих Великобританією земель.

Ключові слова: англїцизм, система лексичних запозичень, соціально-культурна причина, російсько-англійські мовні контакти, XVIII століття, XIX століття.

Ievgenii N. STEPANOV,

Doctor of Philological Sciences (Grand PhD), Head of the Russian language Chair of Odessa Mechnikov National University; 24/26 Francuzskij blvd., Odessa, 65058, Ukraine; tel.: +38 (048) 7762277; e-mail: rus_lang@onu.edu.ua; ORCID ID: 0000-0002-5441-9822; SPIN-code: 8665-0882

LIU Jing (刘静),

Master of the Russian language Chair of Odessa Mechnikov National University; 24/26 Francuzskij blvd., Odessa, 65058, Ukraine; tel.: +86 1305387899; e-mail: liujing365@hotmail.com; ORCID ID: 0000-0001-5259-0899

SOCIAL AND CULTURAL FACTORS OF LEXICAL BORROWING FROM ENGLISH INTO RUSSIAN IN THE PERIOD BEFORE THE 20TH CENTURY

Summary. The *purpose* of the article is to detect the socio-cultural foundations of the borrowing process of lexical units from English into Russian in the 16th–19th cc. The *object* of the study is lexical anglicisms, borrowed by the Russian language up to the 20th century. The *subject* of the study is the reasons for these borrowings and their development in the Russian language. The *material* for the study was about 300 lexemes, extracted from dictionaries. In the study of the material, sociolinguistic, descriptive, quantitative *methods*, as well as methods of semantic and pragmatic analysis were used. Groups of Anglicisms that appeared in the Russian language before the 20th century, were identified as a *result* of the work. The reasons of the borrowing of many of them in different epochs of Russian-English language contacts were proposed. The authors came to the following *conclusions*. Lexical borrowings from English into Russian up to the 18th century were episodic. These words had not equivalents in the Russian vocabulary, and their denoters had not equivalents in the Russian society of that time. These words referred to the specific social, cultural, political, historical realities of England. In the 18th century contours of the system of lexical Anglicisms were outlined in the Russian vocabulary. In addition to Anglicisms of England studies, there were borrowings that referred to some concepts of shipbuilding, navigational, metrological, military discourses, less often — socio-political and innovation-technological discourses. These concepts were new in the Russia of that epoch. In these areas, the UK had a number of characteristics. This was the reason for such borrowing in Russian. In the 19th century, a complete system of lexical Anglicisms was formed in the Russian language. On its basis, the system of social and cultural achievements of Great Britain and other English-speaking countries can be determined. In these achievements, Russian society felt the need for its development. Successes in shipbuilding, navigation, port facilities, science, industry, in economic and financial activities, in trade and business were particularly valuable. The experience of solving social and humanitarian problems, the political practice of the United Kingdom and the United States were also important. In the Russian society, sport and other forms of recreate activity of Englishmen were successfully introduced, Russians took a great interest in studying the ethnocultures, flora and fauna of the lands colonized by Great Britain.

Key words: Anglicism, lexical borrowing system, socio-cultural reason, Russian-English language contacts, 18th century, 19th century.

Статтю отримано 12.05.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107951>

УДК 811.161.1'35'373.46:59:639.2

ШУМАРИНА Татьяна Фёдоровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; тел.: +38 048 683539; моб.: +38 067 3779936; e-mail: shumarina2010@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7383-7707

МУРАДЯН Ирина Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; ; e-mail: muradayn@ukr.net; тел.: +38(048)644449; моб.: +38 0972744352; ORCID ID: 0000-0003-2354-0176

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ВЕРНАКУЛЯРНЫХ БИНОМЕНОВ ИХТИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ

Аннотация. В данной статье речь идёт о правописании сложных научных терминов, о специфике дефисного написания ихтиологических терминов. **Цель** данной статьи — раскрыть роль, место, преимущества дефиса в системе терминообразования. Статья освещает актуальные проблемы современной орфографии и ихтиологической ономазиологии. **Объектом** изучения в предлагаемой работе стала орфография ихтиологической номенклатуры. **Предмет** исследования — правописание номенклатурных биноменов рыб Украины. В работе используется описательный и сравнительный **методы**. В **результате** исследования определены актуальные орфографические проблемы украинской и русской ихтиологической ономазиологии. **Выводы.** С целью унификации терминологической ихтиологической системы представляется рациональным объединение биноменов в единую форму репрезентации — в виде сложного слова с дефисным написанием. **Практическая ценность** результатов исследования заключается в возможности их использования в практической и теоретической систематике ихтиофауны Украины.

Ключевые слова: дефис, термин, правила, дефисное написание, сложное слово, научная терминология.

Постановка проблемы. Среди многочисленных проблем, преодолевающих современную ихтиологическую систематику, можно назвать следующие: упорядочение ранее созданного разнообразия названий; приведение в соответствие существующих номинаций тем или иным таксонам; формирование новых названий для новоописанных видов. Орфографическая вариантность любой терминосистемы стабильно находится в кругу исследований с постоянно пролонгируемым сроком реализации [Тер-Каз2007]. Несмотря на это, в ряде биологических трудов прослеживается намерение охватить область лингвистической ортологии.

Связь проблемы с предыдущими исследованиями. В целом, попытки комплексно решить ономазиологические и орфографические вопросы украинской ихтиологии предпринимались неоднократно. Только в последнее время украинские названия видов рыб приведены в серии монографий «Фауна Украины»; на базе «Українського правопису» (2004) уточняются обозначения таксонов в монографии Ю. В. Мовчана «Риб України»; обзор украинских названий рыб с целью дальнейшей их унификации «с соблюдением норм украинской фонетики и правописания» предлагается в статье Ю. Куцоконь, Ю. Квача «Українські назви міног і риб фауни України для наукового вжитку» и т. д. Однако, несмотря на искреннее стремление специалистов привести современные ихтионимы в соответствие не только биологической, но и лингвистической норме, предпринятые попытки, на наш взгляд, остаются по-прежнему лишь декларацией о намерениях. Вариантность орфографии последовательно проявляется не только в полилингвальной (например, украинско-русской), но и монолингвальной (и украинской, и русской) научной литературе.

Постановка задач. Наличие высокой вариантности на всех языковых уровнях в современных терминосистемах — не требующий специального доказательства факт. Но это не значит, что каждая терминологическая система должна иметь свою специфическую орфографию. Орфография в терминосистеме — зона стабильности, гарантирующая незыблемость её основного принципа — моносемии, и, следовательно, вариантность написания специальных лексем не может быть объективно обусловленной. Регулярный поиск орфографического идеала, в частности в ихтиологической терминосистеме, обусловлен факторами субъективного характера, среди которых далеко не последнее место занимает отсутствие лингвистической эрудиции у ихтиологов. Стадия орфографической вариантности может быть завершена, если решить вопрос о принципах предпочтения варианта: либо это одна из традиционных в данной терминосистеме моделей, либо кодифицированная орфографическая норма национального языка. Как представляется, в деле успешной унификации ихтиологической терминологии, на которую сейчас направлена активность систематиков, может оказаться целесообразным предпочтение специалистами не разнообразных, индивидуально-авторских форм, а отвечающих современным требованиям и современным орфографическим нормам терминологических единиц. Предметом исследования данной статьи являются орфографи-

ческие варианты вернакулярных (национальных) биноменов русской и украинской ихтиологической терминосистемы.

Изложение основного материала. Сложные термины, призванные аккумулировать «конкретные сведения о существе предмета или явления» [3] в ихтиологии представлены, в основном, двумя компонентами (биноменами), реже тремя, и располагаются в системе иерархически, реализуя родовые отношения по модели «гипероним — гипонимы». Всё многообразие ихтионимов морфологически представлено именами существительными (нарицательными и собственными) и именами прилагательными: качественными, относительными и, в силу наметившейся тенденции в украинских эпонимах, — притяжательными. Основные структурные типы биноменов: $N + Adj$ и $N + N$.

Опираясь на многочисленные факты вариативного — раздельного и дефисного — написания ихтионимов в современной биологической литературе, представляется уместным, проанализировав, по выражению Л. В. Щербы, «отрицательный материал», предложить конкретные рекомендации по устранению вариантных написаний, которые могут оказаться полезными орфографическому сопровождению украинского ихтиологического терминологического генеза.

К сожалению, до сих пор не существует единого правила, которое бы однозначно толковало дефисное написание терминов и было бы лишено дискуссионных моментов. Данное положение вытекает из двойственной природы знака «дефис». По мнению А. А. Реформатского, «термин дефис — парадоксален. Он возник как знак разъединения, а стал, по преимуществу, знаком соединения... В противопоставлении пробелу дефис — соединительный знак, в противопоставлении же контакту дефис — разделительный знак» [7, с. 147].

У Д. Э. Розенталя правило дефисного и раздельного написания, к сожалению, лишено необходимой чёткости. С одной стороны, говорится, что при последовательном расположении компонентов в сочетании двух имён нарицательных «род — вид» дефис отсутствует (*цветок хризантема, гриб подосиновик, попугай какаду*), а с другой — «если такое сочетание образует сложный научный термин (вторая часть не всегда служит самостоятельным видовым обозначением), то дефис пишется (*мышь-полёвка, рак-отшельник*)» [8, с. 57]. На первый взгляд, обе части правила идентичны, так как в обоих случаях имеются в виде обозначений род и вид, и не ясно, почему же тогда написания должны дифференцироваться. И только вследствие аналитических действий можно с определённой долей вероятности заключить, что написания дифференцируются в зависимости от типа сферы функционирования: обиходно-бытовая или научная. Следуя подобным логическим заключениям, придётся вынужденно констатировать, что в специальной литературе все биномены должны облекаться в дефисную форму, а при проникновении в общеупотребительную сферу тип написания должен меняться. Подобная динамичность присуща скорее разговорной речи, а никак не письменной и вряд ли может послужить орфографической оптимизации современных терминосистем.

Уточнение, приводимое в учебнике А. И. Кайдаловой и И. К. Калининой об отсутствии дефиса в родо-видовых конструкциях, «если слово не является научным термином (*антилопа сайгу, орёл беркут*)» [5, с. 121], наталкивает минимум на два заключения: 1. Необходимо квалифицированно различать «нетермины» и термины, вследствие чего, сообразно написанию по этому правилу, *бичок-рижик* в русскоязычных биологических трудах будет квалифицироваться как термин, а *бичок-рижик* в украиноязычных — как «нетермин». И это несмотря на то, что в Международной системе обе эти номинации определяются одним таксоном — *Neogobius ophalargus*; 2. Все термины, состоящие из номинации рода и вида, следует писать с дефисом. Сообразно последнему заключению поступили авторы, совершенствовавшие систематику рыб Украины для научного применения: «Оскільки назви риб є термінами, то лексеми, складені з двох іменників, подані з використанням дефісу» [6, с. 201]. Украинские биологи приняли в качестве руководства не правило-умозаключение, а однозначно сформулированный принцип: «Якщо прикладка входить до складу терміна, вона втрачає атрибутивне значення, перетворюючи словосполучення в складний іменник без сполучного звука. Такі іменники пишемо через дефіс: *гриб-паразит, жук-коріт, заць-русак, льон-довгунець*» [10, с. 28]. В нашем материале это, соответственно, все номинации серии $N + N$: *бичок-цуцик, бичок-кнут, бичок-кругляк, бичок-пуголовок, бичок-пуголовочок, бичок-лисун, бичок-трав'яник* и др.

По иной системе оформлены эти же ихтионимы в монографии «Риб України» со ссылкой на «Український правопис» (2004): *бичок цуцик, бичок ратан, бичок головац, бичок губань, бичок рижик, бичок кругляк, бичок гонець, бичок сирман, бичок пісочник, бичок кругляш, бичок рись*. К сожалению, данные, которые могли бы объяснить подобные написания, обнаружены не были. Возможно, каким-то образом задействовались дополнения к правилу о раздельном написании словосочетаний с соподчинёнными отношениями, т. е. если «первое слово является по значению более широким и общим, а второе — более узким и конкретным». Дополнение сводится к тому, что надо учитывать ещё одно условие: второе слово должно в самостоятельном употреблении иметь то же значение. Если же второе слово в изолированном употреблении требует поддержки контекста, чтобы сузить своё значение до нужного, то такое сочетание пишется с дефисом [1] (*рижик* ≠ *бичок-рижик*). Например, *пуголовок* — 'личинка безхвостых земноводных'. Следовательно, *бичок-пуголовок* следует писать с дефисом, а вот *кефаль сингиль* раздельно: лексема «сингиль» имеет только одно значение, ихтиологическое: *Mugil auratus*, 'рыба семейства кефалей'; ни переносным, ни омонимич-

ным значением не отягощена. Аналогично *кефаль пиленгас* и др. Сложность в применении этого правила заключается в затруднениях пользователей при определении семантической структуры второго слова, равно как и эпидигматики первого, и потому даже в специальной учебно-методической литературе по орфографии эти сочетания встречаются и в том, и в другом написании. Так, в одном орфографическом издании лексема «короед» определяется как моносемичная: «короед обозначает подотряд жуков и никакого другого значения у этого слова нет, то есть сочетание жук короед должно писаться раздельно» [1]; в другом, в ряду с «рыба-змея», «рыба-пила» и др., «короед» трактуется как полисемичная лексема и, соответственно, предлагается дефисное написание [5, с. 121]. Однако даже с учётом данного правила сложно объяснить вариативность написаний «бичок-лисун» и «бичок головач» и подобных, практически идентичных в структурном, семантическом и функциональном аспектах номинаций, в одном и том же научном труде.

Параллельный анализ русскоязычной биологической литературы выявил аналогичную украинским изданиям вариантность анализируемых орфограмм (*бычок травяник*, *бычок кругляк*), хотя и с превалярованием тенденции дефисного написания подобных терминологических обозначений: *бычок-головач*, *кефаль-головач*, *бычок-голец*, *бычок-кнут*. Думается, что активно проявляющая себя в современной технической и общественно-политической терминологии тенденция дефисного написания двухкомпонентных терминов [4], их частотность в узусе позволяет рекомендовать дефис и для ихтиологической номенклатуры в качестве единообразного средства оформления биноменов.

Отдельную проблему раздельно-дефисных написаний представляют ихтиологические биномены с заимствованным компонентом. Максимальную сложность для орфографии данного типа терминов создаёт второй компонент-экзотизм. В украинско- и русскоязычной биологической литературе он встречается в обеих орфографических формах, а порой дефисное и раздельное написание аналогичных номенов может варьировать даже в текстах одного исследователя: например, видовые номинации бычков *паганель* и *сурман* представлены в форме словосочетания, а третий аналогичный термин — уже как сложное слово — *бычок-мезогобиус*.

Решение данного вопроса может быть связано с целым рядом лингвистических проблем, а именно: проблемой разграничения слова и словосочетания, грамматикой, семантикой термина и под. Биологи, например, систематизируя украинские ихтионимы, предлагают обратиться к этимологии: «*Gobius raganellus*. Назви, що наразі використовують в українській мові для цього виду, запозичені з російської: «бичок паганелюс», «бичок паганель». У обох варіантах видове означення є різної форми транслітерацією з латини, в українській мові (так само, як і в російській) воно не несе жодної інформації. Означення «*raganellus*» походить від латинського *raganus* — сільський, простий, поганський, закінчення *-ellus* позначає зменшувальний характер риси. Таким чином, латинську назву можна перекласти українською як «бичок простецький», «бичок-простяк»» [6, с. 204]. Вследствие подобного подхода проблема перестаёт быть столь острой, поскольку модель «N + Adj» орфографических сложностей не вызывает, а словообразовательный дериват вписывается в современную терминологическую тенденцию: «Большое количество слов с приложными позволяет унифицировать их орфографическое оформление, поскольку большинство из них встречается в дефисном написании» [3, с. 6].

Как представляется, для однозначной трактовки оформления биноменов с варваризмами следует исходить из специфики грамматической адаптации: если трактовать данную форму как грамматически полностью освоенную, то в русском и украинском языках она занимает позицию имени существительного, склоняемого по субстантивному типу склонения существительных мужского рода мягкой разновидности. И тогда в соответствии с современной орфографической тенденцией, наметившейся в терминологическом образовании, следует предпочесть дефисное написание. Если же интерпретировать данный компонент как несклоняемое прилагательное, то термин должен оформляться раздельно по типу «цвет хаки», «язык урду». «...Постпозиция для рассматриваемого типа является нормальным, «прямым» порядком слов, ср.: *пальто ученика*, *публика амфитеатра*, *костюм беж*. Этот нормальный порядок слов для несогласованных несклоняемых определений орфографически оформляется раздельным написанием» [2, с. 61–62]: *бычок мезогобиус*, *бычок паганель* (вариант *бычок паганелюс*), *бычок сурман*. В отличие от дефиснооформленных слов, лишь вносящих дополнительное значение в смысл основного понятия термина, несклоняемое прилагательное является самостоятельным видовым обозначением.

Выводы. Учитывая неоднозначность трактовки оформления двухкомпонентных терминологических номинаций даже в специальной лингвистической литературе, представляется рациональным объединение ихтиологических биноменов модели N + N в единую форму репрезентации — в виде сложного слова с дефисным написанием. Исключение могут составить биномены со вторым компонентом-варваризмом.

Таким образом, унификация терминологической ихтиологической системы назрела не только по линии систематики, но и в её лингвистическом аспекте. Орфография биноменов — лишь одна из множества лингвистических проблем, проявившихся в настоящее время не только в сравнительно молодой украинской, но и в классической русской терминосистеме. Как представляется, дальнейшие изыскания в этом направлении, проводимые на более широком корпусе материала, могут способствовать успешному решению актуальных вопросов терминоведения и, в частности, современных исследований в области ихтиологического терминологического генеза.

Литература

1. Бешенкова Г. Е. Правила русской орфографии с комментариями : учеб. пособие / Г. Е. Бешенкова, О. Е. Иванова. — Тамбов : ТОГОАУ ДПО, 2012. — 187 с.
2. Букчина Б. З. Сложные слова / Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая. — М. : Наука, 1974. — 152 с.
3. Букчина Б. З. Слитно или раздельно : опыт словаря-справочника / Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая. — М. : Русский язык, 1987. — 874 с.
4. Гарифуллина Р. В. Дефис в системе терминообразования (на примере физико-математических терминов) / Р. В. Гарифуллина // Вестник Российского университета дружбы народов. — М., 2009. — № 3. — С. 64–69.
5. Кайдалова А. И. Современная русская орфография / А. И. Кайдалова, И. К. Калинина. — М. : Высшая школа, 1973. — 287 с.
6. Куцоконь Ю. Українські назви міног і риб фауни України для наукового вжитку / Ю. Куцоконь, Ю. Квач // Біологічні студії. — Львів, 2012. — Т. 6. — № 2. — С. 199–220.
7. Реформатский А. А. Дефис и его употребление // О современной русской орфографии / А. А. Реформатский. — М. : Наука, 1964. — С. 146–150.
8. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Пунктуация. — М. : ОНИКС 21 век, 2002. — 263 с.
9. Тер-Казарьян С. Ш. Видовые атрибутивные компоненты биномиальной номенклатуры патогенных бактерий в русском языке / С. Ш. Тер-Казарьян, В. В. Горбань, Е. Н. Степанов // Мова : науково-теоретичний часопис з мовознавства. — Одеса : Астропринт, 2007. — № 12. — С. 209–215.
10. Український правопис / ред. Г. І. Мазніченко, Н. М. Максименко, К. С. Чайка. — К. : Наукова думка, 2007. — 286 с.

References

1. Bashenkova, G. E., Ivanova, O. E. (2012), *Rules of the Russian orthography with commentaries : tutorial [Pravila russkoj orfografii s kommentariyami : uchebnoe posobie]*, TOGAU DPO, Tambov, 187 p.
2. Bukchina, B. Z., Kalakutskaja, L. P. (1974), *Complex words [Slozhnye slova]*, Nauka, Moscow, 152 p.
3. Bukchina, B. Z., Kalakutskaja, L. P. (1987), *Together or separately : experience of the dictionary-directory [Slitno ili razdel'no : opyt slovaria-spravochnika]*, Russkij jazyk, Moscow, 874 p.
4. Garifullina, G. V. (2009), «The hyphen in the terminology system (by the example of physico-mathematical terms)», *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia [«Defis v sisteme terminoobrazovaniya (na primere fiziko-matematicheskikh terminov)»]*, *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov*], Moscow, vol. 3, pp. 64–69.
5. Kaydalova, A. S., Kalinina, S. T. (1973), *Modern Russian spelling [Sovremennaja russkaja orfografija]*, Vysshaja shkola, Moscow, 287 p.
6. Kucokon', Yu., Kvach, Yu. (2012), «Ukrainian names of lampreys and fishes of the Ukrainian fauna for the scientific use», *Studia Biologica [Українські назви міног і риб фауни України для наукового вжитку, Biologichni studii]*, Lviv, vol. 6, No. 2, pp. 199–220.
7. Reformat'skij, A. A. (1964), «Hyphen and its use», *On the modern Russian spelling [«Defis i ego upotreblenie», O sovremennoj russkoj orfografii]*, Nauka, Moscow, pp. 146–150.
8. Rosenthal, D. E. (2002), *Directory on Russian language. Punctuation [Spravochnik po russkomu yazyku. Punctuacija]*, ONIKS 21 vek, Moscow, 2002, 263 p.
9. Ter-Kazaryan, S. Ch., Gorban', V. V., Stepanov, Ie. N. (2007), «Specific attributive components of binominal nomenclatures of pathogenic bacteria in Russian», *Mova (Language) [«Vidovye atributivnye komponenty binominal'noj nomenklatury patogennykh bakterij v russkom jazyke»]*, *Mova*, Odessa I. I. Mechnikov National University, Astroprint, Odessa, vol. 12, pp. 209–215.
10. *Ukrainian spelling*, (2007), [*Український правопис*], Naukova Dumka, Kyiv, 286 p.

ШУМАРИНА Тетяна Федорівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 048 683539; моб.: +38 067 3779936; e-mail: shumarina2010@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7383-7707

МУРАДЯН Ірина Володимирівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 0482 644449; моб.: +38 097 2744352; e-mail: muradayn@ukr.net; ORCID ID: 0000-0003-2354-0176

ОРФОГРАФІЧНІ ВАРІАНТИ ВЕРНАКУЛЯРНИХ БІНОМЕНІВ ІХТІОЛОГІЧНОЇ ТЕРМІНОСИСТЕМИ

Анотація. У статті йдеться про правискладні складних наукових термінів, про специфіку дефісного напису іхтіологічних термінів. **Мета** цієї наукової розвідки — розкрити роль, місце, переваги дефісу в системі термінотворення. Роботу присвячено актуальним проблемам сучасної орфографії та іхтіологічної ономастології. **Об'єктом** вивчення є орфографія іхтіологічної номенклатури. **Предмет** дослідження — правопис номенклатурних біноменів риб України в українській та російській мовах. У роботі використано описовий і порівняльний **методи**. У **результаті** дослідження виявлено актуальні орфографічні проблеми української та російської іхтіологічної ономастології. **Висновки.** Для уніфікації термінологічної іхтіологічної системи видається національним об'єднання біноменів в одну форму репрезентації — у вигляді складного слова з дефісним написанням. **Практична цінність** результатів дослідження полягає у можливості використання їх у практичній і теоретичній систематичній іхтіофауни України.

Ключові слова: дефіс, термін, правила, дефісне написання, складне слово, наукова термінологія.

Tatiana F. SHUMARINA,

candidate of Philology (PhD), Associate Professor of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26, Francuzskij blvd., Odessa, 65058, Ukraine; tel.: +38 0482 683539; mob.: +38 067 3779936; e-mail:shumarina2010@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7383-7707

Iryna V. MURADIAN,

candidate of Philology (PhD), Associate Professor of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26, Francuzskij blvd., Odessa, 65058, Ukraine; tel.: +38 0482 644449; mob.: +38 097 2744352; e-mail: muradayn@ukr.net; ORCID ID:0000-0003-2354-0176

ORTHOGRAPHIC VARIANTS OF THE VERNACULAR BINOMENS OF ICHTHYOLOGICAL TERMINOLOGY

Summary. In this article the orthographic peculiarities of hyphenated writing of binomial ichthyological Ukrainian and Russian terms are described. *The purpose* of this article is to determine a role, a place and advantages of a hyphen in the terminology system and in the term-formation. The article lights up the issues of modern orthography and ichthyological onomasiology. Orthography of ichthyological nomenclature became *the object* of study in the offered work. *The subject* of research is the spelling of Ukrainian and Russian binomial nomenclature of fishes. Descriptive and comparative methods are used in the work. *As a result* of a research the actual orthographical problems of the Ukrainian and Russian ichthyological onomasiology were defined. *Conclusions.* To unify the system of ichthyological terminology seems reasonable the unification of binomial terms in one form of representation: in the form of a compound hyphenated writing word. *The practical value* of results of a research consists in a possibility of their use in practical and theoretical systematization of a fish fauna in Ukraine.

Key words: hyphen, term, rules, hyphenated words, compound words, scientific terms.

Статтю отримано 12.02.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.106305>

УДК 811.162.3'367.625.45

СКОПЛЕВ Андрей Александрович,

старший преподаватель кафедры языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков ГВУЗ «ДГПУ»; ул. Садовая, 78 а, г. Бахмут, 84511, Украина; тел.: +38 095 1830829; e-mail: andskoplev@ukr.net; ORCID ID: 0000-0003-2931-8066

ЕЩЁ РАЗ О ПРОДУКТИВНОСТИ ЧЕШСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА -ní / -tí

Аннотация. В статье пересматриваются некоторые аспекты теории чешских глагольных существительных на *-ní / -tí*. *Цель* статьи — исследовать характер словообразования глагольных существительных в свете проблемы их частеречного статуса. *Предметом* изучения является возможность образования субстантивов на *-ní / -tí* от круга глаголов, традиционно признаваемых в этом отношении «дефектными». *Объект* анализа составили глаголы, не образующие глагольных существительных с акциональным значением. В работе использованы *методы* семантического и трансформационного анализа, метод сплошной выборки. В *результате* анализа данных синхронического корпуса чешского языка SYN установлено, что глагольные существительные на *-ní / -tí* в ограниченном порядке образуются от круга упомянутых «дефектных» глаголов; наследование субстантивами акциональной семантики благоприятствует сохранению в их смысловой структуре видовых различий. *Выводы.* Словообразование глагольных существительных в чешском языке носит парадигматический характер и приближено к словоизменению. *Практическое применение* результатов исследования возможно в решении вопроса о частеречном статусе имён данного типа в западнославянских языках.

Ключевые слова: глагольное существительное, nomina actionis, номинализация, категория вида глагола.

Постановка проблемы. Чешские и словацкие отглагольные имена действия типа *dokazování / dokazovanie* «доказывание» обнаруживают очень тесную связь с системой глагольных форм. Регулярно образуясь от глаголов вне зависимости от структурного типа их основ, данные субстантивы получают возможность передавать противопоставление по виду и могут сохранять возвратные клитики: словацк. *vyvíjať sa* «развиваться» — *vyvinúť sa* «развиться» → *vyvíjanie sa* — *vyvinutie sa*, чешск. *dobývat* «завоевывать» — *dobýt* «завоевать» → *dobývání* — *dobytí*. Совмещение признаков полярных частей речи, с одной стороны, обуславливает их уникальность как гибридных глагольно-именных формаций, но, с другой — порождает многочисленные дискуссии среди лингвистов.

Анализ основных исследований и публикаций. В классических грамматиках обоих языков рассматриваемые субстантивы, называемые *глагольными существительными* (чешск. *podstatné jméno slovesné*, словацк. *verbálne substantívum*; далее — ГС), включаются в состав глагольной парадигмы [24; 7; 16; 17], однако большинство исследователей считают такую трактовку ошибоч-

ной [3, с. 15–16; 4, с. 16; 5, с. 73–74; 15, с. 203; 2, с. 26–27; 11, с. 570]. Так, А. В. Исаченко, Ю. Фурдик, Х. Кржижкова, В. Ф. Васильева, М. Елинек, Т. А. Ацаркина указывают на отсутствие форм ГС у целого ряда глаголов — модальных, связочных, многократных, непереходных несов. / сов. видов типа словацк. *báť sa* «бояться», *ísť* «идти», *dozvedieť sa* «узнать о чём-л.», чешск. *náležet* «принадлежать», *stačit* «хватать, быть достаточным» [1; 3, с. 15; 5, с. 69; 15, с. 197; 11, с. 576]; поэтому их производство «лишено той регулярности, которая характеризует каждое формообразование» [2, с. 26]. Кроме того, внушительное число субстантивов, образующихся от глаголов без ограничений, употребляются в языке исключительно (или большей частью) в предметных значениях, будучи типичными представителями лексико-грамматического класса существительных: чешск. *blýskání* «блеск молнии», *brnění* «онемение», *dávení* «тошнота», *spiknutí* «заговор» [1, с. 130–131; 2, с. 35–36]. По убеждению В. Ф. Васильевой и Ю. Фурдика, видовое противопоставление у ГС не проведено последовательно и имеет обыкновение нарушаться, в том числе по причине упомянутого «опредмечивания», ср. словацк. *balenie* «упаковка, обёрточная бумага» — *zabalenie* «упаковывание», чешск. *přesvědčování* «убеждение, доказывание» — *přesvědčení* «уверенность, взгляды, мнение» [2, с. 34; 5, с. 69–70]. Сохранение же возвратного компонента всегда было для ГС свойством факультативным и периферийным [3, с. 16–17; 17, с. 504; 7, с. 268; 24, с. 1405–1406].

Таким образом, в чешско-словацком языкознании ещё с 1960–70 х. гг. прочно закрепилось мнение о том, что субстантивы на *-ní* / *-tí* (*-nie* / *-tie*) представляют собой не более чем словообразовательный тип отглагольных существительных, относящийся наряду с синонимичными deverбтивами на *-ka* / *-ba* / *-o* (чешск. *rozvážka* «развозка», *lov* «ловля», словацк. *výsadba* «посадка») к деривационно-семантической категории *nomina actionis* [5; 11; 4].

Выделение нерешённых аспектов проблемы, которым посвящена статья. На фоне замечаний о непрерывном росте численности глагольных существительных в языке всех сфер современной коммуникации [22, с. 54–56; 14, с. 248] традиционная трактовка, опровергающая парадигматический статус данных единиц, теряет актуальность. Активные попытки её пересмотра предпринимаются в настоящее время словакистами Э. Грегусовой, М. Соколовой, Л. Ясинской, А. Карчовой, обосновывающими целесообразность рассмотрения гибридных формаций на *-nie* / *-tie* в орбите глагола [6; 20; 9; 14].

Достаточно примечательна в этой связи наметившаяся у словацкого ГС тенденция образовываться от глаголов без каких-либо ограничений. А. Карчова и М. Соколова подтверждают это найденными в Словацком национальном корпусе единицами *idenie* «ход», *misenie* «долженствование, необходимость», *bátie sa* «боязнь, страх», *dozvedenie sa* «узнавание о чём-л.», ср.: *Nešlo o bátie sa... «Речь не шла о боязни»; Po dozvedení sa konečného výsledku som bol veľmi sklamaný... «Когда я узнал о конечном результате, то был очень разочарован»* [14, с. 249–250; 20, с. 83]. Подобные формы, отмечает А. Карчова, несмотря на экспрессивную окраску, употребляются в текстах разных стилей, что говорит о реальной возможности их образования, их понятности и доходчивости [14, с. 250].

В бегемистике же последних десятилетий похожих исследований не проводилось, поэтому повторный анализ регулярности словопроизводства субстантивов на *-ní* / *-tí*, учитывая данные близкородственного словацкого языка, на наш взгляд, необходим.

Постановка задач. В свете затронутой проблематики мы поставили перед собой цель исследовать характер словопроизводства чешских глагольных существительных на *-ní* / *-tí* и, в частности, установить возможность их образования от круга глаголов, традиционно признаваемых в этом плане «дефектными». В центре нашего внимания, таким образом, оказались глаголы, которые: а) не производят ГС вообще, б) производят ГС только с конкретно-предметным значением. Материалом для исследования послужил синхронический корпус чешского языка SYN 3-й версии [<http://ucnk.ff.cuni.cz>].

Изложение основного материала. Регулярность словопроизводства глагольных существительных в чешском языке объективно высока, но, согласно традиционному мнению, далеко не абсолютна [16, с. 140; 11, с. 576; 1; 15, с. 197; 2, с. 26]. Принято считать, что ГС не образуется от глаголов:

- 1) модальных: *tosi* «мочь», *tusit* / *mit* «быть должным (что-л. сделать)», *smět* «сметь», *hodlat* «намереваться, собираться»;
- 2) выступающих в роли связки: *být* (*kým, čím*) «быть кем-л., чем-л.», *stát se* «стать, сделаться», *záležet (v čem)* «заключаться в чём-л.», *ukazovat se (jakým)* «оказываться, являться каким-л.»;
- 3) маркированных многократных: *chodívat* «часто ходит»; *chazívat* «часто, много раз делат»; *psávat* «часто, много раз писат»;
- 4) возвратных, выражающих интенсивность или насыщенность действия: *nachodit se* «много раз ходить», *nahledat se* «долго искат»; *napít se* «много и часто пит»;
- 5) дистрибутивных: *rovyskakovat* «повыскакиват», *rovynpryživat* «повыпрыгиват»; *rovytahovat* «повытаскиват»; *rozabíjet* «побиват», *perebít* «перевит»;
- 6) со значением:

a. принадлежности (*náležet / patřit / příslušet* «принадлежать, относиться к чему-л.», *hodit se* «годиться, подходить»);

b. «произойти, случиться» (*udát se / zběhnout se* «произойти, случиться», *nastat* «настать», *dít se* «происходить, совершаться»);

c. реляционным, подразумевающим отношения различия, тождества, соответствия между кем-л., чем-л. (*lišit se* «отличаться», *shodovat se* «совпадать, соответствовать», *rovnat se* «равняться»);

d. «быть видимым в каком-л. цвете» (*bělet se* «белеться», *modrat se* «синеть», *zelenat se* «зеленеть», *černat se* «чернеть»);

e. говорения (*říct* «сказать», *pravit* «говорить / сказать», *odpovědět / odvětit* «ответить»);

7) единичных *růst* «расти», *předčit* «превосходить, иметь преимущество», *stačit* «хватать, быть достаточным», *bát se* «бояться», *hněvat se* «сердиться», *nudit se* «скушаться», *stydět se* «стыдиться».

Некоторые из приведённых единиц, важно заметить, полисемантически и в других значениях образуют ГС вполне свободно, напр.: *zákaz ukazování se v televizi* «запрет появляться на телевидении»; *bělení korálů* «окрашивание кораллов в белый цвет»; *neustálé povytahování kalhot* «постоянное подтягивание брюк». Стоит также упомянуть субстантивы *umění* «мастерство, искусство, умение», *chtění* «стремление, желание» с несобственно модальной семантикой [18, с. 111]; лексикализованные *bytí* «бытие, жизнь», *dění* «события, жизнь», *jmění* «имущество, достояние».

ГС, употребляющиеся в чешском языке всегда или большей частью в предметных значениях, как правило, мотивированы глаголами, которые обозначают:

i. явления природы (*sněžení* «снегопад», *trhnutí* «изморось», *zatmění* «затмение», *svítání* «рассвет»);

ii. физиологические процессы и состояния (*svědění* «зуд, чесотка», *bolení* «боль», *slehnutí* «роды», *spaní* «сон», *opetospění* «заболевание, болезнь»);

iii. душевные состояния, процессы умственной и духовной деятельности (*doufání* «надежда», *váhání* «колебания, нерешительность», *tušení* «предчувствие», *myšlení* «мышление»);

iv. акустические явления (*pištění* «писк», *houkání* «гуденье», *vrznutí* «скрип», *mňoukání* «мяуканье») [1; 2].

Кроме того, в качестве «полностью опредмеченных» функционируют дериваты *nadání* «талант, дар», *nadšení* «восторг», *předsevzetí* «намерение, замысел», *utrpení* «страдание», *vzbouření* «бунт, восстание», *zároveň* «состязание», *utkání* «состязание, встреча», *usnesení* «постановление, резолюция» [2, с. 35–37; 1, с. 136].

По единодушному убеждению учёных, фактором, ограничивающим производство акциональных глагольных существительных, является исключительно семантика, а вовсе не структурные особенности первоосновы. Substantivum verbale, отмечают Я. Паневова и Е. Бенешова, представляет собой образование, которое сохраняет «акциональное содержание» производящего глагола, тогда как глаголы модальные выражают не действие, а лишь отношение говорящего к действию [18, с. 111]. Похожее отсутствие сем активного процессуального признака, согласно разысканиям Т. А. Ацаркиной, характерно для смысловой структуры многих других глаголов вышеприведённого перечня, в том числе тех, которые мотивируют опредмеченные ГС групп i, ii, iii. Обозначают они «неактивные» действия или состояния, «не приводящие к какому-либо результату»; различные «статические отношения, такие как существование, нахождение или размещение в пространстве, отношение принадлежности, обладание каким-либо качеством или состоянием, отношение различия, тождества, подобия, соответствия...» [1, с. 126]. Специфична семантика глаголов, называющих всевозможные акустические явления — процессуальный признак в данном случае неотделим от порождаемого им продукта (звук живой / неживой природы). Несовместимо с ГС, наконец, акционсартное значение повторяемости действия, которое актуализируется в глаголах многократных, дистрибутивных, дву-видовых типа *nachodit se* [15, с. 197].

Функционирование глагольных существительных в чешском языке, однако, не исчерпывается потребностью наименования отвлечённых действий. Очень часто они используются в качестве средства *синтаксической конденсации* и, в частности, *номинализации* — приёма «компрессии» высказывания путём трансформации предикативной (глагольной) или инфинитивной конструкции в синонимичную конструкцию на базе акционального субстантива: *Aby se tyto úkoly splnily, je třeba učinit několik opatření* → *Ke splnění těchto úkolů je třeba učinit několik opatření* «Для реализации этих задач необходимо принять некоторые меры»; *Snažil se spor urovnat* → *Snažil se o urovnání sporu* «Он пытался уладить спор» [12, с. 632–633; 10, с. 390; 23, с. 185–187]. Такого рода преобразования обеспечивают реализацию коммуникативной цели говорящего, состоящей в повышении информативности высказывания за счёт сокрытия, удаления на второй план несущественных с его точки зрения элементов содержания, которые при необходимости, как правило, восстанавливаются из широкого контекста [19, с. 27–28; 10, с. 392]. Номинализованными конструкциями, употребляющимися в ущерб глагольным, изобилует язык публицистики, науки, официально-деловых документов [10, с. 395; 13; 8, с. 120–121; 25; 21, с. 123,

180–181], что, безусловно, не может не стимулировать производство ГС вопреки налагаемым семантикой ограничениям.

Исследование показало, что деривация глагольного существительного в современном чешском языке регулируется не столько семантическими, сколько коммуникативными факторами. Корпус SYN фиксирует немалое количество ГС, мотивированных глаголами, которые, согласно традиционному мнению, не могут образовывать подобных форм. Ср. перечень найденных «аномальных» единиц (в соотв. с вышеприведённым перечнем глаголов):

- 1) *musení* «долженствование, необходимость что-л. сделать» / ~6 вхождений;
- 2) *bytí* (*kým*, *čím*) букв. «существование в качестве кого-л., чего-л.» / 16 вх., *stávání se* (*kým*, *čím*) «обретение свойств, качеств кого-л., чего-л.; превращение в кого-л., что-л.» / 9 вх.;
- 3) *hledávání* «частые поиски» / 5 вх., *vidování* «частое строительство, создание» / 1 вх., *hrávání* «частая игра» / 1 вх., *malování* «частое рисование» / 1 вх., *rozgovávání* «частое наблюдение» / 1 вх.;
- 5) *rozatýkáni* «арест (многих, постепенно)» / >30 вх., *rozabíjení* «убийство (многих, постепенно)» / 17 вх., *rozavírání* «закрывание; арест (многих, постепенно)» / >20 вх., *rozhášení* «погашение (многих, постепенно)» / 1 вх.;
- 6) : a. *náležení* «принадлежность чего-л. кому-л., вхождение в состав чего-л.» / 20 вх., *patření* «принадлежность, вхождение в состав чего-л.» / 4 вх.;
- b. *nastání* «наступление чего-л.» / 4 вх., *příhazení se* — *příhazení se* «случай, происшествие» / 1 вх. — 2 вх.;
- c. *shodování se* «соответствие, совпадение с чем-л.» / 1 вх., *lišení se* «отличие от чего-л., различие между чем-л.» / 2 вх.;
- d. *stříbrnění* «вú денцеявление чего-л. серебряного цвета» / 1 вх., *černání* «вú денцеявление чего-л. чёрного цвета» / 1 вх.;
- e. *pravení* «говорение» / 2 вх., *řečení* «говорение» / 5 вх.;
- 7) *stydění (se)* «стыд, стеснение» / 17 вх., *hněvání (se)* «гнев, злость» / 2 вх., *bání se* «страх, боязнь» / 6 вх., *nudění (se)* «скука» / 6 вх.

Значительная часть таких ГС является продуктом номинализации, что подтверждается лёгкостью их трансформации в соответствующие структуры с глагольными формами:

- *Jak jsem se jednou již zmínil, mám rád krajinu <...> a s tímto malým světem se identifikuji, mám pocit "náležení k němu"* «Как я однажды уже упомянул, я люблю свой край и с этим малым миром себя отождествляю, чувствую принадлежность к нему» ← ...pocít, že náležím k němu;
- *V takovýchto večerech nebylo možné nevšimnout si stále hlasitějšího laškování kosích párů, táni sněhu sluníčkem a černání mezi a lesů* «Такими вечерами нельзя было не обратить внимание на то, как с нарастающей громкостью шалют пары дроздов, таёт на солнце снег, а также чернеют межги и леса» ← ...nevšimnout si toho, jak ...černají se meze a lesy;
- *Od bezpečnosti očekáváme pozatýkáni pachatelů* «От органов охраны правопорядка мы ожидаем ареста (многих) преступников» ← ...očekáváme, že rozatýká pachatele.

В других случаях образование субстантивов обусловлено необходимостью кратко сослаться на содержание предшествующего высказывания [12, с. 631], придать ему экспрессивный характер, точно истолковать или передать какое-л. понятие (термин):

- *V tomto smyslu lze říci, že mluvíci vyslovil mravní soud, který se shoduje <...> se všeobecnými standardy. A v tomto 'shodování se se standardy' sročívá...* «В этом смысле можно сказать, что докладчик высказал мнение, которое соответствует морали и всеобщим стандартам. И в этом "соответствии стандартам" заключается...»;
- *"Když jsem uprostřed, mezi nej-a nej-, tak to znamená, že se nelíším." To neznamená, že se nelíšíš. Líšíš se. Jsi nícen se líšit. Jsi otrokem lišení se* «Если я нахожусь посредине, между ним и ним, это означает, что я не отличаюсь. — Это не означает, что ты не отличаешься. Отличаешься. Ты вынужден отличаться. Ты являешься рабом отличия».
- *...skupina sloves, kterým se říká verba dicendi a sentiendi (slovesa pravení a cítění)* «группа глаголов, которые называются verba dicendi a sentiendi (глаголы говорения и чувственного восприятия)».

В то же время, несмотря на внушительное количество представленных примеров, число вхождений каждого отдельно взятого «аномального» ГС зачастую мизерно. В силу своей экспрессивности и окказиональности они, как мы видим, нередко берутся в кавычки (см. ещё: *Carolino "stávání se Masajkou"* «превращение Каролы в женщину племени Масаи»), в некоторых случаях теряют характерную для глагола сочетаемость (**musení vykonat* «необходимость исполнить», **bání se koho* «страх перед кем»), а также не распознаются корпусом, получая «неопределённую» маркировку 'X@'.

Что касается опредмеченных субстантивов на *-ní* / *-tí*, то выведение данных форм за пределы класса акциональных глагольных существительных является, на наш взгляд, преждевременным. В составе номинализированных структур, при наличии зависимых слов они всё же могут выступать в своей первичной ипостаси. Например:

предметное значение	акциональное значение
• <i>Takové tušení ukázal i prezident Václav Klaus na své diskuzi se studenty univerzity Pardubice «Такое предчувствие выразил и президент Вацлав Клаус во время своей дискуссии со студентами университета в Пардубице».</i>	• <i>Ale hlavně proto, že dával příležitost k tušení existence jiných světů... «Но главным образом потому, что давал возможность предчувствовать существование иных миров» ← ...příležitost tušit existenci...</i>
• <i>Cožpak se vám ještě nezprotivilo to žabí kuňkání znějící ze stojatých vod vašeho rybníka «Неужели вам ещё не надоело это кваканье жаб, которое раздаётся из стоячих вод вашего пруда?»</i>	• <i>...Mnozí z nás se budou těšit <...> z kuňkání žab v polních tůních «Многие из нас будут радоваться кваканью жаб в полевых болотах» ← ...těšit z toho, že v polních tůních kuňkají žáby.</i>
• <i>Prezident Izebegovic je na druhé straně přesvědčen, že «барикадové vzbouření» bylo předem připraveno «Президент Изетбегович, с другой стороны, уверен, что «баррикадный бунт» был заранее подготовлен».</i>	• <i>Tematem humoristického románu je vzbouření se staré paní vůči světu synovci, který ji využívá jako zdroj peněz «Темой юмористического романа является то, как старая женщина взбунтовалась против своего племянника, который использовал её как источник денег» ← ...je to, jak se stará paní vzbouřila vůči světu synovci...</i>

См. ещё: *jeho šance na onemocnění rakovinou* «его шансы заболеть раком» ← ...na to, že onemocní rakovinou; *<Vaše dítě> si stěžuje na svědění očí* «Ваш ребёнок жалуется на то, что у него чешутся глаза» ← ...si stěžuje na to, že ho svědí oči; *Při vrznutí dveří <matka> trochu pohnula hlavou* «Когда скрипнули двери, мама немного шевельнула головой» ← *Když vrzly dveře...; nadání města určitými právy a svobodami* «предоставление городу определённых прав и свобод».

В отдельных случаях ГС сохраняют за собой даже возможность передавать видовые различия:

ГС, мотивированные глаг. несов. вида	ГС, мотивированные глаг. сов. вида
• <i>Americké hráčce nepomohlo <...> ani bouhání raketou o zem «Американской спортсменке не помогло даже бить ракеткой о землю» ← ...ani to, že bouchala raketou o zem.</i>	• <i>Svá slova dotvrdil bouchnutím kostětem na velký pytel «Свои слова он подтвердил тем, что ударил венком по большому мешку» ← ...dotvrdil tím, že bouchl kostětem na velký pytel.</i>
• <i>Když se nyní reformy neuskuteční, pak <...> ještě nenarozené děti zaplatí daleko větší cenu za váhání současných generací «Если в настоящее время реформы не осуществятся, то ещё не рождённые дети заплатят гораздо большую цену за нерешительность современных поколений» ← ...zaplatí cenu za to, že současné generace váhají.</i>	• <i>Kromě úspěchu ve zbývajících závodech sezony musí spoléhat na zaváhání rivalů «Кроме успеха в оставшихся соревнованиях сезона он должен надеяться на то, что его соперники начнут колебаться» ← ...spoléhat na to, že rivalové zaváhají.</i>

Выводы и перспективы дальнейших исследований. В современном чешском языке по аналогии с близкородственным словацким отмечается тенденция к неограниченному производству акциональных субстантивов на *-ní / -tí* от глаголов. Благодаря широкому распространению номинализированных конструкций с глагольными существительными в книжных стилях языка потребность иметь синонимичный именной эквивалент на *-ní / -tí*, как показывает корпус SYN, охватывает в той или иной степени все глаголы, в том числе и те, семантика которых этому препятствует. Словопроизводство чешских глагольных существительных, таким образом, носит парадигматический характер и приближено к словоизменению.

Выявленные факты, тем не менее, ещё не доказывают принадлежности субстантивов на *-ní / -tí* к парадигме глагола. Данная проблема чрезвычайно сложна и подразумевает рассмотрение других немаловажных вопросов их гибридной языковой природы. Так, необходимо установить, насколько последовательно пары типа *dobývání — dobytí* «завоевание» выражают семантику «совершенности — несовершенности» действия, исследовать степень лексического параллелизма таких коррелятов по отношению друг к другу и к производящему глаголу, уточнить условия сохранения в структуре субстантивов возвратных клитик.

Л и т е р а т у р а

1. Ацаркина Т. А. Влияние категории вида на формирование общей семантики отглагольных существительных на *-ní, -tí* в современном чешском языке / Т. А. Ацаркина // *Badania nad czasownikiem w językach słowiańskich: budowa, semantyka i funkcjonowanie*. — Warszawa: Wyd-wo Uniwersytetu Warszawskiego, 1985. — S. 121–141.
2. Васильева В. Ф. О видовых значениях отглагольных существительных (на материале чешского языка) / В. Ф. Васильева // *Славянская филология: сб. статей*. — Вып. 7. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. — С. 24–39.
3. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология: в 2 ч. / А. В. Исаченко. — Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1954–1960.
4. Dokulil M. Tvoření slov v češtině 1: Teorie odvozování slov / M. Dokulil. — Praha: Nakladatelství československé akademie věd, 1962. — 263 s.
5. Furdík J. O vide a väzbe pri slovesných podstatných menách / J. Furdík // *Slovenská reč*. — Bratislava, 1967. — roč. 32, č. 2. — S. 65–74.
6. Gregusová E. Korpusový výskum verbálneho substantíva od reflexívnych verb / E. Gregusová // *Príspevky 4 študentskej vedeckej konferencie konanej pod záštitou dekana Filozofickej fakulty Prešovskej univerzity v Prešove*. — Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2009. — S. 284–298.

7. Havránek B. Česká mluvnice / B. Havránek, A. Jedlička. — Praha : Státní pedagogické nakladatelství, 1981. — 568 s.
8. Hoffmannová J. “Euročeština” v lucemburských překladech dokumentů Evropského parlamentu / J. Hoffmannová, J. Šimandl // Naše řeč. — 2008. — roč. 91, č. 3. — S. 113–126.
9. Jasinská L. Miera gramatického a slovtvorného významu sufixálnej morfémy v slovesnom podstatnom mene / L. Jasinská // Slavica Iuvenum XVI : Mezinárodní setkání mladých slavistů. — Ostrava : Ostravská univerzita v Ostravě, Filozofická fakulta, 2015. — S. 8–21.
10. Jelínek M. Funkce a vývoj syntaktických kondenzátorů v slovanských jazycích / M. Jelínek // Otázky slovanské syntaxe : sborník symposia «Strukturální typy slovanské věty a jejich vývoj», 20–22.X. 1966, Brno. — Brno : Universita J. E. Purkyně, 1968. — Č. 2. — S. 389–395.
11. Jelínek M. Jména dějová / M. Jelínek // Tvoření slov v češtině. 2. Odvozování podstatných jmen / Red. F. Daneš, M. Dokulil, J. Kuchař. — Praha : Academia, 1967. — S. 562–653.
12. Jelínek M. K nominálnímu způsobu vyjadřování : funkce dějových substantiv / M. Jelínek // Acta Universitatis Carolinae. Slavica Pragensia. — Praha, 1962. — № 4. — S. 629–634.
13. Jelínek M. Syntaktické tendence odborného stylu / M. Jelínek // Československý terminologický časopis. — Praha, 1963. — Roč. 2. — Č. 2. — S. 65–84.
14. Karčová A. Produktivnosť vzoru *vysvedčenie*, jeho vplyv na skloňovanie substantív stredného rodu a nové lexikálne jednotky prináležiace k tomuto vzoru / A. Karčová // Varia XVI. — Bratislava : Slovenská jazykovedná spoločnosť pri SAV, 2008. — S. 248–259.
15. Křížková H. K problematice podstatných jmen slovesných v ruštině v porovnání s češtinou / H. Křížková // Ruský jazyk. — 1959. — Roč. 9. — Č. 5. — S. 195–203.
16. Mluvnice češtiny (2) : Tvarosloví / J. Petr a kol. — Praha : Academia, 1986–536, [3] s.
17. Morfológia slovenského jazyka / red. J. Ružička. — Bratislava : Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1966. — 896 s.
18. Panevová J. Čas a modalita v češtině / J. Panevová, E. Benešová, P. Sgall. — Praha : Univerzita Karlova, 1971. — 169 s.
19. Papierz M. Nominalizacje we współczesnym języku słowackim / M. Papierz. — Kraków : Nakł. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1982. — 66, [2] s.
20. Sokolová M. Návrat k verbálnemu substantívu ako verbálnemu tvaru / M. Sokolová // Jazyk je zázračný organizmus... Metamorfózy jazyka a jazykovedy. — Prešov : Prešovská univerzita, 2014. — S. 79–101.
21. Stylistika češtiny / J. Chloupek a kol. — Praha : Státní pedagogické nakladatelství, 1990. — 294 s.
22. Světlá J. Nová abstraktní pojmenování / J. Světlá // Neologizmy v dnešní češtině. — Praha : Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky, 2005. — S. 54–68.
23. Topolińska Z. Mechanizmy nominalizacji w języku polskim / Z. Topolińska // Studia gramatyczne I. — Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1977. — S. 175–212.
24. Trávníček F. Mluvnice spisovné češtiny : ve 2 část. / F. Trávníček. — Praha : Slovanské nakladatelství, 1951. — Část II : Skladba. — 1951. — S. 617–1497.
25. Váhala F. Z našich časopisů a novin / F. Váhala // Naše řeč. — 1960. — Roč. 43. — Č. 9–10. — S. 300–304.

References

1. Atsarkina, T. A. (1985), «The influence of the category of correlation on the formation of the general semantics of verbal nouns ending in *-ní, -tí* in the modern Czech language», *Badania nad czasownikami w językach słowiańskich : budowa, semantyka i funkcjonowanie* [«Vlijanije kategorii vida na formirovanije obshej semantiki otglagol'nyh sushchestvitel'nyh na *-ní, -tí* v sovremennom cheshskom jazyke», *Badania nad czasownikami w językach słowiańskich : budowa, semantyka i funkcjonowanie*], Wyd-wo Uniw. Warszawskiego, Warszawa, pp. 121–141.
2. Vasil'jeva, V. F. (1968), «On the correlation semantics of verbal nouns (as exemplified in the Czech language)», *Slavonic Philology : a collection of articles* [«O vidovykh znachenijakh otglagol'nykh sushchestvitel'nykh (na materiale cheshskogo jazyka)», *Slavianskaja filologija : sbornik statej*], Moscow State Univ. Publ. House, Moscow, vol. 7, pp. 24–39.
3. Isachenko, A. V. (1960), *The grammatical structure of the Russian language in comparison with Slovak : Morphology : in 2 parts* [Grammatičeskij stroj russkogo jazyka v sopostavlenii s slovackim : Morfológija : v 2 ch.], Publishing House of the Slovak Academy of Sciences, Bratislava, part 2, 576 p.
4. Dokulil, M. (1962), *Tvoření slov v češtině 1 : Teorie odvozování slov*, Nakladatelství československé akademie věd, Praha, 263 p.
5. Furdík, J. (1967), «O vide a vázbe pri slovesných podstatných menách», *Slovenská reč*, roč. 32, č. 2, pp. 65–74.
6. Gregusová, E. (2009), «Korpusový výskum verbálneho substantíva od reflexívnych verb», *Príspevky 4 študentskej vedeckej konferencie konanej pod záštitou dekana Filozofickej fakulty Prešovskej univerzity v Prešove*, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, Prešov, pp. 284–298.
7. Havránek, B., Jedlička, A. (1981), *Česká mluvnice*, Státní pedagogické nakladatelství, Praha, 568 p.
8. Hoffmannová, J., Šimandl, J. (2008), «“Euročeština” v lucemburských překladech dokumentů Evropského parlamentu», *Naše řeč*, roč. 91, č. 3, pp. 113–126.
9. Jasinská, L. (2015), «Miera gramatického a slovtvorného významu sufixálnej morfémy v slovesnom podstatnom mene», *Slavica Iuvenum XVI : Mezinárodní setkání mladých slavistů*, Ostravská univerzita v Ostravě, Filozofická fakulta, Ostrava, pp. 8–21.
10. Jelínek, M. (1968), «Funkce a vývoj syntaktických kondenzátorů v slovanských jazycích», *Otázky slovanské syntaxe : sborník symposia «Strukturální typy slovanské věty a jejich vývoj», 20–22.X. 1966, Brno*, Universita J. E. Purkyně, Brno, Č. II, pp. 389–395.
11. Jelínek, M. (1967), «Jména dějová», *Tvoření slov v češtině. 2. Odvozování podstatných jmen*, Academia, Praha, 1967, pp. 562–653.
12. Jelínek, M. (1962), «K nominálnímu způsobu vyjadřování : funkce dějových substantiv», *Acta Universitatis Carolinae. Slavica Pragensia*, vol. 4, pp. 629–634.

13. Jelínek, M. (1963), «Syntaktické tendence odborného stylu», *Československý terminologický časopis*, roč. 2, č. 2, pp. 65–84.
14. Karčová, A. (2008), «Produktivnost vzoru vysvedčení, jeho vplyv na skloňovanie substantív stredného rodu a nové lexikálne jednotky prináležiace k tomuto vzoru», *Varia XVI*, Slovenská jazykovedná spoločnosť pri SAV, Bratislava, pp. 248–259.
15. Krížková, H. (1959), «K problematice podstatných jmen slovesných v ruštině v porovnání s češtinou», *Ruský jazyk*, roč. 9, č. 5, pp. 195–203.
16. Petr, J., a kol. (1986), *Mluvnice češtiny (2) : Tvarosloví*, Academia, Praha, 536, [3] p.
17. Ružička, J., red. (1966), *Morfologie slovenského jazyka*, Vyd-vo SAV, Bratislava, 896 p.
18. Panevová, J., Benešová, J., Sgall, P. (1971), *Čas a modalita v češtině*, Univerzita Karlova, Praha, 169 p.
19. Papierz, M. (1982), *Nominalizacje we współczesnym języku słowackim*, Nakł. Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków, 66, [2] p.
20. Sokolová, M. (2014), «Návrat k verbálnemu substantívu ako verbálnemu tvaru», *Jazyk je zázračný organizmus... Metamorfózy jazyka a jazykovedy*, Prešovská univerzita, Prešov, pp. 79–101.
21. Chloupek, J., a kol. (1990), *Stylistika češtiny*, Státní pedagogické nakladatelství, Praha, 294 p.
22. Světlá, J. (2005), «Nová abstraktní pojmenování», *Neologizmy v dnešní češtině*, Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky, Praha, pp. 54–68.
23. Topolińska, Z. (1977), «Mechanizmy nominalizacji w języku polskim», *Studia gramatyczne I*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław, pp. 175–212.
24. Trávníček, F. (1951), *Mluvnice spisovné češtiny : ve 2 část.*, Slovanské nakladatelství, Praha, Část II : Skladba, pp. 617–1497.
25. Váhala, F. (1960), «Z našich časopisů a novin», *Naše řeč*, roč. 43, č. 9–10, pp. 300–304.

СКОПЛЄВ Андрій Олександрович,

старший викладач кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ «ДДПУ»; вул. Садова, 78 а, м. Бахмут, 84511, Україна; тел.: +38 095 1830829; e-mail: andskoplev@ukr.net; ORCID ID: 0000-0003-2931-8066

ЩЕ РАЗ ПРО ПРОДУКТИВНІСТЬ ЧЕСЬКИХ ДІСЛІВНИХ ІМЕННИКІВ НА *-NÍ / -TÍ*

Анотація. У статті переглядаються деякі аспекти теорії чеських діслівних іменників на *-ní / -tí*. **Мета** статті — дослідити характер словотворення діслівних іменників у світлі проблеми їхнього частиномовного статусу. **Предметом** вивчення є можливість утворення субстантивів на *-ní / -tí* від кола діслів, традиційно визнаних щодо цього «дефектними». **Об'єкт** аналізу склали діслова, що не утворюють діслівних іменників з акціональним значенням. У роботі використано **методи** семантичного та трансформаційного аналізу, метод суцільної вибірки. У **результаті** аналізу даних синхронічного корпусу чеської мови SYN встановлено, що діслівні іменники на *-ní / -tí* в обмеженому порядку утворюються від кола зазначених «дефектних» діслів; наслідування субстантивами акціональної семантики сприяє збереженню в їхній смисловій структурі видових відмінностей. **Висновки.** Словотворення діслівних іменників у чеській мові носить парадигматичний характер і наближене до словозміни. **Практичне застосування** результатів дослідження є можливим у вирішенні питання про частиномовний статус таких *nomina actionis* у західнослов'янських мовах.

Ключові слова: діслівний іменник, *nomina actionis*, номіналізація, категорія виду діслова.

Andriy O. SKOPLEV,

Senior Lecturer, Department of Linguistics and the Russian Language, Horlivka Institute for Foreign Languages, SHEI «DSPU»; 78 a Sadova Str., Bakhmut, 84511, Ukraine; tel.: +38 095 1830829; e-mail: andskoplev@ukr.net; ORCID ID: 0000-0003-2931-8066

ONCE AGAIN ON THE PRODUCTIVITY OF VERBAL NOUNS ENDING IN *-NÍ / -TÍ*

Summary. The **object** of the article is verbs that do not produce verbal nouns with action semantics. Some aspects of the theory of Czech verbal nouns ending in *-ní / -tí* are under review. The **subject** of analysis is the possibility to form substantives ending in *-ní / -tí* from a range of verbs traditionally recognized as «defective» in this regard. The **purpose** of the study is to disclose the nature of the word formation of verbal nouns in the light of the problem of their part-of-speech status. The **methodology** comprises semantic and transformational analysis as well as continuous sampling. The **findings** of analysing data of the SYN series of the Czech language synchronic corpora are the following: verbal nouns ending in *-ní / -tí* can be derived from the range of the aforementioned «defective» verbs; since these substantives retain the action semantics, it helps maintain correlation differences in their semantic structure. The **results** are that word building of verbal nouns in Czech is paradigmatic and it has a form building tendency. The **practical value** of the research results is that the latter can be used in solving the problem of the part-of-speech status of such *nomina actionis* in the West Slavic languages.

Key words: verbal noun, *nomina actionis*, nominalization, the category of aspect.

Статтю отримано 15.05.2017 р.

СИРОТА Елена Владимировна,

кандидат филологических наук, зав. кафедрой славистики Бэлцкого государственного университета имени Алеку Руссо; ул. Пушкаина, 38, г. Бэлць, 3100, Республика Молдова; +373 69554559; e-mail: sirotaelena@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-2662-8512

СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. *Актуальность* выбранной темы обусловлена необходимостью решения ряда проблем, которые до сих пор трактуются неоднозначно. Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению субъективно-оценочных обращений. В статье рассматриваются отдельные аспекты проблемы обращения (семантика, структура, грамматическая специфика, смысловая нагрузка и стилистическое использование оценочных обращений в дискурсе), которые и являются *объектом* данного исследования. *Цель* работы состоит в том, чтобы, выявив функциональные возможности обращения, проанализировать с разных точек зрения обращения-характеристики, выполняющие субъективно-оценочную функцию в русском языке. Основными *методами*, использованными в процессе исследования, являются: описательный, непосредственного наблюдения, статистический, функциональный, а также метод контекстуального анализа. *Материалом* для исследования послужили художественные дискурсы русских писателей XX века. В результате анализа выявлены семантические особенности лексем, репрезентирующих данный тип обращений, дана их морфологическая характеристика, установлена смысловая нагрузка оценочных обращений в текстах. **Выводы:** функционирование обращения в русском языке позволяет обнаружить такую специфическую особенность, как полифункциональность. Особо следует отметить субъективно-оценочную функцию, выполняющую важную роль в художественном дискурсе. **Практическая значимость:** результаты исследования могут быть использованы при изучении таких дисциплин, как синтаксис русского языка, стилистика, лингвистика текста.

Ключевые слова: обращение, семантика, структура, функционирование, субъективно-оценочное обращение, художественный дискурс.

Постановка проблемы. Язык нуждается в исследовании, так как существует ещё масса проблем, которые до сих пор не разрешены и трактуются неоднозначно. Одной из таких проблем является проблема общения, некоторые аспекты которой и является объектом нашего исследования.

Обращение в коммуникативно-прагматическом значении наделено спецификой выражать эмоциональное или ценностное отношение говорящего к объекту речи. Основная функция коннотации — функция воздействия, связанная с прагматикой речи. Как отмечают исследователи, коннотация как компонент значения синтаксических единиц, в том числе и обращения, состоит из эмоциональности, экспрессивности и оценочности.

Дискуссионным является вопрос о связи обращения с предложением. Установилась грамматическая традиция рассматривать обращение как слово или сочетание слов, называющих адресата речи, грамматически не связанных с предложением и потому не являющихся его членом. Однако имеется и иная точка зрения, выразители которой с разной степенью убедительности пытаются доказать, что такая связь имеется, что обращение — это особый член предложения. Представляется спорным вопрос о месте обращения в предложении: является обращение в предложении строго локализованным, или его место может меняться без ущерба для смысла предложения? Спорен и мало изучен вопрос об интонации обращений.

Связь с предыдущими исследованиями. Обращение привлекает внимание исследователей, так как выражает непосредственную направленность речи к собеседнику, и поэтому является ярким выразительным средством речевого общения в области устной и письменной диалогической речи. Используются обращения в монологе и ораторских выступлениях, в эпистолярном стиле речи. Здесь обращение адресуется тому, о ком герой (автор) думает, кому пишет. Оно может также называть предмет, опредмеченное представление, в адрес которого направлена речь или размышления, чувства героя (автора) [11, с. 31]. Теория обращения стала предметом исследования ряда лингвистов: Н. И. Адамушко, Е. Д. Бейлиной, В. Г. Костомарова, М. М. Копыленко, О. А. Мизина, О. Г. Почепцова, Л. П. Рыжовой, Н. И. Формановской, Л. Д. Чесноковой, А. А. Акишиной, А. И. Останина, О. Г. Глазовой, Е. А. Плясковой и др. Уделяется внимание вопросу разграничения обращений и других синтаксических категорий (приложений, именительного представления, вокативного предложения и др.). Предпринимаются попытки рассматривать обращение не как слово или словосочетание, а как коммуникативный тип предложения. Некоторые исследователи подходят к проблеме обращения как к лексической категории. Интересны наблюдения над возможностями выражения обращения в речи. Делается попытка классификации обращений по определённому признаку: по коммуникативному типу предложений, в которых употребляется обращение; по месту обращения в предложении; по лексико-грамматическому составу обращений. Предлагается различать обращения, употребляемые в официальной и неофициальной обстановке. На функциональную двойствен-

ность обращений — вокативность и императивную модальность — указывает Л. К. Дмитриева. Этой двойственностью обуславливается «грамматическая, подчинительная связь модально-персонифицирующего характера», лежащая в основе соотносительной связи обращения с предложением его именами [4, с. 31].

Анализ работ свидетельствует о том, что среди конструкций обращения особенно чётко выделяются две группы: 1) выполняющие контактоустанавливающую, вокативную, идентифицирующую функцию и 2) субъективно-оценочные, характеризующие обращения. В акте общения обе функции являются очень важными. Но если первая группа обращений изучена довольно подробно, то исследование второй группы только начинается. Имеется довольно ограниченное количество научных исследований, посвящённых проблеме субъективно-оценочных обращений в русистике.

Несмотря на наличие исследований, рассматривающих проблемы функционирования, а также коммуникативных, структурных и семантических характеристик конструкций обращения, имеется ряд вопросов, которые до сих пор остаются дискуссионными.

Постановка задач. Актуальность темы нашего исследования обусловлена необходимостью изучения нерешённых вопросов в области вокативных конструкций. *Цель* исследования состоит в выявлении специфики субъективно-оценочных обращений, раскрытии структурных особенностей этих единиц языка и речи, обуславливающих их функционирование в художественном дискурсе.

Аспектами данного исследования являются семантические особенности лексем и их сочетаний, выступающих в позиции данного типа обращений; морфологическая структура обращений-характеристик и их соотносительная связь с предложением; грамматические особенности обращений; характер оценки, выражаемой этим разрядом обращений; смысловая нагрузка и стилистическое использование оценочных обращений в тексте.

Основными **методами** исследования стали описательный, сравнительно-сопоставительный, методы наблюдения, семантического и стилистического анализа.

Изложение основного материала. Связь обращения с остальным составом предложения выражается, во-первых, в том, что любое предложение, сообщающее о действии или состоянии определённого субъекта и имеющее в качестве сказуемого глагол в форме 2-го лица, с абсолютной регулярностью может распространяться обращением, называющим субъект, который либо обозначен в подлежащем местоимением, либо не обозначен совсем: *Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?* (Крылов); *Ах, раскινήтесь, строчки песнопений, над землёю вечно молодой* (Прокофьев); *Откройся, мысль! Стань музыкою, слово!* (Заболоцкий). Во-вторых, в высказывании обращение образует синтагму или группу синтагм, либо входит в синтагму вместе с другими словами в предложении. А. Г. Руднев указывает, что между обращением и предложением могут устанавливаться отношения *включения, соотношения, контаминированной связи, неполной координации со сказуемым*. Эти отношения проявляются во включении некоторых слов в состав предложения в форме, получаемой на основе смысловой, а не формальной связи с членами предложения, и выполнении ими синтаксических функций независимо от определяемых членов предложения. В основе таких отношений лежит анафорическая связь, осложнённая совместным выполнением коммуникативного задания адресации сообщения, и элементы аппозитивной связи. Между обращением и сказуемым предложения могут устанавливаться отношения «неполной, вырожденной координации», при которой сохраняется совпадение обращения со сказуемым в грамматических категориях лица, числа и рода [11, с. 183–184]. В. В. Луцкай, опираясь на основные положения отображающей грамматики В. Н. Мигирина, определяет обращение на основе его дифференциальных признаков [9, с. 40–41]. Но выделение дифференциальных признаков становится возможным, если члены предложения свести к двучленным оппозициям, которые можно назвать синтаксическими биномами. Идеи двучленных оппозиций в рамках предложения были и в традиционной грамматике: выделялись подлежащее и сказуемое, определяемое и определяющее, господствующее слово и приложение со значениями причины и следствия, условия и обусловленности.

Пользуясь понятием «противочлена» (термин предложен профессором В. Н. Мигириным), В. В. Луцкай определяет обращение как автономный член предложения, а не распространитель. Специфика синтаксической позиции обращения обнаруживается в том, что оно (обращение) свободно включается в разнообразные по структуре предложения и, в то же время, оно может предопределять форму числа (реже рода) словоформы-противочлена, в том числе главных членов, благодаря чему оказывается не вне предложения, а над иерархией словоформ в предложении...: *Как недогадлива ты, няня* (Пушкин); *Как хорошо ты, о море ночное!* (Тютчев)» [8, с. 107]. В соответствии с этим имеют место и нетрадиционные определения обращения как грамматической единицы: «Обращение — это распространяющий член предложения — имя в форме И. П., возможно — с зависящими от него словоформами, называющими того, к кому адресована речь» [12, с. 163]. «Обращение — автономный член предложения со значением адресата речи (осложнённым или неосложнённым дополнительным значением), представленный формами, эквивалентными названию 2-го лица» [10, с. 20]. Последнее определение считаем наиболее точным, ёмким и принимаем за основу в дальнейшей работе.

Из всего комплекса весьма интересных вопросов, связанных с проблемой обращений, на первый план выступает вопрос о функциях обращений, поскольку с этим аспектом, на наш взгляд, так или

иначе связаны и многие другие аспекты исследования проблемы обращения. Предполагается, что первоначальной, да и единственной специфической особенностью обращений была их звательность, а единственно возможной функцией в речи — функция вокативная, сущность которой — название собеседника, привлечение его внимания. Неслучайно поэтому обращению называли «звательными словами». По мере развития языка, наряду с сохранением исходной, первоначальной функции, обращение приобретало новые функции в речи, нередко недалеко отстоящие от вокативной. Обращения стали использовать для передачи различных модальных и эмоциональных оттенков значения, для яркой и меткой характеристики как того лица, к которому говорящий обращается с речью, так и самого говорящего и его отношения к собеседнику. В последующих работах появляется уже указание на квалифицирующую (характеризующую) функцию обращения.

Коммуникативную, оценочную и квалифицирующую функции отмечают авторы многих учебников и учебных пособий по современному русскому языку. В художественном произведении обращение может выполнять и особые стилистические функции, «оживляя» повествование, придавая речи выразительность, эмоциональность. В поэтической речи обращение может:

- вводить основную тему, называть тот предмет, о котором повествуется в тексте. Например: *Угрюмый сторож муз, Гонитель давний мой, Сегодня рассуждать задумал я с тобой* (Пушкин);
- сосредотачивать в себе центральную часть сообщения (изъятие такого обращения лишает текст его информативной законченности и ясности): *Тишина, ты лучше всех, что слышал* (Пастернак);
- собственно называть, представлять предмет («обращённая речь» при этом отсутствует или сводится к словам-приветствиям): *Вы, чьи широкие шинели Напоминали паруса, Чьи шпоры весело звенели И голоса, И чьи глаза, как бриллианты, На сердце оставляли след, — Очаровательные франты минувших лет!* (Цветаева. Генералы 12-го года);
- сопоставлять контрастные ситуации, понятия: *Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ Маузер!* (Маяковский).

Разные функции обращения указываются и в целом ряде публикаций, специально посвящённых этой проблеме. Л. М. Карацева отмечает четыре группы обращений (и, соответственно, 4 их функции) [6, с. 254–270]:

1. Обращения, называющие лицо, к которому обращена речь: *Товарищ докладчик, пожалуйста, сюда!* (Рыбаков. Дети Арбата);
2. Обращения с модальной функцией: *Заеду, дорогой, если будет время...* (Лупан. Ветер в лицо);
3. Обращения, выполняющие эмоционально-коммуникативную функцию, передающее чувство и волеизъявление говорящего собеседнику, это — вокативные предложения. Например: *Бриллиантик ты мой бесценный! Ну что стоило Богу послать хоть какой-нибудь табор в наши края!* (Лупан. Третий петухи).
4. Эмоциональные обращения, которым свойственна функция восклицания — вокативные междометия, полностью утратившие свою вокативность. Например: *Матерь Божья! ... А где же мой Георге?* (Друцэ. Недолгий век зеленого листа.).

Такое разнообразие функциональных характеристик обращения вызвано, думается, тем, что обращение действительно полифункционально, оно отражает различные аспекты коммуникативного акта и в этом акте человеческого общения выполняет разные функции, а часто несколько функций сразу, в зависимости от социальной ситуации (т. е. от формы общения, условий общения, передаваемой информации, места общения и т. д.).

В обращении находят своё выражение социальные и личные отношения между участниками акта коммуникации. Социальный статус людей и отношения между ними постоянно меняются в различных социальных ситуациях. Е. Ф. Тарасов говорит о ситуациях нормативных (официальных) — ненормативных (неофициальных); санкционируемых (соответствующих правовым и этическим нормам общества) — несанкционируемых (противоречащих правовым и эстетическим нормам общества). Каждая ситуация требует и употребления тех или иных языковых средств, в том числе разных обращений [13, с. 73–85].

Имеются типизированные и нетипизированные средства адресации, передающие отношения лиц, вступающих в контакт. Типизированные средства выполняют одновременно и функцию социальной регуляции акта общения (распределение социальных ролей). Например: *дядя* (в обращении ребёнка или подростка к взрослому) является типизированным, хотя Л. К. Граудина считает, что обращение *дядя*, как и *тётя*, типизировано только в обращении к родственнику (родственнице): брату отца, матери; сестре отца, матери; но в речи не ребёнка (а также не родственника, по Л. К. Граудиной) это обращение передаёт нетипизированные отношения, поэтому в нём появляется фамильярно-иронический оттенок [3, с. 76]. Выбор формы обращения зависит от понимания механизма регуляции отношений между коммуникантами и от усвоения правил национального речевого поведения, связанных с нормами речевого этикета.

Установлено, что обращение нельзя считать категорией, предназначенной лишь для номинации. Это «предложенческая категория», способная функционировать в речи. Речевое высказывание всегда направлено к определённой личности, которое выступает в коммуникации как конкретная личность с присущими ей признаками. Иными словами, «всякий речевой акт рассчитан на определённую модель

адресата..., и рассогласование параметров собеседников может привести к нарушению коммуникации». Важнейшими структурными, а иногда и смысловыми компонентами речевого акта являются разнообразные средства адресации, позволяющие установить контакт, определить социальный, возрастной, половой статус собеседников, а также обеспечить согласованность в двусторонней связи субъектов. При этом важно учитывать тот факт, что выбор нужного средства адресации является не только коммуникативно, но и информативно значимым, поскольку «за ситуацией коммуникативного плана (говорящий — сообщение — слушающий) скрывается более сложная система поведенческих ситуаций — межличностных и социальных...». Употребление конкретной формы обращения определяется также социальными факторами, поскольку говорящий, обращаясь к собеседнику, оказывается перед выбором из нескольких наименований, и этот выбор социально значим, так как производится говорящим на основе его отношения к собеседнику: как к старшему или ровеснику, начальнику или товарищу, близкому другу, родственнику или незнакомцу. Обращения, указывая на адресат речи, подчёркивают объективно-субъективное отношение говорящего к собеседнику или олицетворённому предмету, не только «зывают к лицу, но и несут разнообразную информацию, часто равную другим предложениям, не являющимся обращениями» [1, с. 109–125]. В обращениях сочетаются идентифицирующие компоненты с элементами субъективной оценки. В этом А. Т. Абрамова видит коренное отличие обращений от именительного представления.

Профессор А. И. Ефимов, указывая на роль обращений в разговорной речи и художественных произведениях, пишет: «... обращения интересны тем, что в них заложены элементы оценочной характеристики: положительной, отрицательной, нейтральной, приподнято-торжественной и т. п.» [5, с. 458].

Таким образом, к субъективно-оценочным обращениям относятся такие, в которых, помимо содержащейся в них характеристики, дана та или иная оценка адресата. Понятия *оценки* и *характеристики* используются нами в их словарном значении: *оценка* — «мнение, суждение о качестве, достоинстве, значении и т.п. кого-л., чего-л.»; характеристика — «описание характерных, отличительных свойств, черт кого-л., чего-л.» [5, с. 456]. Однако не все обращения равноценны в смысле оценочно-характеристических свойств. Можно выделить две группы обращений: 1) обращения, не содержащие в себе никакой оценки собеседника, примелькавшиеся, выступающие в виде своеобразных штампов: *Господа, — завопил он на весь погребок...* (Друцэ. Белая церковь); 2) обращения оценочно-характеризующие, обладающие ярко выраженной образностью: *До чего же вы сладки, байстрюки противные! Побей вас счастье и здоровье!* (Лупан. Третьи петухи).

Принимая всё это во внимание, можно условно поделить все обращения на: 1) выполняющие только вокативную, идентифицирующую функцию (*Товарищ Рязанов, вас просили зайти к товарищу Семужкину*); 2) выполняющие только оценочно-характеризующую функцию: *Ребятюшки милые вы мои, идите отсюда поскорей, дорогие!* (Лупан. Черешни чёрное цветенье); 3) совмещающие вокативную, идентифицирующую и оценочно-характеризующую функции: *Здравствуй, в белом сарафане из серебряной парчи!* (Вяземский.). В зависимости от ситуации, условий общения, социального статуса собеседников в обращениях третьей группы может выступать на первый план то одна, то другая функция, поэтому внутри этой группы обращений можно выделить две подгруппы: а) обращения, в которых оценочность выступает на первый план (несмотря на то, что они сами по себе могут быть и не оценочно-характеризующими); б) обращения, в которых оценочность отодвигается на второй план, а на первый план выступает функция вокативная, идентифицирующая (несмотря на то, что они сами по себе могут быть выражены и оценочно-характеризующими словами).

Возможно, есть и другие оттенки, но перечисленные являются наиболее частотными в нашей выборке.

Разнообразные оттенки может иметь и отрицательная оценка, характеристика: 1) неодобрение (*паря, папаша, дурень, сороки, чертово отродье* и под.); 2) раздражение (*дорогая сестрица, доносчик, вредитель, милая* и под.); 3) презрение (*мерзавец, несчастная, гнусавый, святоша*); 4) негодование (*негодяй, скотина, твари собачьи, черная зараза* и под.); 5) укоризна (*дуралей, греховодник несчастный, негодница* и под.); 6) пренебрежение (*мартышка, мамаша, психопатка* и под.); 7) ирония (*Леночка, Лёвушка, милый, дорогой мой, братец, жених, цыпочка* и под.); 8) неуважение (*ослы, дурачье, скоты, овца* и под.).

Одно и то же обращение может иметь разнообразную стилистическую окрашенность, а значит, выражать и разный характер оценки, так как функционирует в речи людей разных социальных групп, профессий, взглядов, разного возраста. Формы обращений, окрашенные в различные тона вежливости или грубости, подчёркнутой любезности или фамильярности, иронии или сарказма, способствуют созданию определённого колорита речи, соответствующим образом настраивают слушателя и вводят его в «эмоциональную и экспрессивную атмосферу высказывания».

Возможности оценки и образной характеристики с помощью обращений зависят от различных факторов. Один из них — место обращения в семантико-синтаксической структуре предложения.

Известно, что случайный набор слов не образует предложений так же, как случайные сочетания звуков не образуют слов. Слова в предложении грамматически и по смыслу связаны между собой. Каждое из них выполняет ту или другую смысловую функцию, каждое по-своему специфически служит осуществлению основной задачи грамматики — придать предложению стройный, осмысленный

характер. Следовательно, в предложении не может быть ни одного слова, которое не выполняло бы той или иной смысловой функции, которое не носило бы осмысленный характер.

Обращение, воплощая общую коммуникативную задачу языка (уже — предложения), имеет специфическую функцию: служит обращением к адресату речи. В этом его своеобразии.

Специфика обращения, как отмечает В. П. Проничев, в том, что оно является категориальным образованием только на уровне актуального употребления в конкретном контексте [10, с. 93–95]. Синтаксически обращение связано с синтаксическими характеристиками предложения, с которым оно соотносится. Сравним: *Мама, дай книгу* и *Мама дала книгу*. В первом предложении побуждение к действию обуславливает функционирование лексемы *мама* в качестве обращения. Во втором — индикатив (прошедшее время глагола) обуславливает функционирование той же лексемы в качестве подлежащего. Но ведь обращение может быть употреблено и в конструкциях типа: *Мама, он мне дал книгу*. В таких конструкциях функционирование лексемы *мама* в качестве обращения обусловлено вокативной (звательной) интонацией, определяемой содержанием и целевой установкой и является «единственным безусловным грамматическим средством выражения связи обращения с предложением» [1, с. 115–116]. Интонационная взаимообусловленность обращения и основного состава предложения иногда тем более очевидна, что лицо, предмет или явление, названные в обращении, далее в предложении становятся «тем самым центром, вокруг которого группируются мысли и чувства говорящего». Тем более это относится к оценочным обращениям, которые реализуют свою оценочно-характеризующую функцию в структуре предложения.

В границах текста обращение, сохраняя главную функцию адресации, не только осложняет её, но и ослабляет, даже преобразует. Оно служит развёртыванию текста, строит его смысловую перспективу (имеется в виду реализация обращением в разном словесном окружении своих семантических возможностей на базе его собственно-называющего потенциала). Это позволяет рассматривать обращение как синтаксическую единицу с богатыми смысловыми и конструктивными возможностями, которые реализуются в контексте. В рамках контекста одна и та же лексема-обращение может выражать разную оценку или не содержать оценочности, а выполнять только регулятивно-апеллятивную функцию. Например:

Нам спать ещё не хочется, но мы послушно лезем на печь.

— *Не забудешь, дедушка? — в который раз напоминаю я.* (В. Астафьев. Последний поклон).
Здесь обращение *дедушка* использовано в речи внука, указывая на степень родства лица, поэтому выполняет только регулятивно-апеллятивную функцию.

Обращения могут иметь номинативное и социально-регулятивное значения в любом положении по отношению к предложению, однако в препозиции преобладает выражение первых значений, а в других позициях главными нередко становятся вторые, так как функция адресации в этих случаях менее актуальна, а обозначение социальной структуры акта общения своей актуальности не меняет. Обращения в середине или в конце предложения служат не просто для поддержания уже ранее установленного контакта, а для указания на взаимное положение адресата и адресанта и регулируют отношения между ними, отмечая все предлагаемые или происходящие изменения. В этих позициях обращения служат также сохранению прежних отношений, что не менее важно в общении.

Обращение не всегда отражает уже установившиеся отношения. Оно является и средством установления желаемых отношений с теми лицами, к которым обращаются. Таким средством оно и выступает во втором контексте.

В понимании контекста языковой единицы мы опираемся на положения Н. Н. Амосовой, А. В. Бондарко, Г. В. Колшанского, В. И. Кодухова и др., которые находятся в отношениях взаимодополнения. Так, А. В. Бондарко и Г. В. Колшанский рассматривают контекст как типовое условие реализации и актуализации значения языковых единиц [2; 7].

В отличие от традиционной точки зрения, мы признаём обращение членом предложения. Причины такого подхода мы видим в следующем:

а) основная информативная роль обращения заключается в обозначении адресата речи; эта роль осложняется выражением добавочных сведений о различных признаках адресата речи, об отношении к нему говорящего и т. д.;

б) обращение связано с предложением при помощи сверхсегментных синтаксических средств (ритмико-интонационных) и, как правило, характеризуется отсутствием формальных морфологических показателей связи с компонентами предложения.

В семантической структуре предложения реализуется три основных значения обращений:

1. Название собеседника, лишённое эмоциональных и экспрессивных оттенков значения.
2. Эмоционально окрашенное название лица, квалифицирующее собеседника и выражающее взаимные отношения между говорящими.
3. Названия лиц, предметов, явлений, не отвечающие целям непосредственного общения, употребляемые для усиления экспрессии речи, для выражения мыслей, чувств, авторского отношения к той стороне жизни, которая затрагивается в обращении.

Обращение, являясь членом предложения, вступает в определённые семантические и синтаксические отношения с ним. Различный характер этих отношений обусловлен структурой предложения, наличием или отсутствием в нём членов предложения, с которыми соотносится обращение. В. В. Лу-

щай разграничивает 2 разряда предложений с обращением, поскольку в одних предложениях обращение явно не имеет противочлена, а в других его можно обнаружить. Это отличие отражается на семантике обращения. В предложениях первого разряда обращение свойственно только одно значению синтаксического уровня: общее значение всех обращений — «адресат речи». Напр.: *Девушки, эти госпожи из Красного Креста* (Лупан. Черешни чёрное цветенье) [8, с. 106–107].

В предложениях второго разряда это основное значение осложняется дополнительными значениями (тоже синтаксического уровня), обусловленными семантикой противочлена обращения. В качестве противочлена может выступать:

1) подлежащее, выраженное личным местоимением 2-го лица ед. или множ. числа: *Кажется, затуманил мозги нашей дочке этот прохиндей Онку, ты не замечаешь, жена?* (Лупан. Там же). Здесь совпадает денотативная отнесённость обращения и подлежащего, поэтому адресат речи предстаёт и как деятель, а деятель — и как адресат речи;

2) дополнение, выраженное личным местоимением 2-го лица в косвенных падежах ед. или множ. числа: *Барышня, что с вами было?* (Лупан. Там же);

3) определение, выраженное притяжательным местоимением в ед. или множ. числе: *С вашего позволения, светлейший князь, я хотел бы остаться при вашей армии...* (Друцэ. Белая церковь);

4) сказуемое, выраженное спрягаемой формой глагола во 2-м лице ед. или множ. числа, а также глаголом в повелительном наклонении: *Марья Дмитриевна, накормите Игоря, я заплачу* (Рыбаков. Дети Арбата).

Где оценочно-характеризующая (экспрессивная) функция преобладает над призывной, там обращение выступает обычно на фоне индикативной модальности и нередко без какой-либо видимой смысловой связи с языковым контекстом. Такое обращение по роли в предложении граничит с приложением. Особую значимость приобретает позиция обращения в структуре предложения, а именно: препозиция, постпозиция или интерпозиция обращения по отношению к предложению. Препозиция и постпозиция обращения способствуют актуализации в обращении признаков вокативности и императивной модальности.

Таким образом, проявление субъективно-оценочной (характеризующей) функции обращений связано с его семантико-грамматической характеристикой и конкретной ситуацией общения.

Литература

1. Абрамова А. Т. К вопросу об обращении в современном русском языке / А. Т. Абрамова // Славянский сборник. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 1958. — Вып. 2. Филология. — С. 109–125.
2. Бондарко А. В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений / А. В. Бондарко // Функциональный анализ грамматических категорий [отв. ред. А. В. Бондарко]. — Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1973. — С. 5–31.
3. Граудина Л. К. Беседы о русской грамматике / Л. К. Граудина. — М. : Знание, 1983. — 128 с.
4. Дмитриева Л. К. Обращение и вводный компонент / Л. К. Дмитриева. — Л. : Изд-во ЛГПУ им. А. И. Герцена, 1976. — 48 с.
5. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи / А. И. Ефимов. — М. : Изд-во МГУ, 1961. — 520 с.
6. Карацева Л. М. О классификации обращений в русском и английском языках / Л. М. Карацева // Проблемы филологии : Учёные записки Института международных отношений. — М. : Изд-во ИМО, 1967. — С. 254–270.
7. Колшанский Г. В. О природе контекста / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. — М., 1959. — № 4. — С. 47–53.
8. Луцай В. В. Дифференциальные признаки обращения как члена предложения / В. В. Луцай // Оптимизация грамматики в свете ленинской теории отражения. — Кишинёв : Тимпул, 1982. — С. 106–110.
9. Мигирин В. Н. Гносеологические проблемы знаковой теории языка, фонологии и грамматики / В. Н. Мигирин. — Кишинёв : Штиинца, 1978. — 138 с.
10. Проничев В. П. Синтаксис обращения / В. П. Проничев. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1971. — 88 с.
11. Руднев А. Г. Синтаксис осложнённого предложения / А. Г. Руднев. — М. : Учпедгиз, 1959. — 200 с.
12. Русская грамматика : в 2 т. / [Ин-т русского языка АН СССР; ред. Н. Ю. Шведова]. — М. : Наука, 1980. — Т. 2. Синтаксис. — 710 с.
13. Тарасов Е. Ф. Социологические аспекты речевого обращения / Е. Ф. Тарасов // Роль и место страноведения в практике преподавания русского языка как иностранного. — М. : Изд-во МГУ, 1969. — 151 с.

References

1. Abramova, A. T. (1958), «On addressing in the modern Russian language», *Slavic collection* [«K voprosu ob obrashchenii v sovremennom russkom yazyke», *Slavianskij sbornik*], Publishing house of Voronezh State University, Voronezh, vol. 2, pp. 109–125.
2. Bondarko, A. V. (1973), «Some aspects of the functional analysis of grammatical phenomena», *Functional analysis of grammatical categories* [«O nekotorykh aspektakh funkcional'nogo analiza grammaticheskikh kategorij», *Funkcional'nyj analiz grammaticheskikh kategorij*], LGPI of A. I. Gertsen publishing house, pp. 5–31.
3. Graudina, L. K. (1983), *Conversations about Russian grammar* [Besedy o russkoj grammatike], Znaniye publishing house, Moscow, 128 p.

4. Dmitrieva, L. K. (1976), *Forms of address and the introductory component [Obrashchenie i vvodnyj komponent]*, LGPI of A. I. Gertsen publishing house, Leningrad, 48 p.
5. Efimov, A. I. (1961), *Stylistics of artistic speech [Stilistika khudozhestvennoj rechi]*, Moscow University publishing house, Moscow, 520 p.
6. Karatzeva, L. M. (1967), «On the classification of the forms of address in the Russian and English languages», *Problems of philology : Scientific notes of the Institute of International Relations [«O klassifikatsii obrashchenij v russkom i anglijskom jazykakh»]*, *Problemy filologii : Uchenye zapiski Instituta mezhdunarodnykh onoshenij*, Institute of International Relations publishing house, Moscow, pp. 254–270.
7. Kolshanskij, G. V. (1959), «On the nature of the context», *Topics in the study of language [«O prirode konteksta»]*, *Voprosy jazykoznanija*, Moscow, vol. 4, pp. 47–53.
8. Lushchai, V. V. (1982), «Differential features of address as a sentence member», *Optimization of grammar in the light of the Leninist theory of reflection [«Differencial'nye priznaki obrashchenija kak chlena predlozhenija»]*, *Optimizacija grammatiki v svete leninskoj teorii otrazhenija*, Timpul, Chisinau, pp. 106–110.
9. Migirin, V. N. (1978), *Gnoseological problem of sign language theory, phonology and grammar [Gnoseologicheskie problemy znakovoj teorii jazyka, fonologii i grammatiki]*, Shtiintsa publishing house, Kishinev, 138 p.
10. Pronichev, V. P. (1971), *The syntax of the forms of address [Sintaksis obrashchenija]*, Leningrad University publishing house, Leningrad, 88 p.
11. Rudnev, A. G. (1959), *Syntax of complicated sentence [Sintaksis oslojnjonnogo obrashchenija]*, Uchpedgiz publishing house, Moscow, 200 p.
12. *Russian grammar. In 2 vol.* (ed. : N. Yu. Shvedova), (1980), [*Russkaja grammatika: v 2 t.*], Nauka publishing house, Moscow, vol. 2, Syntax, 710 p.
13. Tarasov, E. G. (1969), «Sociological aspects of verbal communication», *The role and place of country study in the practice of teaching Russian as a foreign language [«Sociologicheskie aspekty rechevogo obshchenia»]*, *Rol' i mesto stranovedenija v praktike prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo*, Moscow University publishing house, Moscow, 151 p.

СИРОТА Олена Володимирівна,

кандидат філологічних наук, зав. кафедри славістики Белзького державного університету ім. Алеку Руссо; вул. Пушкіна, 38, м. Белць, 3100, Республіка Молдова; +373 69554559; e-mail: sirotaelena@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-2662-8512

СУБ'ЄКТИВНО-ОЦІННІ ЗВЕРТАННЯ В СУЧАСНІЙ РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

Анотація. Актуальність обраної теми зумовлено необхідністю вирішення низки проблем, які до сьогодні трактуються неоднозначно. Наукова новизна дослідження — у комплексному підході до вивчення суб'єктивно-оцінних звертань. У статті розглядаються окремі аспекти проблеми звертання (семантика, структура, граматична специфіка, смислове навантаження і стилістичне використання оцінних звертань у дискурсі), які і є **об'єктом** нашого дослідження. **Мета** роботи полягає в тому, щоб, виявивши функціональні можливості звертання, різнобічно проаналізувати звертання-характеристики, які виконують суб'єктивно-оцінну функцію в російській мові. Основними **методами**, використаними нами у процесі дослідження, є описовий метод безпосереднього спостереження, статистичний, функціональний, метод контекстуального аналізу. **Матеріалом** для дослідження послуговували художні дискурси російських письменників ХХ століття. У **результаті** аналізу виявлено семантичні особливості лексем, які репрезентують цей тип звертання, надано їх граматичну характеристику, встановлено смислове навантаження оцінних звертань у текстах. **Висновки.** Функціонування звертання в російській мові дозволяє виявити таку специфічну особливість, як поліфункціональність. Особливого значення набуває суб'єктивно-оцінна функція, яка виконує важливу роль у художньому дискурсі. **Практична значущість:** результати дослідження можуть бути використані під час вивчення таких дисциплін, як синтаксис російської мови, стилістика, лінгвістика тексту.

Ключові слова: звертання, семантика, структура, функціонування, суб'єктивно-оцінне звертання, художній дискурс.

Elena V. SIROTA,

Doctor (PhD) in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Slavic languages, Alecu Russo Balti State University; 38 Puskin str., Balti, 3100, Moldova; +373 69554559; e-mail: sirotaelena@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-2662-8512

SUBJECTIVE-EVALUATIVE FORMS OF ADDRESS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Summary The relevance of the chosen issue is due to the need to solve a number of problems, which are still interpreted ambiguously. The scientific novelty of research lies in the integrated approach to the study of subjective-evaluative forms of address. The article discusses some aspects of the problem of the forms of address (semantics, structure, grammatical specificity, semantic load and stylistic use of evaluative forms of address in discourses), which are the **object** of our study. The **purpose** of the work is that by identifying the functional potential of the forms of address, to analyze from different points of view the characteristics of the forms of address that perform the subjective- evaluative function in the Russian language. The main **methods** used by us in the course of the study are: the descriptive method, the method of direct observation, the statistical method, the functional method, and the method of contextual analysis. The **material** for the study is based on artistic discourses of the Russian writers of the twentieth century. **Results.** The analysis has revealed the semantic features of tokens that represent the given type of the forms of address; their grammatical characteristics have been given; the semantic load of the evaluative forms of address in the texts has been identified. **Conclusion.** The functioning

of the forms of address in the Russian language permits us to detect such a specific feature as multifunctionality. Of particular interest is the subjective-evaluative function that plays an important role in the artistic discourse. **Practical value.** The results of the research can be used in the study of such subjects as the Syntax of the Russian Language, Stylistics, and Text Linguistics.

Key words: forms of address, semantics, structure, functioning, subjective-evaluative form of address, artistic discourse.

Статтю отримано 25.12.2016 р.

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ, ДІАЛЕКТОЛОГІЇ ТА МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107885>

УДК 811.162.1'373.2'366.52'374«15/19»

ГУБИЧ Віталія Валентинівна,

аспірантка кафедри загального та слов'янського мовознавства Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 098 7683739; e-mail: vitalina.gubich@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6130-7212

НОМІНАЦІЯ ГРАМАТИЧНОЇ КАТЕГОРІЇ РОДУ В ГРАМАТИКАХ І СЛОВНИКАХ ПОЛЬСЬКОЇ МОВИ XVI–I ПОЛ. XX СТ.

Анотація. *Мета* статті — з'ясувати особливості термінологічної номінації назв граматичної категорії роду в граматиках і словниках польської мови середньопольського та новопольського періодів (XVI–I пол. XX ст.). *Об'єктом* дослідження є лінгвістична термінологія польської мови. *Предметом* — спеціальні лексеми на позначення граматичної категорії роду, зафіксовані у граматиках і словниках середньопольського та новопольського періодів. *Результатом* дослідження стало виокремлення продуктивних способів номінації (семантичного, синтаксичного, складання) з урахуванням внутрішньо- та позамовних чинників формування лінгвістичної термінології. У роботі застосовано описовий і компаративний *методи*, а також методи компонентного та морфемно-словотвірного аналізу. *Висновки:* за античною мовознавчою традицією, у польській мові виокремлювали три роди та послуговувалися запозиченими, в тому числі калькованими, термінами на їх позначення. Кодифікація питомих термінів, які засвоїлися в сучасній термінології, відбувається із виходом праць О. Копчинського. Кількість родів збільшується у зв'язку із формуванням граматичної категорії чоловічої особи (персональності). Виникли чоловічоособовий і речовий роди. У сучасній полоністиці спостерігаємо чималу кількість лексем для номінації граматичної категорії роду у зв'язку з необхідністю виокремлення граматичних категорій чоловічої особи та істот / неістот.

Ключові слова: граматична категорія роду, граматична категорія чоловічої особи (персональності), лінгвістична термінологія, польська мова.

Постановка проблеми. Питання диференціації категорії роду є одним із найактуальніших у сучасному польському мовознавстві. Зокрема, в академічній граматиці ця граматична категорія (далі — ГК) представлена 5 грамемами: *rodzaj żeński* / жіночий рід, *rodzaj nijaki* / середній рід, чоловічий поділено на *rodzaj męskoosobowy* / чоловічоособовий рід, *rodzaj męskozwierzęcy*, або *męskozwrotny* / чоловічо-тваринний рід, *rodzaj męskonieżywotny* / чоловічо-речовий рід (класифікація на основі синтаксичного критерію В. Маньчака [15]). У шкільній практиці ця ГК представлена теж 5 грамемами: в однині — *rodzaj męski* / чоловічий рід, *rodzaj żeński* / жіночий рід, *rodzaj nijaki* / середній рід, у множині — *rodzaj męskoosobowy* / чоловічоособовий рід і *rodzaj niemęskoosobowy*, або *żeńsko-rzeczowy* / нечоловічоособовий, або жіночо-речовий рід (погляд С. Шобера [21]). Інші дослідники, наприклад, З. Салоні, враховуючи синтаксичні зв'язки частин мови з числівниками, виокремлюють 9 родів [19]; З. Зарон на основі флексійного критерію виділяє 5 класів родів, один із яких має 2 підкласи [22]. Невпорядкованість назв у підручниках і граматиках пов'язане, на нашу думку, з труднощами, які започатковано в середньопольському та новопольському періодах функціонування польської мови, що охоплюють XVI — першу половину XX ст., коли відбувалося формування граматичних категорій роду, чоловічої особи (персональності) та істот / неістот.

Вивчення проблеми в інших дослідницьких проєктах. Лінгвістична термінологія польської мови, деякі аспекти історії її становлення були об'єктом дослідження З. Голомба [STJ], А. Корончевського [11], Ю. Лукшина [DSTL], І. Плученник [16], К. Полянського [EJO], Е. Родек [18] та ін. ГК роду теж неодноразово ставала об'єктом вивчення мовознавців [1; 2; 4; 7; 9; 12; 13; 15; 19; 22], однак незважаючи на чималу кількість праць, питання, що стосуються історії ГК роду в польській мові, її становлення, статусу, граемного наповнення, залишаються дискусійними і потребують ґрунтовного вивчення.

Постановка завдань. *Актуальність* дослідження полягає у встановленні закономірностей номінації ГК роду в XVI–I пол. XX ст. та їхнього впливу на формування та номінацію граем родів у польській лінгвістичній термінології. *Мета* статті — розглянути способи та засоби термінологічної номінації назв ГК роду в граматиках і словниках польської мови середньопольського та новопольського періодів.

Виклад основного матеріалу. Оскільки латина тривалий час виконувала функції літературної, а в мові науки була домінуючою навіть до XVIII ст. (перша граматика польської мови була написана саме нею (P. Statorius-Stojeński *Polonicae grammatices institutio...*, Kraków 1568)), за античною традицією граматисти виокремлювали три роди та послуговувалися запозиченими термінами (*maskulinum, femininum, neutrum*). За словами А. Коронченського, перші спроби створити національну термінологію містили *Regulae grammaticales, regimina et constructiones* (Kraków 1542) та видання А. Доната (1583), які до нашого часу не збереглися [11, с. 10]. Сполонізований варіант латинської граматичної термінології, за словами Я. Лося, знаходимо у дослівному перекладі праці *Regulae grammaticales...*, що був здійснений А. Глабером із Кобиліна (1500–1572) [14, с. 205], професором Краківської академії, який популяризував праці з різних галузей знань, перекладаючи їх на польську мову. Серед запропонованих науковцем термінів спостерігаємо спеціальні лексеми *rodzaj męski, niewieści i oddzielny/żaden*. Термін *rodzaj* «рід» < заг.-сл. **rodajь* 'народження; рід, потомство' < посл. **rod-iti*; ця лексема у значенні 'рід, вид' (відповідник одного зі значень гр. *génos*) фіксується вже у старопольській мові (XIV ст.) [WSJP]. Проте терміни на позначення ГК роду, представлені у граматиках та підручниках середньопольської доби, були латинськими, наприклад, у праці М. Фолькмара (M. Volckmar *Compendium linguae Polonicae... (Kompendium języka polskiego...)*, Gdańsk 1594) та ін. Починаючи з XVI ст., відбувається поступове витіснення латини загальнонаціональною мовою. Однак формування питомої термінології та її кодифікація відбувається повільно, оскільки не було наукових зацікавлень і відповідної взірцевої літератури [6, с. 61–62]. Поступово із усного мовлення практиків термінологія польською мовою починає потрапляти до підручників та граматик і функціонує поряд із латинськими. У XVII — на поч. XVIII ст. з'являються граматики польської мови, які писалися не тільки латиною (F. Meniński *Grammatica seu institutio Polonicae linguae ... (Gramatyka albo zasady języka polskiego...)*, Gdańsk 1649; W. Brożek *Fundamenta linguae Polonicae...*, Gdańsk 1664; J. Woyna *Compendiosa linguae Polonicae... (Zwięzły wykład gramatyki polskiej...)*, Gdańsk 1690), а й сучасними мовами (німецькою (J. Roter *Schlüssel zur Polnischen vnd Teutschen Sprach... (Klucz do Polskiego y Niemieckiego Języka...)*, Wrocław 1616; M. Gutthäter-Dobrcki *Polnische Teutsch erklärte Sprachkunst... (Gramatyka Polska, Niemieckim językiem wyrażona)*, Oleśnica 1669)), італійською (A. Styla *Grammatica Polono-Italica...*, Kraków 1675), французькою (B. K. Malicki *Klucz do języka francuskiego...*, Kraków 1700), навіть перекладні словники (M. A. Trotz *Nowy dykcjonarz, to jest Mownik polsko-niemiecko-francuski*, Lipsk 1764)), які містили чимало питомих термінів. У цих працях на позначення граматичного роду, крім лексеми *genus*, вживався термін *rodzaj* та дублет *pleć* — стать (переклад тут і далі наш — В. Г.), що виник також під впливом античної граматичної традиції, яка пояснювала рід іменників, відносячи його до натурального роду (статі) [20, с. 129]. ГК чоловічого роду представлена грамематиками *rodzaj męski*, що є калькою від латинського *genus maskulinum*, та *pleć męska*. Термін *rodzaj męski* зберігся у сучасній польській мовознавчій термінології (пор. STJ, USJP). ГК жіночого роду репрезентували такі грамеми: 1) *rodzaj niewieści, pleć niewiejska (niewiejska, niewiejski < niewiasta* (заст. жінка) [WSJP]; 2) *rodzaj białogłowski (białogłowski < białogłowa* (заст. жінка) < *biały* (білий) і *głowa* (голова) [WSJP]. Ймовірно, лексема *białogłowa*, що позначала наречену (жінку у білій хустці), пізніше розширила своє значення на позначення жінки взагалі. Ці номінації пояснюються тим, що до 80-х років XVIII ст. у значенні *жінка* використовувалися лексеми *żeńszczyzna, białogłowa, białka, niewiasta, żona* [5, с. 58] (пор., в сучасній польській мові — *kobieta*). Номінація ГК середнього роду справляла граматистам труднощі. Спостерігаємо чимало спеціальних лексем на її позначення, що пов'язане із намаганням підібрати кращий дублет до відповідного латинського *genus neutrum* < *neuter* — не один із обох; ні той ні інший. Отже, повставали номінації, утворені шляхом калькування (*rodzaj żaden* — ніякий рід; *rodzaj nie te, ni owe* — рід не той не інший) та термінологізації (*rodzaj oddzielny* — окремий рід, *rodzaj trzeci* — третій рід), а також синтаксичним способом (*ani męskiej, ani płci niewiejskiej służący* — такий, який служить ані чоловічому, ані жіночому роду; *rodzaj ani męski, ani niewieści* — ані чоловічий, ані жіночий рід). Ці номінації не були продуктивними, оскільки не відповідали основним вимогам до термінів (точності, стислості, однозначності та ін.), тому не засвоїлися у польській лінгвістичній термінології. У відомій лексикографічній праці Г. Кнапського (лат. *Spapius*, пол. *Knapiusz, Knapski*) «*Thesaurus polono-latino-graecus seu promptuarium lingua Latinae et Graece [...]*» (Kraków 1621), що містить біля 50 тис. слів і, крім слів загальнонаціональної мови, фіксує спеціальні слова, спостерігаємо сім назв родів *plci*:

męską — чоловічий;

niewiejską — жіночий;

nie służącą або nie brzmiącą obojey — який не виступає і не звучить в обох (родах, ні в чоловічому, ні в жіночому), середній (лат. *neutrum*);

pospolitą dwojej — спільний (лат. *commune*);

powszechną wszyskiem trzem u Łacinników — загальний для усіх трьох (лат. *genus omne*);

wątpliwą або obostronną — сумнівний, або двосторонній (лат. *genus dubium*);

nirozdzielną, jednako oboje pleć znaczącą — нероздільний, що позначає обидва роди (лат. *genus eieoenum* або *promiscuum*) [17, с. 142].

Тому, крім основних назв родів, у граматиках XVII ст. зустрічаємо латинські лексеми з польськими відповідниками: *commune / rodzaj pospolity* — спільний рід; *omne / rodzaj wszelki* — усілякий, будь-який (рід для прикметників, числівників, прислівників); *epicænum vel dubium* — загальний за граматичним родом або сумнівний / *rodzaj mieszany* — мішаний рід (для назв тварин, що однією лексемою іменують і самців, і самок) [8, с. 50–52]. Номінації *pospolity, wszelki, mieszany* є кальками від латинських термінів, які не були представлені у наступних граматиках, оскільки відображали складний процес поділу на роди, що базувався на донауковому пізнанні світу.

Якісні зміни у складі лінгвістичної термінології польської мови наступають із виходом праць мовознавця і педагога в школах католицького чернецого ордену піарів О. Копчинського (1735–1817), який підготував «Граматику польської мови для національних шкіл» (О. Kopczyński *Gramatyka dla szkół narodowych w trzech częściach, dla klas I–III*, 1778–1839; *Gramatyka języka polskiego. Dzieło rozgonne*, Warszawa 1817). Граматична термінологія, запропонована О. Копчинським, не відразу була прийнята в мовознавчій науці. За словами А. Корончевського, вона проходила процес ферментації: деякі дослідники намагалися взагалі повернутися до латинських термінів або пропонували свої питомі варіанти [11, с. 44–45]. Крім того, сам О. Копчинський не був послідовним. Так, у помертвому виданні граматики зустрічаємо наступне: «Rodzaj niewieści czyli żeński» [10, с. 42]. Підручники О. Копчинського, завдяки підтримці Комісії національної освіти, користувалися великою популярністю і справили значний вплив на пізніших граматистів, сприяли формуванню та поширенню лінгвістичних термінів, більшістю з яких послуговуємося в сучасній польській мові. Наприклад, авторські неологізми: *rodzaj żeński < żeński < żona < псл. *żena (< *genā)* — жінка, дружина; *rodzaj niaki < niaki* — заст. жоден (зберігаємо авторське написання — В. Г.) [USJP].

Формування ГК чоловічої особи (персональності) припадає на межі XVI і XVII ст. [9, с. 23], яка на рівні граматики проявлялася у збігу форм множини знахідного відмінка із родовим. Уперше врахування цієї ГК при класифікації родів помічаємо у граматиці Ю. Мрозінського (J. Mroziński *Pierwsze zasady grammatyki języka polskiego*, Warszawa 1822): в однині автор традиційно виділив *rodzaj męski, rodzaj żeński, rodzaj nijaki*, а у множині два роди: *rodzaj męski* та *rodzaj nijaki*, — яким фактично надає інше смислове навантаження — чоловічоособовий і жіночо-речовий роди. У граматиках XIX ст. (А. Małecki *Gramatyka języka polskiego większa przez...*, Lwów 1863 та ін.) спостерігаємо вже ustalenі питомі терміни на позначення трьох родів і латинські відповідники, а граматика Д. Е. Лазовського (D. E. Łazowski *Gramatyka języka polskiego*, Lwów–Kraków 1848) фіксує ще й лексеми *rodzaj dwoi* — спільний рід.

У сучасній польській лінгвістичній термінології немає окремого терміна на позначення спільного роду; використовують спеціальну лексеми *rzeczowniki dwurodzajowe* — двородові іменники [16, с. 229]. Повне знання про мову знаходимо у граматиках, виданих у 1914–1939 роках: С. Шобера (S. Szober *Gramatyka języka polskiego*, Lwów–Warszawa 1923), Я. Лося (J. Łoś *Gramatyka polska...*, Lwów–Warszawa–Kraków 1922–1927), Г. Гартнера (H. Gaertner *Gramatyka współczesnego języka polskiego*, Lwów–Warszawa 1931–1938) та ін. Майже всі терміни, якими послуговуємося в сучасній польській лінгвістичній термінології, представлені у граматиці С. Шобера. Повністю сформоване поняття про натуральний та граматичний рід дає можливість автору виокремити в однині три роди (*męski, żeński i nijaki*), а в множині (*męskoosobowy < męski* — чоловічий і *osobowy* — особовий і *rzeczowy < rzeczowy* — речовий) [21, с. 126–127], що представлені в сучасній лінгвістичній термінології.

Узагальнюючи, можемо виділити наступні способи термінологічної номінації, яка, на думку О. Войцевої, поєднує в собі загальнонаукове знання та його ментальне відображення у свідомості мовця [3, с. 15]: 1) семантичний спосіб, а саме запозичення іноземних (латинських) лексем, що в дослідженому матеріалі представлене прямими запозиченнями (*genus, maskulinum, femininum, neutrum*) і семантичними кальками (*rodzaj męski / rodzaj męski < genus maskulinum; rodzaj pospolity < genus commune*); 2) семантичний спосіб, а саме термінологізація слів, що мають нетермінологічне значення (*pleć, rodzaj rzeczowy*); 3) синтаксичний спосіб (у словнику Я. Мончинського (J. Maćczyński *Lexicon Latino Polonicum*, Königsberg 1564) зустрічаємо прототерміни *znak każdego słowa, które własność albo cierpienie w słówku pokazuje* — рід, *pleć generis masculini będąca* — чоловічий рід); 4) складання (*męskoosobowy*).

Висновки. Прослідкувавши історію формування назв ГК роду, помічено, що спочатку, за античною мовознавчою традицією, виокремлювали три роди та послуговувалися запозиченими або калькованими термінами на їх позначення. Кодифікація питомих термінів, які засвоїлися в сучасній термінології, відбувається із виходом праць О. Копчинського. Кількість родів збільшується у зв'язку із поглибленням знань про мову та формуванням ГК персональності, що спричинила появу чоловічоособового та речового родів. Терміни, запропоновані С. Шобером наприкінці новопольського періоду, активно вживаються в сучасному мовознавстві. Розгляд способів номінації ГК роду відображає загальний процес формування та наповнення польської лінгвістичної термінології.

Перспективи дослідження вбачаємо у подальшому вивченні особливостей формування польської лінгвістичної термінології порівняно з іншими слов'янськими мовами.

Л і т е р а т у р а

1. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий / А. В. Бондарко. — Л. : Наука, 1976. — 256 с.
2. Вихованець І. Р. Теоретична морфологія української мови : Академ. граматики укр. мови / І. Вихованець, К. Городенська; За ред. І. Р. Вихованця. — К. : Пульсари, 2004. — 400 с.
3. Войцева О. А. Водогосподарська лексика польської мови: від давнини до сучасності / О. А. Войцева. — Чернівці : Букрек, 2010. — 424 с.
4. Смольская А. К. Семантическая категория лица / нелица и средний род в славянских языках // А. К. Смольская / «Людиною бути — це мистецтво». Збірник пам'яті доктора філологічних наук, професора А. К. Смольської. — Одеса : ОНУ, 2014. — С. 212–221.
5. Dąbrowska A. Język polski / A. Dąbrowska. — Wrocław : Wyd-wo Dolnośląskie, 2004. — 283 s.
6. Gajda S. Wprowadzenie do teorii terminu / S. Gajda. — Opole : Wyższa Szkoła pedagogiczna im. Powstańców Śląskich, 1990. — 145 s.
7. Grzegorzczukowa R. Kategorie gramatyczne / R. Grzegorzczukowa // Współczesny język polski. — Wrocław : Wiedza o kulturze, 1993. — S. 445–458.
8. Gutthäter-Dobrcki M. Polnifche Teutfch erklärte Sprachkunft... Gramatyka Polska, Niemieckim językiem wyrażona / M. Gutthäter-Dobrcki. — Oleśnica, 1669. — 566 s. [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://digital.slub-dresden.de/werkansicht/df/74008/>
9. Кепіńska А. Кształtowanie się polskiej kategorii męsko- i niemęskosobowości. Język wobec płci / А. Кепіńska. — Warszawa : Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2006. — 359 s.
10. Копczyński О. Граматика языка польского: dzieło pozgonne / О. Копczyński. — Warszawa : Druk. Księży Pijarów, 1817. — 250 s.
11. Koronczewski A. Polska terminologia gramatyczna / A. Koronczewski. — Wrocław : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1961. — 117 s.
12. Koziański M. Rodzaj gramatyczny rzeczownika jako nośnik informacji pozagramatycznej I. Przegląd literatury dotyczącej rodzaju gramatycznego / M. Koziański, A. P. Krysiak // *Investigationes Linguisticae*, XXVI, 2012. — S. 20–38.
13. Kucala M. Rodzaj gramatyczny w historii polszczyzny / M. Kucala. — Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978. — 194 s.
14. Łoś J. Gramatyka polska. Cz. II : Słowotwórstwo / J. Łoś. — Lwów–Warszawa–Kraków : Wyd-wo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich, 1925. — 336 s.
15. Mańczak W. Ile rodzajów jest w polskim? / W. Mańczak // *Język Polski*, XXXVI. — 1956. — S. 116–121.
16. Płóciennik I. Słownik wiedzy o języku / I. Płóciennik, D. Podlaska. — Bielsko-Biała : Wyd-wo Park, 2004. — 326 s.
17. Puzynina J. «Thesaurus» Grzegorza Knapiusza. Siedemnastowieczny warsztat pracy nad językiem polskim / J. Puzynina. — Wrocław–Warszawa–Kraków : Wyd-wo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, 1961. — 253 s.
18. Rodek E. Polska terminologia gramatyczna w polskiej wersji słownika Pierre'a Daneta / E. Rodek // *LingVaria*. Półrocznik wydziału polonistyki Uniwersytetu Jagiellońskiego. — Kraków, 2012. — Rok VII. — Nr 1 (13). — S. 99–112.
19. Saloni Z. Kategoria rodzaju we współczesnym języku polskim / Z. Saloni // *Kategorie gramatyczne grup imiennych w języku polskim : Materiały konferencji w Zawoi, 13–15.XII. 1974.* — Wrocław, 1976. — S. 41–76.
20. Skarżyński M. W kręgu gramatyk polskich XIX i XX wieku / M. Skarżyński. — Kraków : Towarzystwo Wydawnicze «Historia Iagellonica», 2001. — 220 s.
21. Szober S. Gramatyka języka polskiego / S. Szober. — Lwów–Warszawa : Książnica polska Tow. Nauczycieli Szkół Wyższych, 1923. — 406 s.
22. Zaron Z. Jeszcze o kategorii rodzaju. Podstawy charakterystyki gramatycznej / Z. Zaron // *Nie bez znaczenia... prace ofiarowane Profesorowi Zygmuntowi Saloniemu z okazji jubileuszu 15000 dni pracy naukowej.* — Białystok : Wyd-wo Uniwersytetu w Białymstoku, 2001. — S. 329–341.
- DSTL** — *Dydaktyczny słownik terminologii lingwistycznej*; pod red. J. Łukszyn, W. Zmarzer i inni. — Warszawa : KJS UW, 2009.
- EJO** — *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*; pod red. K. Polańskiego. — Wrocław : Ossolineum, 1994. — 650 s.
- STJ** — *Goląb Z. Słownik terminologii językoznawczej / Z. Goląb, A. Heinz, K. Polański.* — Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. — 847 s.
- USJP** — *Uniwersalny słownik języka polskiego : w 4 t. / red. S. Dubisz.* — Warszawa : Wyd-wo Naukowe PWN, 2003. — T. 1–4.
- WSJP** — *Wielki słownik języka polskiego PAN*; red. P. Żmigrodzki. — Kraków : Instytut Języka Polskiego PAN, 2007. [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://www.wsjp.pl>

References

1. Bondarko, A. V. (1976), *Theory of morphological categories and aspectological studies* [*Teorija morfologicheskikh kategorij*], Nauka, Leningrad, 256 p.
2. Vykhovanets, I. R., Horodenska, L. H. (2004), *Theoretical morphology of the Ukrainian language : academic grammar of the Ukrainian language* [*Teoretychna morfologija ukrains'koi mowy : Akadem. gramatyka ukr. mowy*], Pulsary, Kyiv, 400 p.
3. Voytseva, O. A. (2010), *Water management Polish language from antiquity to modern times* [*Vodogospodars'ka leksyka pol's'koi' mowy : vid davnyiny do suchasnosti*], Bukrek, Chernivtsi, 424 p.
4. Smolskaya, A. K. (2014), «Semantic category of person / non-person and middle genus in Slavic languages», «*Man to be — is an art*». *Collection of the memory of Doctor of Philology, Professor A. K. Smolskaya* [«Semanticheskaja kategorija lica / nelica i srednij rod v slavjanskikh jazykakh», «*Ljudynomu buty — ce mystectvo*». *Zbirnyk pam'jati doktora filologichnykh nauk, profesora A. K. Smol's'koi'*], Odessa I. I. Mechnikov National University, pp. 212–221.
5. Dąbrowska, A. (2004), *Język polski*, Wyd-wo Dolnośląskie, Wrocław, 283 p.
6. Gajda, S. (1990), *Wprowadzenie do teorii terminu*, Wyższa Szkoła pedagogiczna im. Powstańców Śląskich, Opole, 145 p.

7. Grzegorzczkowska, R. (1993), «Kategorie gramatyczne», *Współczesny język polski*, Wiedza o kulturze, Wrocław, pp. 445–458.
8. Gutthäter-Dobrcki, M. (1669), *Polnische Teutsch erklärte Sprachkunst... Gramatyka Polska, Niemieckim językiem wyrażona*, Oleśnica, 566 p., available at : <http://digital.slub-dresden.de/werkansicht/df/74008/>
9. Kępińska, A. (2006), *Kształtowanie się polskiej kategorii męsko- i niemęskoosobowości. Język wobec płci*, Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa, 359 p.
10. Kopczyński, O. (1817), *Gramatyka języka polskiego : dzieło pozgonne*, Druk. Księży Pijarów, Warszawa, 250 p.
11. Koronczewski, A. (1961), *Polska terminologia gramatyczna*, Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wrocław, 117 p.
12. Koziański, M., Krysiak, A. P. (2012), «Rodzaj gramatyczny rzeczownika jako nośnik informacji pozagramatycznej. Przegląd literatury dotyczącej rodzaju gramatycznego», *Investigationes Linguisticae*, XXVI, 2012, pp. 20–38.
13. Kucala, M. (1978), *Rodzaj gramatyczny w historii polszczyzny*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław, 194 p.
14. Łoś, J. (1925), *Gramatyka polska. Cz. II : Słowotwórstwo*, Wyd-wo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, Lwów–Warszawa–Kraków, 1925, 336 p.
15. Mańczak, W. (1956), «Ile rodzajów jest w polskim?», *Język Polski*, XXXVI, pp. 116–121.
16. Płociennik, I., Podlaska, D. (2004), *Słownik wiedzy o języku*, Wyd-wo Park, Bielsko-Biała, 326 p.
17. Puzynina, J. (1961), «Thesaurus» Grzegorza Knapiusza. *Siedemnastowieczny warsztat pracy nad językiem polskim*, Wyd-wo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, Wrocław–Warszawa–Kraków, 253 p.
18. Rodek, E. (2012), «Polska terminologia gramatyczna w polskiej wersji słownika Pierre'a Daneta», *LingVaria*. Półrocznik wydziału polonistyki Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków, 2012 (VII), nr 1 (13), pp. 99–112.
19. Saloni, Z. (1976), «Kategoria rodzaju we współczesnym języku polskim», *Kategorie gramatyczne grup imiennych w języku polskim. Materiały konferencji w Zawoi*, Wrocław, 1974, pp. 41–76.
20. Skarżyński, M. (2001), *W kręgu gramatyk polskich XIX i XX wieku*, Towarzystwo Wydawnicze «Historia Iagellonica», Kraków, 220 p.
21. Szober, S. (1923), *Gramatyka języka polskiego*, Książnica polska Tow. Nauczycieli Szkół Wyższych, Lwów–Warszawa, 406 p.
22. Zaron, Z. (2001), «Jeszcze o kategorii rodzaju. Podstawy charakterystyki gramatycznej», *Nie bez znaczenia... prace ofiarowane Profesorowi Zygmuntowi Saloniemu z okazji jubileuszu 15000 dni pracy naukowej*, Wydaw. Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok, pp. 329–341.
- DSTL — Łukaszyn, J., ed. (2009), *Dydaktyczny słownik terminologii lingwistycznej*, KJS UW, Warszawa.
- EJO — Polański, K., ed. (1994), *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*, Ossolineum, Wrocław, 650 p.
- STJ — Gołąb, Z., ed. (1968), *Słownik terminologii językoznawczej*, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 847 p.
- USJP — Dubisz, S., ed. (2003), *Uniwersalny słownik języka polskiego : w 4 t.*, Wyd-wo Naukowe PWN, Warszawa.
- WSJP — Żmigrodzki, P., ed. (2007), *Wielki słownik języka polskiego PAN*, Instytut Języka Polskiego PAN, Kraków, available at : <http://www.wsjp.pl>

ГУБИЧ Виталия Валентиновна,

аспірант кафедри загальної та славянської мовознавства Одеського національного університету імені І. І. Мечнікова; Французький бульвар, 24/26, г. Одеса, 65058, Україна; тел. : +38 098 7683739; e-mail: vitalina.gubich@gmail.com; ORCID ID 0000-0002-6130-7212

НОМИНАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ РОДА В ГРАММАТИКАХ И СЛОВАРЯХ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА XVI — I ПОЛ. XX В.

Аннотация. Цель статьи — определить особенности терминологической номинации названий грамматической категории рода в грамматиках и словарях польского языка среднепольского и новопольского периодов (XVI — I пол. XX в.). **Объектом** исследования является лингвистическая терминология польского языка. **Предметом** — специальные лексемы для обозначения грамматической категории рода, зафиксированные в грамматиках и словарях среднепольского и новопольского периодов. **Результатом** исследования стало выделение продуктивных способов номинации (семантического, синтаксического, сложения) с учётом внутри- и внеязыковых факторов формирования лингвистической терминологии. В работе использованы описательный и компаративный **методы**, методы компонентного и морфемно-словообразовательного анализа. **Выводы:** в соответствии с античной языковедческой традицией, в польском языке выделялись три грамматических рода; для их именованья использовались заимствованные, в том числе калькированные, термины. Кодификация исконно польских терминов, которые усвоились в современной терминологии, происходит после выхода работ О. Копчинского. Количество родов увеличивается в связи с формированием грамматической категории мужского лица (личности). Появились лично-мужской род и вещный род. В современной полонистике наблюдаем больше лексем для номинации грамматической категории рода в связи с потребностью выделения грамматических категорий личности и одушевлённости / неодушевлённости.

Ключевые слова: грамматическая категория рода, грамматическая категория мужского лица (личности), лингвистическая терминология, польский язык.

Vitaliia V. GUBYCH,

Postgraduate Student of General and Slavic Linguistics Department, Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26, Frantsuzky Blvd., Odessa, 65058, Ukraine; tel.: +38(098)7683739; e-mail: vitalina.gubich@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6130-7212

NOMINATIONS OF GRAMMATICAL CATEGORY OF GENDER IN POLISH GRAMMAR BOOKS AND DICTIONARIES IN XVI — 1ST HALF OF XX C.

Summary. The purpose of the article is to find out the features of terminological nomination of names in grammatical category of gender in grammar books and dictionaries of Middle and New Polish periods (XVI-first half of the XX century). The object is a linguistic terminology of Polish. The subject is special tokens to indicate grammatical category of gender recorded in grammar books and dictionaries of Middle and New Polish periods. The separation of productive ways of nomination (semantic, syntactic, compounding) taking into consideration the intra- and extra-linguistic factors of the formation of linguistic terminology was the result of our research. It was used descriptive and comparative methods, component and morphemic-derivational analysis in our research. **Conclusion:** three genders which demonstrated borrowings and calqued terms in their nominations were emphasised like in the ancient linguistic tradition. Codification of specific terms, which were digested in modern terminology, happens with the release of works by O. Kopczyński. Number of genders increases due to the formation of grammatical category of personality that had led to emerge of male-personnel and material genders. It can be found a considerable number of tokens for the nomination of grammatical category of gender in connection with the deepening of knowledge, need to allocate personality and separated grammatical category of animated / inanimated in modern linguistics.

Key words: grammatical category of gender, grammatical category of personality, linguistic terminology, the Polish language.

Статтю отримано 21.05.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107947>

УДК 811.512.16'367:347.97(477.75)«16/17»

РУСТЕМОВ Олег Диляверович,

кандидат филологических наук, Ардаханский университет, Турция; Ardahan Üniversitesi, İnsani Bilimler ve Edebiyat Fakültesi; Yenisey Kampüsü, Çamlıçatak Mevkii, Ardahan, 75000, Türkiye; тел.: +9 (0553) 1821607; e-mail: biblos@ukr.net; olegrustemov@ardahan.edu.tr; ORCID ID: 0000-0001-6444-2885

ТИПЫ И ФУНКЦИИ ИЗАФЕТОВ В ТЕКСТАХ КАДИАСКЕРСКИХ ДЕФТЕРОВ КРЫМСКОГО ХАНСТВА XVII—XVIII ВВ.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос синтаксических и стилистических функций изафетных конструкций, имеющих в кадиаскерских сборниках Крымского Ханства периода XVII—XVIII вв. Изафеты являются отличительной чертой синтаксиса тюркских языков. Однако в крымских кадиаскерских тетрадах употреблены не только изафеты тюркского происхождения, но также арабо-персидские. Традиционно тюркские изафеты представлены как в классическом виде, так и в историческом развитии применительно к текстам юридического подстиля, характеризующимся своим нарративным характером. Арабо-персидские изафеты в большей степени выполняют стилистические функции, а иногда выглядят как стенографические приёмы. Часто они несут на себе также терминологическую нагрузку. Все эти особенности изафетов кадиаскерских книг свидетельствуют о развитии и вполне устоявшемся характере языка крымских татар, в частности, юридического подстиля официально-делового стиля.

Ключевые слова: изафетные конструкции, крымские кадиаскерские книги (дефтеры), юридический подстиль официально-делового стиля, синтаксис тюркских языков, стилистика.

Постановка проблемы. Несмотря на многосторонние исследования, проводимых различными авторами, изафетных конструкций в тюркских языках, оно никогда не проводилось применительно к крымскотатарскому языку, тем более в документах эпохи Крымского Ханства. Кроме собственно тюркских изафетов, в языке крымских кадиаскерских судебных сборников, реестров, являющихся объектом нашего исследования, встречаются также изафеты арабского и персидского происхождения. Зачастую они выполняют не только грамматическую и синтаксическую роль в предложении, но также стилистическую и даже терминологическую, что говорит об устоявшихся традициях крымского делового письма, в особенности юридического подстиля. Однако состояние этого языка, равно как и его синтаксиса, никогда не были объектом научного исследования.

Изучение смежных проблем в прошлом. Как известно, одной из отличительных черт, которую отмечают исследователи тюркского синтаксиса, среди которых А. К. Боровков, А. Н. Кононов, Э. Севортян, Э. Р. Тенишев и др., является то, что зависимое слово (или синтагма) всегда находится

перед тем словом, от которого оно зависит: определение находится перед определяемым словом, подлежащее перед сказуемым, придаточное предложение предшествует главному и т. п. Следовательно, вербализация описываемого события в законченном классическом предложении наступает лишь в конце высказывания [напр.: 2, с. 711; 9, с. 167; 14, с. 251; 15, с. 43].

Другой характерной особенностью тюркского синтаксиса является наличие изафетных конструкций [5, с. 32; 8, с. 145–150]. В свою очередь, систематичность их употребления обуславливает именную характер тюркского синтаксиса, что также неоднократно подчёркивалось языковедами: «Одним из наиболее важных отличий большинства тюркских языков является весьма значительная (по сравнению с индоевропейскими языками) роль в них именных предложений» [12, с. 6].

Мы установили, что в языковедении нет исследований по проблемам синтаксиса и стилистики крымскотатарских кадиаскерских книг и вообще документов юридического подстиля. Единственной работой, в которой опосредованно затрагиваются вопросы синтаксиса указанных текстов в связи с общими вопросами исторической стилистики, является одна из наших статей 2013 года [13]. Кроме того, до сих пор не описан синтаксис крымских и ордынских ярлыков, хотя он опирался на уникальные древние восточно-тюркские письменные традиции новоуйгурского, караханидского и хорезмийского литературных центров и постепенно трансформировался под влиянием местных языковых культур на завоеванных татарами землях. Нет также исследований синтаксиса судебных актов османского периода, изданных в Турции либо за её пределами, хотя синтаксис османского литературно-художественного языка очень подробно освещён в многочисленных научных трудах. Таким образом, специфические черты синтаксиса документов юридического характера, созданных на территории Крымского ханства, до сих пор не привлекали серьёзного внимания языковедов-тюркологов, несмотря на выразительность и самобытность стиля этих документов, сложившегося в Османской империи и Крымском ханстве к концу XVI в. и развивавшегося вплоть до эпохи Танизимата, т. е. до середины XIX в.

Постановка задач исследования. Целью данного исследования является изучение и описание изафетных конструкций тюркского и иноязычного происхождения с точки зрения их синтаксических особенностей и стилистических функций в плане диахронии в юридическом подстиле официально-делового стиля языка крымских татар XVII–XVIII вв. Объектом изучения являются изафетные конструкции, предмет нашего исследования — типологические и функциональные особенности изафетов. Актуальность изучения данной проблемы в крымскотатарском языкознании обусловлена самим фактом её неизученности.

Изложение основного материала. В настоящее время синтаксис в тюркологии рассматривается с двух аналитических позиций: 1) как «нечто типологически единое», восходящее к идеям Бертольда Дельбрюка (Delbrück, Berthold Gustav Gottlieb) о синтаксическом архетипе, и 2) как различающиеся синтаксические типы, минимум три: «древнетюркский, переходный и индоевропейский, или, точнее, тюркско-индоевропейский» [4, с. 3].

Исходя из этой классификации, синтаксический строй текстов сиджилий Крымского ханства мы определяем как переходный тип, использующий модели не типичного для тюркских языков вида связи и изафетных конструкций. Прежде всего, речь идёт об изафетах арабского и персидского типа и способах синтаксических связей, выходящих за рамки классического тюркского строя. В. Г. Гузев, говоря об османском языке, называл такой тип синтаксиса смешанным [6, с. 75]. Таким образом, письменный язык Крымского ханства, как и Османской Турции или среднеазиатских постордынских государств, находившихся под влиянием исламской культуры и ориентированных в своих литературных нормах и вкусах на литературу и письменные источники арабского и персидского происхождения, оказался смешанным по своему синтаксическому строю и переходным по отношению к современному языковому состоянию этих народов.

Так как синтаксис исследуемых нами памятников является смешанным, то более половины всех изафетных конструкций в них арабского или персидского типа либо такие, в которых одно из значимых слов является заимствованием. Однако имеются и исконно тюркские, как правило, 2-го и 3-го типа, более конкретные в определении принадлежности объектов, событийности и времени. Изафеты 1-типа встречаются, в основном, в яфтах — перечне имущества, получаемого наследниками. Эти списки часто сводятся к перечислению наследуемых животных с описанием особенностей их рабов, недвижимости, домашней утвари и одежды. Как правило, в наименовании этих объектов и предметов преобладает исконно тюркская лексика. Во всех других документах чаще встречаются изафеты 2-го и 3-го типов, а также арабские и персидские изафетные словосочетания.

Изафет 1-го типа — бессуффиксный, оба компонента в именительном падеже. Зависимость в них определяется позиционно. 1-ый компонент (определение) в этом типе изафета указывает на ремесло или занятие, происхождение, признак предмета, степень родства и субъект обладания, пол и т. п.:

1. *Qısvır qoyun* — яловая овца. Адъективное словосочетание, так как *qısvır* в современных тюркских языках означает прилагательное — *бесплодное* животное, *не родившее* животное. Однако изначально *qısvır* означало «кобыла, не приносившая приплода», а также «не рожавшая женщина; бесплодная женщина» [7, с. 448; 16, т. 1, с. 236, 322.]. Это формально-атрибутивный изафет.

2. *Turan qılıç* — Меч из Турана (туранский меч). Атрибутивный изафет: Туран + меч.

3. *Baqır qazan* — Медный казан. Атрибутивный изафет: медь + казан.

4. *Sebet (sepet) sandıq* — плетённый сундук. Атрибутивный изафет: корзина + сундук [10, т. 1, с. 5-А (1–90/88), текст 1 (57)].

Изафет 2-го типа — словосочетание с атрибутивной связью между компонентами с парадигмой суффикса *-ı* (-ы) / *-i* (-и) ... после основ, оканчивающихся на согласный, и *-si* (-си) / *-sı* (-сы) после основ на гласный в определяемом слове при посессивных отношениях). Определяющее слово без суффикса. Порядок слов аналогичен изафету 1-го типа:

1. (*Quba*¹) *siğır buzağı* [10, т. 1, с. 5-А (1–90/88), текст 1 (57)] — здесь: (бурый) «коровий» телёнок (изафет: корова + телёнок). В свою очередь, *quba* хоть и означает цвет, однако, по Махмуду Кашгарскому, изначально это тоже существительное: *бурая лошадь, гнедая лошадь, а также любое животное данного цвета* [16, т. 3, с. 372].

2. *Masar Seferi* (-nde) [10, т. 1, с. 2-В, (1–93/99), текст 2] — венгерский поход / поход на Венгрию. (Словосочетание в местном падеже: в венгерском походе). Именной изафет — составленный из давно освоенных арабских заимствований по абсолютно тюркскому типу синтаксиса: Венгрия + поход.

3. *İbraş bağı* [10, т. 1, с. 2-А (93/99), текст 8 (24)] — Сад Ибраша (*Ибраш сад его).

4. *Bağçesaray sakinleri* (-nden) [10, т. 1, с. 2-В (1–93/99), текст 5 (29)] — из жителей Бахчисарая (с суффиксом — *-nden* исходного падежа через *-n-* для основ на гласный — формант, характерный для южно-тюркских / огузских языков). Изафет: *Bağçesaray sakinleri* (*Бахчисарай жители его).

5. *Sahtıyan kürki* [10, т. 1, с. 2-В (1–93/99), текст 5 (29)] — сафьяновый мех; сафьяновая шкура (*сафьян шкура его).

6. *Arpa demedi* [10, т. 1, с. 23-А (72/69), текст 1 (286)] — сноп ячменя (*ячень сноп его).

7. *Tarı demedi* [10, т. 1, с. 23-А (72/69), текст 1 (286)] — сноп проса (*просо сноп его).

Изафет 3-го типа — оба члена словосочетания принимают суффиксы: определяющее слово — вариантный суффикс родительного падежа *-nıñ*; второй компонент — суффикс принадлежности, как во 2-ом типе изафета. Этот суффикс принадлежности употребим для 2-го и 3-лица. Местоименное словосочетание первого лица (мой / моя... (*benim*)) образуется с парадигмой суффикса: *-im*:

1. ... *benim (sulb-i) oğlum(u)* [10, т. 1, с. 4-В (1–91/97), текст 1 (52)] — мой (младший) сын (в тексте: в винительном падеже — *моего младшего сына*).

2. ... *benim (sağ) butum* [10, т. 1, с. 4-А (1–91/97) текст 5 (47)] — моё (правое) бедро (именительный падеж).

Примеры изафетов третьего типа:

1. *Sanmirzanıñ qardaşı* [10, т. 1, с. 4-А (91/97), текст 7 (42)] — (младший) брат Джанмирзы (*Джанмирзы брат его).

2. ... *qız qardeşlerimniñ küyüğüleri* [10, т. 1, с. 3-В (98), текст 7 (42)] — моих сестёр женихи (мужья / зятья) (*Моих сестёр жених их). В сочетании *qız qardeşlerimniñ* после показателя множественного числа *-ler-* следует притяжательный аффикс для первого лица *-im-*, а затем аффикс родительного падежа *-niñ*, без начальной 'n', что характерно для огузских языков после основ на согласную.

3. ... *yetimin vasisi* [10, т. 1, с. 5-В (90/88), текст 5 (62)] — опекун сироты (*сироты опекун его).

4. *Gulistanıñ efendisi* [10, т. 1, с. 5-В (90/88), текст 6 (63)] — господин (хозяин) Гюлистан (имя наложницы) — *Гюлистан господин её.

Сочетания с категорией посессивности могут иметь обратный порядок слов в случае утверждения принадлежности или имущественных прав на объект (коррелят). В этом случае необходимо употребление суффикса *-dur* (в парадигме сингармонического звукоряда), который восходит к архаичному свойству глагола *dur-*; *tur-* (стоять, находиться) как вспомогательного глагола в предикативной связке (или составного глагола, образующего «аналитические формы времени» [11, с. 293]). Этот суффикс придаёт значение сказуемости, а в сочетании с причастиями прошедшего времени сообщает о факте свершившегося действия. Например, *İşbu câriye Mengü Mahmudundur* [10, т. 1, с. 5-В (90–98), текст 6 (63)] — Эта самая невольница Менгу Махмуда (является / являвшаяся).

Посессивные словосочетания могут приобретать характер более сложных синтагм, где две или более изафетных конструкций следуют одна за другой или даже пересекаются между собой: *Arıqniñ babasınıñ vaqı muhtarı* [10, т. 1, с. 2-А (93–99), текст 8 (24)] — староста времён отца Арыка (букв. *Арыка отца времени староста его). Сочетания такого типа говорят о стремлении к упрощению и сокращению синтаксических конструкций в копиях судебных документов на манер разговорного тюркского языка.

Ещё один вид словосочетаний, примыкающих к изафету, в данном случае первого типа, выражает количество с участием специальных слов счёта (нумератов): *nefer* — человек мужского пола (араб.); *adet* — единица (изм.), число (араб.); *dane* — единица счёта, штука (при счёте) (перс.), от: ядрышко (граната), изюминка (винограда) и т. д.; *baş* — голова (также и для счёта скота) (тюрк.); *kile* — ёмкость для измерения зерён злаковых растений (араб.); *res'* — голова (при счёте скота) (араб.); *oqqa* — мера веса равная 1,3 кг. (араб. *vuqqa*):

¹ *Quba* (قوبا) — в словаре Л. Будагова в форме: (ابيق، حيق) — бледный; бурый, желтоватый [16, т. 2, с. 35].

1. *On bir baş biye* — одиннадцать голов кобыл (старше трёх лет).
2. *Beş baş baytal* — пять голов кобылиц (младше трёх лет).
3. *İki res' tay* — двое (две головы) жеребят [10, т. 1, с. 23-А (72/69), текст 1 (286)].

Все компоненты этих устойчивых словосочетаний имеют форму именительного падежа, связь осуществляется позиционно.

Развитие изафетных конструкций привело к появлению более сложных, многокомпонентных синтагм, смысловое единство которых нерасчленимо: *Yeşil qaraca içi zerduva* [10, т. 1, с. 23-А (72/69), текст 1 (286)] — куница (куний мех) с тёмно-зеленым подкладом (вариант: куница с подкладом из серой-зелёной косули) / дословно: *Тёмно-зелёного подклада куница. В подобных поликомпонентных сочетаниях реализуется агглютинативный принцип тюркских языков: наращивание основы за счёт моносемантических суффиксов, что в данном случае означает наращивание признаков определяемого слова без употребления глагола-связки, в частности причастия *olan / olğan*.

Изафеты арабо-персидского происхождения, помимо своих стилистических функций, часто играют роль терминов, большинство которых используется в текстах сиджилей Крымского ханства неоправданно, так как заимствования обычно усложняют восприятие содержания. Это касается категорий родства, торговых терминов типа *покупать, продавать, получать, отказываться (от сделки)* и т. п. Это вполне могло бы быть обеспечено лексикой исконно тюркского происхождения. Употребление подобных неоправданных заимствований надо рассматривать, по нашему мнению, как дань некоей традиции высокопарного стиля, проще говоря — подражание литературным образцам салонной поэзии, ориентированным после принятия Ислама на арабский и персидский язык и вкусы арабской и персидской знати.

Наиболее употребительные из оборотов и терминов юридического характера в текстах крымских сиджилей принимают форму устойчивых конструкций или шаблонов, повторяющихся во многих документах: *taqrir-i kelâm* — показания (буквально: объяснение + слово), *mahfil-i qaza* — судилище (собрание + суд), *meblağ-ı merkum* — учтённая сумма (сумма + нечто посчитанное), *merhum-i merkum* — упомянутый покойник (покойник + нечто посчитанное, учтённое), *Humayun-i Saadet* — относящийся к султану, к верховной власти (Хумаюн + Счастье. Хумаюн, Гамаюн — мифическая птица, знаменующая правителя в османской Турции и Крымском ханстве), *Divan-i Humayun* — Высший совет (Совет + Хумаюн); *takrir-i da'va* — показания по делу (объяснения + иск); *beynü'l-cirân* — между соседями (для обозначения местонахождения земельного участка, дома); *ahlaqqyet'ul-asl* — доброго нрава, буквально: *добронравного происхождения (о женщине-наложнице). Пример сложного сочетания с обозначением времени: *Fi'l-yevmu's-salis ve işrin min Sefer* — дня 23-го месяца Сафара. Арабские изафеты определительного типа с аффиксом *-i* совпадают по форме с иранскими изафетами, которые редко, но всё же встречаются в кадиаскерских тетрадах. Правда, семантическая нагрузка на суффиксы и соединительные гласные в них совершенно различна.

В отличие от художественной литературы, где издавна укрепились традиции, воспринятые тюрками Передней и Средней Азии из образцов иранской литературы, сиджили, будучи документами юридического характера, в основном, апеллируют к арабским терминам и понятиям, обращаясь к арабскому языку как к источнику права — Шариата. Подобно иранским в диванной литературе, арабские изафеты в текстах сиджилей Крымского ханства выступают неделимым атрибутом, который можно сочетать в предложении с остальными членами, используя соответствующие тюркские суффиксы и падежные «приставки». Например, исходный падеж: *'udûl-i müslümin'den* — из (числа) справедливых мусульман (изафет — справедливый + мусульмане); направительный падеж: *mahfil-i qaza'ya* — в собрание суда (собрание + суд); винительный падеж: *arz-i mezre'yi* — участок земли; местный падеж: *qarye-i Nayman'da* — в деревне Найман. В данном случае первое слово определяет второе, которое, по правилам агглютинативных языков, принимает на себя тюркские окончания или аффиксы.

Изафет (идафа) — арабское слово, означающее «присоединение». В арабском языке, как в тюркском и персидском, изафеты образуют именные сочетания, между компонентами которых существует зависимость: определяющее и определяемое слово. Как правило, эта зависимость носит посессивный характер, а также разъяснительный — о месте и времени; или уподобления (сравнения) с предлогом *как*. В арабском языке изафет оформляется при помощи одного из четырёх артиклей родительного падежа: (ك, ي, ف, ن). В родительном падеже стоит второй компонент изафета.

Нередко в тюркских письменных памятниках XIV–XIX вв. арабские форманты в изафетах и в обычных сочетаниях сохраняют в своём составе признаки морфологии арабского языка. Это касается иной (отличной) формы родительного падежа, показателей единственного, двойственного или множественного числа, а также различий между женским и мужским родом, которые отсутствуют в тюркском языке, ср.: *müşaru ileyh* — указанный (означенный + этот), *müşarun ileyh* — указанного, *müşaru ileyhuma* — указанная; *mezbur* — упомянутый, *mezburе* — упомянутая, *mezburan* — упомянутые и т. п.

Однако иноязычные грамматические нормы проявлялись не во всех текстах. Когда же такое происходило, они выглядели достаточно искусственно и вычурно, так как общий строй синтаксиса оставался всё же тюркским, а грамматическая смесь из разноязычных морфологических элементов

порождала некоторые лингвистические коллизии. Использование тюркских грамматических форм наряду с заимствованными и частое употребление сложных союзных предложений, составленных по арабскому или персидскому образцу, позволяет говорить о смешанном характере синтаксиса письменного тюркского языка эпохи в целом и языка крымских кадиаскерских книг в частности. Особенно заметны в этом случае персидские синтаксические кальки, в которых устанавливался обратный, с точки зрения тюркских языков, порядок слов и подчинительных связей в предложении. Отдельные элементы этого синтаксиса — арабские и персидские союзы и предлоги, индоевропейский тип подчинительной связи — были унаследованы современными тюркскими языками, что даёт основание рассматривать синтаксис XVII–XVIII вв. как переходную стадию грамматической системы тюркских языков, оказавшихся под влиянием ближневосточной мусульманской цивилизации и арабо-персидской лингвокультурной среды. Подобные явления переходного типа наблюдались в тюркских языках вплоть до начала XX века.

Как персидские, так и арабские изафеты, сочетания, отдельные лексемы сочетаются с тюркскими модальными глаголами и образуют глагольную пару или вербализованный оборот: *taqrir-i kelâm idub* — делая признания, давая показания; *bedel-i sulhi dahi qabz idub* — приняв также компенсацию за мировую; *mahüvel'l-vaqi keteb olundu* — записано в соответствии с событием; *şöyle eda-i şehadet itdiler ki...* — таким образом, свидетельствовали о том, что...; *bey' idub* — купив (покупку сделал). Суть модального глагола определяется нами по Шарлю Балли: «Модальный глагол содержит в себе то, что логики называют утверждением там, где мы имеем дело с суждением» [1, с. 44].

Выводы. Изучение изафетных конструкций в текстах кадиаскерских дефтеров Крымского ханства XVII–XVIII вв. с точки зрения синтаксических особенностей и стилистических функций в плане диахронии позволило нам установить и описать ряд феноменов, оставшихся вне поля зрения лингвотюркологии. Они характеризуют один из фрагментов синтаксической структуры юридического подстиля официально-делового стиля языка крымских татар XVII–XVIII вв. Определены типы и подтипы исконно тюркских и заимствованных из арабского и персидского языков изафетных конструкций, их структурные и функциональные особенности. В общем, такие конструкции служат для создания грамматически обезличенного строгого официального фона текстов юридического подстиля кадиаскерских дефтеров. Этот фон нередко нарушается повествовательным характером текстов, в которых показания участников тяжбы звучат как прямая или (чаще) косвенная речь. В целом, каждый документ воспринимается как мини-рассказ с сюжетом о том или ином происшествии. Секретари, которые записывали процесс слушания дела, старались минимизировать эмоциональный уровень подобного нарратива. Структурное влияние арабских и персидских изафетных конструкций на уровне сложных союзных предложений привело к заимствованию арабских и персидских служебных слов, а также сделало возможным изменение обязательного порядка слов в исконно тюркской структуре, а именно: употребление придаточных частей сложноподчинённых предложений не только в препозиции, но и в постпозиции по отношению к главной части. Наиболее употребительные из оборотов и терминов юридического характера в текстах крымских сиджией принимают форму устойчивых клише и становятся неоднородными юридическими терминами.

Л и т е р а т у р а

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / [пер Е. В. и Т. В. Вентцель]; Шарль Балли. — М.: Изд-во иностр. лит., 1955. — 416 с.
2. Боровков А. К. Краткий очерк грамматики узбекского языка / А. К. Боровков // Узбекско-русский словарь. — М., 1959. — С. 679–727.
3. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык / Лазарь Будагов. — СПб.: Тип. ИАН, 1871.
4. Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис / Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебренников. — М.: Наука, 1986. — 284 с.
5. Гаджиева Н. З. Тюркские языки / Н. З. Гаджиева // Языки мира. Тюркские языки / [предс. редколлегии В. Н. Ярцева; отв. ред. тома Э. Р. Тенишев]. — М.: Изд. дом РАН, 1996. — С. 16–34.
6. Гузев В. Г. Староосманский язык / В. Г. Гузев. — М.: Наука, 1979. — 95 с.
7. Древнетюркский словарь / [ред. В. М. Наделяев и др.]. — Л.: Наука, 1968. — 677 с.
8. Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII–XI вв. / В. Г. Кондратьев. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. — 191 с.
9. Кононов А. Н. Грамматика турецкого языка / А. Н. Кононов. — М.: Изд-во АН СССР, 1943. — 311 с.
10. Копии крымских судебных реестров, хранящихся в библиотеке имени Гаспринского в Симферополе // Архивный фонд: 67 А90. — Т. 1.
11. Кормушин И. В. Древние тюркские языки / И. В. Кормушин. — Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2004. — 336 с.
12. Поцелуевский А. П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка / А. П. Поцелуевский. — Ашхабад: Туркм. ОГИЗ, 1943. — 100 с.
13. Рустемов О. Д. Внутренняя стилистика бахчисарайских сиджией / О. Д. Рустемов // Сходознавство. — К., 2013. — № 64 — С. 108–116.
14. Севортян Э. В. Крымско-татарский язык / Э. В. Севортян // Языки народов СССР. — М.: Наука, 1966. — Т. 2: Тюркские языки. — С. 234–259.

15. Тенишев Э. П. Тюркоязычных письменных памятников языка // Языки мира. Тюркские языки / [предс. редколлегии В. Н. Ярцева; отв. ред. тома Э. П. Тенишев]. — М. : Изд. дом РАН, 1996. — С. 35–46.
16. Kâşgarlı M. Divanü Lûgat-it-Türk / Mahmud Kâşgarlı / [çeviren : Besim Atalay. — Ankara : Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1992. — 3. Baskı. 4. Cilt.
17. Stepanov Ie. N. Russian proverbs and sayings with Türkisms of domestic discourse : lingual and cultural aspects / Ievgenii Steanov // Мова. — Одеса : Астропринт, 2016. — № 26. — С. 111–119.

References

1. Bally, Ch. (1955), *General Linguistics and Problems of the French Language*. Translated into Russian by E. V. and T. V. Ventzel [*Obshchaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka*], Foreign literature Publ., Moscow, 416 p.
2. Borovkov, A. K. (1959), «A short essay on the grammar of the Uzbek language», *Uzbek-Russian Dictionary* [«Kratkij ocherk grammatiki uzbekskogo jazyka», *Uzbeksko-russkij slovar'*], Moscow, pp. 679–727.
3. Budagov, L. (1871), *Comparative dictionary of Turkish-Tatar dialects with the inclusion of the commonly used words of Arabic and Persian and with translation into Russian* [*Sravnitel'nyj slovar' turecko-tatarskikh narechij so vkluchenijem upotrebitel'nejshikh slov arabskikh i persidskikh i s perevodom na russkij jazyk*], Typography of the Imperial Academy of Sciences, St. Petersburg, vol. 1, 827 p. ; vol. 2, 415 p.
4. Gadzhieva, N. Z., Serebrennikov, B. A. (1986), *Comparative-historical grammar of Turkic languages. Syntax* [*Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tiurkskikh jazykov. Sintaksis*], Nauka, Moscow, 284 p.
5. Gadzhieva, N. Z. (1996), «Turkic languages», *Languages of the world. Turkic languages* [«Tiurkskije jazyki», *Jazyki mira. Tiurkskije jazyki*], eds. V. N. Yarcev & E. R. Tenishev, Publ. House of the Russian Academy of Sciences, Moscow, pp. 16–34.
6. Guzev, V. G. (1979), *The Old Ottoman language* [*Staroosmanskij jazyk*], Nauka, Moscow, 95 p.
7. Nadeliaev, V. M., Nasilov, D. M., Tenishev, E. R., Scherbak, A. M. (eds) (1968), *Ancient Turkic dictionary* [*Drevnetiurkskij slovar'*], Nauka, Leningrad, 677 p.
8. Kondratiev, V. G. (1981), *The grammatical structure of the language of the ancient Turkic manuscripts of the VIII–XI centuries* [Grammaticheskij stroj jazyka pamiatnikov drevnetiurkskoj pis'mennosti VIII–XI vv.], Publ. house of Leningrad University, Leningrad, 191 p.
9. Kononov, A. N. (1943), *Grammar of the Turkish language* [*Grammatika Tureckogo jazyka*], Publishing house of the USSR Academy of Sciences, Moscow, 311 p.
10. Copies of the Crimean Khanate's judicial registers which stored in the I. Gasprinskiy library in Simferopol, Archive fund: 67 A90, vol. 1.
11. Kormushin, I. V. (2004), *Ancient Turkic languages* [*Drevnije Tiurkskije jazyki*], Khakas N. F. Katanov State University, Abakan, 336 p.
12. Potseluevsky, A. P. (1943), *Principles of the syntax of the Turkmen literary language* [Osnovy sintaksisa turkmenskogo jazyka], Turkmenское Obyedinyonoye Gosudarstvennoye Izdatel'stvo, Turkmen Joint State Publishing House, Ashgabat, 100 p.
13. Rustemov, O. D. (2013), «Internal style of the Bakhchisarai court papers», *Oriental Studies* [«Vnutrenniaja stilistika Bahchisarajskikh sidzhilej», *Shhodoznavstvo*], A. Yu. Krymskij Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, vol. 64, pp. 108–116.
14. Sevortyan, E. V. (1966), «Crimean Tatar language», *Languages of the Peoples of the USSR* [«Krymsko-tatarskij jazyk», *Jazyki narodov SSSR*], Nauka, Moscow, vol. 2, pp. 234–259.
15. Tenishev, E. R. (1996), «The languages of the Turkic manuscripts», *Languages of the world. Turkic languages* [«Turkojazychykh pis'mennykh pamiatnikov jazyki», *Jazyki mira. Tiurkskije jazyki*], eds. V. N. Yarcev & E. R. Tenishev, Publ. House of the Russian Academy of Sciences, Moscow, pp. 35–46.
16. Kâşgarlı, Mahmud (1992), *Divanü Lûgat-it-Türk*, translated by Besim Atalay, Türk Tarih Kurumu Basımevi, Ankara, vol. 3, Baskı ; vol. 4, Cilt.
17. Stepanov, Ie. N. (2016), «Russian proverbs and sayings with Türkisms of domestic discourse : lingual and cultural aspects» *Mova*, Odessa I. I. Mechnikov National Univ., Astroprynt, Odessa, vol. 26, pp. 111–119.

РУСТЕМОВ Олег Діляверович,

кандидат філологічних наук, Ардаханський університет, Туреччина; Ardahan Üniversitesi, İnsani Bilimler ve Edebiyat Fakültesi; Yenisey Kampüsü, Çamlıçatak Mevkii, Ardahan, 75000, Türkiye; тел.: +9 (0553) 1821607; e-mail: biblos@ukr.net; olegrustemov@ardahan.edu.tr; ORCID ID: 0000-0001-6444-2885

ТИПИ І ФУНКЦІ ІЗАФЕТНИХ КОНСТРУКЦІЙ У ТЕКСТАХ КАДІАСКЕРСЬКИХ ДЕФТЕРІВ КРИМСЬКОГО ХАНСТВА XVII–XVIII СТ.

Анотація. У статті докладно розглянуто питання синтаксичних і стилістичних функцій ізафетних конструкцій, які вжито в текстах кадїаскерських збірників Кримського Ханства періоду XVII–XVIII ст. Ізафет є відмінною рисою синтаксису тюркських мов. Однак у кримських кадїаскерських зошитах були використані ізафети не лише тюркського походження, але й арабо-перські. Традиційно тюркські ізафети представлено як у класичному вигляді, так і в історичному розвитку стосовно текстів юридичного підстилю, що характеризується своїм наративним характером. Арабо-перські ізафети більшою мірою виконують стилістичні функції, а іноді функціонують як стенографічні прийоми. Часто вони несуть на собі також термінологічне навантаження. Всі ці особливості ізафетних конструкцій кадїаскерських книг свідчать про розвиненість і цілком усталений характер мови кримських татар XVII–XVIII ст., зокрема, юридичного підстилю офіційно-ділового стилю.

Ключові слова: ізафетні конструкції, кримські кадїаскерські книги (дефтери), юридичний підстиль офіційно-ділового стилю, синтаксис тюркських мов, стилістика.

Oleg D. RUSTEMOV,

Candidate of Philology (PhD), Ardahan University, Turkey; Ardahan Üniversitesi, İnsani Bilimler ve Edebiyat Fakültesi; Yenisey Kampüsü, Çamlıçatak Mevkii, Ardahan, 75000, Türkiye; tel.: +9 (0553) 1821607; e-mail: biblos@ukr.net; olegrustemov@ardahan.edu.tr; ORCID ID: 0000-0001-6444-2885

TYPES AND FUNCTIONS OF EZAFE CONSTRUCTIONS IN THE TEXTS OF THE CRIMEAN KHANATE KADIASKER'S BOOKS OF THE 17TH-18TH CENTURIES

Summary. The article deals in detail with the question of syntactic and stylistic functions of ezafe constructions that are present in the kadiasker collections of the Crimean Khanate of the 17th-18th cc. Ezafes are a distinctive feature of the syntax of Turkic languages. However, in the Crimean kadiasker notebooks not only ezafes of Turkic origin are used, but also Arab-Persian ones. Originally Turkic ezafes are presented both in classical form and in historical development, with reference to texts of legal substratum, characterized by their narrative character. Arab-Persian ezafes in a greater degree perform stylistic functions, and sometimes look like stenographic techniques. Often they also carry a terminological burden. All these features of the ezafe of kadasker's books evidence of a developed and well-established language, in particular, the style of legal lining.

Key words: ezafe, Crimean books, legal subtype, syntax of Turkic language, stylistics.

Статтю отримано 21.03.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107896>

УДК 811.161.1'373.74'282.4:304.3(477.74)

АРЕФЬЕВА Наталья Георгиевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой и общегуманитарной подготовки иностранцев Института международного образования Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; пер. Маяковского, 7, г. Одесса, 65082, Украина; тел.: 095-866-32-87; e-mail: n.arefieva@onu.edu.ua; ORCID ID: 0000-0002-4974-9157.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОДОВ (на материале русских говоров Одесщины)

Аннотация. Цель статьи — попытка реконструировать фразеологическую картину мира носителей русских говоров Одесского региона. Предмет исследования составляют лингвокультурные коды, планом выражения которых являются фразеологизмы, зафиксированные в двухтомном Словаре русских говоров Одесщины. Методологической основой исследования стали современные разработки и основные положения лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, диалектологии и лингвосомиотики. На основе обширного пласта фразеологизмов русских говоров Одесщины выделен 21 лингвокультурный код. Некоторые из них рассмотрены на фоне лингвокультурологической парадигмы. Результатом исследования стали **выводы**, согласно которым фразеологическая картина мира может быть реконструирована с помощью лингвокультурных кодов. Фразеологическая картина мира носителей русских переселенческих говоров Одесской области отличается широтой и многообразием, воссоздаёт быт, культурные традиции, социокультурные и природные условия, в которых проживают диалектоносители, а также отражает стереотипы и эталоны, на которые ориентируются русскоязычные жители Одесского региона. Базовым лингвокультурным кодом фразеологической картины мира является *хозяйственный* код, вокруг которого группируется значительная часть других лингвокультурных кодов.

Ключевые слова: русские говоры Одесщины, фразеологизм, фразеологическая картина мира, лингвокультурный код.

Постановка проблемы. Фразеология русских говоров Одесщины сегодня — уникальный, наименее изученный языковой пласт, в котором преломляются быт, история, традиции и мировоззрение народа-диалектоносителя. В то же время, лингвокультурологические исследования диалектных фразеологизмов как никогда актуальны, поскольку «лексика общерусского и диалектного дискурсов в целом отражает дискретное единое и непрерывное ментальное пространство всех носителей русского языка. При моделировании общерусской (общенациональной) ЯКМ диалектные факты могут восполнить отдельные её звенья, отсутствующие в сознании носителей современного литературного языка» [4, с. 19]. Об актуальности поставленной научной проблемы говорит и автор учебного пособия «Лексика русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в иноязычном окружении» Л. Ф. Баранник. «Богатая и интереснейшая фразеология русских говоров Одесщины ждёт своих исследователей», — отмечает учёный [1, с. 19].

Связь с предыдущими исследованиями. Нужно отметить, что в русле лингвокультурологических и этнолингвистических студий фразеологию исследовали Н. И. Толстой, В. М. Мокиенко, Е. А. Селиванова, Д. О. Добровольский, В. Н. Телия, В. Д. и Д. В. Ужченко, К. Ничева, И. А. Голубовская,

Е. А. Левченко, И. В. Зыкова, В. В. Жайворонок, М. Л. Ковшова, В. И. Кононенко, Л. П. Дядячко, Д. П. Амичба, А. А. Майборода, Л. В. Мельник, Н. Г. Арефьева и др. Лингвокультурологическим исследованиям диалектной фразеологии посвящены работы Е. В. Брысиной, С. М. Беляковой, В. Д. Ужченко, В. Ю. Краевой и других. Лингвокультурная специфика фразеологизмов в социокультурном пространстве города рассмотрена в докторской диссертации и ряде других работ Е. Н. Степанова [9–13]. В то же время, как отмечалась выше, вопрос о комплексном изучении фразеологии русских говоров Одесщины, в том числе с позиций лингвокультурологии, остаётся открытым.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что в ней фразеологизмы рассматриваются сквозь призму лингвокультурных кодов, под которыми мы, вслед за В. А. Масловой, понимаем «глубинное культурное пространство, в котором разные языковые сущности получают различные культурные смыслы, заполняя собой и формируя тем самым код» [5, с. 81]. Разделяя мнение В. В. Красных о том, что «набор кодов культуры для человечества универсален, однако их проявления, удельный вес каждого из них в определённой культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обусловлены конкретной культурой» [3, с. 232], заметим, что исследование лингвокультурных кодов в перспективе не только помогает раскрыть языковую и концептуальную картины мира (ЯКМ и ККМ) диалектоносителей, но и решает общеязыковую проблему «взаимодействия, взаимовлияния территориально смежных языков и говоров», проблему «межъязыковых и междиалектных контактов», чрезвычайно актуальную и в наши дни [2, с. 7], а также открывает широкие перспективы в решении проблемы интеракции языка и традиционной духовной культуры, поскольку «код вырабатывается и функционирует в культуре» [6, с. 137]. Отметим также, что понятие лингвокультурного кода «находится на начальной стадии разработки и лишь начинает свой путь в качестве категории лингвосомиотики и лингвокультурологии» [7, с. 3].

Постановка исследовательских задач. Цель данной статьи — попытка реконструкции фразеологической картины мира русских говоров Одесщины, раскрыть которую помогают лингвокультурные коды. Предмет исследования составляют лингвокультурные коды, планом выражения которых являются фразеологические единицы русских говоров Одесщины, что позволяет значительно расширить инструментарий терминологического аппарата лингвокультурологии и под другим углом зрения подойти к разрешению проблемы моделирования фразеологической картины мира диалектоносителя.

Под фразеологической картиной мира (далее ФКМ) мы понимаем миропонимание и мироощущение народа-носителя языка (в нашем случае — диалектоносителя), имплицитно и эксплицитно представленное во фразеологических единицах.

Задачи исследования состоят в том, чтобы выявить и описать ФКМ носителей русских говоров Одесщины, опираясь на лингвокультурные коды как сгусток культурных смыслов, выраженных языковыми средствами. Методами исследования являются лингвокультурологический анализ, который включает концептуальный анализ, анализ словарных дефиниций, описательный и сопоставительный методы, метод ретроспекции и интроспекции, квантитативный метод.

Изложение основного материала. Опираясь на богатейший материал двухтомного Словаря русских говоров Одесщины (далее СРГО) и используя метод сплошной выборки (в том числе на материале записанных текстов, включённых в Словарь), нами было зафиксировано около трёхсот устойчивых сочетаний-фразеологических единиц. Здесь под фразеологической единицей (далее ФЕ) мы понимаем не только собственно идиоматические сочетания слов, но и пословицы, поговорки (*Гуртом да миром сподручней*, *Поговорочка его лежит у сердца моего*), составные наименования, широко распространённые в данном регионе, как-то: *бежевый платок* — «платок любого цвета из тонкой шерсти с кистями»; *прибыльная вода* — «вода, прибывшая в реке в половодье» [8, т. 1, с. 35; т. 2, с. 107], номенклатурно-терминологические словосочетания (*белый кудрик* — «сорт винограда»; *железная лавка* — «магазин хозяйственных товаров» [8, т. 1, с. 36, 193]), тавтологические сочетания слов (*край на край* — «в конце концов, наконец»; *дашь-на-дашь* — 1) «поровну»; 2) «взаимы» [8, т. 1, с. 266, 157]), а также предложно-именные сочетания, соотносящиеся с наречиями, предлогами или союзами (*с пупенка* — нареч., *экспресс*. «с младенчества»; *до путя* — «хорошо» [8, т. 2, с. 186; т. 1, с. 170]).

На основе обширного пласта фразеологизмов русских говоров Одесщины нами выделен 21 лингвокультурный код: *хозяйственный* (*стоять на горне* — «работать кузнецом», *обселить основу* — «продеть продольные нити, идущие вдоль домотканого полотна» — всего 44 ФЕ); *социальный* (*убиться в пьянку* — «спиться», *нема моду* — «не заведено, не принято» — всего 32 ФЕ); *флористический* (*растительный*) (*цвет кидать* — «цвести», *давать род* — «плодоносить» — всего 29 ФЕ); *соматический* (*на чьей-либо голове* — «на памяти», *в сердцах* — «в ссоре» — всего 25 ФЕ); *анималистический* (*зоморфный*) (*показывать горбцам дули* — «бездельничать», *взять за зябры* — «оказать давление» — всего 24 ФЕ); *свадебный* (*продавать невесту* — «просить выкуп за невесту по старинному свадебному обряду», *бабичья свадьба* — «угощение для женщин после венчания» — всего 20 ФЕ); *гендерный* (*хрустальная жена* — «жена (не первая) человека, женившегося в преклонном возрасте», *старый парень* — «старый холостяк» — всего 20 ФЕ); *природный* (*синий камень* — «медный купорос», *тучевой дождь* — «ливень» — всего 20 ФЕ); *бытовой* (*уборная хата* — «гостиная», *передний кут* — «красный

(передний) угол в доме, в котором находится икона, куда сажают почётных гостей — всего 19 ФЕ); предметный (вещный) (*стоялая пряжа* — ‘стоячая прялка, высокая’, *адегиное намысто* — ‘бусы, плотно прилегающие к шее’ — всего 18 ФЕ); гастрономический (пищевой) (*пуканки пукать* — ‘готовить жареные кукурузные зёрна (поп-корн), употребляемые в пищу’, *борщевой квас* — ‘приправа для борща’ — всего 13 ФЕ); временной (*край на край* — ‘в конце концов, наконец’, *да и годя* — ‘да и всё, да и только’ — всего 13 ФЕ); пространственный (*нема куды* — ‘некуда’, *полне-полным* — ‘полным-полно’ — всего 11 ФЕ); духовный (*бога не острашаться* — ‘бога не бояться’, *у гурте* — ‘вместе, сообща’ — всего 10 ФЕ); космогонический (*век завязывать* — ‘укорачивать жизнь’, *свет потерять* — ‘потерять зрение’ — всего 8 ФЕ); интеллектуальный (*пораскинуть розумом* — ‘пораскинуть мозгами’, *пропить розум* — ‘спиться’ — всего 7 ФЕ); семейный (*брат под братом* — ‘младший брат’, *малый родственик (малая родственица)* — ‘дальний родственник’ — всего 7 ФЕ); транспортный (*драбинный воз* — ‘повозка с решётчатыми боковинами, арба’, *файтон без коней* — ‘автомобиль’ — всего 4 ФЕ); антропонимический (*Ванька-встанька* — ‘божья коровка’, *Ваня-рутютю* — ‘божья коровка’ — всего 2 ФЕ); ландшафтный (*вгору крычать* — ‘петь высоким голосом’ — всего 1 ФЕ); эмоциональный (*в горячках* — ‘сгоряча’ — всего 1 ФЕ).

Рассмотрим функционирование некоторых кодов в диалектной речи. Хозяйственный код занимает ведущее место в ФКМ носителя русских говоров Одесского региона, представлен наибольшим количеством ФЕ, что вполне естественно, поскольку хозяйственная деятельность занимает исключительно важное место в жизни жителя села. Ср.: *город делать* — ‘обрабатывать огород’: *У нас римесил нет, мы фсе гароды делаим* (Ст. Некр.) [8, т. 1, с. 140]. Или: *Уладить (улаживать) землю* — ‘распахать, разрыхлить, обработать землю’: *Пришло время уладить землю* (Вилк.). *Вясной землю улаживали* (Вилк.) [8, т. 2, с. 243]. С хозяйственным кодом тесно связаны коды бытовой и предметный (*бунбаковые рушники* — *устар.* ‘домотканые полотенца, вышитые разноцветными нитками’: *Вот бунбакавыи рушники — мы их сами пряли и вышивали* (Усп.) [8, т. 1, с. 56], а также природный, поскольку природные условия чрезвычайно важны для ведения хозяйства и являются предметом вековых наблюдений народа-носителя: *спокойный дождь* — ‘тихий дождь’: *Спакойный дождь — тихий, без ветра, самый хароший для уражаю* (Введ.) [8, т. 2, с. 184].

На втором месте — код социальный, что также объяснимо, т. к. социализация в обществе, стереотипы поведения, оценка общества всегда были чрезвычайно важны для славянина: *прикласть звание* — ‘прозвать’: *А ён абидилсья, шта я ййму приклав звания Видмидёф* (Рус. Ив.). *Как прикладут звания — ни ацтанит* (Алекс.) [8, т. 2, с. 109].

Флористический код занимает третье место в иерархии кодов культуры носителей говоров и представлен широким разнообразием названий растений, овощных культур, плодовых деревьев. Флористический код также пересекается с кодом хозяйственным: *синие помидоры* — ‘баклажаны’: *Синие памидоры и узурчики в кадушки солим* (Дем.). *Синие памидоры садють, красные памидоры, картоху, цыбульку* (Возн.) [8, т. 2, с. 168]. Обращает на себя внимание высокая продуктивность лексем *полевой* и *степовой* в составе ФЕ флористического кода: *степовая василька* — ‘сорняк’; *степовой ковёрчик* — ‘сорняк, который растилается по земле’; *степовые ротики* — ‘степной сорняк’; *полевая роза* — ‘мальва’; *полевой цветок* — ‘цветок красного цвета, по форме напоминающий кисточку’ [8, т. 2, с. 192, 65]. Здесь флористический код тесно переплетается с кодом ландшафтным, отражая природные особенности Одесского региона. Количественное же доминирование флористического кода над анималистическим, также пронизанным широким спектром сравнений и стереотипов, связанных во фразеотворчестве русского диалектоносителя с животным миром, свидетельствует, на наш взгляд, о большей значимости растениеводства в сравнении со скотоводством в хозяйственной деятельности русских. Отсюда многообразие наименований цветов, растений, сортов овощей и фруктов, бережное отношение к которым проявляется и в обилии уменьшительных форм, и в образности сравнений. Ср.: *беленький подсолнушек* — ‘ромашка’: *А вон там белинький патсолнушык растёт* (Ст. Некр.) [8, т. 1, с. 35]; *ночная красота* — ‘маттиола’: *На базари мне заместа начной красаты зорик дали* (Ст. Некр.) [8, т. 1, с. 331]; *красная серебриня* — ‘шиповник’: *Красную сирибрину ат кашлю харашо* (Петр.) [8, т. 1, с. 267].

Хозяйственный и анималистический коды могут пересекаться: *тугая корова* — ‘корова, которую трудно раздоить’: *Харошая каровка, малако у ней уккуснае, но дюжа тугая* (Возн.); *дивьи патки* — ‘дикие гуси’: *Диви патки в камышах: лавить можна и кушать* (Сув.) [8, т. 2, с. 230; т. 1, с. 167]. Анималистический код представлен ФЕ, имплицитно и эксплицитно репрезентирующих и домашних животных (*стоялый конь* — ‘откормленный конь, не работавший’; *мотнуть хвостом* — ‘быстро уйти’; *воловий язык* — ‘растение, чернокорень аптечный’; *водить цыплят* — ‘высиживать цыплят (о курице, индюшке)’, и птиц (*показывать горобцам дули* — ‘бездельничать’), и рыб (*богова рыбка* — ‘тысячелистник’), и пчёл (*работня пчела* — ‘медоносная пчела’), и даже ядовитых змей (*гадючье молоко* — ‘растение молочай’; растение *гадючий виноград*), обитающих в Одесской области. Лингвокультурными концептами анималистического кода можно считать концепты «корова», «вол», «пчела», представленные наибольшим количеством ФЕ.

Выводы. Как видим, ФКМ носителей русских говоров Одесщины, частично реконструированная нами сквозь призму лингвокультурных кодов, широка и многообразна. Она воссоздаёт быт, культуру-

ные традиции, социокультурные и природные условия, в которых проживают диалектоносители, а также отражает стереотипы и эталоны, на которые ориентируются русскоязычные жители Одесского региона: *Гуртом да миром сподручней*. Базовым лингвокультурным кодом ФКМ является код **хозяйственный**, вокруг которого группируется значительная часть других лингвокультурных кодов.

Перспективы дальнейших исследований видятся нам в расширении базы исследования: использование не только данных словаря, но и материалов новых специализированных полевых исследований на основе записи диалектных текстов, а также более глубокое комплексное исследование каждого лингвокультурного кода. Кроме того, предполагается установить и описать межъязыковые и межкультурные связи, оказавшие влияние на формирование ФКМ носителей русских говоров Одесщины.

Литература

1. Баранник Л. Ф. Лексика русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в разноязычном окружении : учеб. пособие / Л. Ф. Баранник. — Одесса : Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, 2015. — 178 с.
2. Баранник Л. Ф. Региональная языковая картина мира носителей русских островных говоров Одесской области / Л. Ф. Баранник // Мова : науково-теоретичний часопис з мовознавства. — Одеса : Астропринт, 2014. — № 22. — С. 7–11.
3. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : Лекционный курс / В. В. Красных. — М. : Гнозис, 2002. — 284 с.
4. Лукьянова Н. А. Когнитивные источники образных слов русского языка / Н. А. Лукьянова // Русистика : сб. науч. трудов. — Киев : ИП КНУ, 2008. — Вып. 8. — С. 18–27.
5. Маслова В. А. Особенности описания языка сквозь призму лингвокультурных кодов / В. А. Маслова // Матеріали V Всеукраїнської науково-практичної конференції «Лінгвістичні та лінгвокультурологічні аспекти навчання іноземних студентів у вищих навчальних закладах України (31 березня — 1 квітня 2016 р.)». — Дніпропетровськ, 2016. — С. 81–87.
6. Маслова В. А. Русский язык как совокупность кодов : растительного, архитектурного, духовного / В. А. Маслова // Учёные записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». — Симферополь, 2011. — Т. 24 (63). — № 1. — Ч. 1. — С. 137–140.
7. Попова А. Н. Взаимодействие лингвокультурных кодов в речевом пространстве (на материале английского языка) : автореф. ... канд. филол. н. : спец. 10.02.04 — «Германские языки» / А. Н. Попова. — Самара, 2014. — 22 с.
8. Словарь русских говоров Одесщины / [ред. коллегия : проф. Ю. А. Карпенко (отв. ред.), проф. С. Уэмура, проф. Д. С. Ищенко, доц. Л. Ф. Баранник] : в 2 т. — Одесса : АстроПринт, 2000–2001.
9. Степанов Е. Н. Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы : автореф. дис. ... докт. филол. н. : спец. 10.02.02 — «Русский язык» / Е. Н. Степанов. — Киев, 2013. — 35 с.
10. Степанов Е. Н. Фразеология города как лингвокультурное пространство / Е. Н. Степанов // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. — Ізмаїл, 2008. — Вип. 25. — С. 130–135.
11. Степанов Е. Н. Городская фразеология Одессы и Санкт-Петербурга как отражение их лингвокультурологических пространств / Е. Н. Степанов // Слово есть Дело : Юбилейный сборник научных трудов в честь проф. И. П. Лысаковой. — СПб. : Сударья, 2010. — Т. 1. — С. 112–122.
12. Степанов Е. Н. Городская фразеология Санкт-Петербурга как отражение социально-исторических событий петровской эпохи / Е. Н. Степанов // Полтавская битва и Прутский поход Петра I : история, политика, философия I половины XVIII века : Научно-публицистический сборник. — Кишинёв : Славянский университет, 2010. — С. 105–113.
13. Степанов Е. Н. Фразеология русского воднотранспортного дискурса в текстах разных стилей / Е. В. Галас, Е. Н. Степанов // Поддержка русского языка как основы развития интеграционных процессов в СНГ : Материалы регионального форума молодых преподавателей русского языка, аспирантов и студентов-русистов. Минск, 21–24 ноября 2011 г. — М.-Минск-Тула, 2011. — С. 37–39.

References

1. Barannik, L. F. (2015), *Vocabulary of Russian migrant dialects of Odessa region, functioning in the multilingual environment* [Leksika russkikh pereselencheskikh govorov Odesskoj oblasti, funkcionirujuschikh v raznojazychnom okruženii : ucheb. posobie], Odessa I. I. Mechnikov National Univ., Odessa, 178 p.
2. Barannik, L. F. (2014), «Regional linguistic image of the world of carriers of Russian insular dialects of Odessa region», *Mova* [«Regionalnaja jazykovaja kartina mira nositelej russkikh ostrovnykh govorov Odesskoj oblasti»], Odessa I. I. Mechnikov National Univ., Astroprynt, Odessa, vol. 22, pp. 7–11.
3. Krasnykh, V. V. (2002), *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology* [Etnopsicholingvistika i lingvokulturologija : Lekcionnyj kurs], Gnosis, Moscow, 284 p.
4. Lookjanova, N. A. (2008), «Cognitive sources of imaginative Russian words», *Russian studies* [«Kognitivnye istochniki obraznykh slov russkogo jazyka», *Rusistika*], Publishing Center of Kiev T. Shevchenko National Univ., Kiev, vol. 8, pp. 18–27.
5. Maslova, V. A. (2016), «Peculiarities of language description in the light of linguocultural codes», *Materials of the Vth All-Ukrainian Scientific and Practical Conference «Linguistic and cultural aspects of teaching foreign students in higher educational institutions of Ukraine (March 31 — April 1, 2016)* [«Osobennosti opisaniya jazyka skvoz prizmu lingvokulturnykh kodov», *Materialy V vseukrai'ns'koi naukovopraktychnoi konferencii «Lingvistychni ta lingvokul'turologichni aspekty navchannja inozemnykh studentiv u vyshhykh navchal'nykh zakladakh Ukraïny» (31 bereznja — 1 kvitnja 2016 r.)*], Dnipropetrovs'k, pp. 81–87.
6. Maslova, V. A. (2016), «The Russian language as a system of codes : vegetal, architectural, spiritual and others», *Scientific Notes of Taurida National V. I. Vernadsky University. Ser. Philology. Social Communications* [«Russkij ja-

зык как совкупность кодов : растительного, архитектурного, духовного», *Uchenye zapiski Tavricheskogo nac. un-ta im. V. Y. Vernadskogo. Ser. Fiologija. Social'nye kommunikacii*], Simferopol', vol. 24 (63), No. 1, part 1, pp. 137–140.

7. Popova, A. N. (2014), *Linguocultural codes' interaction in the speaking-lingual space (based on the English language) : Author's thesis [Vzaimodejstvie lingvokulturnykh kodov v rechejazykovom prostranstve (na materiale anglijskogo jazyka) : avtoref. dis.... kand. filol. nauk]*, Samara, 22 p.

8. *Russian dialects of Odessa region Dictionary : in 2 vol.* (2000–2001), [Slovar' russkikh govorov Odesschiny : v 2 t.], Astroprint, Odessa.

9. Stepanov, Ie. N. (2013), *Russian urban speech in the multilingvocultural space of Odessa : Author's thesis [Russkaja gorodskaja rech v polilingvokulturnom prostranstve Odessy : avtoref. dis.... dokt. filol. nauk]*, Oleksandr Potebnya Institute of Linguistics of the Ukrainian NAS, Kyiv, 35 p.

10. Stepanov, Ie. N. (2008), «Phraseology of the city as a lingual and cultural space», *Scientific Bulletin of Izmail State University of Humanities* [«Frazeologija goroda kak lingvokul'turnoe prostranstvo», *Naukovyj visnyk Izmail's'kogo derzhavnogo gumanitarnogo univertsytetu*], IDGU Press, Izmail, vol. 25, pp. 130–135.

11. Stepanov, Ie. N. (2010), «The urban phraseology of Odessa and St. Petersburg as a reflection of their linguistic and cultural spaces», *The Word is the Matter : Jubilee collection of scientific works in honor of prof. I. P. Lysakova* [«Gorodskaja frazeologija Odessy i Sankt-Peterburga kak otrazhenie ikh lingvokul'turologicheskikh prostranstv», *Slovo jest' Delo : Yubilejnyj sbornik nauchnykh trudov v chest' prof. I. P. Lysakovej*], Sudarynia, St. Petersburg, vol. 1. — pp. 112–122.

12. Stepanov, Ie. N. (2010), «Urban phraseology of St. Petersburg as a reflection of the socio-historical events of the Petrine era», *The Battle of Poltava and the Prut march of Peter the Great : history, politics, philosophy of the first half of the 18th century : Scientific and journalistic collection* [«Gorodskaja frazeologija Sankt-Peterburga kak otrazhenie social'no-istoricheskikh sobytij petrovskoj epokhi», *Poltavskaja bitva i Prutskiy pokhod Petra I : istorija, politika, filosofija I-oj poloviny XVIII veka : Nauchno-publicisticheskij sbornik*], Slavic University of Moldova, Chisinau, pp. 105–113.

13. Stepanov, Ie. N., Galias, Ie. V. (2011), «Phraseology of Russian water transport discourse in texts of different styles», *Support for the Russian language as the basis for the development of integration processes in the CIS : Materials of the regional forum of young teachers of Russian language, postgraduate students and students of Russian philology, Minsk, November 21–24, 2011* [«Frazeologija russkogo vodnotransportnogo diskursa v tekstakh raznykh stilej», *Podderzhka russkogo jazyka kak osnovy razvitiya integracionnykh processov v SNG : Materialy regional'nogo foruma molodykh prepodavatelej russkogo jazyka, aspirantov i studentov-rusistov, Minsk, 21–24 nojabrja 2011 g.*], Moscow, Minsk, Tula, pp. 37–39.

АРЕФЬЄВА Наталія Георгіївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри мовної та загальногуманітарної підготовки іноземців Інституту міжнародної освіти Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; пров. Маяковського, 7, м. Одеса 65082, Україна; тел.: 095–8663287; e-mail: n.arefieva@onu.edu.ua; ORCID ID: 0000–0002–4974–9157

ФРАЗЕОЛОГІЧНА КАРТИНА СВІТУ КРІЗЬ ПРИЗМУ ЛІНГВОКУЛЬТУРНИХ КОДІВ (на матеріалі російських говірок Одещини)

Анотація. Метою статті є спроба реконструювати фразеологічну картину світу носіїв російських говірок Одеського регіону. Предмет дослідження становили лінгвокультурні коди, планом вираження яких стали фразеологізми, що були зафіксовані у двохтомному Словнику російських говірок Одещини. Методологічною основою дослідження стали сучасні розробки й основні положення лінгвокультурології, когнітивної лінгвістики, діалектології та лінгвoseміотики. На підґрунті значного шару фразеологізмів російських говірок Одещини виокремлено 21 лінгвокультурний код. Деякі з них розглянуто на тлі лінгвокультурологічної парадигми. Результатом дослідження є висновки, згідно з якими фразеологічна картина світу може бути реконструйована за допомогою лінгвокультурних кодів. Фразеологічна картина світу російських переселенців Одеської області відрізняється широтою та різноманіттям, відтворює побут, культурні традиції, соціокультурні та природні умови, в яких мешкають носії діалектів, а також віддзеркалює стереотипи й еталони, на які орієнтуються російськомовні мешканці Одеського регіону. Базовим лінгвокультурним кодом є господарський код, навколо якого згуртована значна частина інших лінгвокультурних кодів.

Ключові слова: російські говірки Одещини, фразеологізм, фразеологічна картина світу, лінгвокультурний код.

Natalia G. AREFIEVA,

Candidate of Philological Sciences (PhD), Associate Professor of the Chair of Linguistic and General Humanitarian Training for Foreigners, Institute of International Education, Odessa I. I. Mechnikov National University; 7, Mayakovsky lane, Odessa, 65082, Ukraine; tel.: +38 095–8663287; e-mail: n.arefieva@onu.edu.ua; ORCID ID: 0000–0002–4974–9157

PHRASEOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD IN THE LIGHT OF LINGUOCULTURAL CODES (based on the Russian dialects of Odessa region)

Summary. The purpose of the article is the first attempt to reconstruct phraseological picture of the world of the Russian dialects' speakers of Odessa region. The subject of this study was linguocultural codes, the plan of expression which was the phraseological units, fixed in the two-volume Russian dialects of Odessa region's Dictionary. Methodology of this investigation includes the main theses and recent scientific advances in the sphere of linguoculturology, cognitive linguistics, dialectology and linguosemiotics. On the basis of the wide phraseological material of the Russian dialects of Odessa region the 21 linguocultural codes are allocated. Some of them are considered on the background of the linguocultural paradigm. The author comes to conclusion that the phraseological picture of the world can be reconstructed with the

help of linguocultural codes. The phraseological picture of the world of Russian settlers of Odessa region is distinguished by width and diversity, reflects mode of life, cultural traditions, sociocultural and natural conditions in which the dialects' speakers live, as well as stereotypes and standards, which influence on Russian-speaking residents of Odessa region. The main linguocultural code is the economic code, around which the big part of other codes is grouped.

Key words: Russian dialects of Odessa region, phraseological unit, phraseological picture of the world, linguocultural code.

Статтю отримано 22.03.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/23074558.2017.27.107884>

УДК 811.163.2'282.2'373.46:58(477:1–924.56)

ГОНЧАР Наталя Миколаївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри загального мовознавства, слов'янських мов та світової літератури Ізмаїльського державного гуманітарного університету; вул. Рєпіна, 12, м. Ізмаїл, 68600, Україна; тел.: +38 097 5117632; e-mail: nat.gonchar1974@yandex.ua; ORCID ID: 0000–0003–1295–2992

БОТАНІЧНА ЛЕКСИКА В БОЛГАРСЬКИХ ГОВІРКАХ УКРАЇНСЬКОГО ПОДУНАВ'Я

Анотація. *Мета* статті — описати ботанічну лексику в болгарських діалектах, вивчити й систематизувати терміносистему, яка використовується в болгарському континуумі, дослідити основні тенденції її розвитку в діалектах Подунав'я. *Предметом* розгляду є опис і функціонування фітонімів лексико-семантичної групи сільськогосподарських культур. *У результаті проведеного дослідження* представлено репертуар флорономенів на позначення злакових, технічних та городніх культур у болгарських діалектах межиріччя Дністра й Дунаю. Подано загальну характеристику та класифікацію просторової диференціації ботанічної лексики. Виявлено, що болгарські назви сільськогосподарських рослин у сучасних переселенських говірках болгар Одещини відображають характерні особливості місцевих діалектів, носіями яких були болгарські мігранти XVIII–XIX ст. Усі досліджені говіркові назви наслідують основні принципи номінації, характерні для флоронайменувань болгарської мови. **Висновки.** В болгарських діалектах склалася доволі повна, емна й цілісна система фітонімів. Дослідження лексико-тематичного шару сільськогосподарських фітонімів дає достатнє уявлення про характер діалектної лексики, збережені діалектні архаїчні ознаки. Більшість досліджених фітономенів у болгарських говірках України сформувалася на загальнослов'янському ґрунті, але можуть виявляти семантичну специфіку місцевих діалектів. Болгарські говірки півдня України становлять собою значний науковий інтерес і потребують подальших досліджень і картографування.

Ключові слова: ботанічна лексика, фітоніми, номени, варіанти, болгарські діалекти, українське Подунав'я.

Постановка проблеми. На території України існує кілька мікроареалів з компактним проживанням представників різних національностей, де в межах одного населеного пункту можуть співіснувати кілька діалектів, споріднених і неспоріднених різноструктурних мов. На території одного з таких ареалів на півдні Одеської області компактно мешкає численна болгарська діаспора, що понад 200 років функціонує дистантно від мови метрополії.

Особливість цього діалектного континууму полягає в тому, що він представляє новостворений масив, сформований внаслідок заселення території вихідцями з різних регіонів Болгарії і становить зону контактування різних типів болгарських діалектів з говірками української, російської, гагаузької та молдавської мов.

Одним з актуальних завдань діалектного дослідження таких ареалів є різноаспектне вивчення лексики в її сучасному стані та історичному розвитку. Необхідність системного вивчення ботанічної лексики в болгарських діалектах півдня України й типів ареальної поведінки номінативних одиниць зумовила **актуальність роботи**. Для всебічного вивчення ботанічної лексики необхідна повна її систематизація та картографування.

Зв'язок проблеми з попередніми дослідженнями. В опублікованих до сьогодні працях досліджено найменування лексики в окремих болгарських селах Бессарабії [1; 2; 3; 6], складено словники говірок болгарських сіл Одещини [2; 5; 6; 9]. Досі немає системних описів лексико-семантичних шарів лексики болгарських переселенських говірок Одещини, відсутні роботи, що систематизують фітоніми і визначають динаміку змін у назвах рослин.

Постановка завдання. Наше дослідження виконано відповідно до тематики, передбаченої планом науково-дослідної роботи кафедри загального мовознавства, слов'янських мов та світової літератури Ізмаїльського державного гуманітарного університету за напрямом наукового пошуку в рамках проекту МОН України «Опис і картографування межиріччя Дністра і Дунаю — нової європейської моделі безконфліктної взаємодії різносистемних мов і діалектів».

Мета пропонованої статті — описати лексико-семантичний шар сільськогосподарської ботанічної лексики в південноболгарських бесарабських діалектах, вивчити й систематизувати терміносистему,

яка використовується у болгарському континуумі, дослідити основні тенденції її розвитку в діалектах Подунав'я. Для реалізації поставленої мети було виконано такі завдання:

- а) зібрано мовленнєвий матеріал;
- б) описано та систематизовано терміносистему сільськогосподарських фітонімів;
- в) виокремлено в назвах рослин запозичені лексеми.

Матеріалом для аналізу слугують польові записи, здійснені у 2015–2016 роках у болгарських селах півдня України. Збір матеріалу проходив у вигляді роботи з питальником, коли інформанти заповнювали відповіді в режимі питання-відповідь та у формі диктофонних записів лінійних діалектних текстів.

Виклад основного матеріалу. Ботанічна лексика посідає одне з провідних місць у лексичній структурі болгарських говорів. Вона відтворює одну з центральних для людини сфер навколишнього середовища. Ця лексика належить до активно вживаної, тісно пов'язана з побутом і культурою народу, оскільки землеробство є основним заняттям болгар, котрі проживають у Бесарабії.

У статті проаналізовано лексико-семантичну групу сільськогосподарських культур — назви злакових культур, технічних культур, бобових і городніх культур — у болгарських діалектах. Вивчення діалектної фітонімії дозволяє встановити, що багато термінів за вказаними лексико-тематичними розрядами має прямий генетичний зв'язок з праслов'янською мовою.

До спільнослов'янського шару лексики належить найбільша і найпродуктивніша частина найменувань злакових культур таких фітонімів, як «пшениця», «ячмінь», «просо», «овес», «жито».

На позначення номена 'пшениця' (бот. *Triticum vulgare*, болг. літ. — пшеница) в досліджених говірках використовують два лексичні варіанти: *зимка* (Б., В., Вас., Вин., Г., Гл., Єв., Зад., К., Кал., Кам., Кир., Кр., Н. Т., Ор., Ос., С., С. Т.) і *житу* (Віл., Єв., Гл., Кал., Кр., Наг.). У с. Суворове Ізмаїльського району і в с. Городне Болградського району в мовленні старшого покоління всі зернові називаються лексемою *жито*, що характерно для материкових болгарських діалектів.

Інформанти розрізняють ярові й озимі сорти пшениці. На позначення пшениці, посіяної восени, функціонують такі номенні: *зимн'я зимк'я* (Б., В., Вин., Наг., Н. Т.), *зимка* (Вас., Віл., Зад., Кал., Кир., Кр., Ор., С. Т.), *озимайа зимка* (Гл.), *азимница* (Дм.), *зимница* (Єв.), *озимка* (Т., Гл.). Пшениця, посіяна весною, реалізована номенами *пролетна зимк'я* (Б., В., Н. Т.), *пролитну житу* (Гл., С., С. Т.), *житу* (Вин., Г., Єв., Зад., Кал.), *л'атна зимка* (Наг.), *л'атна пшеница* (Дм.). Твердий вид ярової пшениці в усіх досліджених населених пунктах репрезентовано лексемою 'арнаутка' (Б., В., Вас., Вин., Вин., Віл., Г., Гл., Дм., Є., Зад., Кал., Кам., Кл., Кир., Н. І., Н. Т., Ор., Ос., С., С. Т., Ч.), *булгур* (Кр.).

До постійних вирощуваних культур відноситься 'ячмінь' (бот. *Hordeum tetrastichum*, болг. літ. — ечемик). В болгарських діалектах зустрічається під назвою 'ичумик' (В., Віл., Вин., Г., Єв., Дм., Зад., К., Кам., Кир., Кр., Н. Т., Ор., Ос., С., С. Т.), *йачумик* (Б.), *ичомик* (Дм.), *ичимик* (Кал.), *йачемик* (Т.), *ичмик* (Наг.), *ишумик* (Гл.).

Матеріали розвідки засвідчують, що назви рослин у досліджуваних говірках різні за ступенем диференціації. Мінімальна ареальна диференціація зумовлена відсутністю синонімів у такої назви, як 'просо' (бот. *Panicum miliaceum*, болг. літ. — просо), котру репрезентовано лексемою *прусо* (В., Вас., Віл., Вин., Г., Гл., Єв., Зад., Кал., Кам., Кир., Наг., Н. Т., Ор., Ос., С.) та її фонетичним варіантом *просу* (Дм., К., Кр., С. Т.).

Не простежуємо опозицію у фітонімах, що виражають сему 'овес' (бот. *Avena sativa*, болг. літ. — овес), у межах континууму зафіксовано єдиний номен *ув'ес* (Б., В., Вас., Віл., Г., Гл., Єв., Зад., Дм., К., Кал., Кам., Кир., Кр., Наг., Н. Т., Ор., Ос., С. Т., Т.).

Серед назв злакових рослин, що культивуються бесарабськими болгарами, запозиченою з російської мови є назва лексеми 'жито': *р'жж* (Б., В., Єв., К., Кир., Кр., Наг., Ор., С. Т.), *раж* (С.).

Однією з найцікавіших у номінації культур є 'кукурудза' (бот. *Zea mays L.*, болг. літ. — царевица). В південнобесарабських говірках межиріччя Дністра й Дунаю функціонує багато синонімів цієї лексеми. Сема «кукурудза» репрезентована 10 номінативними одиницями: *пашой* (Б., Вас., Гл., Зад., Зор., Дм., Ч., Н. Т., Ос., С.), *пушой* (Віл., Віл., Євг.), *папашой* (Б., Дм., Зор., К., Кир., Н. Т., С., Ч.), *папушой* (С. Т.), *папур* (Г., Вин., Кам., Кал., Ор.), *папур'* (Наг.). У болгарських наукових діалектологічних дослідженнях метрополії не зустрічаються фонетичні варіанти лексеми *папашой*, вона відома тільки в говорах Бесарабії, які знаходилися в контакті з молдавськими і румунськими діалектами. Ймовірно, до лексикону болгар-переселенців найменування *папушойа* запозичено з румунської мови [7, с. 674]. У деяких діалектах назва цієї рослини позначена семою *мамул* (Вин., В., Віл., С., Ч.), *мамул'а* (В., Т.), *мамул'* (Кр.). Цю лексему, яка відноситься до чумелійської говірки, запозичено з турецької мови *татил* [7, с. 505].

До технічних культур, що є об'єктом нашого дослідження, відносяться «соняшник», «коноплі», «тютюн».

У болгарських говірках України на позначення соняшника функціонують флороніми, виявлені лише в цьому ареалі. Так, лексему 'соняшник' (*Helianthus L.*, болг. літ. — слънчоглед) маніфестовано семою *семочка* та її фонетичними варіантами: *семочка* (Віл., Кал.), *семучка* (Б., Г., Зад., Кам., Наг., Н. Т., Т.), *с'амучка* (Вас., С., С. Т.), *семичка* (К., Кр.), *семи* (В., Вин., Гл., Дм., Кир., Ор.),

с'ами (Ос.). У болгарських говірках метрополії ми не виявили подібних найменувань і тому кваліфікуємо їх як запозичення з російської мови. Тільки в досліджених болгарських діалектах с. Кирнички Ізмаїльського району та с. Євгеновка Тарутинського району назву соняшника репрезентовано як *слънчушка*. Цікавою є назва соняшника — *слънчува майка* в с. Червоноармійське Болградського району.

У 1950–1980-х роках у селах півдня України вирощували коноплю й тютюн. В усіх болгарських говорах на позначення 'коноплі' (бот. *Cannabis sativa*, болг. літ. — коноп) зафіксовані такі фонетичні варіанти: *кунопа* (Б., Г., Вас., Віл., Вин., Гл., Єв., Зад., Кал., Кир., Наг., Ор., Ос., С. Т.), *конопа* (К.), *куноп'а* (Кр.).

Назву 'тютюн' (бот. *Nicotianatabacum*, болг. літ. — тютюн) представлено лексевою *т'ут'ун* (Б., Вас., Віл., Вин., Г., Гл., Єв., Дм., Зад., К., Кал., Кир., Кр., Наг., Н. Т., Ор., Ос., С. Т., Т.).

Виробництво бобових широко розповсюджено у бессарабських болгар і складає основу національного раціону харчування. Традиційними бобовими рослинами, вирощуваними на городах болгар, є квасоля, нут, горох.

На позначення загальної назви рослини 'квасоля' (*Phaseolus vulgaris*, болг. літ. — фасул, боб) поширеним є номен *фасул* (Б., Вас., Вин., Г., Гл., Зад., Дм., Кал., Кам., Н. Т., Ос., С. Т.) та його фонетичний варіант *васул* (Наг.). Зустрічаються болгарські діалекти, в яких відсутня лексема *фасул*, проте використовується тільки сема *боб* (В., Віл., Єв., К., Кир., Кр., Ор., Т.). У деяких населених пунктах паралельно функціонують дві лексеми (Вас., Наг.). Болгарський діалектолог С. Стойков відзначає, що лексема *боб* у болгарських материкових діалектах належить до мізійських та балканських говорів, а *фасул* — до західних і рупських говорів [8, с. 92].

Назву 'горох' (бот. *Pisum L.*, болг. літ. — грах) у досліджуваних говірках представлено номенами *грах* (Б., Г., Єв., Кам.), *грау* (Кр.), *гравчик* (Т.). Зафіксовано запозичення з російської мови *горох* (Вас., Віл., Вин., Зад., К., Кал., Кир., Наг., Н. Т., Ор.) та з румунської — *мазар* [7, с. 501] (В., Гл., Дм., Н. Т., Н. І., Ос., С. Т.).

Для болгар півдня України характерним є розведення 'нуту' (бот. *Cicer arietinum*, літ. болг. — нахут), назва якого в діалектах представлена такими фонетичними варіантами: *наут* (Б., Г., Дм., К., Н. Т., Ор., С. Т.), *лагут* (Вин., Кал.), *лахут* (Віл., Гл., Зор.), *лаут* (Б., Вас., Зад., Кир., Ос.), *лаут'* (Кр.), *алаут'* (Наг.). Лексема запозичена з турецької мови [7, с. 567].

Болгари — овочівники, котрі на своїх городах вирощують капусту, помідори, моркву, картоплю, буряк, цибулю, часник.

У спостережуваних діалектах представлені лексичні дублети номена 'капуста' (бот. *Brassicaoleracea*, болг. літ. — зеле), як-от: *зеле* (Зад., Дм., Кам., Н. Т., С., Т.), *зели* (Б., В., Віл., Вин., Г., Гл., Єв., К., Кал., Кир., Кр., Наг., Ос.), *лана* (С. Т.), *лахна* (Зор.). Наявність вказаних дублетів говорить про різну діалектну приналежність лексем. Так, лексема *зеле* характерна для переселенців з північно-східних і північно-західних болгарських земель, а *лахна* зустрічається у фракійських діалектах переселенців з південно-східної Болгарії [8].

Не простежуємо ареальну опозицію в номені, яку виражає сема 'помідор' (бот. *Lycopersicum esculentum*, болг. літ. — догат). Майже в усіх болгарських діалектах вживається запозичена з турецької мови назва *патладжан* [7, с. 636] (Б., В., Вас., Віл., Вин., Віл., Г., Гл., Дм., Єв., Зад., К., Кал., Кам., Кл., Кир., Кр., Наг., Н. І., Н. Т., Ор., Ос., С., Т., Ч.).

У досліджуваних діалектах спостерігаємо на позначення слова 'морква' (бот. *Daucus carota*, болг. літ. — морков) фонетичні варіанти: *морков* (Дм.), *моркули* (Б., Вас., Вин., Г., Зад., К., Кал., Кам., Кир., Н. Т., Наг.), *моркул* (В., Віл., Гл., Єв., Ор., Ос., С., С. Т.), *морул'* (Кр.).

Назву 'картопля' (бот. *Solanum tuberosum*, болг. літ. — картоф), представлено номенами *картоф* / *картофи* (В., Віл., Вин., Г., Гл., Дм., К., Кал., Н. Т., С. Т.) та їх фонетичними й морфологічними варіантами: *картоул'а* (Кр.), *картоули* (Кир.), *картофли* (Б., Єв., Зад., Наг., С.), *картои* (Ор.).

Назву 'буряк' (бот. *Beta vulgaris*, болг. літ. — цвекло) репрезентують номені: *чарвен бур'ак* (В., Кам., Кир., Ос.), *бур'ак* (Вас., Гл., Дм., Зад., К.), *качандур* (Наг.), *чикурдур* (Г., Вин., Віл., Ор.), *чукундур* (Б., Вас., Віл., Дм., Єв., Зад., Кал., Кл., Н. І., Н. Т., С., С. Т., Ч.), *панджар'* (Кр.). У болгарських говірках лексема *чукундур* з'явилася під впливом турецької мови [7, с. 991].

В усіх болгарських говірках фіксуємо лексеми 'лук' (бот. *Allium sera*, болг. літ. — лук), *лук* (Б., В., Вас., Віл., Вин., Г., Єв., Дм., Зад., К., Кал., Кам., Кир., Кр., Наг., Н. Т., Ор., Ос., С. Т.). Слід виділити лексеми *каба*, яка позначає сорт солодкої цибулі й рідко зустрічається в болгарських діалектах (Вас., С., С. Т., Ч.). Цей номен в південнобессарабських болгарських говірках зустрічається переважно в говірках фракійського типу. Тільки в діалекті с. Главани Арцизького району зафіксовано лексеми *суган* (Гл.). Етимологія цієї назви невідома.

У досліджуваному регіоні майже всі болгарські діалекти зберегли флоронім на позначення 'цибулі сіянки' (бот. *Allium sera*, болг. літ. — арпаджик). Її репрезентовано лексевою *арпаджик* (Вас., Єв., К., Кал., Кам., Кир., Кр., Ос., С., С. Т., Ч.) та фонетичними варіантами *арпажик* (Н. Т.), *арпадж'ик* (Віл., Гл., Наг., Ор.), *рападжик* (Г., Зад.), *харпаджик* (Дм.). Цей номен є запозиченням з турецької мови і зустрічається в болгарських говірках метрополії [7, с. 99].

Лексему 'часник' репрезентовано (бот. *Allium sativum*, болг. літ. — *чесън*) фонетичними варіантами *чесън* (Віл., Кам., Н. Т., С. Т.), *чесан* (Б., В., Вас., Вас., Г., Єв., Зад., Дм., К., Кал., Кир., Кр., Наг., Ор.).

Лексему 'перець' (бот. *Capsicum annuum*, болг. літ. — пипер) у досліджуваних говірках маніфестують лексеми *пипер* (Б., В., Вас., Віл., Г., Гл., Єв., Дм., Зад., К., Кал., Кам., Н. Т., Ос., С., С. Т., Т., Ч.), *пипер'* (Наг., Кр.).

У зібраних нами текстах 'гіркий перець' (бот. *Capsicum annuum* L., болг. літ. — пърлив пипер) має різні назви. На позначення цієї рослини представлено 14 номінативних одиниць із різнокореновими лексемами, що функціонують як синоніми в окремих говірках у досліджуваному діалектному континуумі: *парлиф пипер* (Зор., Н. Т.), *арнаут пипер*, *арнаушки пипер* (Вас., Він., Гл., Єв., Кам., Кир., Н. Т., Ор.), *арнаушка* (Віл., Ор.), *чушка* (В., Дм., С., С. Т.), *аглишта* (Кал.), *гръца* (Наг.), *пиперче* (С.), *пурче* (Дм.), *пиперче* і *топчуата* (Кр.), *мийунче* (Г.), *францушка* (Він., Кир.), *фъндък* (Зад., Н. Т., Ос.), *турчита* (К.).

Широко розповсюджено у болгар України розведення таких баштанних культур, як кавун, диня, гарбуз, огірок.

Загальну назву рослини 'кавун' (бот. *Citrullus vulgaris*, болг. літ. — диня) в досліджуваних говірках представляють номен *дин'а* і *карпуза*. Найпоширенішою є лексема *дин'а* (Б., В., Вас., Віл., Він., Г., Дм., К., Кал., Кам., Кир., Кр., Наг., Н. Т., Ор.). У декількох говірках зафіксовано лексему *карпуза* (Гл., Єв., Зад., Ос., С., С. Т.). Назва *дин'а* широко розповсюджена в північно-східній Болгарії та в балканських областях. Лексема *карпуза* запозичена з турецької мови [7, с. 381] і зустрічається в південних районах Болгарії. За матеріалами «Атласа болгарських говорів ССРСР» назва *карпуза* властива говіркам фракійського походження.

Одну з найважливіших харчових рослин 'диню' (*Citrullus vulgaris* Schrad, болг. літ. — пъпеш) у більшості болгарських говірок Подунав'я репрезентовано фонетичними варіантами *каун* / *каунче* (Вас., Віл., Він., Гл., Дм., Єв., Зад., К., Кир., Ор., Ос., С. Т.), *кавун* (Кам., С.). Лексема є турецькою за походженням [7, с. 389]. В болгарських говірках метрополії вона зустрічається, в основному, в південних районах Болгарії [8, с. 54].

У багатьох бесарабських болгарських говірках зафіксовано синонімічні назви лексеми 'диня': *пъпеш* (Б., В.), *пушиш* (Кр.), *папончи* (Кал.), *пупон* (Т.) *папон* (Г., Кам., Н. Т.), *пипон'* (Наг.). Назва *пъпеш* дуже поширена в північно-східних і північно-західних болгарських землях метрополії, а *пипон* зустрічається в південно-західних болгарських районах [8, с. 56].

Для позначення 'гарбуза' (бот. *Cucurbita pepo*, болг. літ. — тиква) більшість опитуваних зазначила номен *тиква* (Б., В., Вас., Віл., Г., Гл., Дм., Єв., Зад., К., Кал., Кам., Кр., Наг., Ор., Ос., С., Т.). Серед засвідчених у досліджуваних говірках назв гарбуза зустрічається номен «*кабак*» (Наг., С. Т.), що є запозиченням з турецької мови [7, с. 356].

У зазначеному ареалі вирощують різновид гарбуза, котрий називається *кратуна* (В., Він., Кам., Н. Т., Н. Т., Ор., С., С. Т.) або *картуна* (Б., Вас., Віл., Він., Дм., К., Кал., Наг., С.). З неї місцеві болгарі виробляють посуд (Він., Кам., Н. Т., Н. Т., Ор., С.).

Назва 'огірок' (бот. *Cucumis sativus* L., болг. літ. — крастовица) утворює мікрогрупу назв. Загальну назву в більшості болгарських говірок репрезентує лексема *краставица* (Г., Дм., Кам., Кр.) та її фонетичні й граматичні варіанти 'крастувица' (Він., Єв., Н. Т., С. Т.) 'крастуица' (Б., В., Віл., Гл., Дм., Кал., К., Ос.), *крастуйца* (Вас., Зад., Наг., С.), *крастауца* (Ор.). Засвідчено паралельне вживання у мовленні молодшого покоління лексеми *огурец*, запозиченої з російської мови.

Висновки. Дослідження лексико-граматичного шару фітонімів на позначення сільськогосподарських культур у болгарських діалектах Подунав'я дає достатню уяву про характер діалектної лексики, її відмінні та спільні з болгарською мовою риси і збережені діалектні архаїчні ознаки. У болгарських діалектах склалася доволі повна, ємна й цілісна система фітонімів. Більшість досліджених фітономенів у болгарських говірках України сформувалися на загальнослов'янському ґрунті, але можуть виявляти семантичну специфіку місцевих діалектів. Фонетичні та словотвірні варіанти лексем, що спостерігаються у дослідженні, свідчать про фонетичні, граматичні й лексичні особливості різних видів бесарабських діалектів.

Зберігаючи понад два століття свою духовну та матеріальну культуру, звичаї, мову на відстані від метрополії, болгарі підтримують тісні побутові, господарські та культурні контакти з представниками інших етносів, котрі населяють територію Подунав'я, що сприяє появі запозичень у болгарських діалектах. Аналіз опрацьованих джерел дозволяє виокремити в болгарських говірках України як слов'янські фітонайменування, так і запозичення з мов інших груп (турецької, грецької, румунської тощо). Запозичені лексеми не тільки заповнюють мовні лакуни, але й часто функціонують паралельно з існуючими.

Перспективи подальшого розвитку. Болгарські говори півдня України становлять собою значний науковий інтерес і потребують подальших досліджень і картографування усіх лексико-семантичних шарів лексики.

Литература

1. Барболова З. Особености на българския говор на с. Червоноармейское (Кубей), Болградски район, Одеска област в Украйна / З. Барболова // Българските говори в Украйна. — Одеса : Астропринт, 1999. — Вип. 2. — 152 с.
2. Барболова З. Говорът на българите в с. Кирнички, Бесарабия. Речник / З. Барболова, В. А. Колесник // Българските говори в Украйна. — Одеса : Астропринт, 1998. — Вип. 1. — 158 с.
3. Журавлев В. К. Говор села Криничное (Чешма-Варунта) / В. К. Журавлев // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. — М. : АН СССР, 1958. — Вып. 8. — С. 64–166.
4. Зеленина Э. И. Словарный состав суворовского диалекта / Э. И. Зеленина // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. — М. : АН СССР, 1955. — Вып. 7. — С. 63–114.
5. Колесник В. А. Говорът на българите в с. Криничне (Чушмелий), Бесарабия. Речник / В. А. Колесник // Българските говори в Украйна. — Одеса : Друк, 2008. — Вип. 4. — 376 с.
6. Колесник В. А. Евгеновка (Арса). Ономастика. Говор. Словарь. / В. А. Колесник. — Одеса : Гермес, 2001. — 228 с.
7. Речник на чуждите думи / [ред. М. Филипова-Байрова, С. Бояджиев, Ел. Машалова, К. Костов]. — София : Изд-во на БАН, 1982. — 1015 с.
8. Стойков Ст. Българска диалектология / Ст. Стойков. — София : Проф. Марин Дринов, 2002. — 430 с.
9. Топалова С. Д. Говорът на българите в с. Калчево, Бесарабия / С. Д. Топалова // Българските говори в Украйна. — Одеса : Друк, 2009. — Вип. 4. — 258 с.

References

1. Barbolova, Z. (1999), «Characteristics of the Bulgarian speech of the village of Chervonorameyskoe (Kubay), Bolgrad district, Odessa region of Ukraine», *Bulgarian dialects of the Ukraine* [«Osobnosti na bolgarskija govor na s. Chervonoarmejskoe (Kubej), Bolgradski rajon, Odeska oblast v Ukraina», *Bolgarskite govori v Ukraina*], Astroprint, Odesa, vol. 2, 152 p.
2. Barbolova, Z. Kolesnik, V. A. (1998), «Bulgarian Dialekt of the village Kirnichki, Besarabia. Dictionary», *Bulgarian dialects of the Ukraine* [«Govoryt na bolgarite v s. Kirnichki, Besarabia. Slovar», *Bolgarskite govori v Ukraina*], Astroprint, Odesa, vol. 1, 158 p.
3. Zhuravlev, V. K. (1958), «Dialekt of the village Krinichnoe (Cheshma-Varunta)», *Articles and materials of Bulgarian dialects of USSR* [«Govor sela Krinichnoe (Cheshma-Varunta)», *Stat'i i materialy po bolgarskoj dialektologii SSSR*], AN SSSR, Moscow, vol. 8, pp. 64–166.
4. Zelenina, E. I. (1955), «Vocabulary of a dialekt of the village Suvorovo», *Articles and materials of Bulgarian dialects of USSR* [«Slovarnyj sostav suvorovskogo dialeкта», *Stat'i i materialy po bolgarskoj dialektologii SSSR*], AN SSSR, Moscow, vol. 7, pp. 63–114.
5. Kolesnik, V. A. (2008), «Bulgarian Dialekt of the village Krinichne (Chushmelij), Besarabija. Dictionary», *Bolgarskite govori v Ukraina* [«Govoryt na bulgarite v s. Krinichne (Chushmelij), Besarabija. Rechnik», *Bylgarskite govori v Ukraina*], Druk, Odesa, vol. 4, 376 p.
6. Kolesnik, V. A. (2001), *Evgenovka (Arsa). Onomastics. Dialekt. Dictionary* [Evgenovka (Arsa). Onomastika. Govor. Slovar'], Germes, Odesa, p. 228.
7. *Dictionary of foreign words* (eds. : M. Filipova-Bajrova, S. Bojadzhiev, etc.), (1982), [*Rechnik na chuzhdite dumii*, red. M. Filipova-Bajrova, S. Bojadzhiev, El. Mashalova, K. Kostov], Publishing house of the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, 1015 p.
8. Stoykov, St. (2002), *Bulgarian dialectology* [*Bylgarska dialektologija*], Prof. Marin Drimov, Sofia, 430 p.
9. Topalova, S. D. (2009), «Bulgarian Dialekt of the village Kalchevo, Besarabia», *Bulgarian dialects of the Ukraine* [«Govoryt na bolgarite v s. Kalchevo, Besarabia», *Bolgarskite govori v Ukraina*], Druk, Odesa, vol. 4, 258 p.

*Умовні скорочення**Позначення населених пунктів*

- Болградський р-н: Вас. — с. Василівка; Вин. — с. Виноградне; Вл. — с. Владичень; Г. — с. Городне; Кал. — с. Калчево; Кр. — с. Криничне; Н. Т. — с. Нові Трояни; Ор. — с. Орхівка; Т. — с. Табаки; Ч. — с. Червоноармійське; Ізмаїльський р-н: Б. — с. Богате; К. — с. Каланчак; Кам. — с. Кам'янка; Кир. — с. Кирнички; Л. — с. Лощинівка; Тарутинський р-н: Віл. — с. Вільне; Дм. — с. Дмитрівка; Єв. — с. Євгенівка; Арцизький р-н: В. — с. Виноградівка; Гл. — с. Главані; Зад. — с. Задунівка; Н. І. — с. Нова Іванівка; Ос. — с. Острівне;
- Кілійський р-н: С. Т. — с. Старі Трояни;
Саратський р-н: Зор. — с. Зоря;
Ренійський р-н: Наг. — с. Нагірне.

ГОНЧАР Наталья Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, славянских языков и зарубежной литературы Измаильского государственного гуманитарного университета; ул. Репина, 12, г. Измаил, 68600, Украина; тел. +38 097 5117632; e-mail: nat.gonchar1974@yandex.ua; ORCID ID: 0000-0003-1295-2992

БОТАНИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В БОЛГАРСКИХ ДИАЛЕКТАХ УКРАИНСКОГО ПОДУНАВЬЯ

Аннотация. *Цель* статьи — описать сельскохозяйственный пласт ботанической лексики в болгарских диалектах, изучить и систематизировать терминологическую лексику, которая используется в болгарском континууме, исследовать основные тенденции развития фитонимов в диалектах Подунавья. *Предметом* рассмотрения является описание и функционирование лексико-семантической группы сельскохозяйственных культур. *В результате* исследования представлено описание фитонимов, обобщены и классифицированы названия злаковых, технических и огородных культур, функционирующие в болгарских диалектах украинского Подунавья. Дана общая характеристика ботанической лексики. Виявлено, що фитоніми, досліджувані в болгарських діалектах юга України, зображають характерні особливості місцевих діалектів і відповідають основним принципам номінації, характерним для флоронаменів болгарського мови. Ботанична лексика представляє собою систему, включаючу не тільки архаїчний пласт лексики, але і собою заїмствования з різних мов. *Висновки.* В болгарських діалектах склалася досить повна, ємка і цілісна система фітонімів. Дослідження лексико-тематичного пласта сільськогосподарських фітонімів дає достатнє уявлення про характер діалектної лексики, її збережених діалектних архаїчних ознак. Аналіз досліджених номенів дозволяє виділити в болгарських діалектах як слов'янські фітоніменования, так і заїмствования з інших мов (турецької, грецької, румунської, російської і української), що обумовлено полілінгвальною мовною ситуацією регіону.

Ключевые слова: ботаническая лексика, фитонимы, номены, варианты, болгарские диалекты, украинское Подунавье.

Natalia N. GONCHAR,

Candidate of Philology (PhD), Associate Professor of the Chair of General Linguistics, Slavonic Languages and World Literature, Izmail State Humanities University; 12 Repin str., Izmail, 68600, Ukraine; tel.: +38 097 5117632; e-mail: nat.gonchar1974@yandex.ua; ORCID ID: 0000-0003-1295-2992

BOTANICAL VOCABULARY IN THE BULGARIAN DIALECTS OF THE UKRAINIAN DANUBE REGION

Summary. *The purpose* of the article is to describe the agricultural layer of botanical vocabulary in the Bulgarian dialects, to study and systematize a terminological vocabulary. *The subject* of the article consideration is a description of agricultural phytonyms functioning. *Results* of our researches are presented description of Bulgarian dialect phytonyms. Names of cereal and technical cultures, garden and spicy gustatory plants functioning in the Bulgarian dialects of Ukrainian Danube region are revealed, generalized and classified. General description of spatial differentiation of botanical vocabulary is given. Observed, phytonyms investigated in the Bulgarian dialects in the south of Ukraine, represent the characteristic features of local dialects and answer basic principles of nomination, characteristic for phytonyms of Bulgarian. *Methodology* comprises an issue of vocabulary layer of agricultural phytonyms gives a sufficient idea about character of dialectal vocabulary, its survived dialectal archaic signs. The majority of investigational phytonyms in the Bulgarian dialects of south of Ukraine is formed on general slavic basis. However they have a semantic specific of local dialects. Some of them are adopted from the Turkish, Greek, Romanian, Russian languages.

Key words: botanical vocabulary, phytonyms, nominations, variants, Bulgarian dialects, the Ukrainian Danube region.

Статтю отримано 17.03.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107900>

УДК 811.161.1'233:808.5:372.461.1:159.946.3(510)

Инь Юань (尹媛),

лектор кафедры фортепиано Музыкального института Тайшаньского университета; ул. Дунюе, 525, г. Тайань, 271000, Провинция Шаньдун, КНР; тел.: +86 13127288602; e-mail: yinyuan-music@hotmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6303-1865

ВОЗМОЖНОСТИ ПЕСЕННОГО ТЕКСТА В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЕ

Аннотация. *Целью* данного научно-методического исследования является выработка рекомендаций для китайских учителей русского языка по использованию русского песенного творчества в практике преподавательской работы на начальном этапе обучения. *Объект* изучения — тексты русских песен. *Предмет* исследования — приёмы оптимизации использования русских песен при обучении китайцев русскому языку. *Материалом* лингводидактического исследова-

ния являются уроки вводно-фонетического и базового курса русского языка. Основной *метод* — описание педагогического эксперимента, который проводился в 2012 г. на занятиях с китайскими студентами Музыкального института Тайшаньского университета. *Результатом* исследования стали рекомендации китайским учителям русского языка по использованию русских песен в практике преподавательской работы. Автор пришла к *выводу* о том, что с помощью песен происходит полноценное закрепление фонетического, грамматического и лексического материала. Песня ускоряет выработку языковой догадки. Учебная песня активизирует левое и правое полушария головного мозга. Это способствует быстрому и качественному усвоению языкового материала. Русская артикуляция лучше усваивается китайцами в составе «поющих» слогов. В этом проявляется привычка китайцев к слоговому письму. Аудиовизуальный метод обучения, при котором песня звучит в мультфильме, видеоклипе, другом видеоролике, позволяет ускорить качественное усвоение лексического и грамматического материала в сочетании с его традиционной систематизацией на занятии.

Ключевые слова: русская песня, методика преподавания русского языка как иностранного, китайские учащиеся, оптимизация обучения, качество усвоения, аудиовизуальный метод обучения языку.

Постановка проблемы. Русский язык — один из красивейших языков мира, обучение которому в Китае имеет давнюю традицию [4, с. 4]. Имеется множество разнообразных учебников и учебных пособий для изучения русского языка китайскими школьниками, студентами и специалистами разных отраслей знаний. Они изданы как в России, так и в Китае. В их подготовке обычно принимают участие русисты из России и Китая. Однако русское песенное творчество в процессе обучения русскому языку используется фрагментарно. Обычно на уроках учителя русского языка предлагают песни, в которых несколько раз повторяются (обычно в припевах) слова и словосочетания, которые нужно запомнить учащемуся на данном этапе обучения. Анализ практики преподавания русского языка позволяет утверждать, что сегодня песенный потенциал очень слабо используется для постановки правильного произношения и интонации, усвоения грамматических правил и практического использования лексических и фразеологических единиц в русской речи китайских учащихся.

Постановка задач. В связи с вышеизложенным мы поставили перед собой *цель* выработать некоторые рекомендации для китайских учителей русского языка по использованию русского песенного творчества в практике преподавательской работы на начальном этапе обучения. *Объектом* изучения являются тексты русских песен. *Предмет* исследования — приёмы оптимизации использования русского песенного творчества при обучении китайцев русскому языку. *Материалом* лингводидактического исследования являются уроки вводно-фонетического и базового курсов русского языка для китайцев. Основной *метод* — описание педагогического эксперимента, который проводился в 2012 г. на занятиях русского языка с китайскими студентами Музыкального института Тайшаньского университета.

Связь с предыдущими исследованиями. Абсолютное большинство методической литературы по использованию песен при изучении иностранных языков касается английского языка. Можно встретить также рекомендации методистов такого содержания и для изучения испанского, итальянского, некоторых других языков. При изучении русского языка нередко преподаватели используют песенные тексты для закрепления фонетического, грамматического и лексического материала. Однако специальных исследований, целью которых могли бы быть обоснованные рекомендации по оптимизации этой формы работы, крайне мало. Так, Т. А. Потапенко концентрирует своё внимание на способах изучения текстов песен для детей [6], Н. Б. Битехтина и Е. В. Вайшнорене — на использовании песен в сочетании с игровыми приёмами обучения [2]. А. А. Колесников предлагает песенный рэп как одну из форм лучшего запоминания речевых оборотов и грамматических форм [3]. Н. Л. Федотова предлагает замечательную подборку русских песен для изучения артикуляционных и интонационных сложностей русского языка [9]. Имеется также электронное пособие Ю. Амлинской для англоязычных детей, в котором предлагаются разные приёмы лучшего запоминания фонетических, грамматических и лексических сложностей русского языка с помощью текстов песен [11]. Кроме того, в Интернете можно найти разработки разных преподавателей русского языка, использующих песни на своих уроках.

Изложение основного материала. Специализированных разработок, которые могли бы оптимизировать усвоение китайскими учащимися трудностей русского языка с помощью использования русских песен, нет. Поэтому мы решили провести эксперимент и предложить преподавателям русского языка и учащимся подготовительного отделения, которые начинали изучать русский язык, некоторые тексты песен, которые, на наш взгляд, могут помочь усвоить некоторые темы и довести знание этого материала до автоматизма.

В учебниках «Впервые по-русски» [10], который использовался как самое первое учебное пособие, и затем в базовом «Учебнике русского языка для говорящих по-китайски» [1] форма работы с музыкальными произведениями вообще не предусмотрена. Поэтому мы предложили некоторые свои разработки по использованию русских песен. Объём статьи не может вместить всего материала, поэтому мы ограничимся некоторыми примерами.

Так, для изучения русской азбуки есть несколько песен. Например, в песенке «Азбука», в которой А. Заруба переложил на музыку стихи известного детского поэта Б. Заходера, перечисляются группами все буквы русского алфавита. Для китайцев буквенный алфавит, основанный на фонетических особенностях речи, непривычен. Эта песенка, в которой минимум слов и очень лёгкая грамматика, помогает усвоить эти буквы, их произношение и порядок расположения, который чрез-

вычайно важен, так как при изучении иностранного языка любой человек вынужден пользоваться словарями. Умение быстро найти нужное слово в словаре экономит время и создаёт комфортные условия учащемуся для выполнения необходимого задания.

Следующие песни можно использовать для успешного усвоения грамматического и лексического материала, поэтому они изучаются в сочетании с определённой темой. Музыка, ритм помогают механическому повторению не только того, что уже изучено, но и того, что ещё предстоит изучить. Таким образом, учитель работает на опережение. При этом каждый отрывок песни, который уже звучал на более ранних занятиях, нужно не забывать повторять. Обычно некоторые учащиеся сами догадываются, что новый материал уже встречался им раньше, и начинают напевать отрывок из песни. Преподаватель обязательно должен контролировать правильность интерпретации грамматического или лексического материала и развивать знания учащихся на основе уже известного им. Этот приём обычно способствует правильному формированию у учащегося языковой догадки.

Восприятие речи и музыки происходит разными полушариями головного мозга. Музыка принимает левое полушарие, а за речь отвечает правое полушарие. Сочетание музыкального и речевого центров, то есть объединение работы обоих полушарий, способствует более быстрому и качественному запоминанию и усвоению языкового материала. Важным компонентом является также ритм. Он помогает сфокусировать внимание на восприятии и распознавание иностранной речи. А известно, что аудирование и сегментация речевого потока — самый трудный этап в изучении иностранного языка.

Песня не только помогает усвоению языка, но и воспитывает человека. Русская песня чаще всего служит отличным мотиватором в изучении русского языка. Она в непринуждённой форме даёт возможность запоминать новую лексику, формировать слухопроизносительные навыки и знакомиться с русской культурой. Нередко песня заставляет человека сохранять интерес к языку и странам, в которых распространён этот язык, и поддерживает знания, если практика использования языка недостаточна. Слушая музыку, человек снимает напряжение, получает удовольствие. Одновременно с этим происходит полезная работа речевых центров мозга обучаемого.

Успешно усваивались учащимися в ходе эксперимента некоторые песни из советских мультфильмов 1960–1980-х годов, предложенные в статье Т. А. Потапенко [6]. Так, песенка «Чунга-чанга» из мультфильма «Катерок» (стихи Ю. Энтина, музыка В. Шаинского) помогла быстро усвоить качество многих звуков и звукосочетаний, которые есть и в китайском языке, но в русском произносятся иначе: [ч'], [нг], [л], [м], [у]; учителю удалось добиться правильного произнесения твёрдых и мягких пар согласных [с] и [с'], [п] и [п'], [н] и [н'], некоторых других (такой дифференциации в китайской речи нет). Кроме того, учитель начал отрабатывать разницу между звонкими и глухими согласными (такой дифференциации в китайском языке тоже нет) [б] и [п], [в] и [ф], [г] и [к], [ж] и [ш], а также принципиальные различия в артикуляции русских звуков [р] и [л] при том, что в китайском языке эти различия позиционны или индивидуальны. В процессе обучения выяснилось, что «петь» эти звуки в составе слогов намного легче, чем произносить в обычном режиме. Следовательно, артикуляционные особенности звукового строя русского языка быстрее усваиваются китайцами в составе поющих слогов. В этом проявляется давняя привычка китайцев к слоговому письму, которую следует активно использовать при изучении иностранных языков.

Песенка из мультфильма «Мойдодыр», поставленного по сказке в стихах К. И. Чуковского (музыка Ю. Левитина) помогла успешно усвоить тему «Здоровье». Основной словарный запас, который связан с личной гигиеной человека, представлен в этой песне: *мыло, полотенце, мочалка, щётка, зубной порошок, вода, умывальник, умываться, чистый, грязный* и др. Очень часто при проверке знания новых слов учащиеся вспоминали несколько слов сразу в сочетании, но всегда отыскивали нужное слово. Хорошо запомнились некоторые эпитеты в сочетании с определяемыми словами: *мыло душистое, полотенце пушистое* и др. И этот, и предыдущий мультфильмы были показаны на уроках. Поэтому работа не только аудитивная (слуховая), но и визуальная (зрительная) память. Следовательно, был применён продуктивный аудиовизуальный метод обучения языку.

В процессе изучения имён числительных и лексических основ обучения очень успешными стали песни «Дважды два — четыре», «Учат в школе»; для закрепления грамматических форм повелительного наклонения были, по совету Т. А. Потапенко, разучены отрывки из песен «Лесной олень», «Романс черепахи Тортилы», «Не дразните собак»; для закрепления форм будущего времени — песня «Улыбка».

Для лучшего усвоения системы личных местоимений мы предложили отрывок из песни Д. Тухманова на слова Р. Рождественского «Родина моя» в исполнении С. Ротару. Это были первые четыре строки рэпа:

*Я, ты, он, она!
Вместе — целая страна,
Вместе — дружная семья!
В слове «мы» — сто тысяч «я»...*

Однако исполнение песни очень понравилось учащимся. Поэтому преподаватели решили разобрать следующий отрывок: рэп до конца, а потом — ещё пять строк, которые исполняются под музыку:

*Большеглазых, озорных,
Чёрных, рыжих и льняных,
Грустных и весёлых —
В городах и сёлах!*

*Над тобою солнце светит, родина моя.
Ты прекрасней всех на свете, родина моя!
Я люблю, страна, твои просторы,
Я люблю твои поля и горы,
Сонные озёра и бурлящие моря.*

Остальной текст после всего лишь двух-трёх месяцев изучения русского языка оказался сложным. На материале дополнительных строк удалось закрепить ряд продуктивных эпитетов, в том числе метафорических, выраженных именами прилагательными и одним причастием, причём сравнивались разные формы парадигмы, так как в песне представлены формы родительного падежа множественного числа (*большеглазых, озорных, чёрных, белых, льняных, грустных, весёлых*) и именительного падежа множественного числа (*сонные, бурлящие*). Учащиеся выучили дихотомию *город / село // городá / сёла* и особенности ударения, меняющегося в этих словах в формах единственного и множественного числа. Был усвоен ряд слов, отражающих основной ландшафт земли: на суше — *поле / поля* (и синоним: *равнина*) и *горá / горы*; в водном пространстве: *озеро / озёра* и *море / моря*. Удалось добавить также слова *лес, степь, пустыня; океан, река*. На примере формы *прекрасней всех* были даны основы сравнительной и превосходной степени качественных имён прилагательных. Учащиеся до автоматизма довели использование словосочетания *моя Родина* и предложения *Я люблю* + Винительный падеж имени.

Система русских падежей представляет для китайских учащихся очень большую трудность, так как каждый падеж многозначен. Песни, в которых одно имя существительное, имя прилагательное, причастие, имя числительное или местоимение повторяется несколько раз, способны довести употребление правильных падежных форм именных частей речи до автоматизма. Например, на материале текста песни «Я спросил у ясеня» из кинофильма «Ирония судьбы или с лёгким паром» (слова В. Киршова, музыка М. Таривердиева) студенты отрабатывали систему падежей личных местоимений *я* и *ты*, так как здесь представлены некоторые из форм: *я / меня; ты / тебе*; а также форму и способ употребления родительного падежа адресата с предлогом *У*, выраженного существительными разных родов и склонений: *месяц / у месяца; яшень / у ясеня; тополь / у тополя; облако / у облака; осень / у осени*. Такая конструкция является ведущей в тексте этой песни, о чём свидетельствует припев, в котором рефреном звучат эти словоформы:

*Я спросил у ясеня,
Я спросил у тополя,
Я спросил у осени...*

Анализ текста песни «Я спросил у ясеня» позволил закрепить со студентами также форму прошедшего времени целого ряда глаголов и провести эффективную работу словообразовательного характера, в ходе которой студенты получили навык выделения корня и служебных морфем в однокоренных словах: *осень / осенний; дождь / дождик*.

Для закрепления полного отрицания во времени учащиеся прослушали арию «Я тебя никогда не забуду» из оперы «Юнона и Авось» (слова А. Вознесенского, музыка А. Рыбникова). Одновременно они повторили глагольные формы первого и второго лица ед. числа, во втором лице преподаватель обратил внимание на разницу между формами первого и второго спряжений глагола:

*Ты меня никогда не забудешь,
Ты меня никогда не увидишь.
<...>
Я тебя никогда не забуду,
Я тебя никогда не увижу!*

Выводы. Таким образом, изучив в ходе нашего исследования некоторые приёмы оптимизации использования русского песенного творчества при обучении китайцев русскому языку, мы выработали некоторые рекомендации для китайских учителей русского языка по использованию русского песенного творчества в практике преподавательской работы на начальном этапе обучения. Для каждой категории учащихся следует отобрать песенные произведения, с помощью которых происходит полноценное закрепление фонетического, грамматического и лексического материала, изученного на занятиях. При этом учитель, как правило, работает на опережение, так как песня способствует ускоренной выработке языковой догадки. При использовании в обучении языку песни в мозгу человека сочетаются музыкальный и речевой центры, задействованными оказываются левое и правое полушария. Это, в свою очередь, способствует более быстрому и качественному запоминанию и усвоению языкового материала.

В ходе педагогического эксперимента мы обнаружили, что артикуляционные особенности звукового строя русского языка быстрее усваиваются китайцами в составе «поющихся» слогов. В этом проявляется давняя привычка китайцев к слоговому письму, которую следует активно использовать при изучении русского языка. Использование аудиовизуального метода обучения, при котором песня звучит в просматриваемом мультфильме, видеоклипе, другом видеоролике, позволяет ускорить качественное усвоение лексического и грамматического материала в сочетании с его традиционной систематизацией на занятии.

Перспективой нашего исследования является разработка методики использования русского песенного творчества для разных категорий китайских учащихся, изучающих русский язык.

Литература

1. Балыхина Т. М. Учебник русского языка для говорящих по-китайски. — 4-е изд. / Т. М. Балыхина, И. Ф. Евстигнеева, К. В. Маерова и др. — М.: Рус. яз. Курсы, 2008. — 352 с.
2. Битехтина Н. Б. Игровые задания на занятиях по РКИ / Н. Б. Битехтина, Е. В. Вайшнорене // Живая методика для преподавателя русского языка как иностранного. Методы, приёмы, результат. — М.: Русский язык. Курсы, 2009. — С. 121–130.
3. Колесников А. А. Использование рэп-музыки в рамках аудиовизуального метода обучения РКИ / А. А. Колесников // Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного в вузе: материалы третьей междунар. научно-методич. конф. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — С. 120–126.
4. Лю Лиминь. Русский язык в Китае: 1949–2009 / Лю Лиминь. — Шанхай: Shanghai Foreign Language Education Press, 2011. — 106 с.
5. Максимова А. Русские песни на уроке: Хрестоматия по русской фонетике и интонации / А. Максимова. — СПб.: Златоуст, 2014. — 96 с.
6. Потапенко Т. А. Песни к детским мультипликационным и игровым фильмам в обучении русскому языку как иностранному / Т. А. Потапенко // Русский язык за рубежом. — М., 2003. — № 4. — С. 68–73.
7. Степанов Е. Н. Принцип индивидуализации обучения при формировании учебных программ по РКИ в Одесском лингвистическом центре / Е. Н. Степанов, Л. М. Барина, Г. И. Курова // Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства. — Одеса: Астропринт, 2009. — № 14. — С. 223–228.
8. Степанов Е. Н. Принцип индивидуализации корректировочного обучения русскому языку как иностранному / Е. Н. Степанов, Г. И. Курова, Л. М. Барина // Современные проблемы методики преподавания языков и обучения иностранцев в вузах Украины: сб. науч. статей. — Одесса: ОНУ, 2016. — С. 36–46.
9. Федотова Н. Л. Не фонетика — песня! : учеб. пособие для иностранцев, изучающих русский язык / Н. Л. Федотова. — СПб.: Златоуст, 2009. — 32 с.
10. Царёва Н. Ю. Впервые по-русски: Вводный фонетико-грамматический курс русского языка для китайских студентов / Н. Ю. Царёва, М. В. Будильцева, Мэн Ся. — М.: Русский язык. Курсы, 2011. — 200 с.
11. Amlinskaya Yu. Russian Grammar in Songs and Exercises. Part 1 [Electronic resource] / Yulia Amlinskaya // Site: The International Online Russian Language School «Russificate». — URL: <https://ru.scribd.com/document/335946020/Russian-Grammar-in-Songs-and-ExercisesA2-B1>

References

1. Balykhina, T. M., Evstigneeva, I. F., Maerova, K. V. & others (2008), *Russian language textbook for speakers in Chinese, 4th ed.* [Uchebnik russkogoazyka dlja govoryashchikh po-kitajski, 4-e izd.], Russkij jazyk, Kursy, Moscow, 352 p.
2. Bitekhtina, N. B., Vaishnorene, E. V. (2009), «Game tasks in Russian as a foreign language lessons», *Live methodology for the teacher of Russian as a foreign language. Methods, techniques, result* [«Igrovyje zadanija na zanjatijakh po RKI», *Zhivaja metodika dlja prepodavatelja russkogoazyka kak inostrannogo. Metody, prijomj, rezul'tat*], Russkij jazyk, Kursy, Moscow, pp. 121–130.
3. Kolesnikov, A. A. (2014), «The use of rap music in the framework of audiovisual method of teaching Russian as a foreign language», *Actual problems of teaching Russian as a foreign language in the university: materials of the Third international scientifically-methodical conference* [«Ispol'zovanie rep-muzyki v ramkakh audiovizual'nogo metoda obuchenija RKI», *Aktual'nyje problemy prepodavanija russkogoazyka kak inostrannogo v vuze: materialy Tre'tej mezhdunar. nauchno-metodich. konf.*], MGIMO-University, Moscow, pp. 120–126.
4. Liu, Limin' (2011), *Russian language in China: 1949–2009* [Russkij jazyk v Kitaje: 1949–2009], Shanghai Foreign Language Education Press, Shanghai, 106 p.
5. Maksimova, A. (2014), *Russian songs in the lesson: Anthology on Russian phonetics and intonation* [Russkije pesni na uroke: *Khrestomatija po russkoj fonetike i intonacii*], Zlatoust, St. Petersburg, 96 p.
6. Potapenko, T. A. (2003), «Songs for children's animated and feature films in teaching Russian as a foreign language», *Russian language abroad* [«Pesni k detskim mul'tiplikacionnym i igrovym fil'mam v obuchenii russkomuazyku kak inostrannomu», *Russkij jazyk za rubezhom*], Moscow, vol. 4, pp. 68–73.
7. Stepanov, Ie. N., Barina, L. M., Kurova, G. I. (2009), «Individual training principle at Russian as foreign language Curriculum forming in Odessa Language Study Center», *Mova* [«Princip individualizacii obuchenija pri formirovanii uchebnykh programm po RKI v Odesskom lingvisticheskom centre», *Mova*], Odessa I. I. Mechnikov National University, Astroprint, Odessa, vol. 14, pp. 223–228.
8. Stepanov, Ie. N., Kurova, G. I., Barina, L. M. (2016), «The individualization principle of the corrective teaching of Russian as a foreign language», *Modern issues of the methodology of teaching languages and teaching foreigners in Ukrainian universities: Collection of scientific articles* [«Princip individualizacii korrektyrovochnogo obuchenija russkomuazyku kak inostrannomu», *Sovremennyye problemy metodiki prepodavanija jazykov i obuchenija inostrancev v vuzakh Ukrainy: sb. nauch. statej*], Odessa I. I. Mechnikov National University Press, Odessa, pp. 36–46.

9. Fedotova, N. L. (2009), *Not phonetics — a song! : Textbook. Manual for foreigners studying the Russian language [Ne fonetika — pesnja! : ucheb. posobiye dlja inostrancev, izuchajushchikh russkij jazyk]*, Zlatoust, St. Petersburg, 32 p.
10. Tsarjova, N. Yu., Budiltseva, M. V., Meng, Xia (2011), For the first time in Russian : *Introductory phonetic-grammatical course of the Russian language for Chinese students [Vpervyj po-russki : Vvodnyj fonetiko-grammaticheskij kurs russkogo jazyka dlja kitajskikh studentov]*, Russkij jazyk, Kursy, Moscow, 200 p.
11. Amlinskaya, Yu. (2015), «Russian Grammar in Songs and Exercises. Part 1», *The International Online Language School «Russificate»*, available at : <https://en.scribd.com/document/335946020/Russian-Grammar-in-Songs-and-ExercisesA2-B1>

ІНЬ Юань,

лектор кафедри фортепіано Музичного інституту Тайшаньського університету; вул. Дунюе, 525, м. Тайань, 271000, Провінція Шаньдун, КНР; тел.: +86 13127288602; e-mail: yinyuan-music@hotmail.com;
ORCID ID: 0000-0001-6303-1865

МОЖЛИВОСТІ ПІСЕННОГО ТЕКСТУ У ПРОЦЕСІ ВИВЧЕННЯ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ В КИТАЇ

Анотація. *Метою* цього науково-методичного дослідження є вироблення рекомендацій для китайських вчителів російської мови щодо використання російської пісенної творчості у викладацькій роботі на початковому етапі навчання. *Об'єкт* вивчення — тексти російських пісень. *Предмет* дослідження — прийоми оптимізації використання російських пісень при навчанні китайців російської мови. *Матеріалом* лінгводидактичного дослідження є уроки ввідно-фонетичного та базового курсів російської мови. Основний *метод* — опис педагогічного експерименту, який проводився в 2012 р. на заняттях з китайськими студентами Музичного інституту Тайшаньського університету. *Результатом* дослідження є рекомендації китайським вчителям російської мови щодо використання російської пісенної творчості в практиці викладацької роботи на початковому етапі навчання. Автор доходить *висновку* про те, що за допомогою пісень відбувається повноцінне закріплення фонетичного, граматичного та лексичного матеріалу. Пісня прискорює вироблення мовної здогадки. Навчальна пісня активізує ліву та праву півкулі. Це сприяє швидкому та якісному засвоєнню мовного матеріалу. Російська артикуляція краще засвоюється китайцями у складах, що виспівуються. У цьому виявляється звичка китайців до складового письма. Аудіовізуальний метод навчання, коли пісня звучить у мультфільмі, відеокліпі, іншому відеоролику, дозволяє прискорити якісне засвоєння лексичного та граматичного матеріалу у поєднанні з його традиційною систематизацією на занятті.

Ключові слова: російська пісня, методика російської мови як іноземної, китайські учні, оптимізація навчання, якість засвоєння, аудіовізуальний метод навчання мови.

YIN Yuan (尹媛),

Lecturer (讲师) of the Piano Department, Taishan University Musical Institute; 525 Dongyue Street, Taian City, Shangdong Province, 271000, China; tel.: +86 13127288602; e-mail: yinyuan-music@hotmail.com;
ORCID ID: 0000-0001-6303-1865

THE OPPORTUNITIES OF THE SONG TEXT IN THE PROCESS OF STUDYING RUSSIAN IN CHINA

Summary. The *purpose* of this scientific and methodical study is to develop recommendations for Chinese teachers of the Russian language on the use of Russian song creativity in the practice of teaching at the initial stage of education. The *object* of study is the texts of Russian songs. The *subject* of this research is the methods of optimizing the use of Russian songs in teaching the Chinese to the Russian language. The *material* of the lingual didactic study is the lessons of the introductory-phonetic and basic courses of the Russian language. The main *method* is the description of the pedagogical experiment that was conducted in 2012 with Chinese students of the Taishan University Music Institute. The *result* of the research was recommendations to Chinese teachers of the Russian language on the use of Russian songs in the practice of teaching. *Conclusions:* thanks to the songs, the phonetic, grammatical and lexical material is fully fixed. The song accelerates the development of the language conjecture. The training song activates the left and right hemispheres of the brain. It facilitates rapid and qualitative mastering of lingual material. Russian articulation is better assimilated by the Chinese in the composition of «sung» syllables. It manifests the habit of the Chinese to a syllabic letter. Audiovisual method of teaching allows you to accelerate the qualitative assimilation of lexical and grammatical material in conjunction with its traditional systematization in the class.

Key words: Russian song, methodology of teaching Russian as a foreign language, Chinese students, optimization of teaching, quality of mastering, audiovisual method of teaching the language.

Статтю отримано 14.05.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107903>

УДК 811.161.1–139'233'243:378

КНЫШ Елена Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой и гуманитарной подготовки Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; пер. Маяковского, 7, г. Одесса, 65082, Украина; тел.: +38 097 2122553, e-mail: elena.vl.knysh@gmail.com; ORCID ID: 0000–0002–2780–766X

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАНИЙ ИНОФОНОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация. Цель статьи — определить роль и место теоретического языкового материала в преподавании русского языка инофонам. **Объектом** анализа выступает коммуникативный метод, в основу которого заложено понимание речевого приоритета. **Предметом** изучения стал вопрос о соотношении речевого материала и теоретических языковых знаний для выработки оптимального алгоритма работы с иностранными учащимися. В работе применены методы наблюдения описания, а также индуктивный и экспериментальный. Все высказанные в статье идеи прошли верификацию в иностранной аудитории. **Результаты** исследования свидетельствуют о том, что коммуникативный подход в изучении русского языка как иностранного вовсе не отменяет необходимости теоретических языковых знаний. Панорамное видение языка даёт представление о его системе, о взаимосвязи его уровней, средств и структурных единиц. Осмысленное отношение к языку позволит инофонам непрерывно расширять границы своего речевого пространства и, следовательно, повышать уровень коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка как иностранного, коммуникативный метод, теоретический языковой материал, синтаксис, мотивация, иноязычная культура.

Постановка проблемы. Методика преподавания русского языка как иностранного, сформировавшаяся в самостоятельную научную дисциплину, выработала свой категориальный аппарат, концептуальную базу и систему методических принципов для достижения стоящих перед ней задач. Безусловным принципом преподавания русского языка как иностранного стал коммуникативный, в основу которого заложено понимание речевого приоритета. Именно речевая деятельность, а не система языка ставится во главу угла на занятиях с инофонами — носителями иного языка и соответствующей картины мира [6].

На оппозицию языка и речи первым среди лингвистов, как известно, обратил внимание Ф. де Соссюр. Что же касается методики преподавания иностранных языков, то ещё Л. В. Щерба, подчеркнув функцию языка быть средством коммуникации, призвал сосредоточить внимание на выражаемом, а не на способах выражения. «Мы и видим, что в непринуждённом диалоге языковой процесс протекает совершенно бессознательно. В соответствии с этим, интуитивное владение языком считается не без основания идеальным» [14, с. 32]. Между тем, практика показывает, что на продвинутом этапе обучения у мотивированных учащихся проявляется осознанный интерес к языковым явлениям и закономерностям, а мозаичное представление о языке не создаёт осмысления лингвистического континуума. В реальных условиях спонтанная речь на иностранном языке может быть разного качества — от просто *compréhensible* (вполне понятной) до образцовой, и последнее, к сожалению, встречается нечасто. В любом случае, речевое намерение инофона следует поощрять.

Постановка задач и выбор методов исследования. Цель данной статьи — определить роль и место теоретического языкового материала в преподавании русского языка инофонам. Объектом анализа выступает коммуникативный метод, в основу которого заложено понимание речевого приоритета. Предметом изучения стал вопрос о соотношении речевого материала и теоретических языковых знаний для выработки оптимального алгоритма работы с иностранными учащимися. В работе применены методы наблюдения описания, а также индуктивный и экспериментальный.

Изложение основного материала. «Методика — это теоретико-прикладная наука, в которой искусство преподавателя, его умение приспособлять общие методические рекомендации к конкретным условиям обучения всегда будут иметь большое значение» [13, с. 12]. В этой формулировке обращает на себя внимание слово «искусство», вовсе не случайно использованное коллегой. Говорить о роли личности преподавателя банально, и всё же именно сплав профессионализма с творческим поиском позволяет педагогу вовлечь учащихся не только в учебный процесс, но и мотивировать их интерес к изучению нового для них языка и другой культуры, которую в современной методике преподавания иностранных языков называют иноязычной. «Иноязычная культура есть та часть общей культуры человечества, которой учащийся может овладеть в процессе коммуникативного иноязычного образования в познавательном (культуроведческом), развивающем (психологическом), воспитательном (педагогическом) и учебном (социальном) аспектах» [6, с. 21].

Выбор нужного алгоритма при изучении иностранного языка требует убедительных мотивационных аргументов, которые не могут быть неизменными в случае изменения параметров учебной

ситуации. Каждая группа иностранных студентов, стажёров или специалистов не похожа на другую не только специализацией, содержанием национальных вузовских программ, уровнем подготовки, но и эстетическими предпочтениями. Заинтересованный в результатах своей работы преподаватель (а по-другому у профессионала и быть не может) способен почувствовать аудиторию и найти к каждому индивидуальный подход [9]. Когда смоделированная на занятии коммуникативная ситуация становится реальной и появляется возможность применить полученные навыки общения, иностранец в случае удачной попытки обретает веру в свои возможности. Это тот психологический Рубикон, который открывает дорогу к успеху. В социокультурном контексте умение понять аллюзию или подхватить цитату, пошутить или уловить иронию — свидетельство овладения иноязычной культурой. Это способствует налаживанию межличностных связей, создаёт предпосылки для комфортного пребывания в стране изучаемого языка.

Ориентация на формирование коммуникативных навыков, разумеется, не исключает собственно языкового материала и языковых знаний. Минимальный их объём инофоны получают уже на начальном этапе обучения. Речевой материал подкрепляется языковым, вводимым в концентры, и каждый новый концентр расширяет лингвистические горизонты обучаемых. Такая подача языкового материала оправдана первоочередными задачами обучения иностранных студентов. Под языковым материалом подразумевается преимущественно грамматический, и специалисты чётко обрисуют круг вводимых на подготовительном факультете грамматических тем, который впоследствии расширяется на каждой новой ступени изучения языка. В результате инофоны получают знания о падежной системе (но чаще — о падежах), о категориях рода и числа, о видах глагола и времени, однако знания эти зачастую разрозненны и асистемны.

Системный взгляд на язык не противоречит коммуникативным задачам обучения, а укрепляет их. «Для овладения речевой деятельностью на русском языке без опоры на теорию учащийся должен был бы заучить множество конкретных языковых единиц, соотносящихся с бесконечным множеством ситуаций их функционирования, что нецелесообразно и практически невозможно в условиях ограниченного аудиторного времени. Поэтому присутствие теоретического материала в учебниках по РКИ не только не противоречит коммуникативно-деятельностному подходу, но и является необходимым, на наш взгляд, условием его успешной реализации» [4, с. 185].

Вводимая дозированно на нефилологических факультетах и в качестве отдельных дисциплин у русистов теоретическая информация о языке создаёт прочный лингвистический фундамент для развития речевых навыков. Такую тесную научно-методическую связь теоретических и практических знаний о языке и речи способен сформировать у обучаемых лишь филолог-русист, специализирующийся в сфере преподавания языка инофонам. (Мы вовсе не случайно делаем акцент на профессионализме, поскольку сталкивались с представлением, что преподавать иностранный язык может чуть ли не любой его носитель).

Панорамное видение языка даёт возможность преподавателю уместно акцентировать внимание студентов на языковом явлении, предупредить или исправить ошибку, объяснив её суть. Специалист всегда сможет увязать спонтанно возникший вопрос с изучаемым языковым материалом и со специальностью студентов. Хотим успокоить тех, кто опасается «непонятности» языковой информации: в случае корректного для каждой конкретной группы объяснения иностранные студенты берут его на вооружение и в процессе закрепления запоминают полученные сведения. Привлекая внимание к фонетическим, лексическим, словообразовательным, грамматическим, стилистическим явлениям регулярно, преподаватель вырабатывает у инофонов системный подход к языку.

Так, полученные знания о лексических группах слов связываются, к примеру, со словообразованием, когда морфемный анализ является одним из способов семантизации лексики. Работа над паронимами приводит к осознанию синтагматических норм, однокоренные приставочные глаголы демонстрируют широкие возможности языка выражать оттенки значения.

Особое место в преподавании русского языка иностранцам занимает синтаксис. Располагаясь на верхнем ярусе языковой системы, он вбирает в себя её ресурсы для построения синтаксических единиц, в том числе и основной коммуникативной — простого предложения. Общий курс русского синтаксиса выстраивается достаточно чётко, поскольку подвергается структурированию, и классификацию синтаксических единиц во всём их разнообразии можно при необходимости изобразить одной развёрнутой схемой синтаксического континуума [напр.: 1; 3; 8].

Задача курса синтаксиса для иностранцев — систематизировать полученные знания, показать логическую взаимосвязь уровней языка и стройность русской синтаксической системы, её неограниченные возможности при построении высказывания в разных коммуникативных ситуациях и стилистических регистрах. В этой связи пособие «Изучаем синтаксис» может быть частично использовано и в работе с нефилологами [3]. При этом методику работы и постановку задач, сопряжённых с интересами и возможностями конкретного контингента, диктует «фактор адресата».

Занятие по иностранному языку, как правило, является комплексным. Это значит, что при выработке навыков речевой деятельности студенты читают текст, тренируют произношение, знакомятся с грамматическими правилами, выполняют разнообразные задания, упражняются в построении монологических высказываний и диалогов. При этом ядерным компонентом занятия выступает чаще

всего текст, на базе которого и вокруг которого строится вся запланированная работа. Опыт показывает, что правильный выбор текста способствует успешному решению поставленных преподавателем задач. Именно они должны учитываться при подборе конкретного текстового материала для конкретной аудитории.

Тексты по специальности, страноведческие, художественные, тексты интернет-изданий и деловых бумаг — каждый из них требует особого подхода и алгоритма. В этой связи перед преподавателем открывается возможность обратить внимание обучаемых на русскую стилистику. Обычно этот раздел с интересом воспринимается студентами. Не менее живой интерес проявляют они и к вопросам культуры речи и речевого этикета.

Необходимо подчеркнуть, что подбор примеров — дело чрезвычайно кропотливое. Они должны быть понятными учащимся, вызывать у них интерес к высказанной автором мысли, а затем и к способу её синтаксического оформления. Чем ярче примеры, тем глубже их воздействие. В этой связи богатый материал для лингвистического анализа и соответствующих комментариев дают художественные тексты. Для инофонов-русистов, которые изучают русскую классическую литературу, это ещё и кладёз языковой и лингвострановедческой информации.

Нередко иностранные учащиеся настороженно относятся к поэтическим текстам. Поэтому культуру чтения таких текстов нужно формировать постепенно, привлекая тот материал, который инофонам по силам. Практический опыт показывает, что для любого контингента можно подобрать уместный текстовый материал, воспроизводимый и запоминающийся. Разумеется, чем сильнее группа, тем глубже и увлекательнее работа. Вот, к примеру, фрагмент стихотворения И. Северянина. Содержание его словно списано с картины того погожего весеннего дня, когда проходит занятие («случайное» совпадение):

*Весенний день горяч и золот,
Весь город солнцем ослеплён!
Я снова — я: я снова молод!
Я снова весел и влюблён!
 Душа поёт и рвётся в поле,
 Я всех чужих зову на «ты»...
 Какой простор! Какая воля!
 Какие песни и цветы!
Шумите, вешние дубравы!
Расте, трава! Цвети, сирень!
Винных нет: все люди правы
В такой благословенный день!*

На примере этого художественного текста можно строить работу не только по развитию речевых навыков, что естественно, но и формировать собственно лингвистический подход к нему. В эту кропотливую работу вовлекаются языковые средства всех уровней — от фонетики до синтаксиса. Интонационные конструкции, краткие и полные формы прилагательных, прямое и переносное значение, многоаспектная характеристика простого предложения — лишь часть материала для анализа.

В свете межкультурной коммуникации предлагаемые поэтические строки дают возможность поговорить о речевом этикете, вспомнив даже «пустое вы» и «сердечное ты» у А. С. Пушкина.

В процессе накопления теоретических знаний, и прежде всего синтаксических, которые подкрепляются цитатами из русской классики, иллюстрирующими богатые возможности русского языка, студенты начинают верить в свои силы — способность читать в оригинале произведения известных писателей. Многие такие высказывания являются прецедентными [2, с. 216; 5, с. 73–76], и удачное применение их в речи производит положительный эффект, мотивируя иностранных учащихся. Одобрительная реакция собеседников — это для инофонов своего рода «социальное поглаживание», значение которого в коммуникации трудно переоценить [10; 11; 12].

Выводы. Таким образом, коммуникативный подход в изучении русского языка как иностранного вовсе не отменяет необходимости теоретических языковых знаний. Панорамный взгляд на язык даёт представление о его системе, о взаимосвязи, взаимопроникновении и взаимозависимости его уровней, средств и структурных единиц. Задача преподавателя при этом — установить высоту лингвистической планки так, чтобы она была по росту учащимся. Увязывая имеющиеся языковые знания с новой информацией о языке и его возможностях, преподаватель формирует у инофонов то осмысленное отношение к языку, которое позволит им непрерывно расширять границы своего речевого пространства и, следовательно, повышать уровень коммуникативной компетенции.

Литература

1. Гукова Л. Н. Синтаксис современного русского языка : Учеб. пособие для студентов-иностранцев / Л. Н. Гукова, Л. А. Петрова, Е. Н. Степанов. — Одесса : ОНУ, 2013. — 208 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — 6-е изд. — М. : ЛКИ, 2007. — 264 с.
3. Кныш Е. В. Изучаем синтаксис : методическое пособие / Е. В. Кныш. — Одесса : Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, 2014. — 82 с.
4. Копров В. Ю. Особенности преподавания грамматики русского языка иностранным учащимся разных форм обучения / В. Ю. Копров // Современная методика преподавания русского языка как иностранного : проблемы и их решение : сб. науч.-метод. статей. — М. : Правда-Пресс, 2010. — Ч. 1. — С. 184–189.
5. Костомаров В. Г. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Курникова // Русский язык за рубежом. — М., 1994. — № 1. — С. 73–76.
6. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. — М. : Русский язык, 1989. — 276 с.
7. Пассов Е. И. Иноязычная культура как содержание иноязычного образования / Е. И. Пассов // Мир русского слова. — М., 2001. — № 3. — С. 21–27.
8. Степанов Е. Н. Грамматический изоморфизм в обучении согласованию по роду и числу в вариантных конструкциях / Е. Н. Степанов // Интенсификация учебного процесса и интенсивные курсы обучения русскому языку иностранных студентов подготовительных факультетов. — Одесса : ОГПУ, 1989. — С. 191–192.
9. Степанов Е. Н. Принцип индивидуализации обучения при формировании учебных программ по РКИ в Одесском лингвистическом центре / Е. Н. Степанов, Л. М. Барина, Г. И. Курова // Мова : научно-теоретический часопис з мовознавства. — Одеса : Астропринт, 2009. — № 14. — С. 223–228.
10. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. — М. : Высш. шк., 1989. — 159 с.
11. Формановская Н. И. Культура общения и речевого поведения / Н. И. Формановская. — М. : Икар, 2014. — 240 с.
12. Формановская Н. И. Русский речевой этикет. Лингвистический и методический аспекты / Н. И. Формановская. — М. : Ленанд, 2015. — 156 с.
13. Чеснокова М. П. Методика преподавания русского языка как иностранного : учеб. пособие / М. П. Чеснокова. — 2-е изд., перераб. — М. : МАДИ, 2015. — 132 с.
14. Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики / Л. В. Щерба. — 2-е изд. — М. : Высш. шк., 1974. — 112 с.

References

1. Gukova, L. N., Petrova, L. A., Stepanov, Ie. N. (2013), *Syntax of the Modern Russian Language : A Textbook for Foreign Students* [*Sintaksis sovremennogo russkogo jazyka : Uchebnoe posobie dlja studentov-inostrancev*], Odessa I. I. Mechnikov National University Press, Odessa, 208 p.
2. Karaulov, Yu. N. (2007), *The Russian language and language personality* [*Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'*], LKI, Moscow, 264 p.
3. Knysh, E. V. (2014), *We study a syntax : a tutorial* [*Izuchaem sintaksis : metodicheskoe posobie*], Odessa I. I. Mechnikov National University, Odessa, 82 p.
4. Koprov, V. Y. (2010), «Features of a teaching of the Russian grammar to foreign students of different forms of educating», *Modern methods of teaching Russian as a foreign language : problems and solutions: a collection of scientific and methodological articles* [«Osobennosti prepodavaniya grammatiki russkogo jazyka inostrannym uchashhimsja raznykh form obuchenija», *Sovremennaja metodika prepodavaniya russkogo jazyka kak inostrannogo : problem i ikh reshenie : sb. nauch.-metod. statej*], Pravda-Press, Moscow, pp. 184–189.
5. Kostomarov, V. G. (1994), How texts become precedent [Kak teksty stanovjatsja precedentnymi], *Russkij jazyk za rubezhom*, Moscow, pp. 73–76.
6. Passov, E. I. (1989), *Fundamentals of communicative methods of teaching foreign-language communication* [*Osnovy kommunikativnoj metodiki obuchenija inozazychnomu obshheniju*], *Russkij jazyk*, Moscow, 276 p.
7. Passov, E. I. (2001), Foreign culture as maintenance of foreign education [Inozazychnaja kul'tura kak sodержanie inozazychnogo obrazovaniya], *Mir russkogo slova*, Moscow, pp. 21–27.
8. Stepanov, Ie. N. (1989), «Grammatical isomorphism in learning to coordination by gender and number in variational constructions», *Intensification of the educational process and intensive training courses for the Russian language of foreign students of preparatory faculties* [«Grammaticheskij izomorfizm v obuchenii soglasovaniju po rodu i chislu v variantnykh konstrukcijakh», *Intensifikacija uchebnogo processa i intensivnye kursy obuchenija russkomu jazyku inostrannykh studentov podgotovitel'nykh fakul'tetov*], Odessa State Polytechnic University, Odessa, p. 191–192.
9. Stepanov, Ie. N., Barina, L. M., Kurova, G. I. (2009), «Individual training principle at Russian as foreign language Curriculum forming in Odessa Language Study Center», *Mova* [«Princip individualizacii obuchenija pri formirovanii uchebnykh programm po RKI v Odesskom lingvisticheskom centre», *Mova*], Odessa I. I. Mechnikov National University, Astroprint, Odessa, vol. 14, pp. 223–228.
10. Formanovskaja, N. I. (1989), *Speech etiquette and culture of communication* [*Rechevoj etiket i kul'tura obshhenija*], *Vysshaja shkola*, Moscow, 159 p.
11. Formanovskaja, N. I. (2014), *Culture of communication and speech behavior* [*Kul'tura obshhenija i rechevogo povedenija*], Ikar, Moscow, 240 p.
12. Formanovskaja, N. I. (2015), *Russian speech etiquette. Linguistic and methodical aspects* [*Russkij rechevoj etiket. Lingvisticheskij i metodicheskij aspekty*], Lenand, Moscow, 156 p.
13. Chesnokova, M. P. (2015), *Methods of teaching Russian as a foreign language : a tutorial* [Metodika prepodavaniya russkogo jazyka kak inostrannogo : ucheb. posobie], MA DI, Moscow, 132 p.
14. Shherba, L. V. (1974), *Teaching foreign languages in high school. General questions of methodology* [*Prepodavanie inostrannykh jazykov v srednej shkole. Obshhie voprosy metodiki*], *Vysshaja shkola*, Moscow, 112 p.

КНИШ Олена Володимирівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри мовної і загальногуманітарної підготовки іноземців Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; пров. Маяковського, 7, Одеса, 65082, Україна; тел.: +38 097 2122553; e-mail: elena.vl.knysh@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-2780-766X

КОМУНІКАТИВНИЙ ПІДХІД І СИСТЕМАТИЗАЦІЯ МОВНИХ ЗНАНЬ ІНОЗЕМЦІВ НА ЗАНЯТТЯХ З РОСІЙСЬКОЇ МОВИ ЯК ІНОЗЕМНОЇ

Анотація. **Мета** статті — визначити роль і місце теоретичного мовного матеріалу у викладанні російської мови інофонам. **Об'єктом** аналізу виступає комунікативний метод, в основу якого закладено розуміння мовного пріоритету. **Предметом** вивчення стало питання про співвідношення мовного матеріалу і теоретичних мовних знань для вироблення оптимального алгоритму роботи з іноземними учнями. У роботі застосовані **методи** спостереження, опису, а також індуктивний і експериментальний. Висловлені в статті ідеї пройшли верифікацію в іноземній аудиторії. **Результати** дослідження свідчать про те, що комунікативний підхід у вивченні російської мови як іноземної зовсім не відміняє необхідності теоретичних мовних знань. Панорамний погляд на мову дає уявлення про її систему, про взаємозв'язок рівнів, засобів і структурних одиниць. Усвідомлене ставлення до мови дозволяє інофонам безперервно розширювати межі свого мовного простору і, як наслідок, підвищувати рівень комунікативної компетенції.

Ключові слова: методика викладання російської мови як іноземної, комунікативний метод, теоретичний мовний матеріал, синтаксис, мотивація, іншомовна культура.

Elena V. KNYSH,

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Language and Humanitarian Preparation of Foreigners; Odessa I. I. Mechnikov National University; Majakovskiy side-street, Odessa, 65082, Ukraine; tel.: +38 097 2122553; e-mail: elena.vl.knysh@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-2780-766X

COMMUNICATIVE APPROACH AND SYSTEMATIZATION OF LINGUISTIC KNOWLEDGE OF FOREIGNERS ON EMPLOYMENTS OF RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE

Summary. **The purpose** of this article is to define a role and place of theoretical linguistic material in teaching of Russian as a foreign language. The **object** of this study is the communicative method, understanding of speech priority is stopped up in basis of that. The **subject** of the article is a question about correlation of vocal material and theoretical linguistic knowledge for making of optimum algorithm for foreign students. **Methodology** comprises of such methods as: supervision, description and experiment. All ideas outspoken in the article passed verification in the work with foreign students. Research **results** testify: communicative approach in the study of Russian as foreign quite not abolishes the necessity of theoretical linguistic knowledges. Panoramic look to the language gives the picture of his system, about inter-communication of his levels. Intelligent attitude toward a language will allow foreigners continuously to extend the scopes of the vocal space and, consequently, to promote level of communicative jurisdiction.

Key words: method of teaching of Russian as foreign, communicative method, theoretical linguistic material, syntax, motivation, foreign culture.

Статтю отримано 14.05.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.27.107908>

УДК 811/821.161.1'221'23'33:316.776.33:351.854/.855.3:796/799

НИКИТИН Сергей Александрович,

кандидат филологических наук, доцент, приглашённый преподаватель Веронского университета; Виа дель Артильере, 8, Верона Венето, 37129, Италия; тел.: +39 045 8425111; e-mail: ser.nikitin@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-0227-2769

АВДОНИНА Марина Юрьевна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета заочного обучения Московского государственного лингвистического университета; ул. Остоженка, 38, Москва, 119034, Россия; тел.: +7 495 6375597; e-mail: mavdonina@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-3819-8254

ЖАБО Наталья Ивановна,

кандидат филологических наук, доцент, зав. секции немецкого и французского языков кафедры иностранных языков Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов; ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия; тел.: +7 495 4345300; e-mail: lys11@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-2958-5738

НИКИТИНА Мария Александровна,

Генеральный продюсер проекта Velonotte International // Международная Велоночь www.velonotte.com; Россия; тел.: +7 905 7864247; e-mail: lys11@yandex.ru

«КОНАРМИЯ» ИСААКА БАБЕЛЯ В РАМКАХ ФОРМАТА «ВЕЛОНОЧЬ»

Аннотация. *Цель* статьи — анализ приёмов повышения чувствительности при восприятии литературного текста. *Объект* анализа: воспитательные аспекты образовательно-развлекательного мероприятия формата «Велоночь» в Сергиевом Посаде. *Материалом* исследования послужило произведение Исаака Бабеля «Конармия». В *результате* проведённого исследования выделены виды и способы прямого и косвенного воздействия на сознание участников и их подготовку к восприятию художественных материалов. *Практическое применение* результатов исследования состоит в разработке критериев отбора подходов к современной эстетико-воспитательной работе при условии использования художественного текста, а также критериев определения оптимально необходимых текстовых отрывков для осуществления определённого познавательно-воспитательного воздействия на сознание взрослого читателя и зрителя. Результаты важны для успешной лингвостилистической интерпретации данного текстового материала.

Ключевые слова: образовательный проект, сенсбилизация, Исаак Бабель, «Конармия», массовое культурно-спортивное молодёжное мероприятие, познавательно-воспитательное воздействие, Сергиев Посад.

Постановка проблемы. Цель данного аналитического исследования — критически изучить опыт организации восприятия литературного текста.

Образовательный проект нового формата, соединяющий ночную прогулку на велосипеде по определённому маршруту и микролекции ведущих экспертов различных областей знания, включает разработку стратегии предъявления архитектурных памятников, музыкальных произведений, художественных текстов и различные приёмы сенсбилизации для возбуждения эмоций участников. Некоторые из инструментов, внедрённых на мероприятиях этого формата, уже были проанализированы [2]: на велоночи в Москве (2013), посвящённой 120-летию В. В. Маяковского, фирма «Мелодия» специально записала и выпустила компакт-диск «Владимир Маяковский. Слушайте!» со стихами, прочитанными самим поэтом и актёрами разных поколений московского театра им. В. В. Маяковского. На мероприятии 2014 года, посвящённом первой опубликованной поэме Александра Пушкина, звучал гимн на ранние стихи А. Дельвига. Выступления экспертов проходят в прямом эфире (в Москве — это радиостанция «Маяк»), что даёт возможность виртуального участия тем, кто не может присутствовать. Теперь эти сообщения и диалоги можно послушать на сайте Велоночи [15], в свободном доступе. Мы можем назвать результат этой деятельности «культурной грамотностью городской среды».

Вслед за Н. И. Жинкиным [3], О. И. Никифоровой [5], Т. А. Полозовой [7] мы рассматриваем как вполне возможное формирование восприятия художественной литературы у зрелого человека.

Литературное образование не заканчивается после школы, а только начинается, так как процесс понимания знакового и идейного содержания художественного текста не вытекает из процесса непосредственного восприятия и так как воссоздающее воображение взрослого обогащается его интуицией, его личной оценкой эстетических свойств произведения, его пониманием чтения художественной литературы как нравственной работы, трудной, требующей подчас всей души. И этот самостоятельный труд резко отличается от понимания текста в детстве и юности. Обзор научных источников по проблеме показывает, что подавляющее большинство современных исследователей ориентированы на решение задач школы, однако литературные тексты в данном случае являются

составной частью проекта, направленного на выявление возможностей культурной деятельности в городе, включение жителей города в культурную жизнь с использованием специального, нового языка общения в движении.

По О. И. Никифоровой, пятый, высший уровень восприятия и понимания художественного текста не развивается у людей сам собой — это этап понимания идейного содержания произведения, когда осознаётся его общественное значение в настоящем, в тот момент, который социально и личностно проживается человеком, имеющим свой жизненный опыт.

Как показано в наших предыдущих исследованиях, посвящённых стратегии актуализации поэтического текста в молодёжных массовых событиях и специально организованной ситуации [2; 4] при предъявлении текста может произойти формирование личностного смысла, необязательно полностью осознанного, и определённого отношения к идее произведения.

Есть второй пласт взрослого прочтения литературного произведения — активное взаимодействие реципиента и творца, восприятие текста как результата творческой работы писателя, отождествление себя с пишущим, приятие или отторжение позиций писателя. В таком восприятии главное — это восприятие текста как единого сложного знака, как смысловой единицы с элементами образов, эмоций и знаков.

Есть и третий пласт: литературный текст может вызывать ощущения — неприятные («сводит живот»), приятные («горячая волна по телу»), тактильные, болезненные. Такие свойства восприятия художественной литературы П. Л. Патуен [11] предложил называть «эмфатическим чтением». Изучение подобной реакции организма изучается, с одной стороны, нейрофизиологией (в области эмпатии), с другой стороны, культурологией (в области воздейственности литературных приёмов на реципиента, принявшего условности определённой культуры и эпохи).

В этом ключе интерпретируют творчество Чака Паланика и Джорджа Мартина. По нашему мнению, опыт чтения этих и многих других современных произведений послужил основой для резкого изменения интерпретации текстов Исаака Бабеля, к исследованиям [6; 10] которых мы обратились при проведении велосипедной прогулки по Сергиеву Посаду, где и писалась в 1924–1925 годах «Конармия».

Материалы и методы. Реципиенты-участники проекта «Велоночь», по результатам анализа анкет регистрации, это работающие горожане от 20 до 45 лет, имеющие высшее образование и интересующиеся историей, литературой, музыкой.

Творческий коллектив проекта «Velonotte International» разрабатывает стратегии актуализации художественного текста, методологию отбора и представления литературного текста во время широких общественных культурных событий в течение десяти лет [1]. В 2017 году команда проекта, профессора университетов, психологи, историки, искусствоведы, литературоведы, дизайнеры, художники разработали контент велоночей в Берлине, Флоренции, Вероне, Сергиевом Посаде, Иркутске, Красноярске, Казани, Ереване, сделав особый акцент на некоторые аспекты существования городов, которые не осознаются даже коренными горожанами: роль гугенотов, перебравшихся в Берлин из Франции; флоры сада Лоренцо Великолепного и странных топонимов Флоренции (был придуман и новый топоним в честь того периода, когда Флоренция была столицей Италии); значение работы переводчиков «Ромео и Джульетты» Шекспира для прославления города Вероны (нами была установлена специальная мемориальная доска переводчику этой пьесы на китайский язык).

Работа по восстановлению памяти места привела нас на окраины городов с эмоционально обесмысленным городским пространством, в пригороды, историческое значение которых ещё не осмыслено и не прописано в обычных путеводителях по городу. В течение более десяти лет эти места стали предметом изучения, осмысления, поэзии: «Песни и рассказы о Свиблово», «Хиты из Леснорадского»; Всеволод Некрасов показал литературное Лианозово, где собрались поэты Сапгир, Холин, Сатуновский. Псой Короленко участвовал в прогулке по Лианозово, Дмитрий Пригов показал своё «герцогство» Беляево. Каждое мероприятие формата «Velonotte» содержит широкий спектр «фестивальной программы». В 2016 году для московской Velonotte на Соколе, в Щукино и Тушино были созданы: мемориальная доска, посвящённая визиту принцессы Дианы в 1995 году в Тушинскую детскую больницу № 7; пять «живых памятников» вратарю Льву Яшину у стен стадиона «Динамо»; Песчанная площадь превратилась в Летний сад благодаря установке художника Шишкина-Хокусай; в приюте в Тушино, где Варлам Шаламов провёл последние два года своей жизни, был создан перформанс [2].

Изложение основного материала.

Правительство Московской области поддержало инициативу организовать мероприятие в Сергиевом Посаде, который посещает каждый турист, приезжающий в Москву или путешествующий по Золотому кольцу, но только чтобы увидеть Троицкую Лавру, великий монастырь. Это была сложная задача для нашей команды.

Путеводители по Сергиеву Посаду традиционно упоминают Сергия Радонежского, иконописцев Андрея Рублёва и Даниила Чёрного, богослова Павла Флоренского, художников начала XX века (Трофимов, Фаворский, Лентулов, Кустодиев, Нестеров). Как будто время остановилось, и город не прожил следующие сто лет. Как преуспеть в деле просвещения взрослых, как дать им представление

о художественном наследии, не относящемся непосредственно к монастырю? О мирской жизни? О XX веке города?

Подмосковную Велоночь научная группа готовила 6 месяцев и провела 8 июня 2017 года. Из-за холодной дождливой погоды из зарегистрировавшихся 1200 участников в Сергиев Посад приехали около 600 человек.

Первый этап работы: читая о Сергиеве и Загорске (бывшие названия города), обращаясь лично к авторам книг, проводя много времени на сайтах местных старожилов, интересующихся историей, мы записали некоторые воспоминания (например, И. Б. Чернышёвой, предки которой были владельцами кукольных мастерских) и выявили несколько исторических персонажей разных эпох, которых мы, наконец, сделали нашими героями:

1) Иван Евсеевич Вениаминов (1797–1879), или святой Иннокентий Аляскинский (фамилия при рождении — Попов). Будучи миссионером, он изучал алеутский язык, создал его письменность; в 1840 году, после смерти его жены, принял монашество и под именем Иннокентия был епископом Камчатки, Курил, Алеутских островов, а с 1852 года — Якутии. В 1868 году Иннокентий был назначен митрополитом Московским и Коломенским. Похоронен в Троице-Лавре. Канонизирован в 1977 году, 40 лет назад.

2) Павел Александрович Флоренский (1882–1937) и Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944), а также их двойной портрет «Философы» кисти Михаила Нестерова (1862–1942), написанный в 1917 году, столетие назад, в определённом месте в Сергиеве.

3) Исаак Бабель (1894–1940), журналист и писатель, который жил в Сергиеве, когда писал «Конармию», свой шедевр.

4) Баррикад Замышляев (1925–2007). С 1954 по 1985 год Замышляев принимал непосредственное участие в организации и проведении полевых ядерных испытаний, в 1986 году отправился в Чернобыль после катастрофы. Как глава Загорского гарнизона, улучшил военный городок «Ферма», построил новые дома для сотрудников Ядерного института, детские учреждения, спортивные и игровые площадки. Начинал он свой день, проверяя городские дела, на велосипеде.

Второй этап проекта посвящён практической работе: разработке маршрута, определению мест для удобных остановок сотен велосипедистов, контактам с будущими докладчиками и местными властями.

Перейдём к анализу некоторых инструментов, предложенных в наших ночных велосипедных мероприятиях этого формата для сенсбилизации, то есть для возбуждения эмоций участников. В данном случае — для повышения чувствительности при восприятии зрелыми людьми эстетической стороны текста Исаака Эммануиловича Бабеля.

Поскольку количество участников было менее одной тысячи, было решено не использовать, как мы это делали всегда, аудиофайлы с интервью с экспертами по радио, а дать возможность Сергею Никитину вести с ними диалог непосредственно в местах остановки. Для трансляции бесед была выбрана радиоволна «Посад». Эксперты имели возможность говорить с участниками велопробега напрямую. Мы сделали копию портрета «Философы» и бейдж с Баррикадом Замышляевым, едущим на велосипеде рядом с Римской волчицей (Lupa Capitolina), символом формата «Велоночь». Каждый участник получал бейдж и читал описание маршрута на обороте:

«Подмосковная Международная велоночь с Сергеем Никитиным. Сергиев Посад.

1) Читать архитектурную полифонию Лавры. Вспомнить сибиряка Иннокентия Московского и его Тихий океан.

2) Увидеть русскую матрёшку в мировом контексте.

3) Войти в чертоги ДК им. Гагарина

4) Побывать там, где Нестеров 100 лет назад написал картину «Философы».

5) Послушать «Конармию» там, где Бабель её создавал.

6) Посетить Загорск-7 — былую идиллию.

7) Знакомьтесь, Баррикад Замышляев: урбанист, генерал, учёный, друг.

8) Кино-пикник на Скитских прудах; первый поезд в Москву — 4:40.

Эксперты: Маргарита Чижмак (Третьяковская галерея), Марина Авдоница (РУДН и МГЛУ), Тамара Нужная (71-й Дом Офицеров), Мария Никитина (VeloNotte).

Онлайн вещание — posadfm.ru. Все выступления можно потом послушать: velonotte.com

Третий шаг касался «Конармии» Исаака Бабеля. Прежде чем разрабатывать какую-либо стратегию, мы провели ситуационный анализ. Члены команды связались с потомками писателя. Случайно, приятное совпадение, Андрей Бабель-Малаев прибыл в Москву, чтобы провести мастер-классы.

Мы много раз бывали в городе, фотографировали. Как видно, встреча с прозой И. Э. Бабеля состоялась ближе к концу прогулки. Дом, где была написана «Конармия», дожил до сегодняшнего дня и является единственным сохранившимся домом Исаака Бабеля в России (по мнению внука писателя А. А. Бабеля-Малаева). Нас спрашивали в администрации города: «Зачем вам туда? Там что, живут его родственники?» Нас предупреждали: «Да он сгорел!» и тут же: «Так мы в него гранату бросим, чтобы вы туда не ехали. Там же помойка!» А мы поехали. И не помойка там вовсе, а цветёт сирень и вообще хорошо. Дом Бабеля — это обычный жилой дом, в котором живут люди, которые не имеют ничего общего с ним и не интересуются историей дома, историями любви Бабеля, его творчеством.

Фотография мая 2017 года. Сергиев Посад, ул. Бульварная, 27. В этом доме И. Бабель жил и работал над «Конармией» в ноябре-декабре 1924 года и апреле-августе 1925 года

Мы прочли Труды конференции 2014 года «Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: 21 век» [6; 10]. Обсуждался фильм Бабеля-Малаева [14] о писателе. Был просмотрен спектакль в постановке мастерской Брусникаина [13].

Шаг четвёртый состоял из лингвостилистического анализа текста произведения в рамках теоретического подхода Е. Н. Степанова [9; 10], работающего над лексическими и стилистическими свойствами одесской городской речи. Двое из авторов данной статьи отобрали около двадцати отрывков из «Конармии». При отборе мы основывались: 1) на художественном анализе текста автора, проведённом литературоведами; 2) на проведённом М. Ю. Авдониной лингвостилистическом анализе текста «Конармии», 3) на письмах с цитатами, присланными нам до проведения велоночи нашими зарегистрировавшимися читателями; 4) на значимости фрагментов в педагогическом смысле. Здесь главную роль сыграл многолетний опыт преподавания русского языка, литературы и культуры в итальянском вузе доцента С. А. Никитина. В результате восемь цитат были размножены для мемориального шоу в количестве примерно 700 штук.

Приводим отобранные фрагменты:

1) *Просю вас, лобезная мама Евдокия Фёдоровна, обмывайте ему беспременно передние ноги с мылом, которое я оставил за образами, а если папаша мыло истребили, так купите в Краснода-ре, и бог вас не оставит.*

2) *Казакки стали ужинать со сдержанным изяществом мужиков, уважающих друг друга, а я вытер саблю песком, вышел за ворота и вернулся снова, томясь. Луна висела над двором, как дешёвая серьга.*

3) *— Пане товарищ, привезите в Житомир немножко хороших людей. Ай, в нашем городе недоста-ча, ай, недостача! Привезите добрых людей, и мы отдадим им все граммофоны. Мы не невеж-ды. Интернационал... мы знаем, что такое Интернационал. И я хочу Интернационала добрых людей, я хочу, чтобы каждую душу взяли на учёт и дали бы ей паёк по первой категории. Вот, душа, кушай, пожалуйста, имей от жизни своё удовольствие. Интернационал, пане товарищ, это вы не знаете, с чем его кушают...*

— Его кушают с порохом, — ответил я старику, — и приправляют лучшей кровью...

4) *— К вашему сведению, — сказал я, встретив Томилину в коридоре, — к вашему сведению должен сообщить, что я окончил юридический факультет и принадлежу к так называемым интеллигентным людям...*

Оцепенев, она стояла, опустив руки, в старомодной тальме, словно вылитой на тонкой её фигуре. Не мигая, прямо на меня смотрели расширившиеся, сиявшие в слезах, голубые глаза.

5) *Сунулся в Кремль с планом настоящей работы. Меня погладили по головке и обещали сделать замом, если исправлюсь. Я не исправился. Что было дальше? Дальше был фронт, Конармия и солдатня, пахнущая сырой кровью и человеческим прахом.*

6) *...и он молился им: убейте меня на черном дворе, чтобы моя дочь не видела, как я умру. Но они сделали так, как им было нужно, — он кончался в этой комнате и думал обо мне... И теперь я хочу знать, — сказала вдруг женщина с ужасной силой, — я хочу знать, где еще на всей земле вы найдёте такого отца, как мой отец...*

7) *— Согласно долгу революционной присяги, — сказал начдив шесть, хрипя и озираясь, — докладую Реввоенсовету Первой Конной: вторая непобедимая кавбригада на рысях подходит к месту происшествия.*

— Делай, — ответил Ворошилов и махнул рукой. Он тронул повод, Будённый поехал с ним рядом. Они ехали на длинных рыжих кобылах, рядом, в одинаковых кителях и в сияющих штанах, расшитых серебром. Бойцы, подвывая, двигались за ними, и бледная сталь мерцала в сукровице осеннего солнца. Но я не услышал единого вое, и, дожидаясь атаки, я ушел в лес, в глубь его...

8) *И я действительно признаю, что выбросил эту гражданку на ходу под откос, но она, как очень грубая, посидела, махнула юбками и пошла своей подлой дорожкой. И, увидев эту невинную женщину, и несказанную Расею вокруг неё, и крестьянские поля без колоса, и поруганных девиц, и товарищей, которые много ездят на фронт, но мало возвращаются, я захотел прыгнуть с вагона и себе кончить или её кончить. Но казаки имели ко мне сожаление и сказали:*

— Ударь её из винта.

Первый фрагмент — стилизация народной южнорусской речи. Исаак Бабель был, конечно, очень грамотным человеком, и это — отличная лингвистическая работа.

Второй отрывок — романтическое видение жестокости войны с осознанной прозаизацией сравнения. Обыденность вытирания сабли от крови песком делает войну простой, а не ужасной: лирический герой убивал в бою — и автор представляет это ужасное действие как обычное. В следующем предложении при описании луны, вместо просящегося традиционно поэтического образа, автор сравнивает луну с серьгой, предметом прозаическим. Но всё же с гендерной характеристикой. Однако женственность, напоминание о мирной жизни, не входит в задачу автора, и он усиливает эффект обыденности эпитетом «дешёвый». То есть, эта луна не заставляет вас мечтать.

Третий фрагмент имеет особую просодию польско-еврейского акцента с ритмическим повторением ключевого слова *Интернационал*; это философский текст с очевидным намерением заставить читателя улыбнуться, быть тронутым, сочувствовать.

Пятый шаг — это реализация мероприятия, день D. Это был холодный дождливый день.

Когда участники подъехали к дому Бабеля, в прямом эфире на радиостанции «Посад» началась беседа о важности творчества Бабеля в мировой литературе, о том, что «Конармия» — это не столько свидетельство очевидца о гражданской войне, сколько великое художественное произведение. Мария Никитина из радиорубки прочла восемь фрагментов. Однако устная форма не даёт возможности почувствовать силу каждой цитаты. Надо было, чтобы люди могли увидеть строки Исаака Бабеля. Поэтому было исполнено мемориальное шоу. Первая его часть заключалась в том, чтобы «прибить» (на самом деле — приклеить) художественную мемориальную доску к забору возле дома, с подсветкой для фотографий. Вторая часть отличалась новизной решения. Дизайнер создал «книги», полные конфет, с цитатой, прикреплённой скрепкой к каждой конфете (около 700 штук). Это понадобилось, чтобы легче было взять тонкий маленький лист бумаги. Мы назвали этот спектакль «литературным десертом»: волонтеры раздавали конфеты, все читали «свою» цитату, чаще вслух, для друзей. Чтение было нелёгким, участники вскрикивали, понимая, что они прочитали. Эффект был задуман и ожидался, но сила реакции была неожиданной: люди смеялись, удивлялись, вслух общались о том, что они шокированы. Текст на глазах приобретал личный смысл.

Третьей частью было прослушивание фрагментов спектакля «Конармия» мастерской Дмитрия Брусникина, нового московского театра, который вырос из группы студентов Школы-студии МХАТ [13]. Были транслированы прочитанные отрывки, которыми участники успели обменяться.

Шестой и седьмой этапы проекта по организации восприятия художественного текста — 6) переживание успеха и 7) послекусие и антиципация следующих, — ещё не наступили, они пролонгированы, и мы получим эти результаты в течение года.

Выводы. Художественный совет проекта неоднократно обсуждал возможности повышения чувствительности получателя к художественному слову:

- Физическая активность, наполнение лёгких кислородом;
- Ночная атмосфера;
- Необычность места;
- Сообщество единомышленников, формирующееся во время прогулки;
- Возможность выразить вслух свои чувства при прочтении, поделиться мыслями.

Фото. Участники берут короткие тексты с конфетами

Всё это способствует повышению степени воздействия художественной речи Исаака Бабеля. Но сегодня этого недостаточно. Важной задачей является сочетание разных эпох жизни города. Был разработан ряд дополнительных средств, необходимых для того, чтобы сделать текст значимым для читателя, чтобы он приобрёл личностный смысл.

В условиях коллективного прочтения «Конармии» нам удалось доказать, что И. Бабель — мастер слова, писатель, разрабатывавший свою эстетику, а не свидетель ужасов гражданской войны, что этот текст художественен и написан со специально поставленной задачей воздействовать на читателя. Это никак не запись показаний участника боёв и свидетеля. По отзывам участников велоночи, спектакль «брусникинцев», посвящённый Исааку Бабелю, помог прочувствовать культурные слои текста, хотя трактовка, предложенная актёрами, принималась не всеми. Участники велоночи с помощью предложенных нами видов переживаний смогли (по их отзывам) осознать, что И. Бабель в полной мере создал образы и смыслы, а не только достоверно описал то, что он испытал и наблюдал. У участников, наиболее чувствительных к слову, возникло предположение, что он переживал нечто другое, нежели предложил читателю.

В целом, эта часть велоночи в Сергиевом Посаде выполнила задачу пропаганды литературы и философии, понимания воздействия чтения классического текста на восприятие событий современной жизни.

Л и т е р а т у р а

1. Авдонина М. Ю. Толкование стихотворного текста и сопоставление его переводов с позиций теории коннотативного поля слова (на материале стихотворения А. Рембо «Sensation») / М. Ю. Авдонина, О. А. Бурукина, Н. И. Жабо // Вестник Моск. гос. лингвистического ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. — М., 2008. — № 536. — С. 131–147.

2. Авдонина М. Ю. Новые формы подачи литературного текста : творчество В. Т. Шаламова в рамках формата «Велоночь» / М. Ю. Авдонина, С. А. Никитин, Чинция де Лотто // Русистика и современность : сб. науч. статей XIX Международной науч. конф. (г. Астана, Казахстан, 22–24 сент. 2016 г.): в 2 т. — Астана : ЕНУ им. Л. Н. Гумилёва, 2016. — Т. 2. — С. 227–232.

3. Жинкин Н. И. Механизмы речи / Н. И. Жинкин. — М. : АПН РСФСР, 1958. — 378 с.

4. Никитин С. А. Поэтический текст в молодёжных проектах «Москультпрог» и «Велоночь» / С. А. Никитин, М. Ю. Авдонина // Русистика и современность. 18-я Международная научная конференция : Сб. науч. работ. — Рига : Балтийская международная академия, 2016. — С. 372–379.

5. Никифорова О. И. Психология восприятия художественной литературы / О. И. Никифорова. — М. : Книга, 1972. — 152 с.

6. Погорельская Е. И. Проблемы текстологии и источники реального комментария к конармейскому циклу Исаака Бабеля / Е. И. Погорельская // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте : XXI век. — М. : Книжники, 2016. — С. 17–43.

7. Полозова Т. А. Чтение — познание и саморазвитие / Т. А. Полозова // Филологический вестник. — М. : МГГУ им. М. А. Шолохова, 2009. — № 4. — С. 98–110.
8. Степанов Е. Н. Одесские шибболеты французского происхождения / Е. Н. Степанов // Мова. — Одеса : Астропринт, 2015. — № 23. — с. 133–138.
9. Степанов Е. Н. Городская речь как функциональный тип языка / Е. Н. Степанов // Вісник Одеського національного університету. Філологія. — Одеса : ОНУ, 2013. — Т. 18. Вып. 2. — С. 129–136.
10. Malaev-Babel A. Why Di Grasso? Isaac Babel and the Tradition of the Actor-Tragedians of the 19th-20th centuries / A. Malaev-Babel // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте : XXI век. — М. : Книжники, 2016. — С. 5–16.
11. Patoine P.-L. Corps / texte. Pour une théorie de la lecture emphatique : Cooper, Danielewski, Frei, Palahniuk. Nouvelle édition [en ligne] / Pierre-Louis Patoine. — Lyon : ENS Éditions, 2015. — URL : <http://books.openedition.org/3992>

Источники

12. Бабель И. Э. Конармия / И. Э. Бабель. — СПб. : Азбука, 2016. — 248 с.
13. «Конармия», спектакль — Мастерская Дмитрия Брусникина. — URL : <http://meyerhold.ru/konarmiya/>
14. «Finding Babel» A. Malaev-Babel's film documentary (David Novack, dir.) — URL <http://www.findingbabel.com/>
15. Сайт международного формата «Велоночь». — URL : www.velonotte.com

References

1. Avdonina, M. Yu., Burukina, O. A., Zhabo, N. I. (2008), «Interpretation of the verse text and comparison of its translations from the standpoint of the theory of the connotative field of the word (on the material of A. Rembo's poem «Sensation»)», *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Series: The humanities* [Tolkovanie stikhotvornogo teksta I sopostavlenie ego perevodov s pozicij teorii konnoiativnogo polja slova (na material stikhotvorenija A. Rembo «Sensation»), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seria: Gumanitarnye nauki*, Moscow State Linguistic University Press, vol. 536, pp. 131–147.
2. Avdonina, M. Yu., Nikitin, S. A., Cinzia de Lotto (2016), «New forms of presentation of the literary text : V. T. Shalamov's creativity within the framework of the «Velonotte» format», *Rusistics and modernity : Collection of scientific articles of the 19th International Scientific Conference (Astana, Kazakhstan, September 22–24, 2016) : in 2 vol.* [Novye formy podachi literaturnogo teksta: tvorcestvo V. T. Shalamova v ramkakh formata «Velonoch», *Rusistika i sovremennost' : sbornik nauchnykh statej 19 Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Astana, Kazakhstan, 22–24 sentjabrja 2016 g.) : v 2 t.*], Gumilev Eurasian National University Press, Astana, vol. 2, pp. 227–232.
3. Zhinkin, N. I. (1958), *Mechanisms of speech [Mekhanizmy rechi]*, Academy of Pedagogical Sciences of Russian SFSR, Moscow, 378 p.
4. Nikitin, S., Avdonina, M. (2016), «Poetic text in youth projects «Moskultprog» and «Velonoch»», *Rusistics and modernity. 18th International Scientific Conference. Collection of scientific works* [Poeticheskij tekst v molodjozhnykh proektakh «Moskultprog» i «Velonoch»], *Rusistika i sovremennost' . 18-ja Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija. Sbornik nauchnykh rabot*, Baltic International Academy Press, Riga, pp. 372–379.
5. Nikiforova, O. I. (1972), *Psychology of perception of fiction [Psikhologija vosprijatija khudozhestvennoj literatury]*, Kniga, Moscow, 152 p.
6. Pogorelskaya, E. I. (2016), «Textology Issues and Grounds for Annotation to Isaac Babel's Red Cavalry Cycle», *Isaac Babel in Historical and Literary Context: the 21st century* [«Problemy tekstologii i istochniki realnogo kommentarija k konarmejskomu ciklu Isaaka Babelja», *Isaak Babel v istoricheskom i literatunom kontekste : XXI vek*], Lidija Babel & Uri Gershovich (eds.), Institute of the World Literature of the Russian Academy of Sciences, Russian State Literary Museum & Jewish Museum and Center of Tolerance, Knizhniki, Moscow, pp. 17–43.
7. Polozova, T. A. (2009), «Reading as a cognition and self-development», *The Philological Bulletin* [«Чтение — познание и саморазвитие», *Filologicheskij vestnik*], RHEMA Publishing House, Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Moscow, vol. 4, pp. 98–110.
8. Stepanov, Ie. N. (2015), «Odessa shibboleths of French origin», *Mova (Language)* [«Odesskie shibbolety francuzskogo proiskhozhdenija», *Mova*], Odessa Mechnikov National University, Astroprint, Odessa, vol. 23, pp. 133–138.
9. Stepanov, Ie. N. (2013), «Urban speech as a functional type of language», *Odesa National University Herald. Philology* [«Gorodskaja rech kak funkcional'nyj tip jazyka», *Visnyk Odes'koho naciona'lnoho universitetu. Filolohija*], Odessa Mechnikov National University Press, vol. 18, No 2, pp. 129–136.
10. Malaev-Babel, A. (2016), «Why Di Grasso? Isaac Babel and the Tradition of the Actor-Tragedians of the 19th-20th centuries», *Isaac Babel in Historical and Literary Context : the 21st century* [«Why Di Grasso? Isaac Babel and the Tradition of the Actor-Tragedians of the 19th-20th centuries», *Isaak Babel v istoricheskom i literatunom kontekste : XXI vek*], Lidija Babel & Uri Gershovich (eds.), Institute of the World Literature of the Russian Academy of Sciences, Russian State Literary Museum & Jewish Museum and Center of Tolerance, Knizhniki, Moscow pp. 5–16.
11. Patoine, Pierre-Louis (2015), *Corps / texte. Pour une théorie de la lecture emphatique : Cooper, Danielewski, Frei, Palahniuk. Nouvelle édition*, ENS Éditions, Lyon, available at: <http://books.openedition.org/3992>

Sources

12. Babel, I. E. (2016), *Red Cavalry*, Azbuka, St. Petersburg, 248 p.
13. Brusnikin, Dmitry (Workshop), *Red Cavalry, the play*, available at : <http://meyerhold.ru/konarmiya/>
14. Malaev-Babel, A. (Novack, D., director), *Finding Babel : film documentary*, available at : <http://www.findingbabel.com/>
15. VeloNotte TM, site, available at : www.velonotte.com

НИКИТИН Сергій Олександрович,

кандидат філологічних наук, доцент, запрошений викладач Веронського університету; Віа дель Артільєре, 8, Верона Венето, 37129, Італія; тел.: +39 045 8425111; e-mail: ser.nikitin@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-0227-2769

АВДОНІНА Марина Юрївна,

кандидат психологічних наук, доцент кафедри лінгвістики та міжкультурної комунікації факультету заочного навчання Московського державного лінгвістичного університету; вул. Остоженка, 38, Москва, 119034, Росія; тел.: +7 495 6375597; e-mail: mavdonina@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-3819-8254

ЖАБО Наталія Іванівна,

кандидат філологічних наук, доцент, завідувачка секції німецької та французької мов кафедри іноземних мов Аграрно-технологічного інституту Російського університету дружби народів; вул. Міклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Росія; тел.: +7 495 4345300; e-mail: lys11@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-2958-5738

НИКИТИНА Марія Олександрівна,

Генеральний продюсер проекту Velonotte International // Международная Велоночь : www.velonotte.com; +7 905 7864247

«КОНАРМІЯ» ІСААКА БАБЕЛЯ В РАМКАХ ФОРМАТУ «ВЕЛОНІЧ»

Анотація. *Мета* статті — аналіз прийомів підвищення чутливості дорослого читача при сприйнятті літературного тексту. *Об'єкт* аналізу: виховні аспекти освітньо-розважального заходу формату «Велоніч» у Сергієвому Посаді. *Матеріалом* дослідження послужив твір Ісака Бабеля «Конармія». *Результатом* проведеного дослідження є виокремлені види і способи прямого та непрямого впливу на свідомість учасників і їхню підготовку до сприйняття художніх матеріалів. *Практичне застосування* результатів дослідження полягає в розробці критеріїв відбору підходів до сучасної естетико-виховної роботи із використанням художнього тексту, а також критеріїв визначення оптимально необхідних текстових уривків для здійснення певного пізнавально-виховного впливу літературного твору на свідомість дорослого читача й глядача. Результати є важливими для успішної мовностилістичні інтерпретації цього текстового матеріалу.

Ключові слова: освітній проект, сенсibilізація, Ісаак Бабель, «Конармія», масовий культурно-спортивний молодіжний захід, пізнавально-виховний вплив, Сергіїв Посад.

Sergey A. NIKITIN,

PhD., Candidate of Philology, Associate Professor, Visiting Professor of the University of Verona (Università degli Studi di Verona); Via dell'Artigliere 8, 37129 Verona Veneto, Italy (Italia); phone: +39 045 8425111; e-mail: ser.nikitin@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-0227-2769

Marina Yu. AVDONINA,

PhD., Candidate of Psychology, Associate professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication of Distance Learning Faculty of Moscow State Linguistic University; 38 Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russia; tel.: +7 495 6375597; e-mail: mavdonina@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-3819-8254

Natallia I. ZHABO,

PhD., Candidate of Philology, Associate Professor, Head of German and French Section of Foreign Languages Department of Agrarian Technological Institute; RUDN University of Russia; 6 Miklukho-Maclay Str., Moscow, 117198, Russia; tel.: +7 495 4345300; e-mail: lys11@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-2958-5738

Mariya A. NIKITINA,

General Producer of the International Project «Velonotte International»; www.velonotte.com; phone: +7 905 7864247

«RED CAVALRY» BY ISAAC BABEL IN THE FRAMEWORK OF THE FORMAT «VELONOTTE»

Summary. The *purpose* of the present work is to analyze means to sensitize perceivers of a literary text. *Object* of analysis: educational aspects of the edutainment event of the «Velonotte» format in Sergiev Posad. The *material* of the study was the Isaac Babel's work «Red Cavalry». As a *result* of the conducted research, the types and methods of direct and indirect influence on the consciousness of participants and their preparation for the perception of art materials are highlighted. *Practical application* of the research results consists in developing criteria for selecting approaches to modern aesthetic-educational work, provided that the literary text is used as well as the criteria for determining the optimal text fragments for the realization of the desired cognitive-educational impact on the consciousness of the adult reader and viewer. The results are important for the successful linguo-stylistic interpretation of this textual material.

Key words: educational project, sensitization, Isaac Babel, «Red Cavalry», mass cultural and sportive youth event, cognitive-educational impact, Sergiev Posad.

Статтю отримано 10.05.2017 р.